

Г.А.АРБАТОВ

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
БОРЬБА
В СОВРЕМЕННЫХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ

Г. А. АРБАТОВ

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
БОРЬБА
В СОВРЕМЕННЫХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ

ДОКТРИНА, МЕТОДЫ
И ОРГАНИЗАЦИЯ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ
ПРОПАГАНДЫ ИМПЕРИАЛИЗМА

Издательство
политической литературы
Москва · 1970

Арбатов Г. А.

- А79** Идеологическая борьба в современных международных отношениях. Доктрина, методы и организация внешнеполитической пропаганды империализма. М., Политиздат, 1970.
351 с.

Доктор исторических наук Г. А. Арбатов анализирует главные факторы возрастания роли идеологической борьбы в международных отношениях; исследуются и разоблачаются теории и методы внешнеполитической пропаганды империализма, показаны особенности ее стратегии и тактики в современных условиях.

ВВЕДЕНИЕ

Не было еще эпохи, которая бы отличалась такой глубиной и такими масштабами перемен, как наша. Это закономерно, ибо ее содержание составляют самые коренные в истории сдвиги, связанные с переходом от тысячелетнего господства эксплуататорских классов к социализму и коммунизму, переходом от предыстории к подлинной истории человечества. «Человечество вступило в последнюю треть нашего столетия,— говорится в Документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве в июне 1969 г.,— в обстановке обострения исторического противоборства сил прогресса и реакции, социализма и империализма. Ареной этого противоборства является весь мир, все основные области общественной жизни — экономика, политика, идеология, культура»¹.

Параллельно с коренными социальными переменами в мире и под их влиянием развертывается научно-техническая революция, в свою очередь оказывающая глубокое воздействие на экономику, политику, духовную жизнь общества и международные отношения.

Характером эпохи определяются не только масштабы перемен, но и их темпы. Менее полвека назад В. И. Ленин писал о «громадном ускорении мирового развития»², составляющем контраст даже в сравнении с прошлым столетием. Но в сравнении с нашими днями уже представляется медленным движение истории несколько десятилетий назад.

Быстрые и радикальные перемены охватывают все области общественной жизни, рождая множество новых

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы. М., 1969, стр. 286.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 174.

явлений, с которыми никогда раньше не приходилось сталкиваться. Не составляют в этом смысле исключения и международные отношения. С появлением на мировой арене социализма коренным образом изменилась их социальная сущность. Если раньше они оставались плацдармом столкновения разных национальных отрядов одного и того же класса или социально однородных (эксплуататорских) классов, то в нашу эпоху на международную арену перенесена классовая борьба между буржуазией и пролетариатом — двумя основными классами современности. Если еще несколько десятилетий назад субъектами «большой политики», определявшей ход и основное направление развития международных отношений, была горстка так называемых «цивилизованных» наций, то с развалом колониальных империй в русло такой политики стали все больше втягиваться десятки новых государств и участником международных отношений начало становиться не меньшинство, а подавляющее большинство человечества. Одновременно шло невиданное возрастание роли народных масс во внешней политике. Изменившееся в пользу социализма соотношение сил и появление ядерно-ракетного оружия совершенно по-новому поставили проблему войны и мира.

К числу перемен относится и непосредственно связанный с ними огромный, поистине качественный рост роли идеологической борьбы в международных отношениях. Это один из «феноменов» современных международных отношений, вызвавший к жизни новые методы и инструменты внешней политики, выдвинувший на первый план новые задачи дипломатии, породивший новые направления внешнеполитической деятельности государств.

Буржуазные политики и идеологи уделяют этим переменам значительное внимание. И речь идет не о тех, кого можно считать, так сказать, профессионалом в области идеологической борьбы, развернувшейся на мировой арене¹. В последние годы идеологической борьбе в

¹ Например, американский исследователь Дж. Мартин в книге «Международная пропаганда» пишет: «Именно через пропаганду будут решаться многие наши международные конфликты будущего. Психологическая война — война слов, борьба за умы людей — вот методы современности и будущего». (J. Mar-

международных отношениях начали отдавать должное и те, кто предпочел бы полагаться во внешней политике на другие, традиционные средства и методы — в первую очередь на военную силу. В качестве примера можно привести видных представителей крайне правого крыла американской политической науки Р. Страус-Хюпе, У. Кинтнера и С. Поссоны, признавших в своей книге «Американская стратегия передовых рубежей», что «психологическая стратегия и систематическое применение пропаганды оказывают большое, а по временам и решающее, влияние на международную жизнь»¹.

Подобного рода заявления еще лет 20—30 назад могли бы восприниматься как свидетельство большой прозорливости авторов. Сегодня они стали почти банальностью — ведь речь идет о явлениях совершенно очевидных, ставших важной особенностью современной эпохи, характерных для нее международных отношений, методов и орудий внешней политики.

Пожалуй, первое, что бросается в этой связи в глаза, — переход всех крупных (а также многих средних и малых) государств к организованной и систематической внешнеполитической пропаганде. Характерно уже само появление этого термина в политической лексике.

Можно, разумеется, спорить о современном содержании термина «внешнеполитическая пропаганда»².

tin. International Propaganda. Minneapolis, 1958, p. 57). У. Дизард — другой американский специалист (в прошлом ответственный сотрудник главного правительственного ведомства внешнеполитической пропаганды США — ЮСИА) — конкретизирует эту мысль следующим образом: «Если не будет самобийственной ядерной войны, соотношение сил между нами и коммунистами будет определяться главным образом на фоне борьбы за мировое общественное мнение...» (*W. Dizard. The Strategy of Truth. Washington, 1961, p. 186*). Коллега У. Дизарда — Ф. Кумбс (в прошлом помощник государственного секретаря по вопросам образования и культуры), пытаясь объяснить рост роли идеологической борьбы в международных отношениях, пишет, что идеология стала одной из тех сил, которые в современном мире «пробудили в людях стремления гораздо более значительные с точки зрения их влияния на общество, чем мощь ядерной энергии» (*Ph. Coombs. The Fourth Dimension of Foreign Policy. N. Y., 1964, p. 13*).

¹ R. Strausz-Hupé, W. Kintner, S. Possony. *A Forward Strategy for America. N. Y., 1961, p. 253.*

² В настоящей работе термин «внешнеполитическая пропаганда» употребляется для обозначения пропаганды, нацеленной

Используются и другие термины («международная пропаганда», «международная информация», «психологическая война» и т. д.), но это не меняет главного — появилось и быстро развивается новое орудие внешней политики и дипломатии, обязанное своим рождением возросшему значению идеологической борьбы в международных отношениях.

Деятельность государств, связанная с внешнеполитической пропагандой, достигла масштабов, которые еще недавно показались бы фантастическими. В ней заняты сегодня десятки тысяч людей, для которых внешнеполитическая пропаганда стала профессией, а расходы крупнейших государств на эту деятельность измеряются многими сотнями миллионов и даже миллиардами долларов. (Разумеется, правда об этих расходах иной раз выясняется косвенно. Президент Л. Джонсон как-то заметил группе руководителей пропагандистских ведомств США: «Правительство тратит почти миллиард долларов в год на подобных вам, и вы давайте, отработывайте расходы».)

К нуждам ведения идеологической борьбы приспособлялись и «традиционные» орудия внешней политики, прежде всего дипломатия. Она принимала на себя новые функции, которые также показались бы невероятными еще какие-нибудь полвека назад. Говоря об этой стороне дела, тот же Р. Страус-Хюпе в начале 50-х годов писал: «В дипломатии задача заключается уже не в том, чтобы предвидеть очередной шаг противника, а в том, чтобы предвидеть, какое влияние окажет тот или иной шаг на психологию масс — как своей собственной страны, так и страны противника. Таково значение «прямой» и «открытой» дипломатии — борьбы за общественное мнение, в которой пропагандистская техника, коммерческая реклама и тому подобные средства имеют более важное значение, нежели приемы дипломатии в собственном смысле этого слова и конкретная дипломатическая проблема»².

за рубежи данной страны — на население иностранных государств. Вполне законно и более расширительное толкование этого термина — для обозначения всей пропаганды, связанной с внешней политикой государства.

¹ T. White. *The Making of the President 1964*. N. Y., 1965, p. 57.

² R. Strausz-Hupé. *The Zone of Indifference*. N. Y., 1952, p. 125.

Конечно, эта оценка характера современной дипломатии вообще и «открытой» дипломатии в особенности упрощена и страдает большой односторонностью. Но она охватывает важные новые моменты, действительно характерные для дипломатической деятельности государств в нашу эпоху: многие внешнеполитические демарши, выступления государственных деятелей и дипломатов, дипломатические документы, переговоры, работа международных конференций и организаций, даже применение таких традиционных методов дипломатической практики, как признание государств, разрыв или установление отношений и т. д., сегодня в значительной мере, а подчас и главным образом имеют в виду именно воздействие на общественное мнение как своей страны, так и других государств.

«Идеологизация» международных отношений имеет и еще одну важную сторону, касающуюся уже не орудий и методов борьбы между государствами, а самого содержания этих отношений в нашу эпоху. Речь идет о все более глубоком взаимопроникновении идеологии и внешней политики — двух важных сфер политических отношений, между которыми раньше не существовало такой тесной связи и взаимной зависимости.

Обратив внимание на это явление, ряд западных исследователей заговорили о том, что идеологическая борьба стала причиной международных конфликтов, фактором, определяющим современную внешнюю политику. С этим нельзя согласиться. Сегодня, как и десятки и сотни лет назад, в основе борьбы и конфликтов, развертывающихся на мировой арене, лежат прежде всего экономические и социально-политические интересы правящих классов. Другой вопрос, что они еще чаще, чем раньше, облакаются в идеологические покровы («борьба с коммунизмом» и «защита ценностей западной цивилизации, демократии и свободы»), чем сплошь и рядом маскируют весьма прозаические интересы монополий в защите своих капиталовложений, в источниках сырья и рынках сбыта. Впрочем, и сотни лет назад версия об освобождении «гроба господнего» из рук басурман или желании спасти «заблудшие души», обратив другие народы в «истинную веру», маскировала грабительские походы крестоносцев, гонимых на Восток жаждой наживы.

Но дело не только в том, что там, где в основе противоречий лежит экономический либо политический интерес правящей буржуазии, она много чаще, чем раньше, вынуждена прибегать к средствам идеологической маскировки своей традиционной политики.

Характерной чертой нашей эпохи стало то, что внешняя политика все больше воспринимается как ее субъектами, так и ее «объектами» в связи с общей идеологической картиной мира и мировых дел под углом зрения тех крупнейших идей и идейных споров, которые стали определяющими для формирования общественного сознания.

Именно поэтому даже многие обычные для империалистических держав, отвечающие вековым «традициям» эксплуататоров акции — вроде агрессии во Вьетнаме или «небольшой» карательной экспедиции США в Доминиканской Республике, сегодня воспринимаются сотнями миллионов людей как явления, ставшие позором не только для Америки, но и для капиталистической внешней политики и капиталистического общественного строя как такового.

Вместе с тем многие проблемы международных отношений становятся в наше время идеологическими и по своему существу. Ведь речь идет о столкновении на международной арене двух основных государственно оформленных классов современного общества — класса капиталистов и рабочего класса, которые ведут борьбу не только в экономической и политической, но и в идеологической сфере. Идеологическая борьба и даже формы, в которых она ведется, могут влиять на международные отношения, порождать специфические политические конфликты и определять ход отдельных событий. Опыт «холодной войны», последствия ряда идеологических диверсий империализма и его подрывной пропаганды дают тому немало примеров.

Таковы в самом общем виде основные проявления идеологической борьбы в международных отношениях. Они весьма важны как с теоретической, так и с практико-политической точки зрения.

Новые явления в международных отношениях не могли пройти мимо внимания марксистской науки, а многие из них впервые были замечены и исследованы марксистами. Это вполне закономерно — уже в трудах

основоположников марксизма-ленинизма был выработан не только метод, но и исходные установки исследования идеологических и политических процессов, давшие ключ для анализа данной проблемы и в различных исторических условиях.

По мере своего развития идеологическая борьба в международных отношениях, как и другие важные явления в общественной жизни, ставила и ставит перед марксистско-ленинской наукой об обществе все новые задачи творческого исследования. За последние годы для такого исследования возникли весьма благоприятные предпосылки, связанные с преодолением догматических застойных тенденций, порожденных культом личности, а также проявлений субъективизма, с общим подъемом теоретической марксистской мысли.

Решения XX—XXIII съездов КПСС, документы международных Советаний коммунистических и рабочих партий создали надежную базу и для дальнейшего исследования вопросов идеологической борьбы в международных отношениях, сформулировали или конкретизировали применительно к современной эпохе ряд принципиальных положений (об идеологической борьбе и мирном сосуществовании, о социально-политических последствиях изменений в военной технике и характере войны, о путях воздействия социалистических стран на мировой революционный процесс, об основных задачах идеологической борьбы компартий и т. д.). Вместе с тем они поставили и большие задачи перед исследователями, выявили необходимость в наращивании теоретических усилий в этой области, особо подчеркнутую международным Советанием коммунистических и рабочих партий 1969 г., уделившим первостепенное внимание вопросам идеологии и идеологической борьбы.

В последние годы советские ученые приложили значительные усилия для решения этих задач. Появилось немало книг и статей, в которых исследуются различные стороны идеологической борьбы, развернувшейся в мире.

Но вместе с тем нельзя не видеть и определенного несоответствия объема усилий наших исследователей теоретическому и политическому значению указанных проблем.

Настоящая работа, естественно, не может претендовать на исчерпывающую разработку всех проблем идеологической борьбы в современных международных отношениях — решение такой задачи требует усилий многих исследователей. Автору пришлось сосредоточить внимание на ограниченном круге проблем, отбирая наиболее важные, узловые, как с точки зрения теории, так и с точки зрения политической практики. Предмет исследования в настоящей работе составляют прежде всего:

проблемы теории современных международных отношений, связанные с новыми явлениями, которые определяют возросшую роль идеологической борьбы во внешней политике;

наиболее важные особенности империалистической пропаганды на международной арене, ее доктрина, методы и организации;

некоторые проблемы идеологической борьбы социалистических стран, связанные, в частности, с политикой мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социальным системам.

При этом главное внимание уделено идейной борьбе двух социальных систем — империализма и социализма, — как имеющей наиболее важное значение для всей идеологической борьбы на мировой арене. Другие важные направления этой борьбы, связанные, в частности, с распадом колониальных империй и выходом на историческую сцену многомиллионных народов, угнетавшихся империализмом, по необходимости рассматривались лишь в связи с главным идейным конфликтом современного мира. Отчасти сказанное относится и к идеологической борьбе внутри империалистического лагеря. Наконец, хотя автору пришлось затронуть разногласия в мировом революционном движении, они также относятся к тем проблемам идеологической борьбы, которые не составляют главного предмета исследования в настоящей работе.

Социализм и капитализм обладают в идеологической борьбе различными, можно даже сказать противоположными, источниками силы. В одном случае это субъективные усилия исторически изжившего себя, но обладающего большими материальными возможностями и опытом класса. А в другом — объективные процессы об-

ществленного развития. Из этого, однако, не следует, что коммунистические партии и социалистические страны могут в идеологической борьбе полагаться на автоматизм объективных процессов общественного развития. Идеологическая борьба представляет собой одну из тех сфер социальной жизни, где особенно многое зависит от того, насколько умело и искусно используются объективные экономические и социально-политические процессы.

Именно поэтому коммунистические партии придают такое огромное значение совершенствованию своей идеологической работы, ставят перед работниками идеологического фронта, перед нашими учеными и пропагандистами ответственные задачи пропаганды идей марксизма-ленинизма, борьбы против буржуазной идеологии.

Надо сказать, что буржуазные исследователи, посвятившие исследованию советской пропаганды многие десятки книг и статей, как правило, дают ей весьма высокую оценку (подчас они даже рисуют фантастические, явно преувеличенные картины относительно тех средств и возможностей, которыми располагает наша пропаганда).

За такими оценками надо, правда, видеть и попытки как-то объяснить неудачи империалистической пропаганды, ее провалы в борьбе за умы людей (подчас здесь кроется и другая, чисто служебная цель — обосновать требования все новых ассигнований на внешнеполитическую пропаганду западных держав). Но вместе с тем подобные оценки являются и вынужденными признаниями успехов Советского Союза, других социалистических стран, братских коммунистических партий в их борьбе за торжество идей социализма, против империалистической идеологии.

Главный источник этих успехов — сила самих социалистических идей, встречающих живой отклик в сердцах и умах трудящихся. Вместе с тем большую роль играет также и самоотверженная вдохновенная работа многих тысяч пропагандистов передовых идей, тех, кто несет слово социализма, его всепобеждающую правду в массы.

Наша партия высоко ценит сложный и благородный труд работников идеологического фронта. Вместе с тем

она указывает и на многие недостатки, нерешенные задачи и резервы, которые имеются в этой важной области, ведет постоянный творческий поиск наиболее совершенных форм и методов идеологической борьбы против империализма.

В наши задачи не входит разбор этих форм и методов, разговор об имеющихся успехах, недостатках и неиспользуемых резервах. Это особая тема, выходящая за рамки настоящей книги.

* *
*

Идеологическая борьба в международных отношениях наряду со своей теорией имеет и свою историю.

Сама по себе идеология и борьба идей родились вместе с классами, классовой борьбой и государством. И уже тысячелетия назад идеологическая борьба стала одной из самых важных сфер социально-политических отношений внутри общества. Давно уже правящие классы предпринимали также попытки использовать идеологию и пропаганду в своей внешней политике. Но долгое время дело сводилось именно к отдельным попыткам. Для того чтобы идеологическая борьба стала частью, а тем более важной частью международных отношений, нужны были соответствующие предпосылки, определяющие как *необходимость* идеологического воздействия на население (или какие-то его группы) в других странах, так и практическую *возможность* оказания такого воздействия, возможность идейного проникновения через государственные границы других стран.

Отдельные случаи возникновения и такой необходимости, и такой возможности в прошлом помогают лучше понять особенности современности, когда и то и другое стало характерной чертой всей системы международных отношений. Имеются существенные разногласия в специальной литературе относительно датировки начала начал рассматриваемых явлений, в частности внешнеполитической пропаганды. Одни исследователи склонны видеть здесь сплошную преемственность, усматривая в современной роли и масштабах идеологической борьбы в международных отношениях лишь чисто количественное развитие. Австрийский историк А. Штурмингер, например, считает, что «организован-

ная политическая пропаганда (в том числе на международной арене.— Г. А.), причем в современном смысле этого слова, существует уже тысячелетия»¹. Другие относят начало систематической организованной внешнеполитической пропаганды ко много более поздним датам — к наполеоновским войнам² или, еще чаще, — к рождению так называемой «открытой» дипломатии, т. е. к концу первой мировой войны³. Третьи вообще считают, что идеологическая борьба в международных отношениях (исключая условия военного времени) понастоящему началась лишь после второй мировой войны⁴.

Подробный разбор их доводов и контрдоводов, пожалуй, не представляет особого интереса в связи с темой настоящей работы. Важнее другое — понять, в каких именно социальных и политических условиях идеологическая борьба принимала достаточно серьезные масштабы уже в прошлом. Даже беглый исторический экскурс, проведенный под таким углом зрения, оказывается довольно поучительным, ибо почти все, за самым редким исключением, исторические эпизоды, на которые ссылаются исследователи пропаганды, относятся к трем ситуациям:

во-первых, к ситуации войны, причем войны не всякой, а ведомой относительно массовыми армиями и так или иначе втягивающей в свой водоворот более или менее значительную часть населения своей страны, страны противника, союзных и даже нейтральных стран;

во-вторых, к ситуации, когда для завоевания другой страны надо обеспечить ту или иную форму поведения ее населения и отношений с ним (будь то ассимиляция, отношения зависимости или прямого подчинения);

в-третьих, к ситуации, порожденной революцией,

¹ A. Sturminger. 3000 Jahre Politische Propaganda. Wien -- München, Verlag Herald, 1960, S. 7.

² См., например, V. Packard. The Hidden Persuaders. N. Y., 1961.

³ W. Lippmann. The Public Philosophy. N. Y., 1955; S. Huddleston. Popular Diplomacy and War. Rindge, 1954. Такого же взгляда придерживается упоминавшийся уже Мартин, который считает, что систематическая внешнеполитическая пропаганда началась после первой мировой войны.

⁴ См. R. Strausz-Hupé, W. Kintner, S. Possony. A Forward Strategy for America.

причем не всякой революцией, а прежде всего такой, которая, начавшись в одной стране, может переброситься и на другие в силу общности социальных проблем (что, с одной стороны, заставляет правительства соседних стран искать пути удушения революции или хотя бы недопущения ее распространения, а с другой — заставляет революционные правительства стремиться воздействовать на «тылы» своих противников, распространяя там революционные идеи).

Что касается первой из указанных ситуаций — войн и завоеваний, то с ними связаны уже самые первые примеры использования внешнеполитической пропаганды, относящиеся к античности (проповедь «панэллинизма», его использование Филиппом II и Александром Македонским и т. д.) и особенно к средневековью, когда религия стала орудием не только внутренней, но и внешней политики. Особенно характерно это для условий войн, прежде всего таких, которые требовали создания значительных международных коалиций либо участия широких слоев населения, а не только профессионального, наемного войска (наиболее яркие примеры — это «крестовые походы», т. е. военно-колониционные походы на Восток, организованные в XI—XIII веках рядом европейских феодальных государств и папой римским, тридцатилетняя война и другие «религиозные войны» и др.).

Наряду с идеологическим «обеспечением» войн идеологическая борьба уже в эпоху феодализма часто выполняла во внешней политике также функции своего рода духовного «освоения» завоеванных территорий путем обработки их населения, либо идеологического проникновения в другие страны, призванного облегчить их последующее завоевание. Обе крупнейшие религии той эпохи — христианство и ислам — оказались как нельзя лучше приспособленными (точнее, *были приспособлены*, став государственной религией) к выполнению такой функции. Сама идея обращения — если надо, насильственного — в «истинную» веру всех «язычников» и «иноверцев» несла в себе потенциал мощного агрессивного идеологического оружия. Ведь «обращение» несло с собой разрушение старых духовных связей, культуры, идейных устоев, подавление моральных источников сопротивления.

Огромное значение религия имела и в деле порабощения народов колоний. В этом отношении она сохраняет значительную роль и в условиях капитализма, в том числе и на империалистической стадии его развития. Здесь прежде всего следует указать на миссионерскую деятельность, проводимую под непосредственным руководством соответствующих правительств. Именно путем обращения в христианство создавалась агентура колонизаторов из числа местного населения (между прочим, Чан Кай-ши также является «обращенным язычником», «честь» приобщения к христианству которого принадлежит американским протестантским миссионерам, а Нго Динь Дьем был обращен в католичество французами), именно насаждение христианства служило во многих колониальных странах эффективным методом духовного порабощения местного населения.

Если приведенные примеры связаны с первыми двумя (т. е. с войной и закреплением завоеванного) политическими ситуациями, уже в далеком прошлом рождавшими необходимость использования средств идеологической борьбы во внешней политике, то эпоха буржуазно-демократических революций XVIII века позволяет составить представление также о третьей из упомянутых ситуаций.

Эти революции свершались в условиях, когда сложилась развитая система межгосударственных отношений, и любое крупное изменение вело к нарушению существовавшего баланса сил, вызывало целую цепь внешнеполитических последствий. Именно в силу этих причин буржуазно-демократические революции XVIII века в большей мере, чем когда-либо раньше, становились явлением не только национальным, но и интернациональным, связывая в единый узел целый комплекс внутри- и внешнеполитических проблем.

С одной стороны, успешная революция, покончившая с абсолютизмом в одной стране, создавала угрозу для старых правящих классов и в других странах, подстегивала в них назревшие революционные процессы. Это создавало почву для международного объединения сил старого мира против революции — и не только для контрреволюционных войн, но и для других действий, направленных на удушение революционных идей, где бы они ни обретали силу.

С другой стороны, новый класс, пришедший к власти в результате революции, неизбежно должен был видеть в распространении революционных идей в других странах свой долг, порожденный солидарностью с угнетенными.

Не подлежит сомнению, что брошенный Великой французской буржуазной революцией лозунг революционного освобождения народов Европы, декрет Конвента от 19 ноября 1792 г. о помощи всем народам, желающим низвергнуть своих тиранов, на основе которого была развернута широкая международная пропаганда идей революции, были рождены стремлением помочь торжеству идеалов свободы и демократии во всем мире. В эту эпоху уже возникает тип революционера-интернационалиста — именно такими были француз Лафайет и поляк Костюшко, уехавшие в Америку, чтобы помочь победе ее революции, немец Клоотц, принимавший активное участие во французской революции, англичанин Томас Пейн, сыгравший выдающуюся роль в войне за независимость в Америке, а затем уехавший во Францию помогать ее революционерам. И если Робеспьер заявлял, что Франция сражается за освобождение всего мира, то не приходится сомневаться в том, что он в это искренне верил.

Но ясно, что международной революционной пропаганды требовали также насущные политические интересы революции, интересы ее обороны от внешнего врага. Именно придав своей оборонительной войне революционный характер, молодая французская буржуазия смогла вызвать подъем и энтузиазм масс, позволивший добиваться побед над более сильным в военном отношении противником. «Весь народ и в особенности массы, т. е. *угнетенные* классы,— писал В. И. Ленин,— были охвачены безграничным революционным энтузиазмом; войну *все* считали справедливой, оборонительной, и она *была на деле* таковой»¹. Революционный характер войны и всей внешней политики позволил французской буржуазии нанести чувствительный удар также по тылам своих противников, серьезно ослабив тем самым их силы.

Большую роль сыграла внешнеполитическая пропа-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 196.

ганда и в ходе американской буржуазно-демократической революции — войны за независимость, хотя ее революционный характер и не выступал так обнаженно. В этой связи можно упомянуть миссию Б. Франклина во Францию в 1776 г., которая была призвана обеспечить поддержку этой страной отделившихся колоний в их борьбе за независимость. Эту миссию современные американские специалисты в области пропаганды по праву считают «как дипломатическим успехом, так и потрясающим предприятием в области международной пропаганды»¹.

Война за независимость вошла в историю пропаганды и как пример искусного применения средств убеждения на поле боя. Известно, что английский король для подавления революции направил в США экспедиционный корпус немецких наемников, насчитывавший 30 тыс. солдат. Конгресс США назначил специальную комиссию, чтобы выработать план мероприятий для побуждения их к дезертирству. На основе рекомендаций комиссии конгресс принял специальный закон о предоставлении всем дезертирам и перебежчикам гражданства, всех прав и, что особенно существенно, «предоставлении каждому 50 акров земли в абсолютную собственность его и его наследников»².

Меры, принятые конгрессом, и развернутая на их основе пропаганда дали существенный эффект. По оценке американских исследователей, из 30 тыс. немецких наемников, приехавших в США, не менее 5—6 тыс. дезертировали³.

Конец XVIII — начало XIX века дает, по существу, первый в истории пример широкого, планомерного и организованного использования средств идейной борьбы во внешней политике, которое делало внешнеполитическую пропаганду важной составной частью государст-

¹ W. Dizard. Op. cit., p. 29.

² Любопытно отметить, что такой же прием применили против самих Соединенных Штатов в войне 1846—1848 гг. мексиканцы, дававшие всем перебежчикам гражданские права и 320 акров земли. Из перебежавших на сторону Мексики ирландцев был в те годы образован целый батальон «Святой Патрик» (см. W. Daugherty, M. Janowitz. A Psychological Warfare Casebook. Baltimore, 1958, p. 72).

³ Доклад L. Butterfield. «Proceedings of the American Philosophical Society». Philadelphia, 1950, N 3, p. 240—241.

венной деятельности. Речь идет о деятельности Наполеона, который проявил себя новатором в области пропаганды, в том числе внешнеполитической. Такой вывод делали многие его знаменитые современники, включая Меттерниха. Указывая, что Наполеон был первым, кто использовал прессу как орудие военного и политического руководства, он писал: «Это новый факт в истории, чтобы суверен часто и непосредственно обращался к публике. Наполеон ввел этот метод и извлек из него большие преимущества»¹.

То обстоятельство, что Наполеон широко и подчас весьма успешно применял средства идеологической борьбы, объясняется, разумеется, отнюдь не только его личными склонностями и талантами. Главную роль сыграли объективные обстоятельства, делавшие применение этих средств необходимым и возможным.

Действительно, первое, с чем столкнулся, придя к власти, Наполеон, была необходимость обосновать и утвердить свою власть в только что пережившей революцию Франции, где вместе с господством монархии пали и старые принципы легитимизма, на смену которым пришли идеи народного суверенитета. В этих условиях узурпатору стала абсолютно необходимой «санкция» его права на власть со стороны широких слоев общественности, общественного мнения. А для получения такой санкции необходимо было эту общественность соответствующим образом обработать идеологически. Другой важный момент — изменившийся характер армии, которая из профессионального, наемного войска превратилась в армию массовую, комплектуемую за счет широких слоев населения. Ясно, что такая армия в послереволюционной Франции не могла иметь стимулом только возможность наживы и грабежа. Чтобы обеспечить ее высокий моральный дух и боеспособность, необходимо было обратиться и к идейным факторам — национальному чувству, патриотизму и др.

Важно и то, что, придя к власти на волне великой революции, Наполеон получил возможность пожать многие из посеянных ею идеологических плодов, хотя они и не имели никакого отношения к его подлинным

¹ Цит. по R. Wüst. *La guerre psychologique*. Lausanne, 1954, p. 12.

целям и намерениям¹. Благодаря стараниям его революционных предшественников Франция отождествлялась другими народами с идеями свободы, равенства и братства. Наполеон оценил их силу и воспользовался ими в своих интересах в борьбе против своих монархических противников. Вот почему он распространял за рубежом произведения просветителей, благодаря его усилиям вышедшие из моды в самой Франции, прикрывал грабительский поход на Россию разговорами о свободе Польши и раскрепощении крестьян, вообще всячески спекулировал идеологическим капиталом растоптанной им же революции.

Из наполеоновских войн европейские монархи вынесли решимость вести беспощадную борьбу против революционных идей. Так родился «Священный союз», которому также суждено было стать важным историческим прецедентом в интересующей нас области — прецедентом деятельности (и созданной для нее специальной международной организации), направленной на борьбу против «крамольных» идей в других странах.

С началом эпохи империализма кончается предыстория и начинается подлинная история идеологической борьбы в международных отношениях в современном понимании этого явления. (Главные аспекты этой проблемы, относящиеся к эпохе империализма, будут подробнее освещены в последующих главах книги.) Этапным моментом в становлении внешнеполитической пропаганды принято считать первую мировую войну. К первой мировой войне буржуазная историография относит возникновение официального правительственного аппарата внешнеполитической пропаганды. Английское министерство информации во главе с лордом Бивербруком и «Департамент пропаганды на противника», возглавляемый лордом Нортклиффом, американский «Комитет общественной информации», или «комитет Крила»², «Союзнический международный комитет»,

¹ «Трагично то, — писал Ф. Энгельс, — что партия войны на смерть, войны за освобождение народов оказалась права и республика победила всю Европу, но только уже после того, как сама эта партия давно была обезглавлена; и вместо пропагандистской войны наступил Базельский мир и буржуазная оргия Директории» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 267).

² Официальная версия истории его деятельности изложена в мемуарах главы этого комитета Дж. Крила (G. Creel. How We

ведавший объединенными пропагандистскими усилиями Антанты, германское «Военное ведомство печати», подчиненное генеральному штабу и министерству иностранных дел¹, — эти и другие аналогичные организации и ведомства в общих чертах предвосхищали организацию зарубежной и внутренней пропаганды империализма в ее современном виде.

В своих главных чертах сложились также техника, приемы, комплекс методов пропаганды, рассчитанной на армию и население других стран — не только противников по войне, но и нейтралов и союзников.

Словом, многие факты говорят о том, что первая мировая война действительно представляла собой важную веху в развитии внешнеполитической пропаганды². Но буржуазные исследователи не замечают того, что решающую роль в этом сыграла не сама по себе война, а весь комплекс социально-политических перемен, связанных с вступлением капитализма в империалистическую стадию развития, с началом эпохи его общего кризиса.

Именно с переходом к империализму, поворотом правящей буржуазии к реакции по всем линиям, важнейшим инструментом политики стало наряду с физическим насилием духовное подавление масс. В конце XIX — начале XX века в большинстве капиталистических стран наблюдается тенденция ко все более жесткому ограничению свободы слова и печати, усилению гнета цензуры, репрессиям против «инакомыслящих». И что особенно показательно — невиданный размах приобретает организованная пропаганда правящих классов, для которой используются такие орудия, как печать, школа, церковь, различные реакционные организации.

Advertised America, Norman (Oklahoma, 1939); см. также J. Mock, C. Larson. Words That Won the War. Princeton, 1939.

¹ О его деятельности см. W. Foerster. Kämpfer an Vergessenen Fronten. Berlin, 1931.

² Пропаганда времен первой мировой войны имеет обширную библиографию. Помимо названных можно еще упомянуть следующие работы: H. Lasswell. Propaganda Technique in the World War, N. Y., 1927; G. Brüntz. Allied Propaganda and the Collapse of German Empire in 1918. Stanford, 1938; W. Nicolai. Nachrichtendienst Presse und Volksstimmung im Weltkrieg. Berlin, 1920.

В этот же период изменяются сами представления буржуазии об идеологической борьбе. Она отказывается от прежних либеральных установок на ограниченное вмешательство в эту сферу и переходит на платформу активной борьбы за возможно более полный и всеобъемлющий контроль над мыслями, над общественным мнением. В соответствии с этим закладываются основы империалистической «теории» пропаганды, той изоцированной «науки» оболванивания людей, которая достигла полного развития уже в наши дни. Естественно, что колоссальная активизация идеологической борьбы правящей буржуазии не могла уже ограничиваться внутренними рамками капиталистических стран.

Одной из главных целей этой идеологической активности было обслуживание агрессивной внешней политики империалистов. Экспансия, подготовка и ведение захватнических войн заняли невиданное до тех пор место во всей политике буржуазных государств.

Империализм неразрывно связан с войнами, с борьбой за раздел и передел мира, за порабощение народов. Понятно, что перед империалистическим государством неизбежно должна была встать задача идейного обеспечения такой политики. Это нашло отражение в пропаганде внутри страны, направленной на обоснование агрессивной внешней политики, разжигание шовинизма, недоверия и ненависти к другим народам, апологии войны, насаждение духа солдатчины.

Первая мировая война послужила как бы катализатором, ускорившим эти процессы, и одновременно создала благоприятные условия, при которых можно было практически осуществлять планы, еще в мирное время вынашивавшиеся в тиши военных и дипломатических канцелярий. Вооруженная схватка нагляднейшим образом доказала необходимость борьбы за умы людей для империалистической политики. Дж. Мартин пишет, касаясь первой мировой войны: «Именно тогда было обнаружено, что тотальную войну можно вести, лишь атакуя не только тела, но и души людей»¹.

Что касается эффективности пропаганды против войск и населения других стран, впервые пущенной в ход в широких масштабах в годы первой мировой войны, то на этот счет в буржуазной литературе существ-

¹ J. Martin. International Propaganda, p. 6.

вуют разноречивые мнения. В послевоенной Германии получила хождение версия насчет того, что союзническая (особенно английская) пропаганда сыграла чуть не решающую роль в победе Антанты. Но такая версия, даже по мнению серьезных буржуазных исследователей, абсолютно несостоятельна и выдвинута лишь в поддержку изобретенной германскими милитаристами легенды, согласно которой немецкая армия осталась на поле боя непобежденной, а поражение Германии имело своей причиной «удар в спину»¹. Большой эффект имела, по общему признанию, пропаганда Антанты против Австро-Венгрии, ложившаяся на куда более благоприятную почву.

После первой мировой войны созданный для ее обслуживания аппарат внешнеполитической пропаганды был распущен. На некоторое время все, казалось, вернулось к прежнему положению. Но это была лишь видимость. Идеологическая борьба в международных отношениях продолжала вестись и усиливаться на различных фронтах, прежде всего на фронте борьбы империализма и социализма, а также в межимпериалистических столкновениях, в конфликтах между империалистами и народами колоний. По мере развития новой техники связи, впервые в условиях мирного времени, начал складываться и специальный правительственный аппарат внешнеполитической пропаганды.

В 1927 г. начала вести коротковолновые передачи на колонии Голландия. В 1931 г. ее примеру последовала Франция. В 1932 г. началось вещание на зарубежные страны «Британской радиовещательной корпорации» (Би-Би-Си). С 1933 г. в активную международную радиопропаганду включилась Германия, с 1935 г. — Италия, а с 1939 г. — США².

Нацизм, надо сказать, вообще создал беспрецедентную до тех пор систему и машину «тотальной пропаганды», общие расходы на которую, по оценке американских специалистов, превышали 500 млн. долл. в год³. Причем значительная доля этих расходов па-

¹ См., например, *L. Fraser. Propaganda. London, 1957, p. 47—48.*

² *J. Martin. Op. cit., p. 8—9.*

³ См., например, «*If Men Want Peace*», ed. by J. Harrison, L. Mander and oth. N. Y., 1947, p. 218.

дала на внешнеполитическую пропаганду, осуществляющуюся под непосредственным контролем Управления внешней политики национал-социалистской партии (шефом его был А. Розенберг) и министерства иностранных дел.

В период второй мировой войны создается большой аппарат внешнеполитической пропаганды и в других империалистических странах. В частности, в Англии было создано министерство информации, а также «Комитет психологической войны», а в США — «Служба зарубежной информации», а затем «Управление военной информации». Активная пропагандистская деятельность осуществлялась также военным командованием, несшим непосредственную ответственность за тактическую пропаганду на поле боя и пропаганду среди населения оккупированных территорий.

Годы второй мировой войны сыграли огромную роль в становлении империалистической пропаганды в ее современном виде, в частности в деле выработки теории пропаганды, ее техники, приемов и методов. В отличие от первой мировой войны, пропагандистские усилия главных империалистических стран (исключая страны, потерпевшие поражение) в послевоенный период не прекратились и созданный для внешнеполитической пропаганды аппарат не был ликвидирован, а лишь подвергся реорганизации. Период затишья, наступивший с миром, оказался в этом отношении крайне кратковременным. Уже через два-три года после окончания второй мировой войны стараниями империалистов была развернута «холодная война», в которой внешнеполитическая пропаганда играла роль одного из главных видов оружия.

Именно с этих пор внешнеполитическая пропаганда из деятельности, характерной для периодов военных кризисов и чрезвычайной обстановки, превратилась в постоянное и узаконенное установление во всех крупных капиталистических странах.

ГЛАВНЫЕ ФАКТОРЫ ВОЗРАСТАНИЯ РОЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Идеологическая борьба приобрела в наши дни такое значение, такие масштабы и размах во всей внешнеполитической деятельности государств, что заставила наших идейных противников заговорить о каких-то серьезных, поистине качественных изменениях в международных отношениях — их своеобразной «идеологизации», или, как выражаются некоторые буржуазные теоретики, «эмоционализации»¹. Как сам факт этих перемен, так и их значение становятся общепризнанными. Американские исследователи Гордон, Фолк и Годап, говоря о возросшем значении идеологической борьбы, приходят к выводу, что «международные отношения изменились за последние сорок лет более радикально, чем за все предшествующие столетия... Впервые в истории ни одно правительство не может позволить себе не заниматься делом массового убеждения»².

Аналогичные выводы делаются и во многих официальных документах и выступлениях должностных лиц. В качестве примера можно привести доклад «президентской комиссии по информационной деятельности за рубежом» (комиссия Мэнсфилда — Спрэйга) президенту США, представленный в последние месяцы правления Эйзенхауэра. «В некоторые исторические периоды,— говорится в этом докладе,— происходят глубокие перемены в назначении и стиле дипломатии. Судя по

¹ См. работу западногерманского социолога и публициста Мартини «К эмоционализации внешней политики» («Aussenpolitik», Juli 1954).

² G. Gordon, I. Falk, W. Hodapp. The Idea Invaders. N. Y., 1963, p. 187—188.

всему, мы сейчас переживаем такой период». В докладе комиссии Спрэйга поясняется: «Сегодня признано, что если правительства не смогут эффективно пропагандировать свою политику и действия среди всех политически влиятельных кругов зарубежного населения, их программы могут быть сорваны, а их безопасность окажется под угрозой»¹.

Бывший помощник государственного секретаря США Бентон, ставший затем сенатором, говорил даже о новой стадии в развитии международных отношений и дипломатии. «В старой дипломатии,—заявил он,—сила, военное могущество стояло за большинством переговоров, подчас очень близко к поверхности. В последние годы все более значительную роль играли экономические соображения. Сегодня нарождающийся фактор—это дипломатия общественного мнения. На деле дипломатия общественного мнения уже существует на глазах у всех...» По мнению Бентона, речь идет о появлении нового типа международных отношений, вызвавших к жизни и новый, «тотальный» тип дипломатии, главная цель которой—«завоевать умы и преданность людей». Эта дипломатия, продолжал он, «чтобы быть тотальной, должна включать в качестве своего важнейшего элемента психологические усилия, направленные на целые народы. Она должна включать практические меры, как прямые, так и косвенные, для ведения психологической дипломатии»². Сходные взгляды высказывались и в официальных документах Координационного комитета республиканской партии, опубликованных в 1968 г. в качестве основы ее предвыборной платформы. В одном из документов, подготовленном под руководством бывшего заместителя государственного секретаря Р. Хилла, делается вывод о том, что «в XX веке психологические операции поднимаются до уровня традиционных инструментов политики—дипломатических, военных и экономических средств»³.

¹ «The Department of State Bulletin», February 6, 1961, p. 186.

² «Congressional Record», vol. 96, March 22, 1950, p. 3822.

³ «Choice for America. Republican Answers to the Challenge of Now. Reports of the Republican Coordinating Committee 1965—1968». Washington, 1968, p. 398.

Такие постановки проблемы сопровождаются попытками дать ответ на вопрос о причинах роста роли идеологической борьбы во внешней политике, вызвавшего столь серьезные изменения в международных отношениях и дипломатии.

В докладе комиссии Спрэйга, например, говорится: «Происходящие перемены отражают технические достижения в транспорте и связи, растущую роль общественного мнения в мировых делах». И в другом месте: «Растущая сила общественного мнения в мировых делах очевидна во всех частях света... Эта растущая сила объясняется ростом грамотности и образования, изобретением новых и более широких каналов коммуникаций и распространением демократических идей»¹.

Аналогичные выводы можно найти и в упоминавшихся документах Координационного комитета республиканской партии. Первый фактор, поставивший, по мнению авторов документов, «психологические» средства в один ряд с дипломатическими, военными и экономическими,— это «революционные достижения, позволяющие распространять идеи и информацию с огромной скоростью не только между национальными лидерами, но и среди всего населения всех стран».

«Творцы политики должны осознать,— говорится далее в докладе,— что агрессивное и умное использование средств коммуникаций может зачастую быть кратчайшим и самым эффективным путем для осуществления специфических задач за границей»².

Гордон, Фолк и Годапп в книге «Идеологические интервенты» дают сходный, хотя и более развернутый, ответ на поставленный выше вопрос. Они говорят в этой связи о «трех жизненно важных изменениях», происшедших сначала в «западном», а затем и в «восточном» мире:

«Первым из них было изобретение средств массовых коммуникаций. Это означало дешевое и эффективное распространение слов и изображений среди большего числа людей, чем когда-либо в истории. И по мере того как каждое из таких средств совершенствовалось и поступало в массовое производство — от кни-

¹ «The Department of State Bulletin», February 6, 1961, p. 185, 186.

² «Choice for America», p. 398—399.

гопечатания до кино, радио и телевидения,—росла и массовая аудитория.

Во-вторых, с начала XIX века (как побочный продукт демократического идеала бесплатного, всеобщего обучения) все большее и большее число людей училось читать — во всяком случае, читать достаточно для того, чтобы стать хорошей мишенью для человека, желающего что-то сообщить, если избранным им средством общения с другими людьми является печатное слово.

В-третьих, тоже как естественное следствие демократического идеализма, люди в своей массе становились все более важным фактором в качестве инструмента политической деятельности, как национальной, так и международной, и общественное мнение превращалось во все более существенный фактор в политических и дипломатических маневрах. Не имело ни малейшего значения, что думал о той или иной проблеме средневековый крепостной, он был политически инертным, неспособным изменить силы, управляющие его судьбой в плане как национальных, так и международных событий. Когда крепостному дали образование и наделили политической властью, предоставив ему право голоса, когда его обучили идеям равенства и демократии, тогда то, что он думает, приобретало решающее значение и тогда оказалось, что почти наверняка рядом есть кто-то, кто пытается думать за него»¹.

Мы привели этот пространный пассаж как весьма типичный для современной буржуазной профессорской мудрости, в которой вынужденные признания соседствуют с прямыми выдумками и тенденциозными суждениями (вывод-то делается все же не о возросшей роли масс как творцов политики и истории, а о массах как «инструменте» политики!). Из него следует, что причины возрастания роли идеологической борьбы в международных отношениях делятся западными исследователями, грубо говоря, на две категории: технические и социальные.

Колоссальный прогресс в технике связи и массовых коммуникаций бесспорен, и его роль в рассматриваемых политических явлениях не вызывает сомнений. Хотя история и знает примеры широких и системати-

¹ G. Gordon, I. Falk, W. Hodapp. Op. cit., p. 20—21.

ческих пропагандистских усилий, не опиравшихся на совершенные технические средства массовых коммуникаций (наиболее яркий из них — пример церкви), совершенно очевидно, что идеологическая борьба не смогла бы достигнуть нынешнего размаха, если бы не существовало соответствующих технических средств. Это тем более относится к идеологической борьбе в международных отношениях.

За последние десятилетия пропаганда получила средства массовых коммуникаций невиданной эффективности, масштаба охвата и радиуса действий — такие, как радио, кинематограф, телевидение. Все эти средства непрерывно совершенствуются, обеспечивая пропагандисту все более обширную аудиторию и возможность преодолевать как пространство, так и национальные границы. О расширении таких возможностей свидетельствует прежде всего быстрый рост числа радио- и телеприемников в разных странах и районах мира (см. табл. на стр. 29).

Огромного развития достигли также и другие средства коммуникации и идеологического воздействия на массы. Это относится, в частности, к кинематографии. По последним данным ЮНЕСКО, в мире имеется 246 500 стационарных коммерческих кинотеатров с количеством посадочных мест 74,5 млн.¹ Стремительно растет выпуск книг, газет, журналов. В 1965 г. в мире было издано 450 тыс. названий книг (по сравнению с 285 тыс. в 1955 г.). В том же году выходили газеты 8 тыс. названий, общий разовый тираж которых составлял 341 млн. экземпляров².

Большие возможности для внешнеполитической пропаганды открывают многие новые достижения науки и техники (полупроводники, лазерная техника, новейшие способы репродуцирования и размножения печатных текстов и т. д.). Особое место среди них занимает появление и развитие спутников связи.

С запуском первого американского спутника связи «Эхо-1» в начале 60-х годов в США начали разрабатывать далеко идущие планы использования космоса для

¹ «UNESCO Statistical Yearbook 1966». Paris, 1968, p. 447.

² Ibid., p. 354, 414.

Район/страна	Население на 1967 г. (млн. чел.)		Число радиоприемников		% роста 1955 — 1967 гг.	Кол-во приемников на 1000 чел., 1967 г.	Кол-во трансляционных точек, 1967 г. (тыс.)	Кол-во телевизоров (тыс.)
	1955 г. (тыс.)	1967 г. (тыс.)	3	4				
1	2	3	4	5	6	7	8	
ЕВРОПА								
Западная Европа	382	65 308	125 800	93	329	2 480	60 680	
СССР и соц. страны	338	20 260	66 300	227	196	38 332	34 090	
Средний Восток и Сев. Африка	138,4	2 200	15 800	618	114	3	1 623	
АФРИКА								
Южная Африка	18,7	875	3 400	288	187	14	—	
Другие страны Африки	223,7	360	6 700	1 762	29	148	137	
АЗИЯ								
Япония	101	12 000	32 000	167	317	1 500	20 000	
КНР	750	1 000	8 000	700	11	7 000	100	
Индия	510	1 000	6 500	550	13	—	5	
Другие страны Азии	459,9	1 800	18 200	911	40	716	1 111	
Австралия и Океания	20,5	2 760	9 500	244	463	0,350	3 507	
ЗАПАДНОЕ ПОЛУШАРИЕ								
США	200	111 000	263 000	137	1 315	—	75 000	
Канада	20,6	5 500	16 500	200	810	—	5 700	
Латинская Америка	245	12 600	37 400	197	153	4,6	11 850	
Вест-Индия	8,6	189	1 700	799	198	55	600	
Всего в мире (приблиз. данные)	3 417	237 000	611 000	158	179	50 300	214 400	

Источник: «BBC Handbook 1969». London, p. 118.

передач телевизионных программ непосредственно в другие страны, включая самые отдаленные. Как признавал в те дни Джон Пирс, директор исследовательского отдела компании «Белл телефон систем», многие политические деятели Вашингтона стали думать о космосе как об «уникальном поле битвы в холодной войне», изучать возможности использования спутников связи для «пропагандистской войны против русских».

Подобного рода соображения, несомненно, сыграли свою роль и в создании в 1964 г. Международного консорциума спутников связи («Интелсат»), в который сейчас входит более 60 стран. Характерно, что не так давно главой американской делегации на конференции «Интелсат» был назначен Леонард Маркс — бывший директор главного правительственного ведомства внешнеполитической пропаганды (ЮСИА). Запуск в 1969 г. четырех станций «Интелсат-3», каждая из которых может одновременно транслировать четыре телепрограммы, рассматривался как важный шаг на пути создания «глобальной системы связи».

В августе 1967 г. президент Джонсон создал «правительственную комиссию по политике в области коммуникаций» (во главе с Ю. Ростом), перед которой была поставлена задача подготовки рекомендаций по более широкому использованию спутников связи для нужд государственной политики.

Новые возможности, открываемые для пропаганды научно-техническим прогрессом, не сводятся, однако, только к совершенствованию технических средств массовых коммуникаций. Огромное внимание уделяется также поискам путей более эффективного и надежного воздействия на человеческую психику с помощью изоциренных методов пропаганды и различных средств, призванных усилить «внушаемость», т. е. сделать человека беззащитным перед лицом планомерного пропагандистского нажима.

Появление современных средств массовых коммуникаций, бурный прогресс в этой области, бесспорно, имел для идеологической борьбы не только техническое, но и принципиальное значение. По существу, средства пропаганды в большей мере, чем когда-либо раньше, превратились в мощнейший инструмент по-

литической власти, в особенно важный элемент политического механизма, с помощью которого обеспечивается господство в классовом обществе.

Исторический опыт последних десятилетий ясно показал, что монополия на эти средства стала в классовой борьбе не менее важным делом, чем монополия на традиционные средства власти — механизм насилия, включающий армию, полицию, тюрьмы, суды и пр. Отсюда новый смысл некоторых старых лозунгов демократического движения, вроде лозунгов свободы слова и печати, под которыми сейчас идет борьба против монополии реакционных классов на эти важнейшие средства политической власти. Отсюда и особое значение сохранения своего контроля над средствами массовых коммуникаций для победившего рабочего класса и его партии. Как показал опыт ряда стран, к этой задаче диктатуре пролетариата надлежит относиться так же серьезно, как и к задачам контроля над аппаратом принуждения и государственного управления.

В вопросе о значении прогресса в области техники массовых коммуникаций с буржуазными авторами не приходится особенно полемизировать, так же как и в вопросе о значении распространения грамотности для расширения сферы пропагандистского воздействия.

Иной вопрос — социальные причины возрастания роли идеологической борьбы в международных отношениях.

Решительные возражения вызывает стремление видеть в массах «инструмент» политики, которая вершится всесильными «манипуляторами» по собственному произволу, — так же как века назад, с той только разницей, что этим «манипуляторам» приходится теперь воздействовать еще на один фактор — общественное мнение.

Такой подход к массам продиктован классовым интересом современной буржуазии, и он определяет исходные посылки буржуазных теоретиков при анализе причин возросшей роли общественного мнения в политической жизни. Не случайно в этом вопросе они пытаются свести дело к праву голоса и другим формальным правам и свободам, вполне уместающимся в рамках буржуазной демократии. Такая трактовка, по

существо, направлена на преуменьшение значения тех глубоких и необратимых социально-политических сдвигов, которые неуклонно изменяют соотношение сил в мире в пользу социализма, в пользу рабочего класса. Но именно в этих сдвигах следует искать и первопричину тех перемен, которые произошли в международных отношениях, в частности роста влияния народных масс, общественного мнения на внешнюю политику.

Этим вопросам и посвящена настоящая глава.

1. Раскол мира на две системы и его идеологические последствия

Новая роль, которую идеологическая борьба начала играть в международных отношениях, связана прежде всего с расколом мира на две системы. Это великое историческое событие определило сущность главного противоречия, главного конфликта международных отношений для всей нашей эпохи, придало ему характер столкновения и борьбы двух государственно оформленных классов — буржуазии (прежде всего монополистической) и рабочего класса.

На международной арене, конечно, и раньше сталкивались не просто нации, народы, а государства. Они могли в одних случаях защищать национальные интересы, а в других действовать вопреки им, в зависимости от интересов и целей господствующего класса. Международные отношения всегда были классовыми отношениями. Но своеобразие состояло здесь в том, что если внутри общества, расколотого на враждебные классы, определяющей чертой общественных отношений всегда была борьба между противоположными антагонистическими классами, то на международной арене отношения государств определялись в прошлые эпохи, как правило, борьбой между классами однотипными по своей социальной природе. Разумеется, из этого правила были исключения. Например, отношения буржуазно-революционной Франции со своими феодально-абсолютистскими соседями; в известной мере выход классовой борьбы между двумя основными классами той эпохи за рамки национальных границ —

на международную арену — имел идеологические последствия, сходные с теми, с которыми мир столкнулся сегодня¹. Но общего правила подобные исключения не отменяют, а лишь подтверждают его.

Преобразование противоречия между двумя основными классами — антагонистами современного общества в главное противоречие международных отношений — это черта, характерная именно для нашей эпохи. Она не имеет прецедентов в истории еще и потому, что международные отношения переходных в социальном отношении (т. е. от одной социально-экономической формации к другой) периодов прошлого всегда развивались в условиях, когда не было и не могло быть мировых социальных систем, сравнимых с нынешними.

Конечно, и в наши дни международные отношения не сводятся к противоречию между капиталистической и социалистической системами. Наряду с ним существуют и другие противоречия: между империалистическими державами и народами, освободившимися от колониального гнета или ведущими борьбу за свое национальное освобождение, между крупными империалистическими державами и менее сильными капиталистическими государствами, наконец, между самими империалистическими хищниками.

Все большее значение в международных отношениях приобретает новый тип отношений сотрудничества внутри социалистического лагеря, между социалистическими странами и молодыми национальными государствами, освободившимися от колониальной эксплуатации. Как показал опыт, известные противоречия могут возникать на начальных этапах и в социалистической системе, они могут достичь значительной остроты, если руководство тех или иных стран допускает отход от принципов социалистического интернационализма.

¹ Эта аналогия, как и любая другая, имеет, разумеется, свои границы. В своей основе раскол мира на две системы, происшедший в наше время, является беспрецедентным. Ведь ранее речь шла о классах и типах общества, сходных в том решающем отношении, что они были основаны на частной собственности на средства производства и эксплуатации человека человеком. Раскол мира был вызван тем, что появилось общество принципиально иного типа — основанное на общественной собственности и навсегда покончившее с эксплуатацией.

Однако главным противоречием, определяющим основы современных международных отношений, остается противоречие между двумя социальными системами¹.

В. И. Ленин указывал на это еще в те дни, когда с выходом на мировую арену первого социалистического государства — Советской России — только начала складываться социалистическая система, противостоящая империализму. «...При теперешнем мировом положении, после империалистской войны,—подчеркивал он,—взаимные отношения народов, вся мировая система государств определяются борьбой небольшой группы империалистских наций против советского движения и советских государств, во главе которых стоит Советская Россия. Если мы упустим это из виду, то не сможем поставить правильно ни одного национального или колониального вопроса, хотя бы речь шла о самом отдаленном уголке мира. Только исходя из этой точки зрения, политические вопросы могут быть правильно поставлены и разрешены коммунистическими партиями как в цивилизованных, так и в отсталых странах»².

Тот факт, что центром борьбы в международных отношениях стало противоречие между двумя мировыми системами, олицетворяющими два основных антагонистических класса современного общества, определяет и содержание этой борьбы. Речь идет прежде всего о том, что она носит по существу своему антагонистический характер и ведет не к взаимному сближению или даже сращиванию обеих систем, как утверждают сторонники теории «конвергенции», а к победе более передовой из них — социалистической — и к последующей перестройке всей системы международных

¹ Этот вывод пытаются сегодня оспаривать китайские руководители, ставящие вопрос о борьбе народов стран Азии, Африки и Латинской Америки против империализма как «главном узле» противоречий, выдвигающие концепцию «промежуточной зоны», противоречия между «мировым городом» и «мировой деревней» и т. д. В основе таких концепций лежат, как было показано марксистско-ленинскими партиями, вполне определенные расчеты Пекина, направленные на завоевание гегемонии в «третьем мире» и подрыв политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 242.

отношений, в соответствии с законами жизни и развития нового общества.

Характер, природа основного противоречия современных международных отношений отнюдь не определяют сами по себе формы его проявления и разрешения. Классово-антагонистический характер этого противоречия отнюдь не делает, в частности, неизбежными и большую, чем раньше, остроту международных конфликтов или более широкое применение насильственных средств борьбы.

Формы борьбы государств на международной арене, включающие крайние средства насилия — войны, оккупацию, аннексию, колонизацию и т. д. — были порождены и, по существу, узаконены общественным строем, основанным на частной собственности и эксплуатации. Это убедительно подтверждает вся история международных отношений, включая историю обеих мировых войн. Вместе с тем именно с выходом на международную арену социализма небывало расширились возможности предотвращения мировой войны, противодействия агрессии и колониализму.

Здесь мы сталкиваемся с одной из коренных теоретических и политических проблем современных международных отношений — проблемой содержания и форм исторически неизбежной борьбы двух мировых систем. Единственно плодотворный подход к решению этой проблемы открывает принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем, выдвинутый социалистическими странами.

И основное противоречие в современных международных отношениях, хотя оно и определяет содержание внешней политики государств, принадлежащих к различным общественным системам, разрешается — с точки зрения марксистов-ленинцев — не в сфере самой внешней политики (скажем, путем насильственного навязывания одной группой государств своего социального строя другим государствам). Решающую роль играют здесь внутренние процессы классовой борьбы, развертывающиеся в обществе, в соответствии с объективными законами его развития. Именно в этом состоит суть марксистско-ленинского подхода к современным международным отношениям, позволяющего ясно определить исходные позиции социалистической внешней

политики, выявить не только общность природы, но и специфические отличия классовой борьбы на мировой арене от классовой борьбы внутри общества.

Превращение противоречия между двумя основными классами современного общества в главное противоречие также и международных отношений означало глубокий переворот в этих отношениях, внесло в них много нового. К числу таких новых явлений относится, в частности, и то, что называют «идеологизацией» международных отношений. Совершенно естественно, что с момента, когда определяющими в них стали столкновения и борьба двух классов, противостоящих друг другу в современном обществе, вопросы идеологии приобрели новое значение. Ведь с этого момента международные отношения стали ареной классовой борьбы, одной из форм которой, наряду с политической и экономической, неизбежно становится борьба идеологическая. Во внешней политике столкнулись два класса, которые выступают каждый со своей идеологией, со своими взглядами и представлениями о мире, политике, всех важных социальных проблемах. Другими словами, не только каждое, отдельно взятое общество и государство, но и международные отношения, с расколом мира на две системы, становятся ареной столкновения *двух противоположных классовых идеологий*.

Собственно, только после этого идейная борьба в международных отношениях приобретает подлинно идеологический характер. Ведь раньше речь могла идти скорее об использовании определенных средств идейной борьбы, определенных методов воздействия на умы людей в конфликтах, которые весьма редко носили характер столкновения противоположных идеологий. Пропаганда становилась подсобным орудием внешней политики, как правило не связанной непосредственно с основными социальными, а значит, и идейными конфликтами в обществе. Сейчас в центре международных отношений оказались коренные идеологические проблемы современности, которые после раскола мира на две системы все больше пронизывают внешнюю политику.

Важно подчеркнуть, что речь идет о таких изменениях в международных отношениях, которые носят

естественноисторический характер, возникают объективно, независимо от воли отдельных людей и правительств. В силу закономерностей классовой борьбы, развертывающейся в мире, идеологическая борьба между государствами, принадлежащими к различным системам, шла бы, даже если бы эти государства и «решили» отказаться от такой формы борьбы, как внешнеполитическая пропаганда. Речь ведь, по сути дела, идет об интернационализации классовой борьбы, когда органически сливается борьба основных классов внутри общества и на международной арене, когда успехи или поражения каждого класса в своей стране немедленно получают отклик в других странах, когда оба эти класса выступают уже не только как национальная, но и как международная сила.

Указанные изменения в международных отношениях поставили перед буржуазной теорией весьма своеобразную проблему. С одной стороны, она не могла пройти мимо очевидного факта возрастания роли идеологической борьбы во внешней политике, тем более что практические потребности империалистического государства потребовали учета этого нового явления в международных отношениях. С другой стороны, объективный анализ корней этого явления неизбежно должен был бы вести к признанию закономерного характера указанных изменений, включая раскол мира на две системы и его глубокую связь с классовой борьбой внутри капиталистического общества.

Именно поэтому в буржуазной литературе вопросы идеологической борьбы во внешней (как, впрочем, и во внутренней) политике, как правило, трактуются вне подлинно идеологических, классовых понятий и категорий. Один из излюбленных, ставших уже привычными методов такой трактовки заключается в подмене понятия идеологии понятием «общественного мнения».

Правомерность самой категории общественного мнения в политической теории не вызывает сомнений. Но одно дело понимать под общественным мнением реальные ситуации в сфере общественного сознания, возникающие в результате целого комплекса причин (влияния условий жизни тех или иных классов и групп, идеологических и иных воздействий на них, информации, социально-психологических факторов и т. д.), и

другое — тот неуловимый, призрачный феномен, который буржуазные авторы, по существу, пытаются противопоставить идеологии и классовому сознанию. Собственно, в устах буржуазных политиков, а нередко и теоретиков понятие «общественное мнение» часто превращается вообще в политическую пошлость, лишенную реального смысла, — оно, как правило, пускается в ход в чисто утилитарных целях, чтобы оправдать или отвергнуть какую-то идею, мероприятие, требование («общественное мнение» Запада, говорят нам, например, не приемлет коммунизм; или наоборот — «общественное мнение» поддерживает политику того или иного буржуазного правительства).

Можно пожалеть, что перед лицом чудовищного злоупотребления категорией «общественное мнение» она только в самое последнее время стала объектом специального анализа в марксистской литературе.

Конечно, далеко не всегда идеологическая борьба на международной арене выражается в прямом, фронтальном столкновении двух цельных мировоззрений — пролетарского и буржуазного. Очень часто она идет вокруг более конкретных, а потому и более локальных вопросов, будь то очередной кризис в международных отношениях, проблема разоружения, признание того или иного нового государства или режима и т. д. Но сегодня каждый такой вопрос перерастает локальные рамки, неизбежно воспринимается как часть всей картины мира.

Такова важная особенность международных отношений нашей эпохи, рожденная расколом мира на две системы.

Значение идеологической борьбы в международных отношениях, однако, не сводится к этой, так сказать, пассивной стороне дела — тому, что внешнеполитические международные явления и события все больше воспринимаются общественностью в контексте существующих и борющихся идеологий. Идеи, идеологии становятся чрезвычайно активной силой, воздействующей на политику и используемой в политической борьбе.

Это обстоятельство не могло пройти мимо внимания и многих буржуазных исследователей, пытающихся дать ему свое толкование. Одна из таких попыток была сделана профессором Гансом Моргентау, главой школы

«политического реализма». Согласно его концепции, «в политике люди стремятся к власти и вступают в конфликт с другими, которые добиваются того же. Для того чтобы скрыть свои устремления, они используют моральные оправдания, что приводит к обострению и усилению борьбы»¹. Концепция, как видим, довольно точно отражающая одну из важных особенностей современной буржуазной идеологии — стремление приккрыть, замаскировать истинные цели своего класса. Но если говорить о теоретическом смысле этой концепции, то перед нами очевидная попытка перевести идеологическую борьбу в сферу, по сути, индивидуальную (или групповую), сферу «свободной», ничем не детерминированной борьбы индивидов и групп за власть, попытка оторвать эту борьбу от классов и классовых отношений.

Моргентау — крупный буржуазный ученый, который видит связь между идеологией и политикой, хотя и отрывает ту и другую от классовых отношений. Многие другие буржуазные специалисты не достигают и таких ступеней теоретического обобщения, отделявая сугубыми банальностями.

К их числу относится цитировавшийся уже австрийский историк Штурмингер. Вот соответствующее высказывание из его книги, посвященной истории пропаганды: «В человеческой природе коренится та черта, что при оценке общих жизненных дел обязательно возникают различные, часто противоречащие друг другу взгляды и идеи. Чем больше развивалось человеческое мышление и чем более дифференцированными становились составные части государственного союза, тем больше проявлялись такие различия во мнениях. Из этого и возникает желание и необходимость передать другим людям собственные представления и убеждения, влиять на них и отражать противоречащие влияния. Поэтому с тех пор как вообще существует общество, существует и политическая пропаганда»².

Нет необходимости разбирать всерьез подобные рассуждения — настолько они ничего не объясняют,

¹ Так формулирует взгляды Моргентау *K. Thompson* в книге «Political Realism and the Crisis of World Politics». Princeton, 1960, p. 34.

² *A. Sturminster. Op. cit., S. 9.*

настолько далеки от жизни, от практики идеологической борьбы, не имеющей ничего общего с картиной мирной, поистине просветительской дискуссии, нарисованной Штурмингером.

Проблема идеологической борьбы как одной из форм борьбы классовой, как и проблема соотношения, связи идеологической и политической борьбы, нашла убедительное решение в марксистско-ленинской теории. Исходные позиции этого решения имеют принципиальное значение и для понимания всего комплекса вопросов, связанных с идеологической борьбой в современную эпоху, в том числе и борьбой на международной арене.

Как показал марксизм-ленинизм, идеологическая борьба противостоящих друг другу классов возникает с естественной необходимостью, так же как естественно (хотя, конечно, и не стихийно) возникает у каждого класса своя система понимания и объяснения мира, осознание своего положения в обществе, своих интересов и целей, путей борьбы за эти цели и интересы. Такие системы идей у антагонистических классов всегда оказываются различными, противоположными, несовместимыми и, однажды возникнув, уже не могут ужиться рядом в иных отношениях, чем отношения борьбы. И дело здесь отнюдь не в психологическом факторе — идейной нетерпимости, свойственной, как утверждают некоторые буржуазные идеологи, природе человека и заставляющей его стремиться к тому, чтобы все думали так же, как он. Сама такая нетерпимость, по сути дела, не психологическое, а классово-политическое явление. Все дело в том, что идеи, идеологическая борьба представляет собой не только продукт классовых отношений, но и важное оружие классовой борьбы.

Марксизм-ленинизм, установив вторичность общественного сознания, мира идей, по отношению к общественному бытию, миру вещей, отнюдь не преуменьшил тем самым роли идей в жизни общества, а лишь научно объяснил их происхождение. Что касается роли идей и вообще сознательной деятельности людей, то марксизм-ленинизм всегда отводил им важное место в общественной жизни, в политике.

Именно через идеи и идеологическую борьбу происходит осознание каждым классом себя, как особого класса в обществе, обладающего особыми целями и ин-

тересами, не говоря уже о выработке общей позиции этого класса по конкретным общественным проблемам — экономическим, политическим и др. Именно с этого начинается классовая борьба, о каком бы классе или формации ни шла речь.

Идеи и идеологическая борьба играют, далее, огромную роль в решении такой центральной задачи политики, как обеспечение поддержки широких масс. Конечно, массы поднимаются на борьбу под влиянием объективных причин, лежащих в самих условиях их существования. Но идеи, идеологическая борьба вплетаются в этот объективный процесс в качестве необходимого элемента. Эту сторону дела подчеркивал еще Маркс, указывавший, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»¹. О ней не раз говорил Ленин, постоянно боровшийся с недооценкой идеи и идеалов, свойственной тем, кто сводит марксизм к экономическому детерминизму. Он указывал:

«Справедливость — пустое слово, говорят интеллигенты и те прохвосты, которые склонны объявлять себя марксистами на том возвышенном основании, что они «созерцали заднюю» экономического материализма.

Идеи становятся силой, когда они овладевают массами. И именно теперь большевики, т. е. представители революционно-пролетарского интернационализма, своей политикой воплотили ту идею, которая двигает во всем мире необъятными тудящимися массами»².

Эти положения марксистско-ленинской теории имеют принципиальное значение для всего понимания проблемы соотношения и механизма взаимодействия идеологической и политической борьбы как внутри общества, так и на международной арене.

Коренная цель любого класса в идеологической борьбе состоит в том, чтобы обеспечить влияние своих идей на возможно более широкие массы, вырвать их из-под духовного влияния классового противника. Решение этой задачи неизбежно начинается с идейного завоевания масс собственного класса, без которого невозможно сплочение его сил в борьбе за свои интересы и цели.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 422.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 332.

Класс — это многие тысячи и даже миллионы людей, разбросанных по всей стране, занимающихся разными делами, сплошь и рядом даже не сознающих общности своего положения и интересов. Это особенно относится к классу, только еще борющемуся за власть,— для него общая идеология становится главным, а на определенной ступени и единственным организующим элементом, инструментом сплочения и собирания классовых сил, которое предшествует созданию других, в том числе политических, инструментов сплочения. Именно с идеологического сплочения, с пропаганды *внутри* своего класса начиналась решающая стадия борьбы за власть как буржуазии, так и пролетариата.

Одновременно идеологическая борьба используется, чтобы подорвать идейную сплоченность классового противника, обеспечить для своего класса возможно более широкое идейное влияние в его рядах. Разумеется, возможности поднимающегося класса в этом отношении ограничены, поскольку он имеет дело с врагом, уже хорошо осознавшим свои цели и интересы, организованным для их защиты. Речь здесь может идти разве что о влиянии на отдельных, наиболее передовых, способных подняться выше узкоклассового интереса представителей другого класса. Таких представителей удавалось завоевывать на свою сторону не только революционной буржуазии (из числа аристократии), но и рабочему классу (из числа буржуа). Соответствующие примеры хорошо известны. Вместе с тем они остаются скорее исключением, чем правилом в классовой борьбе.

Иначе обстоит дело с идейным влиянием на своих классовых противников класса, стоящего у власти. Возможности такого влияния весьма значительны, а усилия, направленные на его обеспечение, составляют очень важную часть всей идеологической борьбы. Выдвинутое Марксом положение о том, что идеи господствующего в обществе класса одновременно являются и господствующими в обществе идеями, остается справедливым и сегодня. Особенно наглядно это видно на примере современного буржуазного общества, в котором главное направление идеологических усилий господствующего класса как раз и составляют попытки обеспечить духовное влияние на рабочий класс, раско-

лоть его, насадить в его рядах идеи антикоммунизма, реформизм, религиозную идеологию, национализм и шовинизм.

И наконец, идеологическая борьба преследует цель обеспечить поддержку масс, составляющих промежуточные классы и социальные слои. Даже в развитом буржуазном обществе, где рабочий класс сам по себе составляет огромную массу населения (в отдельных странах — большинство), исход борьбы в значительной мере решается тем, на чьей стороне окажутся промежуточные классы и слои — крестьянство, мелкая буржуазия города, служащие, интеллигенция и т. д. И тем более это относится к странам, где еще не получили высокого развития капиталистические отношения и классы, между которыми разворачивается основная борьба, не составляют большинства общества.

Международные отношения, естественно, имеют свою особенность. Их своеобразие, как отмечалось, состоит прежде всего в том, что на протяжении целых исторических эпох сама политическая борьба на международной арене, за редкими исключениями, разворачивалась между стоящими в своих странах у власти однородными по социальной природе классами. Этим определялась и специфика идеологической борьбы.

Положение коренным образом меняется с расколом мира на две системы. Этот раскол происходит в эпоху небывало возрастающей политической активности масс, их усиливающегося влияния на политику — не только внутреннюю, но и внешнюю. И что не менее важно, борьба в международных отношениях, как уже отмечалось, сплетается с классовой борьбой, развивающейся внутри общества. Сплетается по своему социальному содержанию. Ибо и здесь и там речь идет о борьбе двух исторических типов общества — социализма и капитализма, о борьбе двух основных классов современности — рабочего класса и буржуазии. Сплетается и по своему идеологическому выражению. Ибо и здесь и там основной конфликт обретает идеологический облик, определяемый столкновением и борьбой двух классовых мировоззрений — социалистического и буржуазного.

В этих условиях многие перегородки, на протяжении веков отделявшие внутреннюю политику от внеш-

ней, стираются, уступая место все более глубокому и тесному сплетению классовой борьбы внутри общества и классовой борьбы на мировой арене.

Этих перемен не могут отрицать и некоторые буржуазные авторы. Западногерманский историк Э. Хельцле, посвятивший одну из своих работ как раз проблемам, вытекающим из раскола мира на две системы, приходит, например, к тому выводу, что начался «век всемирной идеологии», в который рухнули границы между внутренней и внешней политикой, а «внутриполитические идеи и формы, как демократия (так Хельцле предпочитает именовать капитализм.— Г. А.), так и коммунизм, превратились во внешнеполитические идеологии для всего мира»¹. А американский ученый Дж. Гибсон прямо подчеркивает, что идеологическая борьба обязана своей остротой расколу мира на две системы, тому, что «два образа жизни противостоят друг другу. Два диаметрально противоположных способа управления государством соревнуются друг с другом наряду с двумя разными экономическими системами»².

Далеко не все буржуазные теоретики готовы отнести эту перемену непосредственно за счет раскола мира на капитализм и социализм³. Но сам факт изменившейся роли идеологической борьбы в мире не отрицает уже, пожалуй, никто.

Если в наши дни сам факт властного вторжения идеологии и идеологической борьбы в сферу международных отношений становится общепризнанным, то по поводу глубины и значения влияния этого нового фактора на внешнюю политику идут ожесточенные споры. Нам еще придется подробнее коснуться взглядов отдельных буржуазных теоретиков, утверждающих, будто идеология, идеологические разногласия стали в нашу эпоху первопричиной основных противоречий и

¹ A. Hölzle. Die Revolution der zweigeteilten Welt; Eine Geschichte der Mächte 1905—1929. Hamburg, 1963, S. 76.

² J. Gibson. Ideology and World Affairs. Boston, 1964, p. 13.

³ Западногерманский социолог Ф. Тис, например, считает более важным не социальный, а духовно-религиозный конфликт, связанный с особенностями распространения христианства в России (F. Thiess. Die geschichtlichen Grundlagen des Ost-West Gegensatzes. Frankfurt am Main, 1960).

конфликтов на мировой арене. С подобными взглядами никак нельзя согласиться. И не только потому, что они рождают вредную иллюзию, будто стоит прекратить идеологическую борьбу, пойти на «мирное сосуществование идей», как в международных отношениях воцарятся мир и всеобщее согласие. Указанные взгляды глубоко ошибочны и по существу, ибо идеологические разногласия и идеологическая борьба, какую бы роль они ни играли, сами по себе остаются не причиной, а следствием коренных социально-политических противоречий и конфликтов. Это относится и к противоречиям в международных отношениях.

В нынешних условиях чаще, чем в прошлом, приходится сталкиваться с попытками придать тем или иным политическим акциям и конфликтам видимость идеологических, хотя в их основе лежат экономические или военно-политические мотивы. Это характерный прием империалистической политики, сплошь и рядом прибегающей для маскировки к доводам о защите свободы и демократии, обороне против «происков коммунизма» и т. д.

Такого рода практика, несомненно, способствует популярности противоположных концепций, согласно которым идеология и идеологическая борьба сами по себе не играют роли в международных отношениях, представляя собой скорее фасад, за которым и сегодня скрываются те же самые политические мотивы и реальности, что и сотни или даже тысячи лет назад.

Именно такие взгляды долгое время отстаивали приверженцы школы «реалистов» в американской политической науке. Они утверждают, что борьба за силу, прежде всего военную, остается неизменной сущностью всех международных отношений. «Государственные деятели и народы,— утверждает Ганс Моргентау,— могут в конечном счете добиваться свободы, безопасности, процветания или самой власти. Они могут определять свои цели в виде религиозных, философских, экономических или социальных идеалов... Но когда бы они ни стремились к осуществлению своих целей с помощью внешней политики, они всегда делают это, борясь за силу... В мировой политике в особенности вооруженная сила как угроза или потенция является наиболее важным материальным фактором, образующим политиче-

скую силу государства... борьба за силу универсальна во времени и пространстве»¹.

Спору нет, Моргентау весьма достоверно охарактеризовал существо империалистической политики, в течение долгого времени опиравшейся почти исключительно на военную силу, пытающейся делать это и сейчас. Но в том-то и состоит суть проблемы, что в нашу эпоху усложнились и расширились факторы силы во внешней политике и одним из них становятся идеи, идеология, идеологическая борьба.

Идея идеям, конечно, рознь (американские исследователи пропаганды Гордон, Фолк и Годап্প справедливо отмечают в этой связи, что «идеи могут быть инертными мыслями, предположениями, мечтами; могут они быть и стимулом к действию, запалом к динамитному заряду»²). Одна из особенностей нашей эпохи в том и состоит, что с расколом мира на две системы идеологическая сила, способность обеспечить влияние своих идей превратилась в новый важный источник мощи и влияния государств на международной арене.

Этого сейчас не могут отрицать и самые горячие поклонники безоговорочного приоритета военной мощи и других «материальных» источников силы. Это видно и по новейшим работам представителей школы «реалистов». Они далеки от того, чтобы связать этот новый фактор силы с коренными социальными процессами, идущими в мире, и прежде всего с обострением борьбы двух основных классов современности, происходящим как внутри отдельных стран, так и на международной арене. Речь скорее идет о другом — о готовности рассматривать идеологическую борьбу в качестве нового эффективного инструмента силы в борьбе государств.

В статье, опубликованной в 1967 г., Г. Моргентау писал: «Соединенные Штаты и Советский Союз противостоят друг другу не только как две великие державы, которые традиционным образом борются за преимущество. Они также противостоят друг другу как источники двух враждебных и несовместимых идеологий, двух систем правления, двух образов жизни, каждый из которых стремится расширить диапазон своих поли-

¹ H. Morgenthau. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. London, 1964, p. 13—14.

² G. Gordon, I. Falk, W. Hodapp. Op. cit., p. 9.

тических ценностей и институтов и не допустить аналогичного расширения с противной стороны. Таким образом, «холодная война» была не только конфликтом между двумя мировыми державами, но также и состязанием между двумя мирскими религиями». Особенно важно, по мнению Моргентау, то, что средства идеологической борьбы дают возможность осуществлять вмешательство во внутренние дела других стран. Идеологическая борьба, заявляет он, представляет собой «динамическую силу», с помощью которой осуществляется политика «вмешательства повсюду в мире, иногда тайно, иногда явно, порой с помощью принятых методов дипломатии и пропаганды, порой с помощью сомнительных средств — подрывной деятельности или неприкрытой силы»¹.

Наметившийся поворот в сторону признания целого ряда новых факторов внешней политики во многом связан с тем, что многие политические деятели и теоретики Запада на протяжении последних лет разочаровались в возможностях военной мощи, долгое время рассматривавшейся в качестве всемогущего орудия внешней политики государств. Сейчас в свете неудач американской агрессии во Вьетнаме такого рода выводы становятся все более распространенными. Но некоторые западные исследователи пришли к аналогичным выводам уже несколько лет назад, еще до того, как недавние события обнажили сдвиги в международных отношениях, установившие более тесные рамки эффективного применения военной силы. «Большинство из нас, — писал один из них, С. Мелмен, в книге «Наше истощенное общество», — соглашалось с Вольтером в том, что бог всегда на стороне самых сильных батальонов. Если бы была справедливой та истина, что самое мощное с военной точки зрения государство всегда может поставить на своем, то Соединенные Штаты, которые владеют самыми большими запасами ядерного оружия в мире, были бы в состоянии навязывать свою волю другим странам. Но этого не происходит на самом деле. В наши дни военная мощь становится все менее эффективной в качестве инструмента внешней политики»².

¹ «Foreign Affairs», April 1967, p. 428—429.

² S. Melman. *Our Depleted Society*. N. Y., 1965, p. 157.

Давно высказывает такие взгляды и видный американский политический деятель сенатор Фулбрайт. Указывая, что многие старые формулы теряют свой смысл перед лицом огромных сил разрушения, открытых наукой и техникой, он пишет о «полной диспропорции» между войной как инструментом политики и ее возможными целями. «Ядерное оружие,— подчеркивает американский сенатор,— сделало силу неприменимой в качестве инструмента национальной политики...»¹ Много подробнее и уже с учетом опыта вьетнамской войны излагает Фулбрайт эти взгляды в книге «Самонадеянность силы»².

К любопытным выводам начинают приходиться и многие американские деятели, никогда не пользовавшиеся репутацией пацифистов. Весьма характерны в этом свете заявления Генри Киссинджера о том, что «сила сейчас не переводится автоматически в политическое влияние»³.

Впрочем, вопрос о новых факторах силы во внешней политике заслуживает самостоятельного рассмотрения. Нас в данном случае интересует лишь тот его аспект, который связан с превращением идеологии в один из таких факторов. И хотелось бы отметить, что значение этого фактора марксисты увидели и оценили задолго до появления ядерного оружия. Еще в самые первые годы Советской власти В. И. Ленин говорил: «Достигнуто до известной степени неустойчивое равновесие. Материально в отношении экономическом и военном мы безмерно слабы, а морально,— не понимая, конечно, эту мысль с точки зрения отвлеченной морали, а понимая ее, как соотношение реальных сил всех классов во всех государствах,— мы сильнее всех. Это испытано на деле, это доказывается не словами, а делами, это уже доказано раз, и, пожалуй, если известным образом повернется история, то это будет доказано и не раз»⁴.

Слова В. И. Ленина о том, что «в отношении экономическом и военном мы безмерно слабы», относились, естественно, к определенному историческому периоду.

¹ W. Fulbright. *Old Myths and New Realities*. N. Y., 1964, p. 56.

² W. Fulbright. *The Arrogance of Power*. N. Y., 1966.

³ «*Agenda for the Nation*». Washington, 1968, p. 589.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 300.

Огромная экономическая и оборонная мощь СССР в наши дни хорошо известна. Но это не снижает значения идеологического и морального превосходства социализма, ставшего такой огромной силой в условиях развернувшейся в международных отношениях острой классовой борьбы.

Раскол мира на две системы является, таким образом, главной причиной и главным фактором возросшей роли идеологической борьбы в международных отношениях, которые все в большей мере определяются противоречиями и борьбой двух основных государственно оформленных классов современности — рабочего класса и буржуазии (прежде всего империалистической).

Вместе с тем идеологическая борьба отнюдь не становится первопричиной или даже основной причиной борьбы, столкновений и конфликтов, развертывающихся на мировой арене. Это лишь одна из форм классовой борьбы в международных отношениях. Но форма важная, играющая в этих отношениях большую роль, особенно в той связи, что именно в сфере идеологии чрезвычайно тесно переплетается классовая борьба, идущая на мировой арене и внутри общества. Тем самым идеологическая борьба становится серьезным фактором силы во внешней политике.

С этой силой не могут не считаться и империалистические правители. Ибо с ее вторжением в сферу внешней политики в международных отношениях начали решаться проблемы огромной важности, связанные не только с борьбой за традиционные внешнеполитические цели, но и с самим направлением дальнейшего исторического развития.

2. Народные массы и внешняя политика

Другая важная причина превращения идеологической борьбы в непрременный и очень существенный аспект международных отношений заключается в росте влияния широких масс народа на внешнюю политику. Этот факт, впервые замеченный марксистами-ленинцами — теми, кто всегда рассматривал массы трудящихся в качестве своего естественного союзника, постепенно

завоевывает все большее признание, в том числе и среди буржуазных исследователей.

Их «прозрение» в этом вопросе, по сути дела, началось после второй мировой войны. Уже в 50-е годы привлекли внимание первые работы, специально посвященные росту роли масс во внешней политике. Вопрос о растущем влиянии масс на общественную жизнь ставился в них в плане столь же сенсационном, сколь и недоброжелательном.

«Мнение масс приобретает в наш век растущую власть,— писал известный американский журналист Уолтер Липпман.— Оно проявило себя опасной силой, определяющей решения, от которых зависит жизнь и смерть»¹. «Наша эпоха отличается от предшествующих эпох огромным влиянием, оказываемым массами на общественную жизнь...— констатировал Сисли Хаддлстон, дипломатический обозреватель, возглавлявший одно время «Англо-американскую ассоциацию печати».— Ничего не осталось ни от монархов божьей милостью, ни от выборных представителей, в какой-то мере разделявших в глазах толпы эти божественные права. Сегодня народ — то есть толпа — является естественным наследником этих прав, и горе тому, кто выступает наперекор массам»².

За 10—15 лет, истекших с момента, когда эти вопросы начали всерьез обсуждаться в буржуазной литературе, новая роль масс в политике перестала быть сенсацией, о ней заговорили как о реальном факте все больше западных социологов и политических теоретиков. В качестве довольно типичного приведем высказывание упоминавшегося уже американского исследователя Гибсона: «Общественное мнение во всех странах должно учитываться национальными руководителями при формулировании внутренней и внешней политики. Всего лишь несколько десятилетий назад основные решения по международным вопросам принимались только правительством и дипломатами. Народ страны по большей части не оказывал никакого влияния на выработку национального политического курса. Сегодня

¹ W. Lippmann. *The Public Philosophy*. N. Y., 1955, p. 20.

² S. Huddleston. *Popular Diplomacy and War*. Rindge, 1954, p. 145, 147.

средний человек требует, чтобы к нему прислушивались»¹.

К подобного рода заявлениям надо, разумеется, относиться с осторожностью. В них верно отмечается одна из важных особенностей современных международных отношений. Но рассуждения о важности учитывать общественное мнение, ссылки на требования и волю «среднего человека» подчас используются для того, чтобы скрыть тот факт, что, несмотря на возросшее влияние масс, внутреннюю и внешнюю политику капиталистических государств по-прежнему определяют отнюдь не они, а правящая буржуазия и ее политические представители. При всем том даже империалистическим правительствам все больше приходится учитывать этот новый фактор общественно-политической жизни в своих действиях — либо предпринимая специальные усилия для того, чтобы соответствующим образом обрабатывать общественное мнение, либо прибегая к маневрам и уступкам, если сопротивление трудящихся масс империалистической политике оказывается достаточно серьезным.

Признание буржуазными теоретиками возросшей роли народных масс в международных отношениях, естественно, сопровождается попытками дать свой ответ на вопрос о причинах этого явления.

Одна из наиболее распространенных версий состоит в объяснении растущей зависимости внешней политики от мнения народа «искажением» демократии, якобы приводящим к тому, что «толпа» самовольно присваивает себе право вмешиваться в государственные дела и пытается использовать демократические свободы для оказания влияния на дипломатические решения. К этому сводится, в частности, точка зрения У. Липпмана. По сути, на той же точке зрения стоят и некоторые другие авторы, воздерживающиеся, в отличие от Липпмана, от отрицательных оценок этого явления. Выше уже приводились соответствующие выдержки из доклада комиссии Спрэйга и книги Гордона, Фолка и Годатта, которые считают одной из главных причин возросшего влияния общественного мнения на политику «распространение демократических идей», расширение избирательного права и т. д.

¹ J. Gibson. Op. cit., p. 14.

Спору нет, существование даже формальных, урезанных демократических прав и свобод облегчает политическую деятельность масс трудящихся, их партий и организаций, помогает им оказывать более эффективное влияние на государственную политику (в том числе внешнюю), затрудняя осуществление планов монополистической буржуазии. Именно поэтому подготовка империалистических государств к войне и агрессии, как свидетельствует опыт истории, включает в качестве неотъемлемого элемента широкое наступление на демократические права и свободы народа, усиление реакции во внутривнутриполитической жизни страны.

Но попытки объяснить возрастание роли общественного мнения в международных отношениях одним лишь наличием буржуазно-демократических свобод являются несостоятельными, как бы велико ни было значение избирательного права и других демократических прав граждан в условиях капитализма.

Не демократия предшествует росту роли масс в политике, а, скорее, наоборот, от этой роли зависит сам объем демократических прав и свобод, которыми пользуются массы. Эти права и свободы никогда не приносились трудящимся в дар, а завоевывались ими в упорной борьбе. Именно в результате такой борьбы и получили значительную толику своего хваленого «демократизма» некоторые установления и принципы буржуазного государства.

Даже многие лидеры революционной французской буржуазии XVIII века, которой столь многим обязана буржуазная демократия, уже совершив революцию, не ставили своей целью создание республики, не возражали против сохранения монархии как формы правления, долгое время надежно обеспечивавшей коренные интересы имущих классов. И только под влиянием борьбы общественных низов, включая молодой пролетариат, французская буржуазия, как пишет В. И. Ленин, «вся была переделана в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена»¹ и создала такие формы правления, которые стали образцом буржуазного демократизма.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 84.

Тем более это относится к современной империалистической буржуазии, давно уже избавившейся от иллюзий о незыблемости и неоспоримости выгодных ей общественных порядков, осознавшей, что она может сохранять власть лишь постольку, поскольку ей удастся удерживать в узде угнетаемое большинство общества. В таких условиях даже любое буржуазно-демократическое установление остается объектом непрерывной борьбы. Если бы не сопротивление рабочего класса, всех трудящихся, трудно сказать, что осталось бы от избирательного права, формальных гражданских свобод и прочих атрибутов буржуазного демократизма, за счет которых пытаются отнести возросшую роль масс в общественно-политической жизни. Значит, не буржуазная демократия открыла массам доступ к влиянию на политику, а, наоборот, сами буржуазно-демократические принципы и институты получили свое развитие в результате возросшей роли и активности народных масс в общественной жизни.

Объясняя причины влияния масс на внешнюю политику, другие буржуазные авторы указывают не на «извращение» демократии, а на «извращение» самого характера современной дипломатии. Типичны в этом отношении рассуждения Хаддлстона, утверждавшего, что со времени первой мировой войны на смену старой, «традиционной» дипломатии пришла новая, «открытая», или «народная», дипломатия, которая-де и пробудила у «толпы» обостренный интерес к внешней политике.

Такая постановка вопроса вызывает целый ряд возражений. Прежде всего надо разобраться, что следует понимать под «открытой», «народной» дипломатией, если речь идет о внешней политике буржуазных стран. Как явствует и из книги Хаддлстона, суть дела состоит в том, что дипломатия оказывается вынужденной апеллировать к общественному мнению, к массам, т. е. активно включается в идеологическую борьбу. Но в таком случае мы опять сталкиваемся с подменой причины — роста роли народных масс во внешней политике — следствием — изменением характера дипломатии, суть которого состоит в том, что обслуживать государственную политику ей приходится теперь не только в традиционном плане межправительственных отно-

шений, но и в плане воздействия на общественное мнение.

Несостоятельность объяснений причин возросшей роли народных масс в международных отношениях, приводимых в буржуазной литературе, вполне понятна. Это как раз один из тех вопросов, в которых классовый интерес современной буржуазии превращается в непреодолимую преграду на пути объективного исследования. Ибо показать подлинные причины указанного явления значило бы углубиться в анализ коренных социально-политических сдвигов, связанных с упадком капитализма, с подъемом нового класса — пролетариата, нового социального строя — социализма и ростом их воздействия на весь ход исторического развития.

Именно с этими сдвигами связан рост роли народных масс в политической жизни вообще, во внешней политике и международных отношениях в частности и в особенности.

Одно из краеугольных положений материалистического понимания истории состоит, как известно, в том, что главной, определяющей силой развития человеческого общества являются не отдельные выдающиеся личности, а народные массы. Это положение было обосновано марксистско-ленинской наукой об обществе в результате анализа той роли, которую народные массы играют во всех основных сферах общественной жизни — в общественном производстве, духовной культуре, политике. Нас в данном случае интересует прежде всего последняя.

На протяжении веков в этой сфере складывалось весьма своеобразное положение. Само существование эксплуататорского строя мыслимо лишь в том случае, если политику определяют эксплуататорские классы, а не народные массы. Из этого, однако, не следует, что марксистское положение о массах как творцах истории не распространяется на такую важную область общественной жизни, как политика.

Прежде всего в самые решающие периоды истории — периоды социальных революций — творческая роль народных масс в политике неизмеримо возрастает, они превращаются в главную ударную силу революционной деятельности, которая ломает оковы, сдерживающие общественный прогресс, ломает старые произ-

водственные отношения, старый общественный и государственный строй. Недаром В. И. Ленин называл революцию «праздником угнетенных и эксплуатируемых»¹. Без нее невозможна смена одной общественно-экономической формации другою, невозможен, иными словами, общественный прогресс.

Что касается «мирных», «нормальных» периодов развития эксплуататорского общества, то на протяжении их народные массы, естественно, в формировании официальной политики (законодательстве, выработке правительственных решений и т. д.) непосредственно не участвуют и правящие классы стремятся всеми средствами их из политической жизни вообще исключить. Единственный путь воздействия, который остается открытым перед массами трудящихся в такие периоды,— это путь сопротивления политике господствующих классов.

Положение меняется лишь после социалистической революции, когда массы трудящихся из объекта становятся полноправным субъектом политики. Социализм не просто «допускает» активное историческое творчество масс, а обязательно предполагает такое творчество, ибо без него, в силу масштабов и характера задач, стоящих перед обществом, он не может победить и нормально развиваться². Вот почему социализм, в отличие от любого предшествующего общественного строя, и после своей победы остается кровно заинтересован в максимальном развертывании творческой революционной энергии трудящихся масс, в максимальном выявлении их решающей роли в общественно-историческом процессе, не мирится и не может мириться с любыми помехами на этом пути, к числу которых, например, относятся взгляды и практика, характерные для такого явления, как культ личности. В смысле не только возможности пробуждения творческой энергии масс, но и потребности в пробуждении этой энергии социалистическая революция открывает качественно новый этап

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 103.

² «...Социализм может быть построен только тогда,— говорил В. И. Ленин,— когда в 10 и 100 раз более широкие массы, чем прежде, станут сами строить государство и строить новую хозяйственную жизнь» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 425—426).

развития общества, на котором, по определению В. И. Ленина, историю творят «самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей»¹.

Что касается капиталистического общества, то роль народных масс в его политической жизни зависит прежде всего от возможностей защиты своих интересов, сопротивления официальной политике правящей буржуазии. Другими словами, она зависит от уровня классовой борьбы трудящихся.

А их возможности являются в нашу эпоху более широкими, чем в условиях любой предшествующей общественной формации. Ибо на арену классовой борьбы вышел рабочий класс — самый сознательный, организованный и революционный класс в истории общества, имеющий свои политические партии, профессиональные и другие организации, научно обоснованную программу, создавший богатый арсенал форм, приемов и тактических средств борьбы.

Это особенно относится к современному периоду развития капитализма, к эпохе его углубляющегося общего кризиса, которую характеризует коренное изменение соотношения классовых сил в мире. Рост роли народных масс в общественно-политической жизни, связанный с коренными особенностями нашей эпохи — победой трудящихся в ряде стран, превращением мировой системы социализма в решающий фактор мирового развития, подъемом классовой борьбы пролетариата в капиталистических государствах и общедемократических движений, выходом на арену самостоятельного исторического творчества многомиллионных народов, подвергавшихся колониальному угнетению, — не только изменил всю политическую картину мира, но и обусловил громадное ускорение темпов общественного развития.

Еще столетие назад, писал В. И. Ленин в 1918 г., «историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов при сонных и спящих массах рабочих и крестьян. Тогда история могла ползти в силу этого только с ужасающей медленностью»². В одной из работ, написанных в 1922 г., подчеркивая, что за по-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 82.

² Там же, стр. 81.

следнее десятилетие по содержанию борьбы и движения прожито лет сто, В. И. Ленин указывал, что «основная причина этого громадного ускорения мирового развития есть вовлечение в него новых сотен и сотен миллионов людей». Большинство населения земли, писал он, «теперь проснулось и пришло в движение, которое не в силах остановить самые сильные и «могущественные» державы»¹.

Коренные социально-политические перемены, происшедшие за последние десятилетия, определили, таким образом, рост влияния трудящихся масс как на внутреннюю, так и на внешнюю политику, на международные отношения. Последнее создает особенно резкий контраст в сравнении с прошлым — не только с докапиталистическими эпохами, но и с предшествующими периодами истории капитализма.

Внешняя политика, как «заповедное поле» деятельности профессиональных политиков и дипломатов, особенно усердно ограждалась от воздействия масс, ее окружали глубокой тайной, тщательно скрывая движущие силы внешней политики, включая подлинные источники и причины войн, за которые приходилось тяжкой ценой расплачиваться прежде всего трудящимся.

Первые признаки перемен появились только с выходом на историческую арену рабочего класса. По мере нарастания классовой борьбы у народных масс начали появляться более широкие возможности воздействия на внешнюю политику.

Эти новые возможности были отмечены Марксом. Еще в 60-х годах XIX столетия он писал, что сами преступления, творимые реакционными классами в области внешней политики, «указали рабочему классу на его обязанность — самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами, имеющимися в его распоряжении...»².

В классовой борьбе рабочих Маркс увидел ту силу, которая способна воздействовать на угнетателей, сры-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 174.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 11.

вать их преступные внешнеполитические планы. В реальности этой силы его убедили уже события тех лет, в частности борьба английского пролетариата против планов вмешательства в гражданскую войну в США на стороне Юга, вынашивавшихся буржуазией Великобритании.

История капитализма дает и некоторые другие примеры активного воздействия масс трудящихся на решение внешнеполитических проблем. Но долгое время это были все же исключения. Как писал В. И. Ленин, «самые важные вопросы: война, мир, дипломатические вопросы решаются ничтожной горсткой капиталистов, которые обманывают не только массы, но даже часто обманывают и парламент»¹.

Коренные изменения и в этой области произошли лишь на протяжении последних десятилетий, с вступлением капитализма в эпоху его общего кризиса.

Решающую роль сыграло в этом отношении появление на исторической арене принципиально новой внешней политики и дипломатии — внешней политики и дипломатии социалистических стран, которая не только выражает интересы и волю широчайших народных масс всего мира, но и сознательно ставит своей целью добиваться всемерного расширения влияния трудящихся масс на международные отношения.

Большое значение имело, далее, то, что и в капиталистических странах, особенно после второй мировой войны, несмотря на сосредоточение власти в руках монополистической буржуазии, подчиняющей себе государство, сложились условия, открывающие более широкие возможности борьбы трудящихся масс за свои внешнеполитические интересы и требования.

Наконец, полным ходом развернулся процесс пробуждения к самостоятельной государственной и политической жизни народов Азии, Африки, Латинской Америки — подавляющего большинства человечества, еще недавно составлявшего лишь объект внешней политики империалистических хищников. В молодых национальных государствах, разумеется, далеко не везде складываются социальные условия, позволяющие мас-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 285.

сам трудящихся играть активную политическую роль. Но тем не менее внешняя политика многих из этих государств формируется с известным учетом устремлений и интересов масс, в частности их стремления к миру, национальной независимости, налаживанию дружественных отношений со странами социалистического содружества.

Одна из особенностей нашей эпохи — эпохи перехода человечества от капитализма к социализму — заключается в том, что до известной степени «переходный» характер приобретают и международные отношения. Они представляют собой чрезвычайно сложную картину, в которой перекрещиваются, борются и взаимодействуют элементы как нового, так и старого, как капитализма и рождаемых им отношений между народами, так и социализма и новых, социалистических международных отношений; как традиционной внешней политики эксплуататорских классов и государств, так и внешнеполитической деятельности социалистических государств и трудящихся масс, возглавляемых рабочим классом.

Активность и масштабы борьбы трудящихся масс, помимо реальных возможностей влиять на политику, зависят еще и от заинтересованности широких масс в решении тех или иных внешнеполитических проблем. Ясно, что, даже обладая большой силой сопротивления угнетателям, трудящиеся массы пускают ее в ход лишь в борьбе за такие внешнеполитические требования, которые действительно затрагивают их коренные интересы. Есть здесь и второй момент — чтобы вступить в борьбу, массы должны не только быть объективно заинтересованы в решении того или иного внешнеполитического вопроса, но и *осознавать* этот свой интерес. Не раз в прошлом бывало, что трудящиеся оставались пассивными наблюдателями событий именно по той причине, что не сознавали значения или последствий тех или иных внешнеполитических действий угнетательских правительств.

В отношении обоих этих решающих моментов эпоха общего кризиса капитализма, особенно в период после второй мировой войны, принесла чрезвычайно важные изменения. Одно из них связано с новыми формами и средствами ведения войны, и в частно-

сти с появлением ядерно-ракетного оружия массового уничтожения. Другое — с открытой дипломатией социалистических стран.

Диалектика милитаризма

Активизация идеологической борьбы государств на международной арене часто приходилась в прошлом на периоды войны. На первый взгляд это может представляться парадоксальным. Ведь если из всех методов и средств борьбы за внешнеполитические цели избираются военные, то по логике вещей другие методы и средства — в том числе методы убеждения — должны, казалось бы, отступить на второй план. Почему же на деле так не происходило, почему, отдав предпочтение военным средствам политики, государство оказывалось вынужденным активизировать также идеологические, пропагандистские усилия, направленные на убеждение своего и других народов? Ответ на этот вопрос следует искать в том, что из всех проблем внешней политики как раз война всегда особенно сильно и непосредственно задевала жизненные интересы широких масс трудящихся. И с другой стороны, от всех других средств проведения внешней политики война отличается тем, что требует активного участия более или менее значительных масс населения.

Естественно, что изменения в орудиях и методах ведения войны, ее характере и последствиях оказывали глубокое воздействие как на заинтересованность масс трудящихся в вопросах внешней политики, так и на их возможности на эту политику влиять.

Связь между изменениями в военной технике и характере войны, с одной стороны, и идеологической борьбой, с другой, в последние годы начали признавать и буржуазные авторы. Они, в частности, ссылаются на появление ядерного оружия как на один из факторов, определивших возросшее значение идеологической борьбы в международных отношениях.

Что же именно при этом имеется в виду?

Прежде всего то обстоятельство, что появление оружия массового уничтожения делает неограниченную термоядерную войну непригодным или, во всяком случае, «непрактичным» орудием борьбы за достижение коренных целей внешней политики империализма — сокрушение социалистических стран. В этих условиях,

естественно, возрастает роль других орудий внешней политики, включая идеологические.

Надо сказать, что такая точка зрения получила на Западе распространение не просто в связи с появлением ядерного оружия и современных средств его доставки. До поры до времени, пока империалистические державы располагали монополией или, по крайней мере, значительным превосходством в этой области, вопрос так не ставился. Положение изменилось лишь после того, как стали очевидными успехи Советского Союза в области производства ядерного оружия и средств его доставки (в частности, ракет). Именно тогда — с конца 50 — начала 60-х годов — начался период так называемой «мучительной переоценки» военно-политических доктрин империализма, на смену самобуйственным концепциям «освобождения» и «массированного возмездия» пришла доктрина «гибкого реагирования», центр тяжести был перенесен на поиски таких средств проведения политики, которые бы обещали успех, не неся прямой угрозы всеобщего ракетно-ядерного конфликта.

Как раз в те годы новые реальности международных отношений начали находить признание в западной политической литературе. Как довольно типичную можно привести постановку этого вопроса Чарльзом Доннели. «Вооруженные силы, — пишет он, — остаются важным инструментом национальной внешней политики, но сегодня опасность, заложенная в их использовании, вынуждает мировые державы обращаться чаще к другим средствам для достижения своих национальных целей. Эти средства включают использование политического и дипломатического давления, экономических мер, таких, как займы, дары, благоприятные торговые соглашения и техническое сотрудничество, и психологических методов, которые включают в себя пропаганду, угрозы, жесты доброй воли, иногда мероприятия по линии внутренней политики, призванные произвести впечатление на другие страны»¹. Все шире распространялась концепция, согласно которой оружие перестает быть мечом с точки зрения всеобщей

¹ «An American Foreign Policy Reader», ed. by H. Ransom. N. Y., 1965, p. 143.

войны, а превращается в щит, под прикрытием которого применяются иные методы внешней политики.

Многие западные авторы, анализируя возможности борьбы против социализма в условиях «ядерного тупика», начали на первое место выдвигать средства идеологического воздействия, внешнеполитическую пропаганду. Так ставили, например, вопрос Гордон, Фолк и Годап. «Сегодня пропаганда стала оружием дипломатии,— писали они,— и каждое современное государство энергично занимается идеологическим вторжением. В вакууме, образованном страхом перед атомной войной, эта война слов может оказаться борьбой не на жизнь, а на смерть»¹. О таком «вакууме» говорил и Уолтер Джойс, редактор журнала «Принтерс инк», который можно считать официальным органом американского рекламного бизнеса (проявляющего в последние годы растущий интерес к внешнеполитической пропаганде). В своей книге «Брешь в пропаганде», обосновывающей необходимость всемерного усиления идеологической борьбы против коммунизма, он констатировал: «Сейчас мы приближаемся к политическому Армагеддону. Военные возможности, которыми располагают коммунисты и свободный мир, практически перечеркивают друг друга по той простой причине, что для обеих сторон было бы бессмысленно прибегнуть к ядерной войне». Отсюда вывод: полагаться приходится прежде всего на борьбу в сфере идеологии, ее задачам надо подчинить всю политику. «Если только мы не хотим и не готовы начать всеобщую агрессивную войну против коммунистов,— пишет Джойс,— нет ни одной национальной цели, в которой бы доминирующими не были психологические аспекты»².

В такой постановке вопроса можно, конечно, усмотреть признание некоторых исходных предпосылок давно уже выдвинутого коммунистами принципа мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным общественным системам. Но коммунисты выдвинули этот принцип еще задолго до появления ядерного оружия, предложив отказаться от войны и вести исторически неизбежную борьбу двух систем в рам-

¹ G. Gordon, I. Falk, W. Hodapp. Op. cit., p. 28—29.

² W. Joyce. The Propaganda Gap. N. Y., 1963, p. 28—29, 8.

ках идеологической борьбы и экономического соревнования. Изменение характера войны, связанное с прогрессом военной техники, появлением невиданных по разрушительной силе средств массового истребления, заставило даже некоторых фанатических ненавистников коммунизма признать целесообразность этих предложений. Другой вопрос, что эти уступки требованиям жизни носят весьма ограниченный и двусмысленный характер, в том числе и в силу присущих империалистическим деятелям взглядов на природу идеологической борьбы, а также применяемых ими методов.

Последствия изменений в военной технике и характере войны, однако, не исчерпываются тем, что империалистические державы оказались вынужденными обратить большее, чем прежде, внимание на невоенные средства борьбы против социализма, включая сферу идеологии. Эти изменения имели прямое отношение и к интересующей нас проблеме влияния народных масс на внешнюю политику.

Анализ этой проблемы требует прежде всего уточнения некоторых вопросов методологии, применяемой при ее рассмотрении.

В последние годы некоторые деятели, именующие себя марксистами, попытались подвергнуть сомнению правомерность самой постановки вопроса о влиянии новых видов военной техники на политические отношения. Речь идет о группировке Мао Цзэ-дуна, которая выступила против согласованных выводов компартий относительно политических последствий появления современного оружия массового уничтожения. При этом китайское руководство попыталось сослаться как раз на марксистско-ленинское учение о народных массах как творцах истории.

В одной из статей, с которых Пекин начал полемику по этому вопросу, говорилось: «Мы не являемся сторонниками теории всемогущества ядерного оружия. Мы никогда не считали, что ядерное оружие решает судьбу человечества. Мы глубоко убеждены в том, что народные массы являются решающей силой в развитии истории, только народные массы решают исторические судьбы человечества».

Слова насчет «теории всемогущества ядерного оружия» в данном случае следует оценить лишь как

недобросовестный прием полемики¹ — подобного рода «теории» ни один марксист никогда не выдвигал и не поддерживал. Но нас сейчас интересует другое: что общего с марксистско-ленинским пониманием истории имеет такая постановка вопроса, согласно которой народным массам вообще все, так сказать, нипочем?

Спору нет, народные массы определяют в конечном счете ход истории — своей производственной деятельностью, косвенным и прямым участием в создании культурных ценностей, а в определенных формах и на определенных ступенях развития общества — и своей политической деятельностью. Но разве можно отсюда сделать вывод, что народные массы, и только они, определяют в классовом обществе исход каждого политического события? Разумеется, нет. Эксплуататорское классовое общество на том и стоит, что основные политические дела вершат не массы трудящихся, а правящие классы. Так обстояло дело в прошлом, так, несмотря на рост роли масс в общественно-политической жизни, обстоит оно в капиталистических странах и сейчас. В противном случае эксплуатация, гнет, социальная несправедливость, захватнические войны вообще были бы невозможны.

Марксисты-ленинцы всегда считали плохим революционером того, кто этой реальности не видит, кто считает, что трудящиеся массы всегда, в любой момент и в любых условиях могут повернуть ход событий по своему. Еще В. И. Ленин высмеивал за такие взгляды русских народников, выдвигавших нереальные, утопические планы борьбы, исходивших из того, «будто бы сила была уже на стороне трудящихся или их идеологов, и оставалось уже только указать «ближайшие», «целесообразные» и т. п. приемы употребить эту силу». Такая точка зрения, подчеркивал В. И. Ленин, есть «сплошная приторная ложь»².

Марксистско-ленинское положение о народных массах как подлинных творцах истории было, как изве-

¹ Недобросовестный тем более, что сами пекинские лидеры отдали созданию собственного ядерного оружия приоритет перед всеми другими проблемами страны, хотя оно и не было необходимо для обороны против империализма, надежно обеспечиваемой мощью социалистического лагеря.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 407.

стно, выдвинуто в противовес идеалистическим взглядам, согласно которым историю творят не массы, а выдающиеся личности — короли, полководцы, философы, законодатели и т. д. Но из него не следует, что массы при любых обстоятельствах и в любых условиях могут добиться всего, чего захотят.

Положение о народных массах как творцах истории отнюдь не отменяет, в частности, того факта, что и массам тоже приходится действовать в рамках объективных возможностей, определяющих в каждую конкретную эпоху степень их влияния на политику и другие общественные дела.

Что касается оружия, то в классовом обществе это не только техника, но и важный материальный фактор общественных отношений. Действительно, почему массы на протяжении тысячелетий не могли проводить в жизнь свою волю и были вынуждены подчиняться диктату эксплуататорских классов? Даже и пекинские теоретики не станут отрицать того, что коренится такое положение в реальных исторических условиях, которые на протяжении тысячелетий не давали возможности построить общество, в котором власть принадлежала бы не эксплуататорам, а трудящимся. Конкретные же причины, вынуждавшие массы трудящихся жить в условиях угнетения, унижений и бесправия, состояли в том, что не им, а эксплуататорам на протяжении многих веков принадлежала власть в обществе. Эта власть обеспечивалась экономическим господством. Обеспечивалась она также господством духовным или идеологическим. Она обеспечивалась, наконец, и силой в прямом смысле этого слова — вооруженной силой, которая всегда составляла основу основ государственной власти.

Но вооруженная сила складывается не только из превосходящей военной организации. Огромное значение имеет также превосходящая военная техника — оружие, которым располагает господствующий класс и которого не имеют массы. Вспомним известное высказывание В. И. Ленина: «Во всяком классовом обществе,— будь оно основано на рабстве, крепостничестве или, как теперь, на наемном труде,— угнетающий класс бывает вооруженным. Не только теперешнее постоянное войско, но и теперешняя милиция — даже в

самых демократических буржуазных республиках, например, в Швейцарии — есть вооружение буржуазии *против* пролетариата. Это — такая элементарная истина, что особенно останавливаться на ней едва ли есть надобность»¹.

Образно говоря, оружие — это один из инструментов, с помощью которых эксплуататорское меньшинство всегда компенсировало свою численную слабость перед лицом угнетенного большинства, сводило на нет ту силу массы, которая всегда была за трудящимися.

Военная техника, таким образом, играет большую социально-политическую роль, как важнейшее орудие классового насилия. А насилие в антагонистическом обществе представляет собой важнейший метод политики.

Эта логика связи военной техники и политики была выявлена уже основоположниками марксизма-ленинизма. Важное значение имеет в этой связи оценка Марксом и Энгельсом изобретения огнестрельного оружия. Маркс в своей работе «Наемный труд и капитал» писал: «С изобретением нового орудия войны, огнестрельного оружия, неизбежно изменилась вся внутренняя организация армии, преобразовались те отношения, при которых индивиды образуют армию и могут действовать как армия, изменилось также отношение различных армий друг к другу»². Касаясь социального смысла этих изменений, Энгельс отмечал в «Анти-Дюринге»: «Введение огнестрельного оружия повлияло революционизирующим образом не только на само ведение войны, но и на политические отношения господства и порабощения»³.

Могут спросить: если марксисты придерживаются такой точки зрения, то в чем же тогда разница между их взглядами и взглядами тех буржуазных социологов, которые ищут ключ к объяснению всех социальных и политических явлений в технике, в том числе и в технике военной? Разница здесь есть, причем принципиальная.

Буржуазные социологи устанавливают между техникой и политикой непосредственную, замкнутую

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 135.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 441—442.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 171.

связь, игнорируя классовые, социальные отношения, которые во всех случаях играют определяющую роль. Марксисты же рассматривают новую технику лишь как один из материальных элементов экономических и политических отношений, в связи с тем влиянием, которое этот элемент оказывает на положение тех или иных классов, а также на отношения между ними. Чтобы проиллюстрировать суть такого подхода, вернемся к приведенному выше высказыванию Энгельса, в котором он раскрывает влияние военной техники на «политические отношения господства и порабощения».

«Чтобы иметь порох и огнестрельное оружие,— продолжал свою мысль Энгельс,— нужны были промышленность и деньги, а тем и другим владели горожане. Огнестрельное оружие было поэтому с самого начала направленным против феодального дворянства оружием городов и возвышающейся монархии, которая опиралась на города. Непреступные до тех пор каменные стены рыцарских замков не устояли перед пушками горожан; пули бюргерских ружей пробивали рыцарские панцири. Вместе с закованной в броню дворянской кавалерией рухнуло также господство дворянства...»¹

Анализ последствий появления огнестрельного оружия, содержащийся в трудах Маркса и Энгельса, конечно, не дает повода для прямых исторических аналогий (появление ядерного оружия не привело к передвижке классовых сил внутри капиталистического общества)². Но этот анализ полностью сохраняет свое методологическое значение, указывая на те большие политические и социальные последствия, которые может иметь, казалось бы, чисто техническое нововведение — в данном случае изобретение нового вида оружия.

Вместе с тем в «Анти-Дюринге» мы можем найти страницы, которые и сегодня полностью сохраняют

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 171.

² Заметим, что научно-техническая революция в вооружении не могла не сказаться на расстановке политических сил в правящих кругах империалистических держав, и особенно США. С ней связано, в частности, усиление влияния военно-промышленного комплекса, так называемой «новой технократической элиты» и т. д.

свою актуальность не только с методологической точки зрения. Речь идет о страницах, посвященных исследованию милитаризма — этого порождения классовых отношений буржуазного общества, политики господствующей буржуазии, превратившегося к концу XIX века в социальное явление, которое приобрело относительную самостоятельность и, как подчеркивал Энгельс, свою «диалектику развития».

Причем и здесь отправной точкой анализа послужили изменения в военной технике (появление скорострельных винтовок, пулеметов, новых видов артиллерии, новых военных кораблей) и в организации армии (переход от наемного и профессионального войска к массовой армии — армии, представляющей собой вооруженный народ). Анализируя эти изменения, Энгельс писал: «Армия стала главной целью государства, она стала самоцелью; народы существуют только для того, чтобы поставлять и кормить солдат. Милитаризм господствует над Европой и пожирает ее. Но этот милитаризм таит в себе зародыш собственной гибели».

Энгельс отмечал в этой связи, во-первых, гигантский рост военных расходов, а во-вторых, тот факт, что соперничество государств заставляет их «все более и более всерьез применять всеобщую воинскую повинность и тем самым обучать в конце концов весь народ умению владеть оружием, так что народ становится способным в известный момент осуществить свою волю вопреки командующему военному начальству. И этот момент наступит, как только народная масса — деревенские и городские рабочие, а также крестьяне — *будет иметь* свою волю. На этой ступени войско монарха превращается в народное войско, машина отказывается служить, и милитаризм погибает в силу диалектики своего собственного развития»¹.

К этим мыслям Энгельс не раз возвращался и в других своих трудах. Вот, например, что он писал в введении к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», специально обобщая последние изменения в военной технике и организации: «Зачисление всего годного к военной службе населения в армии, на-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 175.

считывающие уже миллионы солдат, применение огнестрельного оружия, артиллерийских снарядов и взрывчатых веществ еще неслыханной силы действия — все это создало полный переворот во всем военном деле... сделав невозможной никакую другую войну, кроме неслыханной по своей жестокости мировой войны...»¹

Из этих высказываний предстает весь логический ход анализа замечательного марксиста. Отталкиваясь как от одной из отправных точек от изменений в военной технике и организации армии, учитывая всю совокупность экономических, социальных и политических условий современного ему общества, Энгельс приходит к важным выводам, которые, несомненно, помогли последующим поколениям марксистов выработать верную политическую линию, стратегию и тактику классово-борьбы пролетариата. В зародыше мы видим в этих пророческих высказываниях многие из основных моментов, сыгравших решающую роль в грядущих революционных боях рабочего класса.

Здесь и важное положение насчет того, что военная организация, утвердившаяся с конца XIX века (переход к массовой армии), создает в определенных условиях возможность превратить войско монарха или буржуазной республики в народное войско, другими словами, в армию революции.

Здесь и предвидение тех общенациональных кризисов, которые возникнут в связи с мировыми войнами и, в свою очередь, перерастут в революционные ситуации.

Здесь и предвосхищение основного тактического лозунга рабочего класса в отношении развязанной капитализмом войны: «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую!»

Здесь, наконец, пророческий вывод насчет «диалектики милитаризма»: раздув до гигантских размеров милитаризм, капиталистический строй посеял семена гибели не только этого своего кровавого порождения, но и самой социальной системы, на почве которой милитаризм вырос и которую он увлекает с собою в могилу.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 537—538.

В. И. Ленин развил идеи Маркса и Энгельса уже применительно к новому уровню военной техники и организации, достигнутому в первой четверти XX века. Он раскрыл социальное значение происшедших перемен не только для того, чтобы еще раз изобличить антинародную природу капитализма, но и для того, чтобы определить новые подходы рабочего класса к борьбе за социализм, к борьбе против войны. Войны между государствами, подчеркивал Ленин, «прекратятся лишь тогда, когда перестанет существовать капиталистический строй, или же, когда громадность человеческих и денежных жертв, вызванных военно-техническим развитием, и вызванное вооружениями народное возмущение приведут к устранению этой системы»¹. Как свидетельствует Н. К. Крупская, еще в начале 1918 г. Ленин отметил, что «современная техника сейчас все более и более помогает разрушительному характеру войны. Но будет такое время, когда война станет настолько разрушительной, что она вообще станет невозможной»².

Все эти установки основоположников марксизма-ленинизма, подтвержденные дальнейшим ходом истории, полностью сохраняют свое значение, указывая надежный путь анализа сущности перемен, которые произошли в международных отношениях в последующие десятилетия.

Что касается воздействия нововведений в военной технике и военной организации на роль народных масс во внешней политике, то первая проблема, которую в этой связи необходимо рассмотреть,— это проблема массовой армии и судеб милитаризма.

Из нововведений в военной области, на которых строил свои выводы Энгельс, самым важным оказалось в свете исторического опыта появление в главных европейских державах массовых армий. Действительно, с последней трети XIX века такие армии стали постоянными.

В чем состоит принципиальное значение этого? Прежде всего в том, что буржуазия оказалась вынужденной перейти к массовому военному обучению и воору-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 188.

² Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1960, стр. 40—41.

жению своих классовых противников — рабочих и крестьян. Не профессиональное войско, составленное из представителей господствующего класса (таким было рыцарство) или деклассированных и подкупленных слоев общества (такими были наемные армии монархов, ландскнехты), а вооруженный народ должен был стать главной военной опорой капиталистических угнетателей, орудием их антинародной захватнической внешней политики.

Далее, переход к многомиллионным массовым армиям неизбежно усугубил разрушительный характер войны. За внешнеполитические авантюры правящих классов народам приходилось расплачиваться все более тяжелой ценой — кровью и огромными материальными лишениями, что неизбежно усиливало классовую ненависть трудящихся к угнетателям — зачинщикам войн.

Наконец, война с участием массовых армий, превратившись в «тотальную войну», в определенных условиях могла вести к ослаблению политической власти капитала, к ее дезорганизации, т. е. создавать одну из необходимых предпосылок революционной ситуации.

Значение этих факторов трудно переоценить. Все они действуют в одном направлении — усиливают социальные противоречия капиталистического общества, облегчают возможность революционных выступлений рабочего класса и всех трудящихся, с неодолимой силой толкают народные массы на борьбу против милитаризма и порождающего его буржуазного строя.

Этот теоретический вывод, сделанный марксистской мыслью еще в конце прошлого века, был затем полностью подтвержден историческим опытом. Целый ряд крупных войн, затеянных за последнее столетие агрессивной буржуазией, сопровождался мощными революционными выступлениями трудящихся масс, возглавляемых рабочим классом. Франко-прусская война 1870—1871 гг. имела одним из своих последствий Парижскую коммуну. Русско-японская война окончилась не только Портсмутским миром, но и революцией 1905—1907 гг. Первая мировая война завершилась социалистическими и демократическими революциями в целом ряде стран, и прежде всего Великой Октябрьской социалистической революцией в России. А за вторую

мировую войну империализм был наказан тем, что господство буржуазии сбросили с себя народы еще ряда государств Европы и Азии, вступивших на путь социализма, и усилился подъем национально-освободительных революций, которым суждено было в короткий срок разрушить главные колониальные империи.

Перед нами, таким образом, определенная зависимость: в условиях обострения классовых антагонизмов буржуазного общества войны с участием массовых армий во все возрастающем числе стран оканчиваются серьезными потрясениями и, более того, гибелью породившей их социальной системы. Это, конечно, не значит, что причиной социалистических революций служат войны¹. Но многие войны, имевшие место на протяжении последнего столетия, стимулировали процессы, порождающие революцию, ускоряли их, способствовали их победе.

Можно сделать вывод, что указанные выше изменения в характере войн серьезно усилили зависимость правящих классов от трудящихся масс, от их воли, настроений, отношения к внешней политике правительств. Все это превратилось в новый реальный фактор, который отныне уже нельзя было игнорировать. Большое значение имело и то, что с появлением массовых армий настроения и моральный дух широких масс народа стали важнейшим элементом военного потенциала любой державы. «Во всякой войне,— подчеркивал Ле-

¹ Это следует особо подчеркнуть, поскольку маоисты преднамеренно извращают проблему, пытаются изобразить войну если не единственной, то главной причиной революции. На деле такой причинной связи не существует. Многие войны не приводили к революционным взрывам и даже, наоборот, помогали реакционным правящим классам подавлять революционное движение трудящихся, топить его в мутном потоке разжигаемого в ходе войны шовинизма и национализма. Особенно важно подчеркнуть в этой связи то, что революция эксплуатируемых стимулируется войной лишь тогда, когда трудящимся массам становится очевидным, что виновником войны и порожденных ею бедствий являются эксплуататорские правящие классы, а партия революционеров последовательно и настойчиво боролась против войны. Если бы революционеры, следуя советам Мао Цзэ-дуна, сами стали зачинщиками войн, это могло бы обратить возмущение масс против них, а не против эксплуататорских правящих классов.

нин,— победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь... Это осознание массами целей и причин войны имеет громадное значение и обеспечивает победу»¹.

Кроме того, изменения в характере войны впервые заставили буржуазию считаться, затеявая новые авантюры, не только с возможностью поражения на фронте, но и с реальной перспективой революционных выступлений в тылу. Отношение широких масс к войне и предшествовавшей ей внешней политике становится, таким образом, не только первостепенным военным, но и важным политическим фактором, от которого может зависеть судьба самого социального строя, повинного в развязывании войны.

Тем самым в значительной мере для империалистов возрастает риск, связанный с войной,— на карту может быть поставлено само их господство, власть и привилегии. Изменения в военной технике и организации, которые произошли уже в первой половине XX века, усиливают как заинтересованность широких масс трудящихся в вопросах внешней политики, так и их реальные возможности влиять на международные отношения. И эти возможности не раз использовались трудящимися. Достаточно вспомнить их борьбу за прекращение интервенции в нашей стране, проходившую под лозунгом «Руки прочь от Советской России!» и оказавшую существенное воздействие на политику правящих классов. Страх перед возможной реакцией со стороны широких масс трудящихся стал одной из причин того, что империализм не решился развязать агрессию против социалистических стран непосредственно после второй мировой войны, когда он еще обладал монополией на атомное оружие.

Первые послевоенные месяцы в 1945 г. не могли не подтвердить в глазах империалистических политиков того факта, что существование массовой армии в обстановке, когда мир был охвачен антифашистскими настроениями, может внести серьезные коррективы в политические планы империализма. В сущности, настроен-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 121.

ния широких масс заставили Вашингтон ускорить в тот момент демобилизацию. «Мы провели демобилизацию,— писал Д. Ачесон,— быть может, следует сказать, что сам народ демобилизовал себя»¹. Простые американцы не видели необходимости не только в большой армии после победы над державами «оси», но и в обязательной воинской повинности. Настойчивые предложения Трумэна ввести ее не прошли в конгрессе. Как писал осенью 1945 г. начальник штаба американской армии генерал Д. Маршалл, «в настоящее время в обстановке эмоционального кризиса, охватившего американский народ, демобилизация, по существу, подорвала не только вооруженные силы, но, очевидно, все наши концепции об ответственности за мир»².

Разумеется, все это не могло заставить монополистическую буржуазию отказаться от агрессивной внешней политики. Но она и не могла полностью игнорировать происшедшие перемены: вынуждена была, как и в других важных вопросах, вступить на путь приспособления к новым реальностям эпохи. Речь идет прежде всего о целенаправленных усилиях, имеющих целью тщательную политическую и идеологическую подготовку к войне — на путях установления жесткой диктатуры и наступления на демократические права и свободы, с одной стороны, и усиления обработки общественного мнения с помощью массивной внутри- и внешнеполитической пропаганды — с другой.

Вместе с тем обнаружилось стремление освободиться от зависимости, в которую ставит империалистических правителей сама необходимость иметь массовую армию. Надо сказать, что буржуазные политики, военные деятели и теоретики очень быстро поняли, какие опасности таит эта необходимость. Уже непосредственно после первой мировой войны поиски путей отказа от массовых армий, замены их механизмами, обслуживаемыми немногочисленным профессиональным войском, стали одним из главных направлений развития империалистической военной мысли. В этой связи можно сослаться хотя бы на доктрины «воздушной

¹ D. Acheson. A Democrat Looks at His Party. N. Y., 1955, p. 91.

² Цит. по Н. *Finer*. America's Destiny. N. Y., 1947, p. 29.

войны» итальянца Дуэ и американского генерала Митчелла или на теории «танковой войны» генералов Фуллера (Англия) и Гудериана (Германия).

В том же направлении работала и буржуазная военно-техническая мысль. Упорные, непрекращающиеся поиски «сверхоружия», «тотального оружия», несомненно, диктовались не только стремлением обеспечить себе военное превосходство над внешним врагом, но и желанием как-то обезопасить себя от врага «внутреннего» — трудящихся масс. Ни самолеты, ни танки, ни другие виды нового оружия, называемые сейчас «обычными», как показала вторая мировая война, не принесли в этом отношении желаемого результата.

В августе 1945 г. впервые в истории вооруженной борьбы была применена атомная бомба. На протяжении последующих десятилетий быстрый процесс развития различных видов оружия массового уничтожения непрерывно продолжается. Появились также новые, все более совершенные способы их доставки — вначале реактивные самолеты, потом ракеты.

Быть может, это и было то оружие, о котором столько лет мечтали реакционные политики и генералы? Быть может, это и была та самая вождеденная «кнопочная война», которая наконец-то сделает их неуязвимыми для гнева народов, а народы превратит в шахматные фигурки, которые можно движением руки передвигать по доске, разминивать, приносить в жертву, разыгрывая кровавые гамбиты империалистической экспансии?

Известно, что кое-кто из политических и военных деятелей Запада отдал дань таким иллюзиям. Но отрезвление наступило очень скоро. Этому содействовало прежде всего то, что благодаря достижениям СССР в военно-технической области монополия США на атомное оружие оказалась безвозвратно утраченной. Вместе с тем военные специалисты пришли к выводу, что массовая армия все же остается необходимой. Но главное заключается в социальных и политических последствиях изобретения и развития современного оружия массового уничтожения.

Анализ комплекса этих последствий выходит за рамки настоящей работы. Нас интересуют в данном случае лишь те проблемы, которые имеют отношение к

новым возможностям и направлениям влияния народных масс на внешнюю политику, а отсюда — и к возросшей роли идеологической борьбы в международных отношениях.

Уже на прошлых этапах прогресс военной техники и организации все больше делал вопросы войны и мира, а тем самым и вопросы всей внешней политики жизненно важными для самых широких масс населения, ставил их на одно из центральных мест в политической борьбе трудящихся.

Ф. Энгельс, а затем В. И. Ленин подчеркивали в этой связи значение как экономических, так и политических последствий милитаризма. Они указывали, в частности, на огромный рост расходов на вооружение, угрожающий расстройством всего экономического механизма даже богатых держав и, естественно, ложащийся особенно тяжким бременем на трудящихся. Дальнейший ход событий полностью подтвердил это предвидение основоположников марксизма-ленинизма.

Чтобы дать представление о материальных затратах, которых потребовали войны, можно привести хотя бы подсчеты западногерманского инженера Эндрукса, посвятившего исследованию этой проблемы много лет (в обоснование разработанных им проектов разоружения). В книге «Конец всем войнам», снабженной подзаголовком «Призыв к человечеству», он привел следующие цифры:

«На подготовку первой мировой войны было израсходовано 52,6 млрд. долларов. Сама война и ущерб, причиненный ею, обошелся человечеству в 260 млрд. долларов. Вторая мировая война стоила примерно в 12 раз больше — 3300 млрд. долларов. За первые 7 послевоенных лет — 1945—1952 гг. (на этой дате кончаются подсчеты западногерманского ученого.— Г. А.) — человечество истратило на военные нужды 776,6 млрд. долларов. Всего же с 1900 по 1951 г. войны и подготовка к ним отняли у народов фантастическую сумму в 7000 млрд. долларов»¹.

Можно, разумеется, внести коррективы с учетом взглядов автора. Но официальные данные неамного

¹ В. *Endrucks*. Das Ende aller Kriege. München, 1959, S. 28—29.

уступают приведенным подсчетам. В 1968 г. экономическое бюро агентства США по контролю над вооружениями и разоружению выпустило специальный обзор, в котором военные расходы в мире с 1900 по 1967 г. оценивались в 4000 млрд. долл. И, как подчеркивается в документе, «если сохранится нынешний уровень военных расходов, то эта сумма в ближайшие 20 лет удвоится»¹. Такие астрономические средства поглощает современный милитаризм.

О том, что стоит за этими цифрами в реальных ценностях, дает представление любопытный подсчет, сделанный американским пацифистом квакером Джеромом Дэвисом. По его данным, только средств, «съеденных» второй мировой войной, хватило бы, чтобы выстроить по пятикомнатному современному дому для каждой семьи на земном шаре, радикально решив тем самым одну из наиболее трудных проблем, стоящих перед народами,— жилищную проблему. При этом осталось бы еще достаточно средств, чтобы в каждом населенном пункте с населением свыше 5 тыс. человек построить по больнице и содержать эти больницы в течение 10 лет, в значительной мере решив таким путем еще и другую важную проблему — проблему здравоохранения².

Такие вопросы, разумеется, никогда не волновали монополистическую верхушку, определяющую политику буржуазных государств. И не только потому, что ее мало затрагивает моральная сторона дела, включая и вопрос о том, какие общечеловеческие проблемы можно было бы решить на средства, пожираемые войной и милитаризмом. Дело еще и в том, что монополии подсчитывают эффективность капиталовложений на основе совсем других бухгалтерских правил — не по прямому и косвенному ущербу, который понесло общество, а по прибылям, полученным ими в результате военных расходов нации, расходов, превратившихся в гигантский насос, с помощью которого общественные богатства перекачиваются в сейфы промышленников и финансистов.

¹ «World Military Expenditures and Related Data». Calendar Year 1966, Washington, 1968, p. 2.

² J. Davis. Peace, War and You. N. Y., 1952, p. 22.

Но положение, при котором рост военных расходов, расхищая огромные национальные богатства, вместе с тем укрепляет экономические позиции правящей буржуазии, способствует поддержанию высокой конъюнктуры и в то же время ничем не угрожает стабильности капиталистического общества,— такое положение не могло сохраняться бесконечно.

Фантастические достижения научно-технического прогресса в области средств разрушения неизбежно повлекли за собой не менее фантастический рост военных расходов. Такой рост не мог не иметь качественных экономических последствий.

Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» привел весьма красноречивые подсчеты, иллюстрирующие удорожание военной техники. Если американский авианосец времен второй мировой войны стоил 55 млн. долл., то ныне строящийся авианосец с атомным двигателем обойдется не менее чем в 545 млн. долл. Если подводная лодка времен второй мировой войны стоила 4,7 млн. долл., то ядерная подводная лодка, построенная в 1968 г.,— уже 200 млн. долл. Бомбардировщик периода 40-х годов обходился в 218 тыс. долл., а бомбардировщик В-52 модели 1961 г.— 7,9 млн. долл. Каждая современная межконтинентальная баллистическая ракета стоит дороже 2 млн. долл.¹

И уж совершенно невероятных размеров достигают расходы на большие системы новейшего оружия— а вооружение ныне ведется именно путем создания таких систем. Например, по американским данным, развертывание системы противоракетной обороны (к тому же весьма сомнительной эффективности) должно стоить от 30 до 60 млрд. долл. К моменту прихода к власти в США республиканской администрации в 1968 г. общие заявки военного ведомства на введение в строй новых систем оружия достигали суммы примерно в 100 млрд. долл.

При нынешнем уровне развития военной техники легко представить себе такие новые системы вооружения, попытки создания которых могут в течение нескольких лет разорить даже самую богатую и экономически развитую страну. В последние годы реальные

¹ «US News and World Report», February 3, 1969, p. 31.

симптомы такой опасности начала ощущать и американская экономика, вступившая в полосу серьезных трудностей, не связанных, как это бывало раньше, с явлениями спада, а, наоборот, нараставших на фоне быстрого и продолжительного хозяйственного подъема. Это — инфляция, рост государственного долга, валютно-финансовый кризис, неспособность выделить средства на решение назревших социальных проблем¹.

Эти трудности, в значительной своей части вызванные огромными расходами на гонку вооружений и войну во Вьетнаме, обострили внутривнутриполитическую обстановку, вызвав нарастание и активизацию оппозиционных сил, в том числе массовое движение негров и беднейшей части белого населения, бурные выступления молодежи.

Сложилась ситуация, при которой даже борьба американских трудящихся за свои непосредственные интересы — а она была и остается одним из важных направлений классовой борьбы в капиталистических странах — начала перерастать чисто экономические рамки, подводя к крупным политическим выступлениям, в том числе к борьбе против агрессивной внешней политики правительства. Аналогичным образом обстоит дело и в других капиталистических странах, правительства которых активно включились в гонку вооружений и военные приготовления.

Но материальные расходы составляют не единственную и даже не самую тяжкую часть военных издержек. Еще страшнее та дань человеческой кровью, жизнями и здоровьем, которую собирает война и которая непрерывно возрастала по мере прогресса военной техники и организации. Советский демограф Б. Ц. Урланис так обобщил количество жертв войны в Европе по периодам экономического развития²:

¹ В 1968 г. национальный долг США достиг 442 млрд. долл. по сравнению с 306 млрд. долл. в 1960 г. Одновременно снизился актив торгового баланса США с 3,5 млрд. долл. в 1967 г. до менее 1 млрд. долл. в 1968 г. Усилился отлив золота из США. С ноября 1967 г. по декабрь 1968 г. золотые запасы страны уменьшились с 13,0 млрд. долл. до 10,9 млрд. долл. («Survey of Current Business», May 1969; «Survey of Current Business», February 1969; «The Financial Times», April 8, 1969).

² См. Б. Ц. Урланис. Войны и народонаселение Европы. М., 1960, стр. 405.

Периоды	Годы	Число убитых и умерших в войнах (в млн. чел.)	Продолжительность периода (в годах)	Среднегодовое число убитых и умерших в войнах (в тыс.)
1. Домонополистический капитализм				
Формирование капиталистического способа производства	1600 —	3,3	100	33
	1699 — 1788			
Промышленный капитализм	1789 —	3,9	89	44
	1897			
2. Империализм				
	1898 — 1959	св. 40 ¹	62	около 700

Однако и эти потери меркнут в сравнении с человеческими жертвами, которые принесла бы война с применением ядерного оружия. В такой войне под угрозой оказалось бы физическое существование целых народов, потери измерялись бы уже не десятками, а сотнями миллионов жизней, причем условия существования на радиоактивных развалинах нынешних больших и малых центров производства и культуры оказались бы весьма проблематичными не только для тех, кому посчастливилось бы уцелеть в огне термоядерной войны, но и для многих поколений их потомков.

Таким образом, появление современного оружия массового уничтожения во много раз усилило все те моменты, связанные с войнами, которые уже с начала нынешнего века сделали вопросы войны и мира, вопросы внешней политики столь важными для широчайших масс трудящихся, фактически поставило эти вопросы в центр насущных интересов, а значит, и в центр борьбы народных масс.

Можно сделать вывод, что революция в военной технике, давшая жизнь современному оружию массового уничтожения, привела, пользуясь терминологией

¹ По второй мировой войне — включая потери неевропейских стран и гражданского населения.

Энгельса, к новому повороту во всей диалектике милитаризма.

Во-первых, империализм, если бы он решился развязать мировую термоядерную войну, был бы сметен народными массами как строй, повинный в этом чудовищном бедствии. Данный факт представляется несомненным сегодня и некоторым самым воинственным буржуазным теоретикам. Например, директор Гудзоновского института (США) Герман Кан в книге «О термоядерной войне», которую широкая американская общественность справедливо сочла поджигательской, вынужден был все же признать одним из самых опасных последствий войны тот факт, что в результате «будет полностью отвергнуто довоенное правительство, а возможно, также и довоенные идеалы и учреждения»¹.

Мало того, если раньше революция была как бы возмездием империализму за уже совершенное им преступление войны, то теперь самой объективной логикой общественной жизни она может превратиться в меру предупреждения страшной угрозы, нависшей над человечеством. Это — одно из последствий появления новых видов оружия массового уничтожения, которое произошло в условиях коренных социально-политических перемен в мире. И перспектива такого возмездия империализму связана с огромным ростом влияния народных масс на общественно-политическую жизнь.

Стремление предотвратить мировую термоядерную катастрофу — это мотив борьбы масс, вполне достаточный для самых активных политических выступлений, включая при определенных обстоятельствах и революцию. Угроза физическому существованию целых народов создает в этом отношении ничуть не меньший потенциал, ничуть не меньший революционный заряд, чем нужда, политическое бесправие и национальный гнет, поднимавшие до сих пор на революционную борьбу миллионные массы трудящихся.

Эти новые моменты современной политической ситуации, возможно, еще не до конца осознаны и самими трудящимися массами, и империалистическими правителями. Но они начинают давать о себе знать хотя бы

¹ Н. Kahn. On Thermonuclear War. Princeton, 1961, p. 90.

как факторы, сдерживающие империалистические круги, вынуждающие их к маневрам и лавированию, оказывая тем самым заметное влияние на международную обстановку.

Во-вторых, угроза, нависшая над человечеством в результате прогресса военной техники, вызвала к жизни новые огромные общественные силы самозащиты и самосохранения, которые поднимаются на борьбу не только против угрозы термоядерной войны, но и вообще против любых агрессивных войн, против милитаризма и в конечном счете против агрессивной внешней политики империализма.

Весьма показательна в этом отношении современная обстановка в США. Уже в начале 60-х годов правящие круги этой страны пришли к выводу, что, полагаясь на одну термоядерную войну и политический шантаж ею, они сужают возможности использования силы в своей политике. Доктрина «массированного возмездия» была заменена доктриной «гибкого реагирования», предусматривавшей «дозированное» применение силы, в частности, в «ограниченных» и «локальных» войнах.

Имея в виду «внутренний фронт», саму американскую общественность, это должно было послужить фактором успокоения, заставляя ее примириться с агрессивной политикой Вашингтона в ее модернизированном виде и развязав тем самым правящим кругам руки для проведения такой политики. Полигоном для практических испытаний новых военных и политических доктрин стал, как известно, Вьетнам.

И стало совершенно очевидным, что, не сумев добиться на этом плацдарме военной победы, американский империализм потерпел серьезное политическое поражение и в своей собственной стране, где развернулось массовое движение протеста.

При всей «локальности» и «ограниченности» вьетнамской войны она помогла миллионам американцев еще лучше понять ненормальность и недопустимость сохранения такого положения, когда правящие круги могут втянуть страну в любую опаснейшую авантюру, — положения, тем более нетерпимого в эпоху термоядерного оружия. Движение борьбы против преступной агрессии во Вьетнаме начало перерастать в нечто большее — в борьбу против агрессивной политики во всех

ее проявлениях, против гонки вооружений, против засилья военно-промышленного комплекса, против милитаризма.

Впервые за послевоенные годы Пентагон и военно-промышленные круги стали объектами острой критики не только со стороны левых кругов, но и со стороны значительной части членов конгресса, либералов, многих органов буржуазной печати. Сложилась ситуация, когда оппозиция милитаризму начала вырастать в широкое массовое движение.

Летом 1969 г. профессор Д. Гэлбрейт опубликовал в журнале «Харперс мэгэзин» статью, задуманную как либеральная платформа борьбы против военно-промышленного комплекса и милитаризма. «Когда несколько месяцев назад я начал работать над этой статьей, я высказал предположение, что военный комплекс порождает в обществе такую же реакцию, как и война во Вьетнаме. Теперь в этом уже не приходится сомневаться... Ясно одно, что происходит резкое изменение в отношении общества к военным и их промышленным союзникам...»¹

Конечно, только будущее покажет, насколько сильным и эффективным будет влияние этого антимилитаристского движения, сможет ли оно поколебать позиции «золотых галунов» и военных промышленников, прочно окопавшихся в экономических и политических сферах США. Но сам факт этих перемен в настроениях общественности может стать предвестником серьезных политических и социальных битв в Америке — стране, давно ставшей оплотом, главным бастионом современного империализма.

Революция в военной технике и военном деле вызвала к жизни новые силы, которые все решительнее выступают против войны, против милитаризма, и эта борьба неизбежно должна перерасти в борьбу против общественного строя, порождающего милитаризм и войны, — против империализма.

Как подчеркивается в Документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в 1969 г. в Москве, «основным звеном единых действий антиимпериалистических сил по-прежнему

¹ «Harper's Magazine», June 1969, p. 32.

остается борьба против военной опасности, опасности мировой термоядерной войны, которая продолжает угрожать народам массовым истреблением, борьба за мир во всем мире»¹.

В международных отношениях происходят, таким образом, серьезные сдвиги. И одной из важных причин этих сдвигов является рост роли народных масс, который вызван, в частности, тем, что на совершенно новую ступень поднялась их реальная заинтересованность в вопросах войны и мира, в вопросах внешней политики.

Открытая дипломатия социалистических стран Внешняя политика на протяжении веков оставалась, пожалуй, самой сокровенной сферой деятельности эксплуататорских правящих классов, которая окружалась ими особенно глубокой тайной. Ее усердно укрывали и ограждали от «человека с улицы», от трудящихся масс, и такое положение, разумеется, не было случайным. Глубокая тайна служила неременным условием дипломатической деятельности эксплуататорских правящих классов и выполняющих их волю правительств, поскольку под ее покровом можно было готовить войны, вести бесстыдный торг действительными интересами, свободой и независимостью народов, заключать чудовищные сделки, в которых прибыль для горстки угнетателей оплачивалась ценой страданий и крови трудящихся масс, разорения целых государств и континентов. Это особенно относится к империалистической дипломатии, которую В. И. Ленин по праву сравнивал с лабиринтом, искусственно создаваемым и запутываемым «людьми, классами, партиями и группами, любящими или вынужденными в мутной воде ловить рыбу»².

Чтобы покончить с таким положением, надо было прежде всего сорвать покров тайны с внешней политики, помочь трудящимся разобраться в ней и научить народные массы оказывать эффективное сопротивление внешнеполитическим авантюрам угнетателей. Это было тем более необходимо, что старания эксплуататорских классов изолировать массы от внешней политики об-

¹ «Международное Совецание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы, стр. 316.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 328.

легчались и объективными условиями. Во-первых, тем, что до поры до времени она, как правило, затрагивала непосредственные интересы трудящихся меньше, нежели внутренняя. И во-вторых, сами классовые отношения в сфере внешней политики, в отличие от внутренней, часто выступают не в прямом, не в обнаженном виде, а как опосредуемые либо сознательно маскируемые такими категориями, как национальная общность, национальный и государственный интерес и т. д., что рождает у людей особенно устойчивые иллюзии и заблуждения.

Только с выходом на историческую арену рабочего класса, вооруженного научным мировоззрением, позволяющим правильно понять сущность как внутри-, так и внешнеполитических явлений, появляется возможность разрушить ту стену тайны, лжи, иллюзий и предрассудков, которой так долго отгораживались от народных масс реальности международных отношений. Организованное рабочее движение в лице своих наиболее передовых представителей, следуя завету К. Маркса, уже давно видело одну из своих обязанностей в том, чтобы помочь рабочему классу овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости всеми средствами ей противодействовать.

Особое значение это приобрело в связи с преступными войнами, организуемыми и развязываемыми империалистами. Разоблачение планов подготовки таких войн, противодействие милитаристской пропаганде стало большой самостоятельной задачей рабочих партий, их идеологической, пропагандистской и политической деятельности. Такая задача во весь рост встала перед политическими партиями рабочего класса уже в связи с первой мировой войной.

Хорошо известно, какую огромную работу проделали, решая эту задачу, В. И. Ленин, русские большевики. В обстановке шовинистического угара, охватившего всю Европу, а затем перекинувшегося и на США, взгляды нашей партии в отношении войны и империалистической внешней политики, антивоенная, антиимпериалистическая пропаганда большевиков, их призыв превратить войну империалистическую в войну гражданскую вооружали лучших представителей рабочего класса и

трудящихся пониманием происходящих событий и ясной программой действий. И хотя в тех условиях не оказалось возможным предотвратить войну, все это сыграло огромную роль несколько лет спустя, когда революционные потрясения начали охватывать одну европейскую страну за другой.

Навсегда вошли в историю рабочего движения такие пламенные и самоотверженные борцы с милитаристским варварством, как Карл Либкнехт, Жан Жорес, Юджин Дебс и многие другие, неустанно разоблачавшие внешнюю политику империализма, не отступавшие перед клеветой, репрессиями и полицейским террором.

Эти усилия лучших сынов рабочего движения, несомненно, сыграли свою роль в организации массового противодействия грабительской внешней политике империализма, затрудняли ее проведение. Но возможности такой пропаганды до поры до времени были ограничены. До тех пор, пока у рабочего класса хотя бы одной страны не было своей внешней политики, своей дипломатии, трудящимся было крайне трудно вторгаться в международные дела, с тем чтобы осуществлять действительное вмешательство во внешнеполитическую деятельность правительств. Положение коренным образом изменилось с рождением первого социалистического государства создавшего новую, социалистическую дипломатию.

В выработке ее основополагающих принципов решающая роль принадлежала В. И. Ленину. Один из этих принципов состоял в том, что на долю социалистического государства выпадает великая миссия — превратить *межправительственные* отношения, к которым ранее, по существу, сводились отношения государств на мировой арене, в отношения подлинно *международные*.

Это был отнюдь не «тактический» ход, вызванный тяжелой международной обстановкой, в которой оказалась в те годы молодая Советская республика, со всех сторон окруженная врагами. Речь шла именно о принципе, который лег затем в основу всей внешней политики и дипломатии первого в истории социалистического государства. И не случайно он был провозглашен в ленинском Декрете о мире — первом внешнеполитическом документе этого государства. «Мы не хотим тайны,— говорил Ленин, заключая дебаты по этому декрету на

II Всероссийском съезде Советов.— Мы хотим, чтобы правительство всегда было под контролем общественного мнения своей страны»¹.

В своем первом внешнеполитическом акте Советская власть наметила программу конкретных мероприятий, призванных в условиях того времени облегчить народам, трудящимся массам вмешательство в закрытую и запретную для них до тех пор сферу внешней политики. В Декрете о мире говорилось: «Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров...»²

Опубликование тайных договоров вскрыло грязную подоплеку первой мировой войны — войны, которую правительства всех воюющих стран изображали справедливой, оборонительной. Этот исторический шаг Советского правительства в огромной степени стимулировал рост антивоенных настроений и сыграл серьезнейшую роль в борьбе против войны, борьбе, которая год спустя вынудила империалистов прекратить чудовищную бойню, обошедшуюся народам в многие миллионы человеческих жизней.

Касаясь значения первых дипломатических шагов Советской страны, В. И. Ленин указывал некоторое время спустя: «Мы открыто сказали рабочей массе всю правду. Мы разоблачили тайные империалистические договоры той политики, которая служит величайшим орудием обмана, которая теперь в Америке, самой передовой демократической республике буржуазного империализма, обманывает массы как никогда, водит за нос массы. Когда война, ее империалистический характер стал наглядным для всех, в это время единственной страной, которая тайную буржуазную внешнюю политику сломала до основания, была Российская Советская Республика»³.

Это был неоценимый вклад не только в борьбу трудящихся за мир, но и в дело революционной борьбы против империализма. Так считал В. И. Ленин. Он

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 19.

² Там же, стр. 15.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 145.

говорил: «Как ни прочно было наше убеждение в том, что во всей Европе создается и создалась революционная сила, что война не кончится без революции, но признаков начавшейся или начинающейся революции тогда не было. В этом положении нам ничего не оставалось, как направить усилия нашей внешней политики на просвещение рабочих масс Западной Европы, просвещение не в том смысле, чтобы мы претендовали на большую подготовку, чем они, а в том смысле, что, пока не свергнута буржуазия в стране, там господствует военная цензура и тот неслыханный кровавый туман, который сопровождает всякую войну, особенно реакционную... Мы сделали в этом отношении все, что могли, когда мы сорвали и опубликовали те грязные тайные договоры, которые бывший царь заключил к выгоде своих капиталистов с капиталистами Англии и Франции...

Если теперь попытаться окинуть общим взглядом те результаты, которые дало нам разоблачение германского империализма, то мы увидим, что теперь трудящимся всех стран стал наглядным и ясным факт, что их заставляли вести войну кровавую и грабительскую. И в конце этого года войны начинается такое же разоблачение поведения Англии и Америки, потому что массы открывают глаза и начинают разбираться в сущности их замыслов. Вот все, что мы сделали, но свою лепту мы внесли. Разоблачение таких договоров было ударом для империализма»¹.

Возникновение открытой социалистической дипломатии означало разрыв со всей многовековой дипломатической традицией, сложившейся усилиями эксплуататорских государств. Советская страна своим переходом к такой дипломатии открыла новый этап в истории международных отношений.

Ее открытая дипломатия оказалась огромной силой. И именно поэтому она была встречена в штыки врагами социализма. Антиимпериалистическая пропаганда Советской России вызывала в их лагере такое бешенство, что неоднократно служила даже поводом для серьезных демаршей, ультиматумов, отказов в дипломатическом признании и т. д.²

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 153—154.

² В одном из выступлений Ленина приведен текст ноты германского правительства, врученной Народному комиссару

Но изменения в международных отношениях, происходившие под воздействием открытой дипломатии Советской России, оказались необратимыми. Ход событий не удалось ни остановить, ни тем более повернуть вспять. Тогда к этим изменениям, несмотря на все вопли о нарушенных «традициях» и «нормах» международного общения, империалистические державы попытались приспособиться.

Весьма характерна в этом свете история с пресловутыми «14 пунктами» Вильсона. Сегодня буржуазные теоретики пытаются изобразить их как важнейшую веху в истории международных отношений, чуть ли не как начало эпохи «открытой дипломатии». Но имеется немало документальных свидетельств, проливающих свет на то, как обстояло дело в действительности. К их числу относятся мемуары Сиссона, бывшего в 1917—1918 гг. представителем американского ведомства пропаганды («комитета Крила») в России¹.

Сиссон, в частности, рассказывает, что вскоре после Октябрьской революции он дал телеграмму в Вашингтон, предлагая, чтобы президент США «подтвердил антиимпериалистические военные цели и демократиче-

по иностранным делам Г. В. Чичерину в ноябре 1918 г. В этой ноте выражается протест против того, что «путем выступления русских официальных учреждений» ведется агитация «против германских государственных учреждений». И далее говорится, что германское правительство «уже не считает для себя возможным ограничиться протестами против этой агитации, означающей не только нарушение указанных договорных постановлений (речь идет о Брестском мирном договоре.— Г. А.), но и серьезное отступление от интернациональных обычаев» (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 148).

Как известно, предлог «пропаганды», нарушающей дипломатические традиции и обычаи, использовался и для мотивировки отказа в дипломатическом признании Советского правительства. Например, государственный секретарь США Ч. И. Хьюз в письме президенту АФТ Сэмюэлю Гомперсу писал в этой связи, что правительство США приняло решение не признавать большевистское правительство в России, поскольку оно не придерживается обязанностей, «связанных с дипломатическим общением», включая «воздержание от враждебной пропаганды одной страны на территории другой» («The United States and the Soviet Union. A Report on the Controlling Factors in the Relations between the US and the Soviet Union». N. Y., 1933, p. 39).

¹ E. Sisson. One Hundred Red Days. A Personal Chronicle of the Bolshevik Revolution. London, 1931.

ские мирные требования Америки». Это предложение, несомненно, было вызвано пониманием того, какое огромное впечатление на трудящиеся массы всех стран производит миролюбивая внешняя политика Советской страны и ее открытая дипломатия, сорвавшая маску с зачинщиков первой мировой войны.

Инициатива Сиссона встретила поддержку, и несколько дней спустя президент Вильсон в обращении к конгрессу США изложил свои «14 пунктов». Впрочем, даже без признаний Сиссона и других авторитетов само содержание этого документа не оставляет ни малейших сомнений в его истинных мотивах и происхождении. Сошлемся хотя бы на пункт, говорящий о решимости США покончить с тайной дипломатией. Или на заявления о необходимости вывести с русской территории иностранные войска, а также о том, что отношение к России других государств — пробный камень их доброй воли. Подобные положения неопровержимо свидетельствуют о том, что «14 пунктов» Вильсона были задуманы именно как ответ на вызов, брошенный внешней политикой и дипломатией революционной России. Патриарх американской журналистики Уолтер Липпман, принимавший в свое время участие в разработке текста «14 пунктов», откровенно заявил: «Я считаю, что «14 пунктов» — или, точнее говоря, восемь из четырнадцати пунктов — представляли собой попытку нейтрализовать секретные договоры и освободить союзников от обязательств, налагаемых этими договорами, которые были найдены и преданы огласке большевиками, когда они захватили власть после революции 1917 г.»¹.

Перед лицом открытой дипломатии Советской власти Вашингтон оказался вынужденным принять этот вызов, который и заставил США выступить с первым в истории империалистической дипломатии прямым обращением к мировой общественности, даже пойти, во всяком случае на словах, на известные уступки ее настроениям.

Кстати говоря, эти уступки вызвали недовольство «14 пунктами» в правящих сферах стран Антанты и во влиятельных кругах самих США².

¹ «The New York Times Magazine», September 14, 1969, p. 136.

² Об этом подробнее см. «Архив полковника Хауза», т. 4. М., 1944, стр. XX, 116 и сл.

В ряде книг, вышедших на Западе, признается, что вильсоновская программа представляла собой попытку дать прямой ответ на ленинский Декрет о мире. Об этом пишет, в частности, американский историк Мейер. Он заявляет, что, включив в свои «14 пунктов» некоторые положения Декрета о мире и советских предложений на брестских переговорах, «Вильсон отдал дань большевистской дипломатии»¹. Буржуазный историк Мейер, по сути дела, подтверждает справедливость ленинской оценки «14 пунктов» и в том отношении, что видит в изложенной в них «либерально-прогрессивной идеологии» попытку отвлечь трудящиеся массы от революции.

Вся история с «14 пунктами» Вильсона показательна и еще в одном плане. Она быстро обнажила уязвимость, ахиллесову пяту той псевдооткрытой дипломатии, которая после выхода социализма на международную арену бралась на вооружение империалистическими державами. Речь идет о разрыве между словами и делами буржуазных политиков — ведь все основные положения этого документа остались на бумаге, не были выполнены. Это касается не только положений, относящихся к Советской России (о выводе иностранных войск и др.), но и построения послевоенного мира вообще.

Неудивительно, что в памяти потомков «14 пунктов» Вильсона остались главным образом обходным дипломатическим маневром.

Это вопиющее расхождение между словами и делами, начиная с «14 пунктов» Вильсона, всегда действовало в конечном счете самоуничтожающе в попытках буржуазных правительств взять на вооружение новые приемы дипломатии. Ведь открытой дипломатии Ленина, Советской власти такую огромную силу придало именно то, что за их словами и декларациями стояли реальные дела.

Разве на мировую общественность произвели впечатление только формулировки Декрета о мире? В. И. Ленин указывал позже, что «фраз, разговоров и заверений, иногда даже клятв против войны и против мира раздается во всем свете необыкновенно много, а готовности сделать действительные шаги, даже самые

¹ A. Mayer. Political Origins of the New Diplomacy 1917—1918. New Haven, 1959, p. 369.

простые, для обеспеченности мира мы встречаем в большинстве государств, и особенно современных цивилизованных государств, необыкновенно мало. А мы хотели бы и в этом и в подобных вопросах видеть как можно меньше общих заявлений, торжественных обещаний, пышных формул и как можно больше самых простых, самых ясных решений и мер, которые бы действительно вели к миру, если уже не говорить о полном устранении опасностей войны»¹.

Так действовало Советское правительство. Оно полностью отказалось от великодержавных притязаний царизма, последовательно проводило в жизнь провозглашенный им принцип самоопределения народов (одним из примеров тому была политика в отношении Финляндии и Польши), приняло действенные и конкретные меры для выхода из войны, подписав Брестский договор. Это-то и произвело главное впечатление на общественное мнение, сделало открытую дипломатию чем-то много большим, нежели пропаганда,— именно политикой, лучше всего, не на словах, а на деле разоблачавшей империалистов, и пробуждало народные массы к антиимпериалистической борьбе.

Анализируя последствия и значение Брестского мира, В. И. Ленин подчеркивал: «Условия мира, который мы вынуждены были подписать, были в смысле пропаганды и агитации таким могучим орудием, и ими мы сделали так много, как не сделало ни одно правительство, ни один народ... Мы говорили, что мы рассчитываем не на то, чтобы в союзе с хищниками стать такими же хищниками,— нет, мы рассчитывали на то, чтобы будить пролетариат враждебных стран. Нам отвечали насмешками, говоря, что мы собираемся будить пролетариат Германии, который удушит нас, пока мы собираемся выступить против него с пропагандой. А факты показали, что мы были правы, когда рассчитывали, что трудящиеся массы во всех странах одинаково враждебны империализму»².

Такое же значение имели и другие внешнеполитические акты Советского правительства, завоевывавшие на его сторону не только пролетарское, но в ряде случаев

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 241.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 154—155.

и буржуазное общественное мнение стран, познавших на своем опыте империалистическое угнетение. Яркий пример в этом отношении — мир с Эстонией. Вот как оценивал его значение В. И. Ленин: «Чем мы взяли верх над соединенными силами мирового империализма в отношении к Эстляндии, которая всегда видела насилие со стороны царской помещичьей России? Тем, что мы доказали наше умение своевременно и добросовестно отказаться от насилия для перехода к мирной политике, завоевав симпатии буржуазного правительства маленького государства, вопреки всей поддержке международного капитала... Все давление международного капитала было побеждено на том пространстве, где наш отказ от насилия был признан добросовестным...

Я говорю, что эта победа имеет гигантское историческое значение, потому что она одержана без применения насилия, эта победа одержана над всемирным империализмом, победа, благодаря которой большевики приобретают сочувствие всего мира. Эта победа вовсе не показывает, что сейчас же будет заключен всеобщий мир, но зато эта победа показывает, что мы представляем мирные интересы по отношению к большинству населения земли против военно-империалистических хищников»¹.

В этом как раз и заключается существо открытой дипломатии, обоснованной Лениным и утвержденной в жизни социализмом. Она, естественно, не исключает каких-то политических секретов — в условиях борьбы с империализмом нельзя открывать врагу все свои планы, замыслы, тактические ходы. Но она начинается там, где основные политические цели государства, сама суть внешней политики таковы, что их не приходится скрывать от народов, что, наоборот, зная эти цели, народы, трудящиеся массы поддержат их не только морально, но и своей активной борьбой.

Это и делает открытую дипломатию оружием, годным отнюдь не для любой политики, не для любого социального строя. Она представляет собой в высшей степени партийный политический инструмент, способный надежно служить лишь политике, защищающей интересы широких масс трудящихся. Открытая дипло-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 91, 95—96.

матия возникла как единственно возможная дипломатия нового социального строя, родившегося в результате революции, строя, глубочайшие интересы которого разделяются широкими массами трудящихся не только своей страны, но и всех других стран мира. Такой строй заинтересован не в том, чтобы скрывать свои внешнеполитические цели и шаги от масс, а в том, чтобы помочь им получить доступ к внешней политике, усилить их влияние на международные отношения.

Ленинские идеи об ориентации внешней политики первого социалистического государства на трудящиеся массы всех стран, о необходимости помочь им активно вмешаться в международные дела и воздействовать на них легли в основу всей последующей деятельности советской дипломатии, а затем и дипломатии других социалистических стран.

Социалистическая дипломатия в очень значительной мере способствовала усилению воздействия народных масс на внешнюю политику и международные отношения.

Если обратиться к предвоенному периоду, то именно внешняя политика СССР, его последовательная борьба за международную безопасность, разоблачение фашистской политики агрессии и войны, равно как и курса западных держав на «умиротворение» агрессоров, помогла пробудить мировую общественность к осознанию нависшей над человечеством угрозы. Эта политика сыграла большую роль в создании той политической атмосферы, в которой затем сложилась антифашистская, антигитлеровская коалиция, представлявшая собой не только соглашение «в верхах», но и победоносный союз народов, поднявшихся на борьбу против гитлеровского варварства.

Советская внешняя политика помогла трудящимся массам многих стран осознать подлинные причины второй мировой войны, неблагоприятную или преступную роль, которую сыграла в ее возникновении их правящая буржуазия, и это стало одним из факторов тех социально-политических перемен, которые произошли после второй мировой войны на нашей планете.

В послевоенный период внешняя политика СССР и других стран социалистического содружества способствовала мобилизации широких масс всего мира на борьбу

бу против империалистических поджигателей новой, атомной войны, развертыванию всенародной, массовой борьбы за мир. Социалистическая внешняя политика стала и важнейшим фактором усиления национально-освободительного движения, решительного осуждения колониализма со стороны мирового общественного мнения.

Нет сомнений, что последовательный курс социалистических стран на разоблачение империалистической агрессии, ее вдохновителей и пособников имеет исключительно важное значение в борьбе против преступной войны США в Индокитае, а также против империалистических происков на Ближнем Востоке.

Вся новейшая история международных отношений показывает, что социалистической дипломатии принадлежит огромная роль в пробуждении сознания и политической активности широких масс, все активнее включающихся в борьбу против империализма и реакции, за мир и международную безопасность.

* *
*

Новые возможности защиты своих интересов, связанные с выходом на историческую арену рабочего класса, несравнимая с прошлыми эпохами заинтересованность масс в вопросах внешней политики, вытекающая из тех изменений, которые претерпел в результате прогресса военной техники характер войны, значительно более высокий уровень осознания широкими народными массами своих внешнеполитических интересов и путей борьбы за них, которому во многом способствовало появление новой, подлинно открытой дипломатии социалистических стран,— таковы основные причины роста роли народных масс в международных отношениях. После раскола мира на две системы и возникновения мирового социалистического содружества, а также распада колониальной системы империализма это стало важным фактором тех изменений, которые произошли в международных отношениях современной эпохи.

Этот фактор оказывает серьезное воздействие на соотношение сил в современном мире, подрывая позиции мирового капитализма и в то же время укрепляя

социализм, его могущество и международное влияние. Ибо две социальные системы, борьба между которыми составляет основное содержание современной эпохи, имеют в этом отношении противоположные интересы, разные источники силы. Как подчеркивал В. И. Ленин, «сила, по буржуазному представлению, это тогда, когда массы идут слепо на бойню, повинувшись указке империалистических правительств. Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители»¹. У социализма другие, противоположные источники силы. В. И. Ленин говорил: «Наше понятие о силе иное. По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»².

В этом коренном различии двух систем и причина разного их отношения к возрастанию роли трудящихся масс в международных отношениях и других областях общественной жизни.

3. Рост роли народных масс и современная буржуазия

Рассмотренные выше перемены в международных отношениях по-разному влияют на интересы и позиции двух мировых систем, двух основных борющихся классов, усиливая один из них — пролетариат и ослабляя другой — буржуазию. Это нашло соответствующее преломление в классовом сознании и политике современной буржуазии. В ее социально-политических взглядах, пожалуй, нет другой проблемы, где бы столь очевидно проявился тот поворот от демократии к политической реакции, в котором В. И. Ленин видел сущность империализма.

На смену демократическим взглядам и идеям молодой буржуазии — буржуазии тех времен, когда она была исторически прогрессивным классом, пришли совер-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 21.

² Там же.

шенно иные взгляды, выразившие основной факт изменившегося положения класса, который из носителя и знаменосца прогресса превратился в консервативную силу, задерживающую поступательное развитие общества. Служебное назначение этих взглядов — обосновать целую систему мероприятий, призванных ограничить влияние народных масс на общественную жизнь. А их содержание — клевета на народные массы, возрождение в новом облике тех представлений, с помощью которых испокон веков обосновывали бесправие большинства общества и всевластие угнетательского меньшинства.

Конечно, современная «антимассовая» идеология не может строиться на ссылок на бога, божественные права избранной элиты, на которые опиралась в свое время феодальная реакция. Современным буржуазным идеологам пришлось выработать новую аргументацию, которую она попыталась найти прежде всего в ссылок на «природу» человека. Последняя нашла в современной буржуазной теории новую трактовку, прямо противоположную той, которую давали идеологи прогрессивной буржуазии¹. Эти прежние взгляды сегодня объявлены «донаучными», наивными, а то и просто «якобинской» ересью (такую оценку им дает, в частности, Уолтер Липпман). Господствующими в современной

¹ «Главный принцип любой морали состоит в том,— писал, например, Руссо,— что человек является по своей природе созданием добропорядочным, любящим справедливость и порядочность, что в сердце человека от природы нет порочности и первые движения природы всегда правильны» (цит. по W. Lippman. *The Public Philosophy*. N. Y., 1955, p. 74). Такой взгляд был типичным не только для французских просветителей, но и для англосаксонских буржуазных революционеров-демократов. Томас Пейн, например, в «Правах человека» формулировал его следующим образом: «Человек, если он не испорчен правительством, по природе своей друг человека, и человеческая природа сама по себе не является порочной» (*Th. Paine. Selections from His Writings*. N. Y., 1939, p. 91). Такие исходные положения мировоззрения молодой буржуазии определяли и политические позиции многих представителей буржуазной демократии. Томас Джефферсон, например, говорил: «Я не из тех, кто боится народа. Именно он, народ, а не богачи является опорой свободы». Широко известно высказывание А. Линкольна, сделанное в беседе с его другом Ричардом Оггсли: «Только не забывай, Дик, держаться ближе к народу — он всегда прав, и тот, кто с ним, не собьется с истинного пути» (цит. по «*Political Affairs*», August 1955, p. 53).

буржуазной идеологии стали теории, согласно которым человек, как только он становится частью массы, частью «толпы», немедленно утрачивает способность к рациональному мышлению, попадает во власть темных инстинктов и эмоций, освободиться от которых под силу только выдающимся личностям, «элите».

Родоначалником этой концепции многие считают французского социолога Гюстава Ле Бона, выступившего в конце XIX — начале XX века с несколькими работами¹, ссылки на которые и сегодня найдешь едва ли не в каждой книге буржуазного автора, затрагивающего проблемы народных масс, «человеческой природы» и идеологической борьбы. Взгляды, проповедовавшиеся им, стали сейчас модой, настоящим поветрием в буржуазной социологии. В начале века их особенно рьяно отстаивали немецкие реакционные идеологи, которым суждено было стать духовными предтечами фашизма. Они прямо отождествляли «человека масс» с животным — «стадным» либо «хищным»². В идеологии национал-социализма массам вообще был определен удел безгласного и бездумного инструмента в руках фюрера.

В наши дни попытки доказать иррационализм, психическое убожество народных масс стали важной основой всей идеологии и пропаганды империализма, объединяя самые различные школы и течения буржуазной общественной мысли.

Согласно «Философии истории» Арнольда Тойнби, например, общество делится на «творческие личности», движущие историю, и «нетворческую массу» — внешних и внутренних «варваров», в конце концов губящих каждую цивилизацию³.

¹ Наиболее известная из этих работ — «Психология толпы» (G. Le Bon. La psychologie des foules. Paris, 1895).

² W. Jerusalem. Einleitung in die Philosophie. Berlin, 1919; O. Spengler. Der Mensch und die Technik. Berlin, 1931. В работе «Годы решения» Шпенглер развивает эту свою «идею» следующим образом: «Человек — хищное животное... Когда я называю человека хищным животным, кого я при этом оскорбляю — человека или животное? Ведь крупное хищное животное — это благородное создание самого совершенного вида, которому не свойственна лживость человеческой морали, вытекающая из слабости» (O. Spengler. Jahre der Entscheidung, 1 Teil. München, 1961, S. 37).

³ A. Toynbee. A Study of History, vol. 5. London, 1945, p. 195.

К. Ясперс противопоставляет «безликой массе» «духовную аристократию», Хайдеггер приписывает народным массам опасную для общества «стадную иррациональную психологию», один из лидеров правого крыла французских экзистенциалистов, Габриэль Марсель, утверждает, будто массы «являются сниженным состоянием человеческого»¹. Это лишь несколько взятых наугад примеров. Но и они дают достаточное представление об общей картине.

Само собой разумеется, что в век науки такого рода утверждениям тоже пытаются придать видимость научной достоверности (в этом отношении современные буржуазные теоретики продвинулись далеко вперед по сравнению, скажем, с Ле Боном, вещавшим свои откровения с видом пророка, не заботясь об аргументах). В этих целях делаются попытки опереться на данные биологической², биохимической³ и особенно психологической науки (в частности, на теории Фрейда, бихевиористов и других школ)⁴.

Широкое распространение получила в последнее время и своего рода «комплексная» социологическая теория «массового общества», ведущая свое начало от испанского философа Ортега-и-Гассет, провозгласившего XX век эпохой «бунта масс против индивидуаль-

¹ G. Marcel. *Les hommes contre l'humain*. Paris, 1951, p. 13.

² «Биологическая» аргументация характерна для социалдарвинистов и особенно неомальтузианцев. Американец Пенделл, например, выдвинул концепцию «генетической эрозии» человечества, согласно которой, в результате более высокой рождаемости у представителей «низших» классов, «генетический потенциал» населения постоянно снижается (*E. Pendell. Population on the Loose*. N. Y., 1951).

³ Характерный пример такого подхода дают труды известного американского биохимика Уильямса, пытающегося доказать «естественность» деления общества на «элику» и «массу неполноценных» ссылками на врожденные различия в деятельности желез внутренней секреции (см. *R. Williams. Free and Unequal*, Austin, 1953).

⁴ Олдос Хаксли пишет, что философ, «живущий после Фрейда», ясно видит, что помимо «стремления к разуму и истине» «действует другая тенденция — откликаться на безумие и ложь, особенно когда ложь возбуждает радостное волнение или когда апелляция к безумию задевает созвучную струну в примитивных подсознательных глубинах нашего естества» (*A. Huxley. Brave New World Revisited*. London, 1959, p. 51, 52).

ности». Согласно этой концепции, в современном обществе разорвались групповые (классовые и прочие) связи людей, в результате чего произошла «социальная атомизация». Утратив самостоятельность, независимость, непримиримость к несправедливости, люди стали, в силу свойств их «массового» поведения, беззащитными перед лицом любого искусного демагога и манипулятора. «Массовое общество,— поясняет американский социолог У. Корнхаузер,— это система, в которой население в высокой степени доступно для мобилизации его элитой»¹. Подобные концепции позволяют легко снять вину с буржуазного строя, в частности, за такие его порождения, как фашизм, что, кстати сказать, и пытается сделать Корнхаузер. «Тоталитаристские движения,— пишет он,— это в своей основе скорее массовые движения, нежели классовые»².

Концепция «массового общества», несомненно, заслуживает самостоятельного исследования³ в силу как важности, так и сложности самих общественных явлений, которые служат ее объектом. Одно из них — это реальная, действительно существующая в буржуазном обществе проблема отчуждения индивида от политики, остающейся для многих миллионов людей, по тем или иным причинам не нашедших своего места в социальной борьбе, стихийной силой, внушающей растерянность и чувство беспомощности. Американские авторы Э. Крис и Н. Лейтес довольно образно описали психологическую сторону такого состояния индивида в своей статье «Особенности пропаганды в XX веке». «В двадцатом веке,— пишут они,— люди оказываются все более втянутыми в орбиту общественной жизни, и это становится все труднее игнорировать. Но так называемые «простые люди» все больше проникаются чувством, что они не могут ни *понять*, ни *изменить* тех событий, от которых зависит их жизнь... Простой человек обычно остро сознает тот факт, что «кнопка», на которую он «нажимает», принадлежит машине, находя-

¹ W. Kornhauser. The Politics of Mass Society. London, 1960, p. 33.

² Ibid., p. 14.

³ См. книгу Г. К. Ашина «Миф об элите и «массовом обществе»» (М., 1966 г.) и некоторые другие работы советских авторов.

щейся вне досягаемости для неорганизованной личности. Это противоречие особенно сказывается на отношении среднего человека к внешней политике. Потенциальная близость тотальной войны вызывает ситуации, которые являются не только абсолютно непонятными, но которые, по мнению среднего человека, даже не могут быть разъяснены ему его правительством. «Соображения безопасности» — вот, решает он, причина того, что от него скрывают «настоящую правду». Таким образом, расстояние между средним человеком и вершителем политики выросло настолько, что порождает смесь благоговения с недоверием.

Простой человек чувствует себя бессильным в мире, где события, которые могут в любой момент изменить его жизнь, находятся под контролем далеких от него людей, обладающих какими-то специфическими дарованиями. В результате этого чувства бессилия политические факты начинают напоминать собой явления природы, вроде погоды или урагана, которые сами по себе приходят и уходят»¹.

Понятно, что такого рода социально-психологические состояния действительно создают благоприятную почву для деятельности демагогов, для «манипуляции» массами. Современные массовые коммуникации дают для такой «манипуляции» и подходящие орудия. Сознательно организуемые взрывы фанатизма, напоминающие приступы массового помешательства, не раз происходили и в далеком прошлом — средневековые «охоты на ведьм» и погромы, некоторые эпизоды «крестьянских походов» могут служить в этом отношении характерными примерами. Но только такие инструменты, как печать, радио, кино и, в последнее время, телевидение, дали возможность вызывать подобные взрывы в масштабах целого государства и поддерживать соответствующие чувства на протяжении сравнительно длительного времени — об этом лучше всего свидетельствуют примеры фашистских диктатур.

Это, конечно, политические ситуации, которые можно назвать «крайними», типичными далеко не для всех стран и не для всех периодов истории. Но сами

¹ «Reader in Public Opinion and Communication», 1966, p. 271—272.

социально-психологические состояния, о которых идет речь, так же как и попытки использовать их в политических целях, в той или иной мере характерны для политической жизни современного буржуазного общества. На этом в значительной мере строится повседневная пропаганда, обработка общественного мнения со стороны империалистической «элиты». И в основе этой деятельности, несомненно, лежит использование не только недостаточной информированности общественного мнения или идейных заблуждений, но и каких-то элементов уязвимости для подобного воздействия человеческой психики (это сфера, которая, видимо, нуждается в более внимательном изучении со стороны материалистической психологии и социальной психологии).

Все это, однако, не меняет существа дела — неосновательности попыток взвалить на природу человека, на массы вину за те или иные социально-политические бедствия. Массы — это люди, существующие в реальных условиях своего общественного бытия, от которого зависит как степень их просвещенности и информированности, так и их способность разумно действовать в защиту своих осознанных интересов.

Это относится и к внешнеполитическим интересам народных масс, сколько бы ни пытались некоторые буржуазные теоретики отрицать их способность не только действовать в соответствии с этими интересами, но и разумно осознавать их. Дело просто в том, что все больше растет разрыв между интересами масс и интересами правящей «элиты» империалистических держав — это явление и выражают на свой лад буржуазные теоретики, выступающие против вмешательства масс в политику. И кое-кто из них вполне откровенно говорит о подлинных мотивах своего негодования.

Весьма любопытны в этом отношении рассуждения Сисли Хаддлстона «Глас народа — глас божий! — была ли когда-нибудь произнесена бóльшая или более опасная ложь?»¹ — этими словами начинает он свой экскурс в туманную область «массовой психологии». А завершает его непререкаемым выводом — вмешатель-

¹ S. Huddleston. Popular Diplomacy and War, p. 156.

ство масс во внешнюю политику сегодня представляет для человечества еще большую опасность, чем атомная бомба. (Это вмешательство, заявляет Хаддлстон, «вполне возможно, явится как раз тем методом, с помощью которого биологический вид, известный под именем «*homo sapiens*», совершит расовое самоубийство и лишится своего руководящего положения»¹).

Но нас интересуют в данном случае отнюдь не психологические изыскания Хаддлстона, тем более что он никак не может считаться специалистом в этой области. Интересней приводимые им примеры тех конкретных случаев вмешательства масс в политику, которые, по мнению Хаддлстона, наносили человечеству ущерб. Один из них — это, по его словам, деятельность Лиги наций, которая была «прямой и главной причиной второй мировой войны». Но речь при этом идет отнюдь не о неспособности этой организации создать действенную систему обуздания агрессоров. Хаддлстон видит корень зла в другом — в том, что под влиянием общественного мнения в этой организации была предоставлена трибуна советской дипломатии².

Другое преступление общественного мнения он усматривает в решительном осуждении мюнхенцев и коллаборационистов³. Не меньшее возмущение вызывает у Хаддлстона и послевоенное развитие событий. «Мы продолжаем прежде всего интересоваться тем, — писал он в середине 50-х годов, — является ли та или иная страна антифашистской или профашистской, а уж является ли она антикоммунистической или прокоммунистической — это для нас вопрос второстепенный». (Почему, вопрошает Хаддлстон, СССР является членом ООН, а франкистская Испания — нет?)⁴

Надо сказать, что далеко не все противники влияния масс на внешнюю политику — адвокаты крайней реакции, каковым, несомненно, являлся Хаддлстон. Есть среди них и люди совсем иного толка, такие, например, как У. Липпман (он сам называет себя «либеральным демократом»). Такие люди приписывают общественно-

¹ S. Huddleston. *Popular Diplomacy and War*, p. 252—253.

² *Ibid.*, p. 123.

³ *Ibid.*, p. 25.

⁴ *Ibid.*, p. 137—138, 139.

му мнению противоположные грехи. Так, Липпман говорит в этой связи опять же о мюнхенском сговоре, хотя и совсем в ином плане. Он утверждает, будто виновники его — это не «умиротворители» нацистов, а именно общественное мнение народов, якобы вынудившее английское и французское правительства любой ценой добиваться соглашения с Гитлером. В том же духе трактуются им и некоторые другие события международной жизни.

Пусть с иных позиций, но Липпман приходит, по существу, к тем же выводам, что и Хаддлстон. В росте роли народных масс в политике вообще, внешней политике в особенности он также видит явление, с которым надо бороться, ибо влияние масс мешает эффективному проведению политики, связывает политическим деятелям и правительствам свободу рук. «Там, где мнение масс господствует над правительством,— пишет Липпман,— имеет место болезненное расстройство подлинной функции власти, это приводит к ее ослаблению, переходящему в паралич способности управлять»¹.

В свете таких доводов возникает коренной вопрос: в чем же именно связывает влияние народных масс свободу действий правительств?

Липпман пытается доказать, что такое влияние затрудняет просвещенную, гибкую и тонкую политику, губит само искусство дипломатии. В этом его поддерживают и многие известные профессиональные дипломаты. Один из патриархов этой почтенной профессии, Гарольд Никольсон, хорошо выразил их эмоции, их ностальгию по старым, добрым временам. «В дни старой дипломатии,— писал он,— апелляция к простому народу по какому бы то ни было вопросу международной политики была бы действием немислимо вульгарным»².

Ни У. Липпман, ни Г. Никольсон, ни другие поклонники старой, традиционной дипломатии не удосужились, однако, доказать главного: что, получив желанную свободу рук, оградив сферу международных отношений от вмешательства широких масс, от влияния общественности, правительства и профессиональные дипломаты действительно стали бы проводить ту про-

¹ W. Lippmann. Op. cit., p. 15.

² H. Nicolson. Diplomacy. London, 1942, p. 168.

свещенную и разумную внешнюю политику, о которой пекутся эти авторы.

Вся история тайной дипломатии говорит об обратном: для народов, для человеческой цивилизации возврат к такой дипломатии не сулил бы ничего хорошего. На сей счет не оставляют сомнений и заявления некоторых особенно рьяных критиков возросшего влияния общественного мнения на внешнюю политику. В качестве примера можно привести работу западногерманского социолога и публициста Мартини. Он даже не пытается делать вид, будто его пугает «иррационализм» или «безрассудство» масс. Их вмешательство в сферу внешней политики не устраивает Мартини по другим причинам. «Массы,— пишет он,— хотят во всех случаях разрешать конфликт между государственными интересами и моралью в пользу последней». В частности, войну они понимают «как преступление», и вообще для них оказывается совершенно невыносима та «мораль разбоя», которая, как констатирует Мартини, вполне может быть присуща реалистической политике и к которой могут духовно приспособиться лишь «малочисленные слои руководителей»¹.

Такие признания помогают понять причины, по которым империалистическая буржуазия воспринимает рост роли народных масс в общественно-политической жизни как подлинное бедствие.

Буржуазные теоретики, однако, не только осуждают рост влияния народных масс на международные отношения. Они предлагают и рецепты борьбы против этого воздействия. Какие именно при этом выдвигаются предложения, во многом, естественно, зависит от политических позиций того или иного автора и понимания им причин усилившегося влияния масс на политику.

Выше уже говорилось в этой связи об империалистических концепциях «кнопочной войны», предложениях «репрофессионализировать армию», призванных обезопасить империализм от угроз, связанных для него с вооружением народа, с существованием массовой армии.

Весьма типичны для многих западных исследователей, пишущих о народных массах, предложения

¹ См. «Aussenpolitik», Juli 1954.

урезать демократические права и свободы, перейти к режиму «сильной власти».

К этому сводятся, в частности, и предложения «либерального демократа» У. Липпмана, приводящего в качестве примера английские порядки XVIII века, когда король мог при желании посоветоваться с парламентом, но оставался полностью свободным в принятии внешнеполитических решений¹. Липпман, разумеется, не предлагает восстанавливать в правах «божьей милостью» монархов. Он выступает за другой путь — путь дальнейшего усиления исполнительной власти за счет представительных органов.

Иногда приходится слышать и еще одно предложение, адресованное западным политикам — возвратиться к традиционной «тайной» дипломатии старого типа, с тем чтобы закрыть массам доступ к внешнеполитической информации и постепенно вытравить у них всякий интерес к внешней политике. Именно это предлагал, например, Хаддлстон: «Мы должны вернуться к более осторожным и квалифицированным методам профессиональной дипломатии. В этом мое главное предложение... Итак, назад к настоящей дипломатии»².

Смысл подобных предложений, сделанных закоренелым реакционером и откровенным апологетом мюнхенцев, едва ли нуждается в комментариях.

Справедливости ради надо сказать, что аналогичные предложения можно услышать и со стороны более солидных авторов, притом принадлежащих если не к либеральному, то, во всяком случае, к умеренному крылу буржуазных исследователей.

В качестве примера можно привести американского историка (в прошлом сотрудника госдепартамента США) Теодора Сэндса. В статье «Пропаганда против дипломатии», опубликованной в свое время в либеральном журнале «Нэйшн», он выражает решительный протест против положения, при котором «дипломатия, бывшая в свое время секретом, о котором говорили шепотом, сейчас стала излюбленным сюжетом для радио, телевидения и газет; ежедневно нас бомбардируют инициативами и заявлениями национальных лидеров».

¹ W. Lippmann. Op. cit., p. 56—57.

² S. Huddleston. Op. cit., p. 261, 272.

Сэндс, собственно, даже отказывает такой дипломатии в праве носить это имя: «Многое из того, что сегодня сходит за дипломатию, отнюдь не дипломатия, а пропаганда». «И если,— продолжает он,— не удастся защитить и сохранить практику подлинной дипломатии, средства, необходимые для решения текущих проблем, в будущем будут отсутствовать...» Отсюда его требование, обращенное к правительству США: «проявить инициативу, чтобы навязать отделение дипломатии от пропаганды»¹.

Вопросы, поднятые Сэндсом, тем более что их так или иначе касаются и некоторые другие буржуазные теоретики, заслуживают более подробного разбора. В таких рассуждениях следует видеть не только тоску по ушедшим в прошлое временам, когда внешняя политика вершилась правителями без всяких помех со стороны общественности. Теодор Сэндс, насколько можно судить по его статье, обеспокоен и теми пропагандистскими злоупотреблениями, которые допускает дипломатия в обстановке «холодной войны», не только не помогая урегулированию международных дел, а, напротив, затрудняя саму возможность такого урегулирования.

Существует ли такая проблема в действительности? И да и нет.

Нет потому, что нельзя рассматривать дипломатию только как инструмент урегулирования конфликтов, а пропаганду — только как инструмент их разжигания. И та и другая — это инструменты внешней политики разных государств, и при нормальном функционировании государственного механизма они служат тем целям, которые ставит перед собой их внешняя политика,— в одних случаях это может быть мирное урегулирование международных споров, а в других — разжигание конфликтов. Едва ли эту истину может не понимать человек, имевший непосредственное касательство к внешней политике.

Скорее Сэндса волнует другой вопрос — что сама внешняя политика среди прочих факторов испытывает в нашу эпоху влияние также факторов идеологических.

¹ «The Nation», May 30, 1959, p. 448, 450.

Это может не нравиться некоторым профессиональным дипломатам, но в эпоху, когда основным противоречием в международных отношениях стало противоречие между двумя общественными системами, иначе дело обстоять не может. Единственное, чем можно успокоить отставного американского дипломата, так это тем, что и в прошлом, во времена традиционной дипломатии, на мировой арене хватало конфликтов, в том числе кровавых, и эта вполне «отделенная от пропаганды» дипломатия не только не могла их предотвратить, но и послушно участвовала в их развитии.

Тем не менее трудно полностью отвергнуть высказанную Сэндсом тревогу, с порога объявить ее безосновательной или выдуманной. Нам еще придется коснуться сложного и тонкого вопроса о той грани, которая отделяет исторически неизбежную идеологическую борьбу двух систем от пропаганды типа «холодной войны». Последняя действительно не является неизбежной, а в определенных условиях может стать не только порождением, но и дополнительным источником международной напряженности. Особенно если на службу такой пропаганды становится и дипломатия.

С этим связана и еще одна проблема. Это проблема противоречия, которое может возникнуть между жесткой и непримиримой позицией в идеологии и тем гибким подходом, необходимостью искать компромиссов, который может требоваться от дипломатии. Американские дипломаты, видимо, прочувствовали остроту проблемы в период, когда накал «холодной войны» пошел на спад и выявились не только возможности, но и насущная необходимость (в том числе с точки зрения правильно понятых государственных интересов США) в определенной нормализации международной обстановки и когда все идейно-психологическое наследие «холодной войны» и маккартизма с порожденными им фанатическим антикоммунизмом, нетерпимостью и предрассудками легли громоздким препятствием на пути политики разрядки. Но суть подобного рода проблем — в *качественных* характеристиках идеологии и идеологической борьбы, их соответствии реальности и подлинным интересам страны и народа.

Что касается вопроса о том, может или не может дипломатия, принявшая на себя и определенные идео-

логические функции, служить делу мира, то здесь мы вновь возвращаемся к спору о преимуществах и недостатках новой (открытой) и традиционной (тайной) дипломатии, которого уже частично касались в предыдущей главе.

Что касается открытой дипломатии, то мы понимаем под ней дипломатию страны, коренные внешнеполитические интересы и цели которой не нуждаются в тайне, могут быть открыто провозглашены и защищаемы перед глазами своего и других народов. Она, безусловно, может пользоваться и пользуется методами, способствующими наиболее эффективному ведению внешнеполитических дел, включая негласные контакты, зондаж, доверительную переписку и переговоры. Но это — дипломатия, которая берет на вооружение и новые методы, позволяющие полностью использовать преимущества внешней политики, исключаящей тайный стговор за счет интересов народов. Именно такой является социалистическая внешняя политика и дипломатия, основы которой были заложены В. И. Лениным. Ее никогда и никому не удастся «отменить», пусть даже правительство США и предприняло бы рекомендуемую Сэндсом инициативу.

В этом свете утверждения Т. Сэндса насчет того, будто дипломатия «в русском стиле» стала «инструментом расширения конфликтов, а не примирения разногласий», могут вызвать только недоумение. Да и сам он не может подтвердить эти утверждения хоть сколько-нибудь убедительными примерами.

Заметим, что «открытой» дипломатией на Западе начали называть всякую дипломатию, в которой приобрели значительную роль пропагандистские аспекты, — в том числе дипломатию сугубо империалистическую. Такая «публичность» дипломатии была вынужденным шагом, шагом, навязанным буржуазным державам глубокими изменениями в международных отношениях, ростом влияния масс на внешнюю политику, а также рождением социализма с его новой, подлинно открытой дипломатией. Но это не открытая дипломатия, а скорее новая форма традиционной, тайной дипломатии, от которой так никогда и не мог отказаться империализм. Ведь скрывать истину в любом деле, включая политику, как известно, можно не только

храня молчание, но и прибегая к преднамеренному обману.

Нисколько не преуменьшая опасностей для дела мира, которые несет такой обман, можно вместе с тем констатировать, что сама необходимость для империализма бороться за общественное мнение при осуществлении своей внешней политики — это положительный факт, создающий известные препятствия агрессии и войне. Это новый момент в политике, который можно по праву рассматривать как завоевание народных масс, рабочего класса, социализма. И разумеется, все рецепты возврата к традиционной дипломатии, позволявшей вообще не считаться с мнением широкой общественности, не более чем беспочвенная утопия.

В этом, видимо, отдают себе отчет и большинство буржуазных исследователей. Из этого исходит и официальная политика империалистических стран. Она делает ставку не на беспочвенные попытки вернуться к старому, а на приспособление к новой обстановке, вынуждающей считаться с тем, что борьба за поддержку или хотя бы нейтрализацию народных масс, борьба за общественное мнение стала неотъемлемой частью внешнеполитических усилий.

В упоминавшемся уже докладе комиссии Мэнсфилда — Спрэйга президенту США, например, констатируется, что в нынешнюю эпоху «формальная и традиционная дипломатия, преимущественно межправительственного типа, часто играет ограниченную роль. Это значит, что наша дипломатия все в большей мере должна понимать общественное мнение во всех странах — открытых и закрытых, старых и новых — и делать на этот факт больший упор при проведении конференций и переговоров, при отборе и подготовке кадров для ведения иностранных дел и в обращении с посетителями из-за рубежа». В докладе делается вывод: «Комиссия считает, что мировое общественное мнение должно полностью учитываться при выработке политики и программ — дипломатических, экономических и военных, — которые имеют дело с зарубежными странами»¹.

Такой подход к делу завоевывает в последние годы широкое признание. Трудно найти более или менее

¹ «The Department of State Bulletin», February 6, 1961, p. 186.

серьезную работу, в которой подобная точка зрения не проводилась бы даже при обсуждении полутехнических вопросов дипломатии¹.

Любопытно, что эта тема нашла достаточно широкое освещение и в мемуарах ряда американских послов. Например, Честер Боулс пишет: «Задача посла ныне больше не является относительно простой — проводить политику своего правительства на высшем уровне в стране, где он аккредитован. Его задача — достичь народа»².

Одновременно все большее признание находит та мысль, что, не говоря уже о крупнейших проблемах идеологической борьбы двух систем, даже проведение «повседневной» внешней политики уже немислимо без воздействия на общественное мнение, завоевания его поддержки. Этому вопросу уделил большое внимание западноберлинский профессор Э. Фишер-Балинг в книге «Теория внешней политики». По его мнению, необходимо «пустить в ход все средства», чтобы убедить общественное мнение в том, что «правительственная политика лучше всего служит благу»³. Аналогичные взгляды развивает американский социолог К. Томпсон, считающий важнейшей задачей «моральное обоснова-

¹ В качестве примера можно привести вышедший в США сборник под названием «Государственный секретарь». В одной из его статей, написанной бывшим дипломатом Джоном Диккеем, подчеркивается, что «сегодня общественное мнение является важным, а возможно, даже главным фактором нашей дипломатии». В другой статье, написанной известным американским дипломатом Полом Нитце, в связи с проблемами техники дипломатических переговоров говорится: «В нынешнем мире средств массовых коммуникаций и массового мнения эффект переговоров в смысле их влияния на общественное мнение может быть важнее, чем достигнутое соглашение» («The Secretary of State», ed. by Don K. Price. N. Y., 1960, p. 140, 16). Говоря об изменении характера дипломатии в современном мире, американский социолог Ф. Кумбс пишет: «...они (идеи) также формируют и отношения между нациями. В результате этого трансформация дипломатии стала в наше время фактом. Дипломатия больше не может просто представлять собой диалог между правительствами» (*Ph. Coombs. The Fourth Dimension of Foreign Policy*, p. 14).

² *Ch. Bowles. Ambassador's Report*. N. Y., 1954, p. 16.

³ *E. Fischer-Baling. Theorie der auswärtigen Politik*. Köln, 1960, S. 74—75.

ние» внешней политики, без которого нельзя добиться ее поддержки массами. «Ни одна из проблем, стоящих на повестке дня взаимоотношений Америки с остальным миром,— пишет он,— не является более затруднительной, неотложной и в конечном счете решающей, чем моральное обоснование внешней политики»².

Рост влияния народных масс на внешнюю политику — процесс, подрывающий позиции империализма. Этот процесс необратим. В той мере, в какой она осознает эти истины, империалистическая буржуазия усиленно пытается к такому процессу приспособиться.

¹ *K. Thompson. Political Realism and the Crisis of World Politics. Princeton, 1960, p. 136.*

КРИЗИС БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Независимо от воли и желания ее лидеров, в силу глубоких объективных причин, буржуазии пришлось и в сфере международных отношений принять идеологическое сражение с поднимающимся классом — пролетариатом и созданной им мировой социалистической системой. Речь здесь идет о переменах, так или иначе связанных с углубляющимся кризисом буржуазной общественной системы, с тем, что империалистическим государствам становится все труднее проводить свою политику, пренебрегая мнениями и настроениями масс.

Вместе с тем общий кризис капиталистической системы одновременно нашел одно из своих выражений в углубляющемся кризисе буржуазной идеологии, который серьезно ослабляет позиции империализма и на этом плацдарме борьбы.

«Новая историческая эпоха,— говорится в Программе КПСС,— принесла подлинный триумф революционному мировоззрению пролетариата. Марксизм-ленинизм стал властителем дум передового человечества.

Буржуазные учения и школы не выдержали исторической проверки. Они не смогли и не могут дать научного ответа на вопросы, выдвигаемые жизнью. Буржуазия уже не в состоянии выдвинуть идеи, которые могли бы увлечь за собою народные массы. Все больше людей в капиталистических странах порывают с буржуазным мировоззрением. *Буржуазная идеология переживает глубокий кризис»*¹.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1968, стр. 51.

Конечно, факт кризиса буржуазной идеологии не означает, что устарело известное положение Маркса относительно идеологии господствующего класса как господствующей в обществе идеологии. Идеи монополистической буржуазии и сегодня доминируют в капиталистическом обществе. Но влияние этих идей на массы ослабевает, сохранение духовного господства требует от правящей буржуазии все больших усилий и средств.

Кризис буржуазной идеологии имеет глубокие внутренние источники, связанные с изменившимся положением капиталистического класса на исторической арене, его превращением в реакционный класс, главную силу, сдерживающую общественный прогресс. В этих условиях интересы и чаяния большинства населения приходят в столкновение с господствующими в капиталистическом обществе идеями и взглядами.

1. Идеиная бедность современной буржуазии

Идеи — продукт сознательной деятельности людей. Вместе с тем идеология — это не сфера их свободной, ничем не ограниченной деятельности. Так или иначе мир идей всегда связан с миром вещей — с объективной действительностью. В этом — источник глубокого противоречия, определяющего положение современной буржуазии на плацдарме идеологической борьбы. С одной стороны, она никогда еще не испытывала столь острой и настоящей политической потребности в надежных средствах духовного господства над массами — в идеях, которые могли бы обеспечить ей поддержку широких масс трудящихся. С другой стороны, ее идеология сама несет на себе глубокую печать упадка, оказывается все менее пригодной для борьбы за умы и сердца людей.

Кризис современной буржуазной идеологии находит различные выражения. Одно из них — это ее усиливающийся исторический пессимизм, отражающий положение в обществе реакционного, изжившего себя, лишенного перспектив класса. Отношение современной буржуазной идеологии к будущему пронизано, как правило, глубоким пессимизмом, предчувствием гибели, апокалиптическими настроениями.

Таково содержание современной буржуазной «философии истории», для которой стали типичными уже не теории прогресса, свойственные молодой буржуазии, а концепции общественного застоя и упадка, в лучшем случае — исторического круговорота, согласно которым каждая цивилизация обречена на гибель, возврат к исходной точке развития¹.

Эта перемена в историческом мышлении буржуазии является сейчас общепризнанной. Обратимся к свидетельству одного из современных английских историков — профессора Э. Карра. Он достаточно проницательно вскрыл причины пессимизма, пронизывающего западную «философию истории»: «В XIX столетии английские историки почти без исключения рассматривали ход истории как прогресс. Они выражали идеологию общества, находившегося в условиях довольно быстрого прогресса. История была полна смысла для английских историков, пока представлялось, что она развивается в нашем направлении; когда же история стала развиваться не так, вера в смысл истории превратилась в ересь. После первой мировой войны Тойнби сделал отчаянную попытку заменить линейное представление об истории цикличным — это характерная идеология общества, находящегося в упадке. После неудачи Тойнби английские историки по большей части удовлетворились тем, что стали воздевать в отчаянии руки и заявлять, что в истории вообще нет никакого общего смысла». И Э. Карр замечает: «Говорят, что Николай I издал указ, запрещающий слово «прогресс». Ныне философы и историки Западной Европы и даже Соединенных Штатов с запозданием согласились с ним»².

Пожалуй, еще ярче, чем в исторических и социологических теориях, утрата веры в прогресс, пессимизм проявляются в современной буржуазной утопической литературе. Для нее стало типичным либо описание какой-то страшной катастрофы, которая вообще положит конец существованию человечества, либо картины

¹ Подробный разбор современных буржуазных теорий развития содержится в монографии Ю. Н. Семенова «Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии» (М., 1965).

² E. Carr. What Is History. London, 1962, p. 37, 106.

выродившегося общества, бездушной машинной цивилизации, покончившей со всеми человеческими ценностями, создавшей изуверский политический режим, который превосходит даже ужасы фашизма.

Не случайно в философии и литературоведении такие произведения получили наименование «антиутопий». Нашлись, правда, среди буржуазных теоретиков люди, попытавшиеся изобразить «антиутопию» в виде своего рода реакции на действительность социалистического общества.

Спору нет, некоторые «антиутопии» представляют собой чистой воды антикоммунистические пасквили. Таковы, например, книга Оруэлла «1984», роман Замятина «Мы» и др.¹ Но такие книги не меняют сути — того, что буржуазная «антиутопия» родилась как реакция на духовный кризис *капиталистического мира*, стала выражением свойственных ему бесперспективности, мрачных ожиданий, утраты веры в прогресс, а подчас и попыткой социальной критики буржуазного образа жизни, в котором машины вытесняют людей, а люди превращаются в обезличенные придатки машин, образа жизни, растаптывающего человеческие ценности, ведущего к вырождению культуры и глубокому упадку цивилизации. Такое общество встает со страниц самых известных современных утопий, начиная с романов одного из основоположников этого жанра — Олдоса Хаксли.

Особую известность среди них приобрел роман, озаглавленный с горькой иронией «Смелый новый мир». Он был издан еще до войны. Но в середине 50-х годов Хаксли написал книгу «Новое посещение смелого нового мира», в которой заявил, что все его самые мрачные предвидения — предвидения общества, которое стремится сделать своих членов рабами, людьми умственно

¹ Характерный штрих — многим мыслящим людям на Западе, при всей антикоммунистической заостренности таких книг, как «1984», отвратительные процессы, которые там описаны, напоминают именно капитализм. Американский политический деятель Э. Стивенсон заметил об обстановке в США, сложившейся к концу 50-х годов: «Ну просто, если угодно, как у Оруэлла в «1984»: «Большой брат следит за тобой!» Кажется, что все кишит шпионами». Разумеется, Э. Стивенсон открыл эту истину не с трибуны, а беседуя с сестрой (см. V. Lasky. Robert F. Kennedy. The Myth and the Man. N. Y., 1968, p. 187).

и нравственно неполноценными, неспособными на малейшее проявление протеста, пригодными лишь для бездумного труда, теперь все больше подтверждаются и сбудутся еще раньше, чем ему казалось (прежний срок составлял несколько столетий). И хотя Хаксли не делает разницы между социальными силами, борющимися в нашу эпоху, считает, что ужасное будущее ожидает все страны, всю нашу планету, не вызывает сомнений тот факт, что мрачные картины, открывшиеся взору писателя, навеяны именно капиталистической действительностью. «Смелый новый мир» — это прежде всего проецируемый в будущее старый, умирающий мир капитализма, картина того, куда влечет этот строй внутренняя логика его развития.

Современная буржуазная утопическая литература создается авторами, различающимися по таланту и значительности своих произведений. Но их объединяет общий настрой глубокого пессимизма и безысходности. Капитализму нечего предложить людям, он не несет им сколько-нибудь приемлемого будущего — вот вывод, который, хотя и не хотят его те или иные авторы, напрашивается и из современных философских теорий, и из современной утопической литературы буржуазного общества.

Печатью глубочайшего идейного кризиса отмечена вся духовная жизнь современного капитализма. Идеи и теории буржуазии, чем дальше, тем больше, служат не познанию реальной действительности, не выражению насущных задач общественного развития, а защите и обоснованию изживших себя, мешающих прогрессу социальных порядков и установлений. В философии это находит свое выражение в том, что, при всей пестроте течений и школ, одно из господствующих мест в ней прочно заняли различные варианты идеализма и иррационализма — от утонченных, маскирующихся под науку и до откровенно мистических, религиозных.

Поясняя политический смысл похода против разума и научных знаний, развернувшегося в духовной жизни, преподаватель нью-йоркского городского колледжа Меджид как-то писал, что «цель философии — поиски правды; цель общества — самосохранение», а отсюда необходимость поставить какие-то границы этим поискам правды. «Общество в интересах самосохранения,

благополучия и справедливости,— заявляет он,— может чувствовать, и, возможно, по праву, что необходимо ограничивать стремление к знанию, поскольку такое стремление, будучи высшей целью с точки зрения общечеловеческих перспектив, почти всегда содержит моменты подрывного характера с точки зрения перспектив политических». Исходя из этого, Меджид и формулирует следующие три задачи политической философии.

Во-первых, «воспитание лояльности» («надо взять в руки молодежь,— пишет он,— еще до того, как она достигла интеллектуальной зрелости и критической способности, и научить ее, как и в отношении кого быть лояльной»).

Во-вторых, «воспитание элиты», т. е. «подготовку в деле управления» тех, кому правящий класс доверяет ведение общественных дел.

И наконец, в-третьих, «воспитание для понимания», т. е. помощь избранным, самим правителям, в овладении искусством и наукой управления¹.

Характерные изменения произошли в отношении буржуазной идеологии к человеку и человеческой природе. Речь идет о широком распространении идей и теоретических концепций, изображающих «человеческую природу» в виде средоточия темных инстинктов и животных влечений. Таким путем буржуазные идеологи не только пытаются снять с капиталистического строя вину за присущие ему социальные пороки, объявив их причиной «природу человека», но и обосновывают характерный для империализма поворот к политической реакции. Они утверждают, что, поскольку массы руководствуются в своих поступках разрушительными инстинктами, задачей политической власти является «обуздание» человека, «манипуляция» массами. «Не будем стараться убедить себя,— заявлял французский экзистенциалист Г. Марсель,— будто просвещение масс возможно; это внутреннее противоречие. Только один индивид, или, точнее, личность, поддается просвещению. Вне этого остается место только для дрессировки»².

¹ «The Journal of Philosophy», 1955, N 2, p. 41, 37.

² G. Marcel. Les hommes contre l'humain, p. 13.

Кризис и идейное оскудение общественно-политической мысли современной буржуазии нередко маскируется внедрением «научных методов», усилением прикладного начала в общественной науке. Но, как правило, за этим кроется уход социологии от коренных проблем общественной жизни в исследование проблем, далеких от коренных вопросов социального переустройства. Эволюция, проделанная в этом плане буржуазной общественной мыслью, чрезвычайно характерна. У ее истоков — острая социальная критика и обоснование революционных перемен, столь характерные для молодой буржуазии, проповедовавшей идеи общественного договора, суверенитета народа, неотъемлемых прав и свобод человека. После победы буржуазно-демократических революций характерным для буржуазной социологии стал своего рода реформизм, выработка программ реформ, которые могли бы «усовершенствовать» существующий строй и привести к торжеству идеалов этих революций.

Но и эта традиция, берущая начало от Г. Спенсера и О. Конта, теперь вырождается. В современной буржуазной социологии получила широкое распространение открытая апологетика реакционной политики (расистские теории, геополитика, неомальтузианство и т. д.), а также подсобные прикладные исследования, призванные помочь капиталистическому государству управлять обществом. Характеризуя эти перемены, известный американский социолог Р. Миллс писал: «...социология утратила свой реформаторский характер; тенденция к рассмотрению фрагментарных проблем и изолированных причинных связей обусловила ее поворот в консервативном направлении, в направлении использования корпорациями, армией, государством»¹.

Идейный кризис находит свое проявление не только в философии, социологии, общественной мысли современной буржуазии, но и в ее культуре. Декадентство, смакование низменных инстинктов и форм поведения, насилия и разврата² — вот что стало неизбежными

¹ W. Mills. The Sociological Imagination. N. Y., 1959, p. 92.

² Американский журналист М. Фрэй рассказал, что оборот «промышленности» порнографической литературы и открыток достигает в США полумиллиарда долларов в год (M. Fray. Sex, Vice and Business. N. Y., 1960, p. 89). Сейчас этот оборот намного

спутниками «культурной» жизни современного буржуазного общества. Эти уродливые явления, разумеется, не дают всей картины — среди широких слоев населения растет интерес к подлинной культуре и искусству. Но одновременно растут усилия тех, кто наживается на производстве суррогатов культуры, отравляет ими души и сознание миллионов и миллионов людей.

Идеология современной буржуазии дает много свидетельств глубочайшего социального заболевания капитализма. Его одолевает страх перед будущим, страх перед действительностью, страх перед разумом, страх перед человеком.

**Империализм
перед лицом
«кризиса
доверия»**

В политическом смысле самым главным проявлением идейного кризиса империалистической буржуазии является углубляющийся кризис доверия человечества к капитализму, ко всем его экономическим и социально-политическим установлениям и идеалам. Наиболее очевидное свидетельство такого кризиса состоит в том, что значительная часть человечества уже вообще порвала с капитализмом и связала свои судьбы с социалистическим строем. Но это не единственное свидетельство.

В великом соревновании двух систем, по мере того как социализм доказывает свое историческое превосходство, происходит дальнейшая компрометация, утрата доверия к капитализму. Его притягательная сила оказалась подорванной в глазах народов, сбросивших оковы колониализма или ведущих борьбу за свое национальное освобождение. Эти народы, стоящие перед выбором путей дальнейшего развития, отказываются видеть в капитализме приемлемый для себя социальный образец. Более того, чем дальше, тем больше разворачивается кризис доверия к капитализму и в его цитадели — в империалистических государствах. Как раз в последние годы этот процесс идет нарастающими темпами. Одно из наиболее ярких его проявлений — это, наряду с активизацией рабочего движения в ряде стран, выступления молодежи, охватывающие весь капиталистический мир.

вырос, ибо именно в последние годы в этой области наметился «бум», вызывающий все более серьезную озабоченность у обществственности.

Даже в «классических» буржуазных странах капитализм оказывается вынужденным прятать свое лицо, маскироваться подо что-то, чем на самом деле не является. Причем речь идет не о каких-то отдельных чертах, наиболее вопиющих злодеяниях этого строя (их буржуазия прятала всегда), а о самой социальной системе капитализма.

Именно такова подоплека дискуссии, которая уже много лет идет вокруг проблемы так называемой «идентификации», т. е. обозначения капиталистического строя. Существо этой дискуссии достаточно красноречиво выразил американский миссионер в Перу Дан Макклелан в своем на шумевшем в то время телеинтервью, транслировавшемся осенью 1962 г. «Какой-нибудь дошлый парень с Мэдисон-авеню (улица, где расположены главные рекламные агентства США.— Г. А.),—заявил сей достопочтенный пастырь,—должен был бы придумать другое слово для капитализма, так как капитализм стал грязным словом во всем мире»¹.

Об этом говорит не только простоватый американский миссионер. Сенатор Роберт Кеннеди, обобщивший свои впечатления от поездки по странам Азии и Европы в книге «Справедливые друзья и смелые враги», также свидетельствовал, что капитализм в глазах народов стал «грязным словом», несмотря на всю американскую пропаганду и экономическую помощь»².

О том, насколько важной стала эта проблема, свидетельствуют и многие другие буржуазные политические деятели и теоретики. Особую тревогу вызывает у них то обстоятельство, что параллельно с компрометацией капитализма идет процесс неуклонного роста престижа социализма и коммунизма, которые уже не удастся использовать в виде жупела, бранного слова. Вот что писали в этой связи, например, Страус-Хюпе, Кинтнер и Поссопи: «Если Советам удастся убедить большую часть населения земного шара в том, что советско-американское столкновение представляет собой в первую очередь борьбу между экономическими систе-

¹ См. W. Joyce. Op. cit., p. 82.

² R. Kennedy. Just Friends and Brave Enemies. N. Y., 1962, p. 118.

мами, между социалистическим сотрудничеством и капиталистической эксплуатацией, то наша задача в области идеологической борьбы еще больше усложнится, поскольку в слаборазвитых районах, как правило, в известной мере осуществляется социализм и государственное планирование. В целом распространенная концепция общества свободного предпринимательства, которая во многих районах земного шара отождествляется с системой, принятой в Соединенных Штатах, не находит себе многочисленных сторонников в Азии, Африке и в значительной части Латинской Америки»¹.

Пожалуй, еще более категорично формулирует эту мысль Джойс. «Величайшая услуга, которую мы можем оказать коммунизму,— пишет он,— это пропагандировать капитализм... Вторая по значению услуга, которую мы можем оказать коммунизму,— это называть его сторонников коммунистами. Коммунизм может быть бранным словом для нас... Коммунисты, однако, изображают его в виде экономической системы, которая может быть быстро достигнута с помощью политических средств»².

Хорошо известно, что на Западе были предприняты немалые усилия, чтобы решить эту проблему «идентификации» (наиболее известные из этих попыток — теории «стадий роста» У. Ростоу, «конвергенции», «общества всеобщего благоденствия» и др.). Но дело это оказалось невероятно трудным. Об этом говорит американский экономист Монсен, предпринявший в книге «Современный американский капитализм: идеология и проблемы» попытку подвести некоторые итоги усилиям своих коллег в указанной области (он анализирует, в частности, теорию «общества управляющих», концепцию «уравновешивающих сил» Гэлбрейта, «народный капитализм» и др.). В результате такого анализа Монсен приходит к малоутешительному выводу: «Попытки развить всеобщую идеологию современного американского капитализма, которая могла бы претендовать на выражение взглядов по крайней мере большинства, могут быть... самоубийственными»³.

¹ R. Strausz-Hupé, W. Kintner, S. Possony. Op. cit., p. 267.

² W. Joyce. Op. cit., p. 82—83.

³ Цит. по газете «Правда», 23 октября 1963 г.

И дело здесь отнюдь не в недостаточной изобретательности буржуазных теоретиков. Главная беда для них заключается в том, что скомпрометированным оказалось отнюдь не одно только слово «капитализм», а многие его основные установления. Их уже не удается защищать.

Давно прошло, в частности, время, когда идеологи капитализма в один голос славословили частную собственность на средства производства, составляющую основополагающий принцип буржуазного строя. Сегодня многим из них пришлось признать пусть не фактическое, но формальное обобществление в виде национализации в ряде стран, хоть на словах согласиться с тем, что концентрация собственности в руках немногих угрожает интересам общества, и кое-где закрепить такое согласие в законодательстве, преследующем монополистическую практику. Понятно, конечно, что эти действия отнюдь не меняют характера экономического строя капитализма, как правило затрагивая лишь форму, а не существо капиталистической собственности. Тем не менее остается фактом, что открыто защищать свои позиции капитализму становится все труднее. И не только потому, что свойственные ему производственные отношения, формы собственности и присвоения пришли в столкновение с требованиями развития производительных сил, но и потому, что это противоречие так или иначе становится осознанным фактом в глазах широких масс населения.

То же самое можно сказать о принципе свободного предпринимательства и его социально-этическом двойнике — принципе буржуазного индивидуализма. О «здоровом» естественном отборе, о благотворности такой системы, при которой каждый заботится о себе и «пусть черт возьмет отставших», как якобы создающей наиболее совершенную социальную гармонию и выковылающей самые совершенные человеческие характеры, сейчас твердят все меньше. Вместо этого в моду входят разговоры об «обществе всеобщего благоденствия», якобы берущем на себя заботу о всем и всех, о «социализации» все новых областей жизни.

Безвозвратно уходит в прошлое откровенная защита колониализма. И не только потому, что такая защита наносит большой ущерб империалистическим странам

на международной арене. Разговорам о «бремени белого человека», о «благотворной миссии» колониального угнетения все меньше верят и в метрополиях. Из опыта Вьетнама и Алжира, Конго и Суэца, Доминиканской Республики и Кубы стало широко известно, что за такими разговорами стоят колониальные войны, разбой, выгодный капиталу, но несущий массам кровавые жертвы, рост налогов, усиление политической реакции.

Совсем невозможным оказалось в нашу эпоху защищать такое классическое установление капитализма, как война. Разумеется, и раньше буржуазия остерегалась говорить массам правду о войне, обосновывала ее необходимостью защиты «национальных» интересов, «свободы» и т. д. Но прежде, манипулируя такими лозунгами, ей удавалось сравнительно легко заставить массы принять войну, разжечь шовинистический угар, вызвать у них готовность нести жертвы. В наше время это становится все более трудным делом. Конечно, и сегодня находятся отдельные оголтелые милитаристы, славящие войну. Но характерно, что ни в одной империалистической стране такая идеологическая «платформа» уже не может стать официальной. Даже самые агрессивные правящие группы оказываются вынужденными клясться в своем миролюбии. Иначе и быть не может в эпоху, когда одного отношения к проблеме войны и мира стало для трудящихся достаточно, чтобы вынести оценку всей социальной системе.

Все это — дополнительные свидетельства того, насколько капиталистический строй изжил себя, насколько он не отвечает больше потребностям общественного развития. Разумеется, этот строй не остается неизменным. Ради сохранения своих основных эксплуататорских, угнетательских установлений он вынужден идти во многих областях на приспособление к новым реальностям под влиянием ударов, наносимых историей, классовой борьбой, под воздействием своих поражений в соревновании с социализмом.

Такое приспособление выражается и в известных уступках духу времени, напору классовой борьбы, которые показались бы немыслимыми еще два-три десятилетия назад. Эти уступки охватывают разные сферы — экономику, социальные и политические отноше-

ния, отношение к колониям, внутреннюю и внешнюю политику и т. д. Но как бы значительны они подчас ни были, только у неисправимых апологетов капитализма и политических слепцов могут под их влиянием родиться иллюзии, будто капитализм изменил свою природу и начал прорастать побегами социализма. На деле ни такие уступки, ни тем более новые ярлыки, придуманные буржуазными идеологами, не меняют существа: капитализм остается эксплуататорским общественным строем, несущим массам трудящихся неисчислимые бедствия.

Но бесспорно, меняются в эпоху общего кризиса функции буржуазной идеологии. Если раньше они состояли прежде всего в том, чтобы, приукрашивая капитализм, обосновывая целесообразность его институтов, обеспечивать ему поддержку масс, то теперь все более важной функцией становится изображение его как какого-то другого, некапиталистического строя, маскировка подлинной сущности существующего общества, его социальной природы и установлений.

Тем самым определяется и слабость исходных идеологических позиций современной буржуазии. Перед буржуазными идеологами, по сути дела, поставлена неразрешимая задача — одновременно защищать и отрицать капитализм, его идеалы и институты, задача, выполняя которую, идеология неизбежно вступает в неразрешимый конфликт с действительностью, с жизнью. А из таких поединков в конечном счете победителем всегда выходит действительность. Что касается идеологии, то она, утрачивая связи с реальностью, распадается, теряет способность обеспечивать устойчивое влияние на массы.

Именно это происходит сейчас с идеологией империализма, что с тревогой признают и некоторые буржуазные теоретики и политики. «Идеология, некогда бывшая путем к действию,— пишет, например, Д. Белл в книге с характерным названием «Конец идеологии»,— ныне зашла в тупик»¹. «Мы — последние идеологи,— вторит ему Р. Стил.— Наше время — это время умирающих идеологий и устаревших лозунгов»².

¹ D. Bell. *The End of Ideology*. Glencoe (Illinois), 1960, p. 370.

² R. Steel. *Pax Americana*. N. Y., 1967, p. 27.

Идеологические задачи, вставшие перед империализмом, становятся настолько сложными и невыполнимыми, что нередко раздаются призывы вообще «деидеологизировать» общественную жизнь. В основе этих призывов лежит осознание многими буржуазными деятелями тех трудностей, с которыми сталкиваются попытки создать цельную и всеобъемлющую идеологию, способную противостоять идеям коммунизма. Отсюда и их стремление вообще уклониться от прямого столкновения двух идеологий. Отсюда и разговоры об «особом» характере современной идеологии Запада, о том, что она, как идеология «демократическая», впитывающая все многообразие мнений и интересов, не призвана дать единый ответ на вопросы, поставленные историей, выработать цельное объяснение мира, которое можно было бы противопоставить коммунизму. Подобные взгляды развивает, например, американский историк, летописец президентства Кеннеди (в прошлом его специальный помощник) Артур Шлезингер-младший. В одной из своих статей он уверяет, что любая цельная идеология — это не видение действительности, а лишь «абстракция реальности», подменяющая саму реальность¹.

Сходную позицию занимает Дж. Бунцел, автор книги «Антиполитика в Америке». Он призывает к «деидеологизации» политики, так как идеология, по его словам, «искажает восприятие политической реальности», поскольку «однозначность идеологии резко противоположна неопределенности демократического политического процесса. Там, где все неизбежно и определено, не может быть места для свободы»². Известный «теоретик» американской политики на социалистические страны Восточной Европы Збигнев Бжезинский на этом основании делает и определенные практические выводы. Утверждая, что Америка традиционно была «прагматическим обществом, свободным от идеологических оков», он предупреждает, что ей «не следовало бы теперь выступать в роли запоздалого идеолога»³.

¹ «Panorama», 27.V.1963. (Эти же идеи Шлезингер развивает в журнале «Америка» 1964 г. № 96, стр. 15).

² J. Bunzel. Anti-Politics in America. N. Y., 1967, p. 126, 128.

³ Z. Brzezinski. The Implications of Change for United States Foreign Policy, Washington, 1967, p. 4.

Любопытны следующие пояснения бывшего директора главного пропагандистского ведомства этой страны — ЮСИА Эдварда Мэрроу к одному из посланий президента Соединенных Штатов. «Наша страна имеет множественную идеологию. Демократия — дело не простое, а сложное. Мы разрешаем, даже поощряем, несогласие. Наш отличительный признак — разнообразие. Наше национальное кредо состоит в том, чтобы не иметь одного убеждения, одного объяснения, одного руководства, одной догмы. Наша истинная догма — не иметь никакой догмы»¹.

Все такие рассуждения не более как попытка превратить в добродетель фундаментальную идейную слабость современного капитализма. Но сами буржуазные идеологи нередко оказываются вынужденными искать причины идеологической слабости Запада, отсутствия у него цельной идеологии отнюдь не в «демократии» и «духовной свободе». «Говорят, что у нас нет своей, американской идеологии, — пишет, например, Ф. Джонсон. — Обвинение справедливо. У нас нет идеологии, ибо мы в значительной мере утратили веру в принципы, которые сделали нас великой нацией. Как народ мы воспитали в себе индивидуализм и коллективный комплекс неполноценности. Мы стыдимся самих себя»². Можно, конечно, немало добавить к этой характеристике, но показательно в ней то, что она начисто опровергает концепции, о которых говорилось выше.

Что касается попыток отождествить идеологию с догмой, то наличие цельной идеологии отнюдь не предполагает догматизма или окостенения взглядов на мир. Речь идет о системе идей, выражающих свойственное тому или иному классу понимание мира, целей и задач общества. И такое понимание, пусть даже не в виде единой, общепризнанной концепции, есть, разумеется, и у современного капитализма. Но многие его идеологи уже хорошо поняли, что открыто, перед глазами всего общества, выступить со своей подлинной платформой, своим подлинным символом веры этот класс не может. Отсюда и «множественность» идеологии, т. е. попытка дать какое-то пропагандистски приемлемое толкование

¹ «The New York Times», September 8, 1963.

² F. Johnson. No Substitute for Victory. Chicago, 1962, p. 221.

каждой отдельной проблеме, вне связи с общей картиной общественного развития и политических событий. Это, несомненно, остается большой слабостью современной буржуазной идеологии, особенно перед лицом такого противника, как научный коммунизм.

И эта слабость хорошо осознается в среде буржуазных политиков и идеологов. Они-то знают цену рассуждениям насчет того, что отсутствие цельной, динамической системы идей якобы составляет чуть ли не преимущество Запада.

В этой связи можно привести высказывания американского автора С. Падоваера (в годы второй мировой войны — сотрудника ведомства «психологической войны» на европейском театре военных действий). Многие политические неудачи США он относит как раз за счет того, что их политика «была в большей части негативной: *против* коммунизма, *против* советизма, *против* диктатуры». Но за что?! «Этот вопрос,— продолжает Падоваер,— остается без ответа, так как США не дали миру «вдохновляющего идеала или позитивной социальной программы», т. е. именно того, что призвана дать идеология. «А ведь это аксиома,— заявляет он,— что нельзя ничем побить что-то. В результате наша психологическая война, как и наша внешняя политика, которую она отражает, страдает от интеллектуальной и духовной пустоты. Такой она и будет оставаться, если США не сформулируют позитивной программы действий, идеала, вокруг которого можно сплотить людей»¹.

Подобных признаний можно привести множество. И не только признаний. Все больше раздаются призывов и конкретных предложений о «создании» идеологии, которая могла бы обеспечить империализму более устойчивые позиции в борьбе за умы людей. С таким призывом обращался к американским идеологам Роберт Кеннеди². М. Дайер, известный в США специалист по пропаганде, прямо потребовал от философов «сформулировать» идеологию, которую бы можно было противопоставить коммунизму³. Сенатор США О'Хара хотел искать такую идеологию в трудах «классиков демокра-

¹ «Propaganda and International Relations», ed. by U. Whitaker. San Francisco, 1962, p. 143.

² R. Kennedy. Op. cit., p. 246.

³ M. Dyer. The Weapon on the Wall. Baltimore, 1959, p. 225.

тии» и предлагал издавать их массовыми тиражами для распространения за границей, полагая, будто это поможет преодолеть главную слабость «свободного мира», которая состоит в том, что «он не имел никакого всеобщего фонда политической доктрины»¹. А известная антикоммунистка французская правая социалистка Сюзанна Лабен добивалась создания с той же целью «Института идеологического сопротивления»².

Можно ли в свете этого поверить, будто отсутствие цельной и вразумительной идеологии является чуть ли не добродетелью Запада? Нет, уклониться от сопоставления и столкновения идеологий империализму не удастся. На это, впрочем, и не надеются всерьез буржуазные лидеры. Их усилия направлены к тому, чтобы хоть как-то заштопать зияющие прорехи своей идеологии, сделать ее пригодным оружием в великой борьбе за умы людей, которая развернулась в наше время в мире.

**«Идеология»
для экспорта**

Упомянутый уже американский профессор Д. Монсен метко назвал идеи и теории, придумываемые специально на потребу внешнеполитической пропаганды США, «экспортной идеологией»³. Таков в конечном счете весь идейный фасад современного империализма, обращенный к широкой публике, к массам. Духовная жизнь буржуазного общества и раньше отличалась изрядным лицемерием. Но никогда в ней не было такого разрыва между подлинной идеологией правящего класса, его истинным символом веры и той псевдоидеологией, которая преподносится «человеку с улицы» в качестве официальной доктрины.

Интересы монополий состоят в усилении эксплуатации трудящихся и политического гнета, свертывании демократии, ликвидации сопротивления их реакционным и агрессивным политическим планам. Эти интересы, разумеется, отражены в определенных идеях пра-

¹ «Congressional Record», vol. 106, August 31, 1960, p. 18873.

² S. Labin. The Unrelenting War. N. Y., 1960, p. 43.

³ Об этом пишет и американец Г. Спиро, подчеркивая, что политические лидеры США «нуждаются в идеологических подпорках или по крайней мере в идеологическом фасаде для своей внешней политики, чтобы сделать ее более respectable, чтобы ее легче было продать...» (H. Spiro. World Politics: The Global System. Homewood (Illinois), 1966, p. 299).

вящего класса,— взгляды на природу человека, о которых уже говорилось, далеко не единственное тому подтверждение. Вся система политических идей империализма — это обоснование права на его господство, на усиление вмешательства подчиненного монополиям государства во все сферы жизни, на «манипуляцию» массами и дезинформацию общественного мнения.

Но эти идеи, в которых монополистическая буржуазия так или иначе предстает как класс «для себя», оказываются негодными, когда она обращается к обществу, пытается обосновать перед собственным народом свое право на руководство. В этом отношении в нашу эпоху произошли решающие изменения, и они связаны не только с тем, что интересы буржуазии еще больше разошлись с интересами других классов и социальных слоев капиталистического общества. Дело еще и в том, что укрепились идейные позиции ее главного противника — рабочего класса, мирового социализма; усилилось их влияние, пусть подчас косвенное, на все человечество.

Это не означает, что уже совершилось завоевание большинства в буржуазном обществе на сторону идей марксизма-ленинизма — такая задача в капиталистических странах еще далеко не решена. Но это означает, что определенный комплекс идей и идеалов, связанных с мировоззрением социализма, пустил в обществе глубокие корни, овладевает массами, помогая им все лучше осознавать свои подлинные интересы. Под влиянием этих идей массы начинают ощущать противоестественность положения, при котором вся экономическая власть сосредоточена в руках горстки монополий, идут к пониманию той истины, что и вопросы внешней политики, в частности войны и мира, не служат «священной» прерогативой правящего класса; все больше утрачивают воспитывавшееся веками уважение к частной собственности и государственной власти. И величайшая заслуга в этом отношении принадлежит коммунистической идеологии, влиянию социалистических стран, силе их примера.

Такие необратимые изменения в общественном сознании делают идеи империалистической буржуазии, в которых осуществляется ее «самовыражение», негодным оружием в борьбе за умы людей, в борьбе за мас-

сы. Отсюда и потуги создать «экспортную идеологию», отсюда и то своеобразное положение, при котором империализм во всемирной борьбе за умы и души людей вынужден выступать под чужими знаменами, под лозунгами, украденными либо у своих классовых противников, либо у своих буржуазно-демократических предтеч.

Именно такова одна из основ стратегии современной империалистической буржуазии в идеологической борьбе.

Разумеется, анализируя сложные идеологические процессы, развертывающиеся сегодня в капиталистическом обществе, ни в коем случае нельзя упрощать картину. В частности, нельзя считать демагогией, обманом, уловкой имеющие в буржуазных странах хождение идеи и теории, которые, не будучи марксистско-ленинскими, тем не менее в той или иной мере несут демократическое содержание. Говоря об идеологии современной буржуазии, мы имеем в виду идеологию империализма, монополистической верхушки капиталистического класса, но отнюдь не весь сложный комплекс идей, определяющих весьма пеструю духовную жизнь буржуазного общества.

Речь идет не только о том, что среди трудящихся капиталистических стран все более прочные позиции завоевывает социалистическая идеология. Надо иметь в виду, что само овладение социалистическими идеями представляет собой не единовременный акт, а сложный и подчас противоречивый процесс. В ходе него происходит преодоление буржуазных взглядов, предрассудков, причем далеко не сразу. Сплошь и рядом этот процесс идет через разнообразные промежуточные этапы и ступени, на которых рядом, не в «мирном сосуществовании», а в борьбе, острых схватках соседствуют даже в сознании отдельного человека как социалистические, так и буржуазные идеи.

В условиях государственно-монополистического капитализма возникают и углубляются противоречия между правящей верхушкой монополий и не только рабочим классом, но и всеми другими классами и социальными прослойками, включая основную массу интеллигенции, городскую мелкую буржуазию и т. д. В своем большинстве эти классы и прослойки, с точки зрения

своих объективных интересов, становятся союзниками рабочего класса. Но субъективное восприятие этих своих интересов у них очень часто отстает. Это рождает попытки обосновать свою особую позицию «вне» основных борющихся в обществе сил, что находит отражение и в их идеологии — несоциалистической, во многом чисто буржуазной, но в то же время противостоящей реакционным идеям монополистической верхушки буржуазии.

Свое выражение находит в духовной жизни буржуазного общества и то, что под натиском побед социализма в мирном соревновании с капитализмом, классовой борьбы пролетариата империалистическая буржуазия все чаще вынуждена маневрировать, идти на уступки. Речь идет не о том, что империализм действительно воспринимает те или иные социалистические идеи, идет на идеологический компромисс с классовым противником. Такого нет и быть не может. Но политическая тактика отдельных уступок, залечивания наиболее очевидных язв капиталистического строя, несомненно, отражается и в определенных идеях.

Когда правящий класс под напором классовой борьбы трудящихся идет на отдельные реформы, ему трудно уже сохранить в прежнем виде официальную идеологическую доктрину, он вынужден приспособлять эту доктрину к тактике реформ. То же самое относится к уступкам во внешней политике и во многих других областях. Конечно, при этом как сама тактика уступок, так и ее идеологическое отражение составляют объект борьбы внутри самой монополистической буржуазии. Она расколота на различные группировки, и эти группировки имеют свои идеи. В этом смысле идеологическая борьба идет и внутри правящего класса, продолжая борьбу политическую (в том числе между более умеренными кругами и представителями твердолобой реакции), в которой решаются вопросы тактики, конкретных направлений политики и т. д.

Все это надо иметь в виду, анализируя идеологию и идеологическую стратегию современного империализма, иметь в виду, чтобы не допускать сектантства, не умножать искусственно число врагов, искать пути к созданию возможно более широкой антиимпериалистической коалиции. Но это не меняет основного факта — своего

рода «раздвоения» официальной идеологической доктрины правящей буржуазии на идеологию «для себя» и идеологию «на экспорт». Особенно наглядным становится такое раздвоение при анализе идеологической борьбы империализма на тех плацдармах, где его идеи приходят в непосредственное соприкосновение, вступают в прямую схватку с идеями социализма, коммунистическим мировоззрением, т. е. во внешнеполитической пропаганде. Здесь с особой очевидностью проявляется тот факт, что империализм сражается сегодня за умы людей под чужими знаменами, с крадеными лозунгами.

К их числу относится не только лозунг мира. Во внешней политике империалисты давно уже маскируют свои подлинные цели и намерения, изображают себя сторонниками мира, а вину за угрозу войны стремятся взвалить на социалистические страны. (Сейчас они делают это еще более настойчиво и усердно.) Сегодня краденые лозунги и идеалы пронизывают всю идеологическую кампанию империализма, всю его пропаганду.

Характерно уже то, что, в отличие от социализма, он старается даже не выступать под своим именем — именем капитализма (не говоря уже об империализме, хотя и это слово в былые времена не считалось в буржуазном обществе бранным). Вместо этого пущены в ход термины «свободный мир», «западные демократии». Свобода, демократия, права личности и т. д. — все это лозунги, заимствованные у молодой революционной буржуазии XVIII—XIX веков. Эти лозунги, действительно, были написаны на ее знаменах и, при всей классовой ограниченности того вклада, который внесла в осуществление этих идеалов буржуазия, в свое время имели глубокий исторический смысл. Сегодня, в применении к монополистической буржуазии, они его потеряли. В эпоху империализма демократическое наследие «отцов-основателей» буржуазного общества было растрачено их внуками и правнуками — в концлагерях Освенцима и Маутхаузена, на изуверских сборищах фашистов, в залах позорных судилищ, организованных американской реакцией, в скрытых от глаз непосвященных кабинетах тайной полиции, на полях колониальных войн.

Сложности, которые возникают в этой связи перед империалистической пропагандой, очевидны и многим буржуазным теоретикам. Американский социолог Д. Лернер пишет: «Чреватая серьезными последствиями трудность для психологической стратегии состояла в том, чтобы найти подходящий символ, с помощью которого и через который можно было бы дать коалиции единую идентификацию. На протяжении последних десяти лет для этой коалиции использовались многие обозначения: «демократия», «атлантическое сообщество», «западный мир», «некоммунистический мир», «свободный мир». Все эти обозначения приходили в конфликт с внутренним психологическим многообразием, чтобы не сказать различиями в коалиции».

И Лернер имеет в виду не только несостоятельность термина «атлантическое сообщество» для коалиции, включающей Турцию, Пакистан, Японию, Таиланд, Австралию. «Западный мир», по мнению Лернера, сразу напоминает азиатам и африканцам колониализм. «Некоммунистический мир» неприемлем для тех, кто не хочет сойти с позиции неприсоединения. Самое же существенное, по мнению Лернера, это то, что негодны и самые привлекательные из этих терминов — «демократия», «свободный мир». Ведь ими, пишет он, пользуются для обозначения «сообщества, в которое входит франкистская Испания и многие кровавые диктатуры Азии, Латинской Америки»¹.

Нет, не империалистическая буржуазия, а революционный рабочий класс стал подлинным носителем идеалов свободы и демократии. И не только потому, что он полноправный наследник всего лучшего, что было в этом отношении завоевано буржуазно-демократическими революциями прошлого. Еще важнее то, что именно рабочему классу выпала историческая миссия — преодолеть формальный характер, ограниченность буржуазной демократии, расширить ее рамки, обогатить идеалы свободы и демократии новым, более глубоким содержанием. Но как раз поэтому, осознавая притягательную силу таких идеалов, империализм и

¹ Н. Bohn (Herausgeber). Siegen ohne Krieg. Köln, 1959, S. 132—133.

пытается перехватить лозунги свободы и демократии, присвоить это знамя.

Спекуляции империалистической пропаганды на лозунгах свободы и демократии имеют еще одну цель: подменить природу главного конфликта, развернувшегося в мире,— столкновения двух социальных систем, изобразив дело так, будто борьба идет между западной «свободой» и «коммунистическим тоталитаризмом». Отсюда попытки фальсифицировать сущность общественного строя в империалистических странах с помощью бесчисленных вариантов «народного» и «демократического» капитализма, «акционерной демократии» и т. д. Но если повнимательней приглядеться к этим версиям, то станет ясно, что и здесь речь идет главным образом о чужих лозунгах и идеалах.

Все эти концепции и теории призваны доказать «исчезновение» прежде всего тех черт общественных отношений, свойственных капитализму, которые преодолевает социализм,— концентрации богатств и власти в руках ничтожного меньшинства населения, анархии производства, паразитического присвоения, вопиющей несправедливости в распределении общественного богатства, неуверенности трудящихся в завтрашнем дне, жестокого индивидуализма. Именно это, если вдуматься, и стоит за рассуждениями об «акционерной демократии», «выравнивании в богатстве», достигаемом с помощью специальных форм налогообложения, «обществе благоденствия». Даже такой специфический для коммунизма идеал, как построение бесклассового общества, идеологи империализма, в свое время открыто отстаивавшие право «наиболее приспособленных» на привилегированное положение в обществе, сейчас пытаются взять на вооружение, распространяясь насчет «депролетаризации», обусловленной ростом «среднего класса», пуская в ход хитроумные схемы «социальной стратификации», из которых исчезают классы, а остаются лишь чисто профессиональные или «функциональные» различия.

Центральную идею всех этих теоретико-пропагандистских построений, видимо даже не замечая, в какое юмористическое положение они себя ставят, выразили как-то американские философы Хилл и Стюрмэн в книге «Философия и американское наследие», заявив,

что большинство принципов Коммунистического манифеста уже осуществлено... в современной Америке¹.

С середины 50-х годов стратегия «краденых лозунгов» получает особенно широкое распространение. В ее рамках идеологи и политические деятели попытались перехватить даже лозунг революции. Смысл этой операции в свое время раскрыл американский политический и военный деятель Макклой. В предисловии к книге «Россия и Америка», вышедшей в 1956 г., он писал: «Мы обычно считаем Советский Союз революционной силой в мире. Поступая так, мы рискуем тем, что позволим Советам стать символом и вдохновляющим идеалом конструктивных перемен в жизни сотен миллионов людей во всем мире». Страшась такой перспективы, Макклой настойчиво рекомендовал «напомнить другим», что «менее двух столетий назад американский народ помог зажечь великую революцию, которая до сих пор идет во всем мире», а коммунистам навесить ярлык «контрреволюционеров», извративших цели демократии².

В 60-х годах такая линия пропаганды стала все чаще использоваться и при формулировании официальной идейно-пропагандистской доктрины США. Самые высокопоставленные должностные лица, начиная от президента, не упускали случая, чтобы напомнить о революционном прошлом США и о «горниле революционных идей», которым-де вновь призвана стать Америка.

В кругу влиятельных политических деятелей США, конечно, понимали, что рассуждения о «революции» могут вызвать известное смущение и замешательство среди «благонамеренных граждан», воспитанных в ненависти к самому этому понятию, не говоря уже о «столпах порядка» голдуотеровско-уоллесовского толка. Поэтому и делались попытки успокоить эту часть «общественности», показать ей, что никакого потрясения основ, собственно говоря, не намечается. Такую миссию, видимо, взял на себя еще в 1961 г. журнал «Форин афферс», посвятивший этой теме статью некоего Г. Ристона, озаглавленную «Век революции».

¹ J. Hill, W. Stuermann. *Philosophy and the American Heritage*. N. Y., 1961, p. 135.

² H. Roberts. *Russia and America*. N. Y., 1956, p. XXVII—XXVIII.

«Прежде всего,— писал он,— не следует нервничать при одном упоминании слова «революция»... Самое поверхностное знакомство с историей показывает, что революции столь же стары, как и сама история, и так же обычны»¹. В подтверждение следовали пространные рассуждения насчет революционного прошлого США, цитаты из «Декларации независимости» и конституции «даже такого консервативного, на наш взгляд, штата, как Нью-Гэмпшир», и прочие аргументы, призванные доказать, что само по себе слово «революция» не должно пугать американцев, уважающих «закон и порядок».

Но эти ухищрения не помогут правящим кругам США смыть с себя клеймо главного оплота контрреволюции. Напоминаний о «революционном прошлом» еще мало, чтобы разделаться с черной славой душителей современных революций, противников тех самых «конструктивных перемен», о которых упоминал Макклой. Не по таким напоминаниям будут судить народы об отношении США к революции.

Для них ведь важно не то, была или нет в истории США «своя» революция (американская буржуазная демократия XVIII века к тому же имеет с современным монополистическим капиталом США не больше общего, чем Томас Пейн с Голдуотером или Джефферсон с Уоллесом), а как относится правящий класс этой страны к революциям современной эпохи. На сей счет история дает самый красноречивый ответ. США были последней из стран, признавших Советский Союз, рожденный самой великой из революций современности. Они до сих пор не признали правомерности революций, прокатившихся после второй мировой войны в ряде стран Европы и Азии. Дело, однако, не в одних дипломатических признаниях. Американский империализм был активным участником вооруженной интервенции в Советской России, вдохновителем подрывной деятельности против всех без исключения социалистических ре-

¹ «Foreign Affairs», July, 1961, p. 535. Американский историк Палмер даже попытался в этой связи осуществить классификацию революций, разделив их на «умеренные» (которые заслуживают одобрения) и представляющие собой «массовый революционный взрыв» (достойные, по его мнению, осуждения) (см. R. Palmer. The Age of the Democratic Revolution. Princeton, 1959).

волюций, проводил и проводит враждебную им линию в политической, экономической и идеологической областях. Американский империализм пытался силой сокрушить кубинскую революцию, организовал и ведет позорную контрреволюционную войну во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

Не менее показательны и отношения американского империализма к национально-освободительным революциям. В Латинской Америке, в Юго-Восточной Азии и в ряде других районов мира он выступает их открытым душителем. В других странах действует более тонкими методами, особенно когда речь идет о революции против владычества империалистических конкурентов США. Сам факт долголетней поддержки таких политических фигур, как Чан Кай-ши, Нго Динь Дьем, Ли Сын Ман, Батиста, и других азиатских и латиноамериканских диктаторов, говорит за себя.

Все это закономерно — контрреволюционные позиции американского империализма вытекают не просто из чьих-то дурных побуждений или ошибок, а из объективного характера революций современности — революций социалистических и антиимпериалистических, к которым правящий класс самой большой и могущественной империалистической державы в силу ее социальной природы и политических интересов не только не может проявлять доброжелательности, но питает самую яростную ненависть.

Несостоятельность попыток американских империалистов рядиться в «революционные» тоги настолько очевидна, что вызвала многочисленные скептические комментарии и на Западе.

Известный французский профессор Б. Лавернь в книге «В чем причины конфликта между Западом и Советским Союзом», например, пишет: «Так же как в конце XVIII и в течение всего XIX века французская революция была доминирующим событием в политической и экономической областях, советская революция 1917 г. была и останется, хотя бы этого или нет, основным центром притяжения человеческих обществ в течение всего XX века»¹.

¹ B. Lavergne. Pourquoi le conflit Occident — Union Soviétique? Paris, 1962, p. 55.

Аналогичным образом комментируют ухищрения американской пропаганды и некоторые сугубо консервативные буржуазные авторы. К их числу относится известный английский историк Арнольд Тойнби. Он выпустил в 1962 г. работу «Америка и мировая революция», посвященную этой проблеме. Политические симпатии Тойнби очевидны. Известно, что и революцию он рассматривает как вполне абстрактную категорию, которой обозначаются все крупные социальные потрясения начиная с XIII века и по сей день. Но зато коренное изменение соотношения сил революции и контрреволюции, происшедшее в нашем веке, для него не вызывает сомнений, и он дает этому верную оценку.

Несмотря на все свои симпатии к США (Тойнби специально говорит о них в предисловии), английский историк приходит к выводу, что они стали «вождем всемирного контрреволюционного движения, защищающим устаревшие интересы»¹. «Я утверждаю,— продолжает Тойнби,— что с 1917 г. роль Америки в мире изменилась. Из архиреволюционной державы она превратилась в архиконсервативную. Еще более странно то, что она передала свою славную, но ставшую ей ненужной роль стране, которая в XIX в. была архиконсервативной, стране, которую Америка с 1946 г. считала врагом номер один. Свою историческую революционную роль Америка передала России». Революцию, подчеркивает он, «ничто не может остановить, даже американские руки, давшие ей первый толчок»².

Критика даже такого доброжелателя США, как Тойнби, свидетельствует о том, что, заговорив о революции, американская пропаганда ступила на тонкий лед. Но ведь не от хорошей жизни в Вашингтоне решили вести идеологический поход под чужими знаменами. Это еще одно доказательство идейного и морального оскудения империализма, заставляющего прикрываться чужими идеологическими одеждами. А они, как любое платье с чужого плеча, плохо сидят.

Таким образом, в развернувшейся в нашу эпоху всемирной идеологической борьбе силы социализма, мира

¹ A. Toynbee. *America and the World Revolution*. London, 1962, p. 16.

² *Ibid.*, p. 74.

и прогресса имеют дело с противником, маскирующим собственное обличье, старающимся воспользоваться в борьбе за умы людей чуждым ему самому идейным оружием. Это, разумеется, вносит в идеологическую борьбу дополнительную сложность, создает опасность, что какие-то круги мировой общественности будут сбиты с толку, обмануты империалистической пропагандой. Но за этим, если вдуматься, можно видеть фундаментальное поражение империализма. Идеалы мира, справедливого общественного устройства, свободы и демократии, даже революционных перемен, выдвинутые социализмом, завоевывают умы людей, и империализм не может им что-либо противопоставить. Потому он и был вынужден перенести центр тяжести в своей идеологической борьбе на спор о том, какая из двух систем защищает и представляет эти идеалы.

То обстоятельство, что империализму пришлось отступить на этот плацдарм,— серьезная победа антиимпериалистических сил, которая не может не иметь определенных политических последствий. Речь идет не только о том, что эта особенность идеологической борьбы империалистов делает их более уязвимыми, в какой-то мере связывая монополии как во внутренней, так и во внешней политике. Не менее важно, что сам исход этой борьбы все больше решается на путях соревнования двух систем, где определяющую роль играют не столько слова, искусство пропагандистов, сколько дела, реальные достижения, вклад, вносимый в осуществление идеалов, завоевавших на свою сторону человечество. Значит, увеличивается и реальная возможность социалистических стран оказывать своими практическими успехами в строительстве нового общества и своей политикой все более значительное влияние на ход событий во всем мире.

2. Антикоммунизм — оружие обреченных

Империалистическая буржуазия все яснее чувствует, что прямое сопоставление и борьба двух идеологий несут ей поражение. Отсюда — перенос центра тяжести с идейной защиты своей социальной системы, ее принципов и установлений на антикоммунизм.

Сам по себе антикоммунизм — и как политика, и как идеология — не представляет чего-то нового. Еще в 1848 г. Маркс и Энгельс писали о том, что для травли коммунизма объединились «все силы старой Европы... папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские»¹. Чем сильнее становился коммунизм, тем больше сил и средств бросал старый мир на его травлю.

Но сегодня антикоммунистическая кампания приняла невиданный размах. «Главное идейно-политическое оружие империализма — *антикоммунизм*», — говорится в Программе КПСС. Основным содержанием антикоммунизма «является клевета на социалистический строй, фальсификация политики и целей коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма. Под фальшивыми лозунгами антикоммунизма империалистическая реакция преследует и травит все передовое и революционное, старается расколоть ряды трудящихся, парализовать волю пролетариев к борьбе. Под этим черным знаменем объединились ныне все враги социального прогресса: финансовая олигархия и военщина, фашисты и реакционные клерикалы, колонизаторы и помещики, все идейные и политические пособники империалистической реакции. Антикоммунизм — отражение крайней степени деградации буржуазной идеологии»².

В определенном смысле антикоммунистической является вся политика и идеология современной буржуазии. Однако при таком толковании утрачивается специфика антикоммунизма как политики и идеологии, специально направленной против коммунизма, а само это понятие становится синонимом буржуазной политики и идеологии.

На наш взгляд, как с точки зрения теории, так и политики, важно проводить различие, в частности, между свойственным буржуазии и мелкой буржуазии «не»коммунизмом и воинствующим «анти»коммунизмом наиболее реакционных и агрессивных кругов империализма, находящим выражение в целой системе политических и идеологических акций, специально нацелен-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 423.

² «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 51—52.

ных на борьбу против идей коммунизма, коммунистического движения и социалистических стран. Сегодня эти направления составляют важную, более того, главную составную часть официальной политики и пропаганды основных империалистических государств.

Важно также отличать антикоммунизм как целенаправленную и организованную деятельность империалистической реакции от антикоммунистических настроений и предрассудков, которые еще оказывают влияние на известную часть трудящихся масс, на промежуточные слои буржуазного общества, а также на определенные круги национально-освободительного движения.

Антикоммунизм как политика и тактика империалистической буржуазии Антикоммунистическая политика является орудием крайней реакции, наиболее правых кругов империалистической буржуазии. Об этом свидетельствует опыт фашизма, об этом

говорит и опыт послевоенных лет.

Если взять внутреннюю политику, то в наиболее обнаженном виде антикоммунизм практиковался в эти годы в США («эра Маккарти»), когда фактически вне закона были поставлены компартия, прогрессивные организации и профсоюзы, когда «охота на ведьм» стала составной частью официальной политики и процветали методы преследований и расправ, подчас напоминавшие фашистские. Законодательство, судебная практика, деятельность исполнительной власти — все было подчинено антикоммунистическим целям.

Аналогичную картину дает и послевоенная история Западной Германии.

Явственные антикоммунистические тенденции во внутренней политике получили развитие также и в других империалистических странах, распространившись не только на официальную государственную политику, но и на деятельность правого руководства профсоюзов и реформистских социал-демократических партий¹. Невиданного размаха достигла антикоммунистическая

¹ Достаточно указать на раскол международного профдвижения, дискриминационную антикоммунистическую практику английских лейбористов, образование правых профсоюзных объединений в ряде стран и т. д. Характерно, что антикомму-

кампания в странах, где к власти приходили при поддержке американского и английского империализма фашистские и полуфашистские элементы, например в Греции. Здесь антикоммунизм с самого начала принял черты открытого фашистского террора. То же самое относится к марионеточным режимам, насажденным империалистами в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Вместе с тем на путь антикоммунизма временами становились и правящие круги ряда молодых национальных государств, освободившихся от колониального ига. На этот путь их толкал и толкает империализм. Уступки ему в этом отношении, несомненно, ставят под угрозу завоевания, добытые народами в национально-освободительной борьбе.

С момента рождения первого социалистического государства и особенно выхода социализма на мировую арену антикоммунизм стал отличительной чертой не только внутренней, но и внешней политики империалистической реакции. Именно он лежит в основе ее деятельности, направленной на подрыв нового строя в странах социализма, сколачивание агрессивных союзов против социалистических стран, на организацию сотрудничества реакционных классов различных государств в деле подавления революционного движения и «экспорта» контрреволюции.

В том, что внешняя и внутренняя политика империализма нацелена своим острием против коммунизма, нет никаких сомнений. Но столь же очевидно и то, что ее мишенью являются далеко не одни лишь коммунисты. Антикоммунизм — одновременно своего рода тактика для прикрытия основных целей классовой политики монополий.

Со всей ясностью это обнаруживается в сфере внешней политики. Всем памятно, что союз германских, итальянских и японских фашистов накануне второй мировой войны был облечен в форму «антикоминтер-

нистическую деятельность сами правые социалисты стали считать своей крупнейшей заслугой. Например, Я. Ломар, право-социалистический депутат бундестага ФРГ, утверждает, что решающее достижение СДПГ после 1945 г.— это внедрение антикоммунистических представлений в западногерманское рабочее движение (*H. Bohn. Op. cit., S. 47.*)

новского пакта». Но за антикоммунистической формой стояли цели подготовки новой разбойничьей войны и борьбы за мировое господство, планы порабощения не только Советского Союза, но и буржуазных стран Европы и других континентов, перекройки колониальных империй. Точно так же и сегодня за воплями о «коммунистической угрозе», прикрывающими сколачивание агрессивных блоков, гонку вооружений, вмешательство во внутренние дела других стран, стоят империалистические устремления крупнейших империалистических держав, и прежде всего Соединенных Штатов Америки, добивающихся укрепления своих мировых позиций, стремящихся расширить сферы своего господства и подчинить себе другие народы.

Аналогичным образом обстоит дело и во внутренней политике. Жупел антикоммунизма используется реакцией для того, чтобы вести атаку не только против компартий, но и против всех прогрессивных организаций, профсоюзов, против всех демократически и даже либерально настроенных людей, урезывать демократию, укреплять диктатуру монополий. Так действовали фашисты в Германии и Италии. Так действовали после войны и реакционные элементы в США. Здесь служебная, тактическая роль антикоммунизма выступила с еще большей очевидностью. Относительная малочисленность компартии в этой стране никак не давала даже повода для оголтелой антикоммунистической кампании, проводившейся в широчайших, поистине общенациональных масштабах. И вскоре общественности пришлось убедиться, что эта кампания направлена отнюдь не против одних коммунистов.

Описывая, например, положение, сложившееся в начале 50-х годов в научном мире США, американский юрист профессор З. Чефи указывал: «То, что началось несколько лет назад в виде атаки против нескольких ученых-коммунистов, давно уже превратилось в атаку против огромного количества ученых, не являющихся коммунистами, но подозреваемых в том, что они придерживаются взглядов, приходящихся не по вкусу ряду влиятельных граждан»¹. Точно так же обстоит дело и в других областях жизни — в рабочем движении,

¹ «The Atlantic», January 1955, p. 29.

среди художественной интеллигенции, учителей, служащих и т. д. Опыт показал, насколько несостоятельными были расчеты некоторых представителей либеральной буржуазной интеллигенции на то, что, принеся в жертву коммунистов, удастся удовлетворить озверевших мракобесов и купить себе «спокойную жизнь». На деле такие уступки лишь разжигали аппетиты «охотников на ведьм», подрывали единство тех сил, которые выступали за свободу и демократию.

Под знаменем антикоммунизма на авансцену политической жизни всегда выходят самые черные силы реакции. Особую опасность представляют в этом отношении милитаристы, наиболее реакционная и агрессивная клика прислужников монополистической буржуазии. Они сами активно участвуют в разжигании антикоммунистической кампании, чтобы затем, используя созданную атмосферу, выдвигать все новые претензии на власть. Один из представителей милитаристских кругов во Франции — капитан Сури, представитель «ультра», специально занимавшийся борьбой с коммунизмом, откровенно заявлял, что армия — это «едва ли не единственное установление нации, которое осознает, что третья мировая война уже началась... Ее традиции и решимость делают ее особенно подходящей для того, чтобы взять на себя задачи психологической акции против коммунизма... Армия может по праву утверждать, что она имеет о «высших интересах нации» правильное представление»¹. Перед лицом подобных претензий даже западногерманские издатели сборника, поместившего доклад Сури, вынуждены были отмежеваться от их автора, заявив, что, в свете имеющегося в Германии опыта, превращение армии в «школу нации» представляется сомнительным и опасным².

Другой метод использования антикоммунизма в тактических, а точнее, в провокационных целях заключается в том, чтобы приписывать коммунистам вину за любые трудности или бедствия, от которых страдает народ. Этот прием уже давно состоит на вооружении буржуазии. Маркс писал в 1872 г.: «Когда произошел большой пожар в Чикаго, телеграф оповестил весь мир

¹ *H. Bohn. Op. cit., S. 99.*

² *Ibid., S. 151.*

о том, что это дьявольская работа Интернационала; нужно только удивляться, как не приписали его же демоническому вмешательству ураган, который опустошил Вест-Индию»¹.

Замысел реакции состоит не только в том, чтобы, обвиняя коммунистов в различных бедах, возбуждать к ним ненависть и недоверие. Этот прием широко используется для того, чтобы свалить на коммунистов вину за трудности и страдания масс, порожденные капитализмом. Именно такую цель преследует версия об «агрессивности» коммунизма, которой империалистическая пропаганда пытается объяснить международную напряженность и нависшую над миром опасность термоядерной войны, оправдать свою агрессивную политику и гонку вооружений. А сколько раз «происками коммунистов» оправдывались меры, направленные на урезывание демократических прав и свобод!

Антикоммунистическая политика, так же как использование антикоммунизма в тактических целях, сама по себе требует определенного идеологического обеспечения. Ясно, что и репрессии против коммунистов, прогрессивных, демократических элементов, и агрессивные внешнеполитические мероприятия, нацеленные против стран социализма, нуждаются в идеологическом оправдании и обосновании. Использовать антикоммунизм в качестве тактики можно лишь тогда, когда общественность запугана, боится коммунизма, когда удастся посеять недоверие к коммунистам и антикоммунистические предрассудки. Уже это объясняет тот размах, какого достигла в наше время антикоммунистическая пропаганда.

Этой пропаганде, идеологической кампании, направ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 130. Между прочим, и некоторые буржуазные авторы признают, что современный антикоммунизм во многом имеет своим источником стремление найти виновника всех зол где-то вне капиталистического общества и на этой основе создать какое-то подобие «эрзац-идеологии». Г. Спиро пишет в этой связи, что вскоре после второй мировой войны западные союзники под руководством США создали свою «контридеологию», которая приписывает все зло, где бы то ни было в мире, «международному коммунистическому заговору». (H. Spiro. World Politics: The Global System, p. 104).

ленной против коммунизма, империалисты отводят также самостоятельную роль, считая ее важнейшей частью всемирной борьбы за умы людей. Эта кампания направлена на дискредитацию коммунизма по всем линиям — идеологической и политической, теоретической и практической.

**Основные
направления
идеологической
кампании
антикоммунизма**

Хотя многие империалистические деятели сейчас доказывают, будто подлинным своим противником они считают не идеологию коммунизма, а лишь его политическую организацию — социалистические государства и коммунистические партии, сами такие утверждения представляют собой попытку скомпрометировать идеи коммунизма, приписать им служебную роль орудия, используемого для прикрытия чьих-то коварных политических замыслов.

На деле одним из важнейших направлений антикоммунистической пропаганды была и остается кампания, имеющая целью борьбу с идеями коммунизма, научным мировоззрением марксизма-ленинизма. Такая кампания ведется давно. Но методы ее изменяются в соответствии с новыми временами и умонастроениями. В нашу эпоху упор уже не делается на «безбожность» коммунистического мировоззрения, его несоответствие всему строю мыслей «порядочных» граждан. Нынешние критики предпочитают говорить об «устарелости» марксизма-ленинизма, его несоответствии современной эпохе и новейшим данным науки¹.

Авторы десятков книг, сотен статей, специально посвященных критике диалектического материализма, всячески пытаются доказать, что это учение якобы не более как одна из многих спекулятивных философских теорий, к тому же базирующаяся на данных науки XIX века, не учитывающая новейших научных достижений. Об «устарелости» марксизма говорят и критики марксистской политэкономии, усиленно спекулирующие на некоторых новых явлениях капитализма. Ана-

¹ Американский историк профессор С. Пейдж, например, прямо заявляет, что важнейшая задача заключается в том, чтобы «лишить ленинизм таких качеств, как научность и неоспоримость...» (*S. Page. Lenin and World Revolution. N. Y., 1959, p. XVIII.*)

логичная критика ведется и по адресу исторического материализма, который изображается в виде абстрактной, оторванной от жизни теории, не способной найти ключ к объяснению и решению сложных проблем современности.

В книге «Новые границы войны», написанной двумя признанными «экспертами» по антикоммунизму — профессором Кинтнером и Корнфедером (ренегатом, вышедшим из Компартии США еще в 1930 г.), такая линия атаки находит сжатое и вполне ясное выражение. «Чем глубже человек исследует природу, — пишут они, — тем более вероятностными и менее предопределенными кажутся ему основы вселенной. Вот почему система, предполагающая, что исторический процесс разворачивается согласно определенным силам, свойственным самой структуре материи, зиждется на непрочном основании. Подобным же образом и коммунистический взгляд на человеческую личность как продукт внешней среды в свете современных исследований представляется более спорным, чем когда бы то ни было раньше... Согласно данным биохимии, клеточная плазма каждого живого существа имеет свой особый код, а потому каждая личность уникальна и в силу врожденных свойств обладает иммунитетом даже в отношении самого сильного воздействия внешних обстоятельств...»¹

Здесь упомянуты лишь немногие из открытий, на которых пытаются спекулировать буржуазные идеологи, но и они дают представление о самом методе. Он, собственно говоря, не нов — этот метод был разоблачен еще Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме» как попытка паразитировать на каждой новой ломке привычных понятий и представлений, неизбежно связанной с большими научными открытиями. В наше время великой научно-технической революции и все более смелых прорывов науки в доселе закрытые от человеческого познания области природы такие ломки становятся более частыми, более глубокими. Это обстоятельство и хотят обратить себе на пользу противники марксизма-ленинизма².

¹ W. Kintner, J. Kornfeder. The New Frontier of War. Chicago, 1962, p. 323.

² Между прочим, в последние годы появились и вынужден-

Точно так же они пытаются спекулировать на глубочайших социально-политических переменах, происходящих в мире, новых явлениях общественной жизни, которые, естественно, не могли быть отражены в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Пытаясь атаковать марксизм-ленинизм с позиций «современной науки» и новейших знаний, буржуазные идеологи стремились и стремятся использовать в своих целях любые проявления догматизма, косности, заскорузлой приверженности к устарелым формулам со стороны некоторых защитников марксизма. Не случайно во многих трудах буржуазных «ниспровергателей» марксистской теории можно найти ссылки на наиболее неудачные, догматические и вульгаризаторские работы, вышедшие в свое время из-под пера отдельных авторов. Это относится в особенности к работам, в которых якобы с позиции «марксизма» отвергались современная генетика, теория относительности, кибернетика и некоторые другие важнейшие открытия¹, а

ные признания того, что марксистско-ленинская идеология развивается в плодотворном союзе с современной наукой. Такие признания содержит, например, сборник материалов симпозиума о науке и идеологии в СССР, состоявшегося в 1966 г. в Нью-Йорке. В предисловии к этому сборнику, написанном Д. Фишером, отмечается: «Участники симпозиума склоняются к общему взгляду. Они, по-видимому, согласны, что в условиях, существующих ныне в СССР, столкновение науки с идеологией не обязательно всегда ведет к конфликту. Конкретно, они в различной степени настаивают, что в 60-е годы советская наука (по крайней мере, рассмотренные ее отрасли) может на деле помочь поддержке существующей системы и ее идеологии, а не ослаблять их, подвергая эрозии. Каждый автор в своей области находит, что фактическое положение не подкрепляет противоположный взгляд, получивший широкое распространение на Западе. В отличие от многих публицистов и наблюдателей, говорящих о неизбежном и остром конфликте между наукой и советской идеологией, авторы этого сборника указывают на ряд интересных элементов гармонии и даже взаимного укрепления науки и идеологии» («Science and Ideology in the Soviet Union», ed. by D. Fisher. N. Y., 1967, p. VII—IX). Разумеется, такие рассуждения остаются достоянием академических трудов, отнюдь не издающихся массовыми тиражами.

¹ Подобного рода работы нанесли ущерб, разумеется, не только по той причине, что давали повод для клеветнических измышлений буржуазной пропаганде. Главное в другом — в том вреде, который был причинен нашей собственной науке, в задержке на какой-то срок развития ее отдельных отраслей. При

также к вульгаризаторским трудам отдельных экономистов и социологов, поверхностно, без знания жизни трактовавших некоторые проблемы экономики, социально-политических отношений и культуры современного мира.

Подъем творческого марксизма, которым ознаменовались последние годы, так же как и преодоление субъективистских шараханий, борьба с ревизионистскими извращениями марксистской теории, серьезно подорвали эти направления антикоммунистической пропаганды. Возросший авторитет мирового социализма, коммунистического движения порождает повышенный интерес к марксизму-ленинизму среди широких кругов общественности, в том числе в капиталистических странах¹.

Знакомство с этим учением по первоисточникам, важнейшим документам партий, марксистским теоре-

этом люди, писавшие такие работы, совершенно неосновательно прикрывали собственный догматизм, леность мысли или просто неосведомленность высокими идеологическими соображениями, «заботой» о чистоте марксистско-ленинской теории. Нет и не может быть таких подлинно научных открытий, которые бы подрывали эту теорию, всеми корнями связанную с наукой, ее прогрессом, непрерывным развитием человеческих знаний. Этот факт, между прочим, понимают и некоторые буржуазные исследователи. Например, о кибернетике, столь незаслуженно подвергшейся в свое время поношениям со стороны некоторых наших авторов, в большом труде «Перспективы развития советского общества», подготовленном по заказу Американского совета внешних сношений, говорится, что появление и развитие этой науки «укрепило приверженность ученых к гносеологическим основам ленинского материализма. Распространение понятия саморегулирующейся сложной динамической системы на живой мир, социально-экономическое устройство и психологический строй организмов усиливает научную опору советской атеистической пропаганды. Кибернетика также способствовала модернизации в области общественных наук и стала основной двигательной силой в развитии современных счетно-вычислительных машин и прочего научного оборудования. В Советском Союзе кибернетика — это не только наука, это еще и выгодная позиция в философии и серьезная социально-культурная сила» («Prospects for Soviet Society», ed. by A. Kassof. N. Y., 1968, p. 350).

¹ Фактом стал, в частности, большой интерес к марксизму среди американской молодежи и студенчества (G. Hall. For a Radical Change. N. Y., 1966, p. 63—64; «Проблемы мира и социализма», 1966, № 10, стр. 31; «Правда», 14 сентября 1966 г.).

тическим трудам камня на камне не оставляет от лжи и клеветы империалистических идеологов. Более того, знакомство с марксизмом нередко приводит многих честных людей, в том числе выдающихся ученых, к тому, что они отходят от буржуазной идеологии. Под влиянием марксизма-ленинизма происходит расслоение внутри некоторых существующих буржуазных идейных школ и направлений, где подчас образуются левые течения.

Застрельщики антикоммунизма, видимо, и сами понимают ограниченные возможности «теоретической» критики марксизма-ленинизма, особенно в эпоху, когда коммунизм развивается уже не только в философских и экономических трудах, а прежде всего в практике строительства нового общества. Поэтому особое внимание империалистическая пропаганда уделяет сейчас попыткам дать клеветническое истолкование практики, политики мирового коммунизма.

Одно из главных направлений, по которым она в этой связи действует, — клевета на внешнюю политику социалистических стран, попытки изобразить ее «агрессивной», доказать, будто в этой политике кроется главный источник угрозы войны, нависшей над миром. Внимание, уделяемое такой пропаганде, легко объяснить. С ее помощью не только пытаются скрыть подлинные причины военной опасности, обелить внешнюю политику империализма, но и обосновать, оправдать все его внешнеполитические и многие внутривнутриполитические мероприятия — гонку вооружений, сколачивание агрессивных военных блоков, раздутые военные бюджеты, поход реакции против демократических прав и свобод¹.

В совершенно извращенном духе изображаются и отношения внутри социалистического содружества.

¹ Такого рода пропаганда вызывает резкую критику и со стороны многих американских исследователей, изучивших «учебную» антикоммунистическую литературу. Вот, например, один из отзывов: «Основная слабость учебников — извращение советской внешней политики и категорическое возложение на плечи одних русских всей ответственности за холодную войну... Индивидуальное и совокупное воздействие таких точек зрения... приводит к извращенному представлению о советской дипломатии и отношениях между глобальными гигантами после 1945 г.» («The School Review», Winter 1962, p. 428—431).

Известно, какую пропагандистскую вакханалию подняла империалистическая печать в связи с событиями 1968 г. в Чехословакии. Их попытались изобразить в качестве свидетельства того, что внешняя политика СССР и других стран социализма «нарушает» принцип суверенитета и национальной независимости. Разоблачая эту идеологическую диверсию буржуазной пропаганды, тов. Л. И. Брежнев говорил на Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 г.:

«Буржуазная пропаганда всячески пытается оклеветать принцип пролетарского интернационализма, искусственно противопоставить его принципам независимости, суверенитета и равноправия национальных отрядов рабочего и коммунистического движения. Для этой цели империалистическими пропагандистами была сфабрикована и пущена в оборот пресловутая теория «ограниченного суверенитета»».

Что касается нас, советских коммунистов, то мы считаем, что современная обстановка в мире с новой силой подтверждает правоту и жизненность ленинской концепции пролетарского интернационализма¹.

Империалистическая пропаганда прилагает все усилия для дискредитации социалистической действительности, для клеветы на порядки и установления, существующие в странах социализма. Нет, пожалуй, такой области жизни, которую бы эта пропаганда не пыталась очернить, изобразить в лживом свете. Экономика и государственный строй, культура и мораль, система управления, любое текущее мероприятие социалистических стран — все это служит объектом самых злостных извращений, лжи и клеветы. Не будучи в силах сорвать успехи народов, строящих новое общество, империалисты хотят их преуменьшить, ослабить то впечатление, которое эти достижения оказывают на трудящихся всех стран. При этом особый упор делается на «критику» социализма и марксистской теории с позиций этики, «человеческих ценностей». Социальному строю и научному мировоззрению рабочего класса вменяется в вину пренебрежение этими ценностями, игнорирование проблем свободы личности, абсолютизация экономических факторов.

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы, стр. 74.

Еще одно важное направление антикоммунистической пропаганды — клевета в адрес компартий, международного коммунистического движения. Рецепты такой пропаганды давно уже выработаны империалистами, и по ним ведется работа и сейчас. Это, прежде всего, попытки изобразить коммунистические партии в качестве «антинациональной» силы, своего рода «пятой колонны», действующей по указке извне, служащей интересам иностранной державы — Советского Союза. Коммунистам, далее, приписывается, будто они заинтересованы не в улучшении положения трудящихся и решении проблем, стоящих перед народом, а в том, чтобы использовать страдания людей труда, нерешенные общественные проблемы в своих корыстных целях — для раздувания массового возмущения, которое привело бы их к власти.

Более того, империалистическая пропаганда тщится доказать, что компартии даже заинтересованы в том, чтобы массам жилось хуже, так как это вызовет у них озлобление, что принцип коммунистов — «чем хуже (трудящимся), тем лучше (для дела коммунизма)», а все их выступления в защиту интересов народа являются демагогией. Наконец, проповедники антикоммунизма клеветнически извращают тактические принципы коммунистического движения, изображая дело так, будто компартии представляют собой заговорщические группы, готовые использовать любые средства, ни перед чем не останавливающиеся в борьбе за свои цели. Все такие измышления призваны не только оттолкнуть массы трудящихся от коммунистов, но и оправдать репрессии в отношении компартий. Не случайно они неизменно фигурируют в ходе обсуждения антикоммунистических законов и судебных процессов, организуемых реакцией против коммунистов.

Таковы основные направления антикоммунистической пропаганды. Что касается ее масштабов, то она поставлена в наши дни в империалистических странах необычайно широко. Ее обслуживает огромный государственный пропагандистский аппарат империалистических стран и многочисленные организации, созданные монополиями и империалистическими разведками, в нее вовлечены церковь, правая верхушка социал-демократии и реформистских профсоюзов.

При этом империалистическая буржуазия, еще недавно третировавшая коммунистическое движение и социалистические страны, считавшая невежество в вопросах коммунизма своего рода признаком «хорошего тона», на широкую ногу поставила изучение коммунистической идеологии, истории социалистических стран, их экономики и общественных отношений. В США, ФРГ, Англии и других странах существуют сегодня многие десятки институтов и исследовательских центров, занимающихся этим делом и готовящих кадры «специалистов».

Подводя итоги подготовки кадров «советологов» в США, редактор международного антикоммунистического органа журнала «Сервей» У. Лакер писал в 1967 г.: «С 1850 по 1950 год в американских университетах было защищено 250 докторских диссертаций о России и Советском Союзе. Количество таких диссертаций, защищенных с 1950 года, оценивается в 1000 и, вероятно, уже превысило эту цифру»¹.

Показательно, что в 60-е годы началась вторая волна создания антикоммунистических центров. При Гарвардском университете помимо существующего с 1948 г. «Русского исследовательского центра» появляется новый «Центр по международным отношениям», специализирующийся прежде всего на изучении внешней политики социалистических стран. Колумбийский университет, основавший первый «Русский институт» в 1946 г., создает в 1961 г. новый «Институт по проблемам коммунизма», а в 1965 г. — еще и «Институт Центральной и Восточной Европы». При Калифорнийском университете в Беркли возникает «Центр исследования славянских и восточноевропейских стран». При Южнокалифорнийском университете в Лос-Анджелесе в 1958 г. создается «Центр советско-азиатских исследований», а в 1961 г. — «Исследовательский институт по коммунистической стратегии и пропаганде».

В обширной и разветвленной сети учреждений такого рода в США выделяются несколько наиболее «знаменитых». Речь идет об «Институте по изучению

¹ W. Laqueur. The Fate of the Revolution. Interpretation of Soviet History. N. Y., 1967, p. 27.

внешней политики» при Пенсильванском университете, о «Гуверовском институте войны, революции и мира» при Стэнфордском университете, «Институте Ходжа» (до прошлого года именовался «Центром стратегических исследований») при Джорджтаунском университете и «Институте по проблемам коммунизма» при Колумбийском университете.

«Институт по изучению внешней политики» при Пенсильванском университете, находящийся в Филадельфии, занимается исследованием и разработкой проблем внешней политики и международных отношений. Его руководители, прежде всего директор Роберт Страус-Хюпе, ориентируются на связи с ультраправыми группировками в банковских, промышленных и военных кругах, имеющих серьезное влияние в правительстве, а те в свою очередь используют институт в качестве рупора воинствующей реакции. Придерживаясь тезиса о необходимости уничтожить коммунизм любыми средствами, пенсильванцы начинали свою деятельность в середине 50-х годов с призывов к «превентивной войне» и продолжают ратовать за применение ядерного арсенала США в локальных войнах, за использование химического и бактериологического оружия.

Воззрения этой группы совпадают с основными направлениями деятельности Гуверовского института и «Института Ходжа». «Гуверовский институт войны, революции и мира» был создан в 1919 г. для того, чтобы, по словам покойного президента США Герберта Гувера, «вскрывать зло учения Карла Маркса». Хотя основной функцией Гуверовского института является сбор и систематизация материалов по проблемам войны, революции и мира, в его рамках с 1961 г. функционирует «Центр международных политических исследований», который возглавляет Стефан Поссоли — соавтор Страус-Хюпе по многим произведениям, ярый проповедник авантюризма во внешней политике.

«Центр стратегических исследований» Джорджтаунского университета, ныне «Институт Ходжа», основан в конце 1962 г. Возглавляет его бывший адмирал Арли Берк — весьма одиозная личность, член правления ряда военно-промышленных фирм, известный тесными связями с «обществом Джона Бёрча».

Больше закамуфлирована реакционная направленность «Института по проблемам коммунизма» при Колумбийском университете. Его директор — Збигнев Бжезинский, сторонник более «тонкой» политики идеологических диверсий против сил социализма и прогресса. Именно из этого учреждения идет пропаганда теорий «наведения мостов», «эрозии» коммунизма — теорий, на первый взгляд резко отличающихся от воинственных заявлений деятелей типа Страус-Хюпе или Поссоны, но в сущности преследующих ту же цель — ликвидацию социализма.

Не менее интенсивно занимаются такого рода «исследованиями» в ФРГ. Здесь работают институты Восточной Европы и Юго-Восточной Европы (оба в Мюнхене), «Федеральный институт по изучению марксизма-ленинизма» (Кельн), «Восточноевропейский институт» (Майнц), «Восточноевропейский институт» Свободного университета в Западном Берлине, «Германское общество по изучению Восточной Европы» (Штутгарт) и многие другие — как подсчитано, около 30 центров¹.

Даже маленькая Дания имеет два соответствующих института — при университетах в Копенгагене и в Орхусе².

Как никогда, обильна антикоммунистическая литература, выпускаемая в капиталистических странах. Причем речь идет не только о чисто агитационных изданиях, но и о солидных трудах, обобщающих большой материал, рассчитанный не только на пропагандируемых, но и на самих пропагандистов. Эта исследовательская деятельность преследует ведь еще и цель обнаружения слабых мест, выгодных позиций для развертывания идеологического наступления.

Как замечает профессор А. Р. Миллер, «американцам необходимо точное знание коммунизма, чтобы эффективнее бороться против этой угрозы и вызова свободе. Тренер футбольной команды, который уподобляется страусу перед состязанием или преуменьшает силы другой команды, имеет отличные шансы потерпеть поражение»³.

¹ «Informationen», Berlin, 1963, № 1.

² «Osteuropa», № 7—8, 1963, S. 467.

³ A. R. Miller. Teaching about Communism. N. Y., 1966, p. 14.

Материалы, подготовленные специалистами, судя по всему, сейчас действительно все шире используются в повседневной пропаганде. Нередко эти специалисты непосредственно участвуют в наиболее важных пропагандистских операциях.

Так, например, «Исследовательский институт по коммунистической стратегии и пропаганде» при Южно-калифорнийском университете совместно с голливудскими киностудиями создал в 1962 г. серию из 39 сфальсифицированных «документальных» фильмов о коммунизме. Эти фильмы, разбитые на семь разделов («Предпосылки и идеология», «Советская система», «Жизнь в СССР», «Коммунизм в Китае», «Восточная Европа под властью коммунизма», «Внешняя политика Москвы и Пекина», «Коммунизм в Америке») в течение 39 недель транслировались четырьмя главными телестанциями «Коламбия бродкастинг систем» по всей Америке, а также по 32 зарубежным станциям. Кроме того, с них были сделаны копии для массового показа в других странах¹.

Что касается аппарата антикоммунистической пропаганды, то его едва ли следует выделять из общего аппарата империалистической пропаганды, поскольку последний в значительной мере занят распространением именно антикоммунистических идей.

Таким образом, современный антикоммунизм — это огромное идейно-политическое «предприятие», которое составляет одну из основ политики и идеологии империализма. По силам, ресурсам, капиталовложениям и масштабам деятельности это самое крупное из идеологических «предприятий», созданных капитализмом за всю его историю. Но за внушительным фасадом кроется идейная несостоятельность.

**Историческая
обреченность
антикоммунизма**

Не говоря уже о том, что пропаганда, рассчитанная на компрометацию коммунистических идей и практики социалистического строительства, утрачивает свою эффективность по мере того, как социализм и коммунистическое движение наращивают свою мощь, освобождаются от всего, что мешало им на первых этапах их существования полностью выявить свою

¹ Об этой «операции» подробнее см. «Communist Affairs», August — May, 1963, p. 7—9.

притягательную силу, сам негативный подход к идеологической борьбе *в принципе* не может обеспечить капитализму завоевание широких масс трудящихся.

Упоминавшийся уже американский специалист по вопросам внешнеполитической пропаганды М. Дайер, говоря, что в идеологической борьбе «Россия наступая, а Соединенные Штаты обороняются», справедливо отмечает, что США «попусту тратят время, пытаясь в спорах с Россией опорочить основы ее идеологии и изыскать пути сохранения статус-кво». Ибо мир быстро меняется, а потому «главный вопрос состоит не в том, чтобы сохранить устаревшие социальные формы, а в том, чтобы взять под свой контроль эволюцию новых форм...»¹.

Но этого-то и не может сделать антикоммунизм. Более того, сосредоточивая пропагандистские атаки против идеологии, предлагающей позитивное решение основных проблем, встающих в нашу эпоху перед человечеством, не будучи в состоянии предложить приемлемую альтернативу этой идеологии, империалисты в конечном счете отталкивают от себя народы, массы трудящихся, заинтересованные в конструктивных переменах. Народы справедливо расценивают такую позицию, как консерватизм, защиту отживших порядков, с которыми они не желают более мириться.

В 1961 г. в США вышла книга «У грани войны», подписанная псевдонимом Джон Эмори. По уверениям издателей, за этим псевдонимом скрывается «эксперт, занимающий стратегический пост в Вашингтоне». Из книги становится ясным, почему он предпочел выступить под псевдонимом: она содержит резкую критику американской внешней политики и пропаганды. Что касается последней, то автор книги видит ее коренной порок в том, что она «не указывает выхода, занимается лишь прославлением статус-кво»². По словам автора, «информационная служба» США занята исключительно пропагандой с позиций крупного капитала, а их внешняя политика выражает «интересы международного американского бизнеса».

¹ М. Dyer. Op. cit., p. 4, 6.

² J. Amory. Around the Edge of War. A New Approach to the Problems of American Foreign Policy. N. Y., 1961, p. 100.

Антикоммунистическая пропаганда, обнаруживая империалистическую сущность всей политики Запада, начинает приносить все меньше дивидендов и по другим причинам. Ей, прежде всего, не удастся приписать коммунистам вину за те трудности и бедствия, которые выпадают на долю народов. Тот же Эмори высмеивает попытки американской пропаганды сделать коммунистов своего рода «козлами отпущения». И он не одинок. Американский поэт Арчибалд Маклиш, возглавлявший в свое время одно из первых правительственных ведомств пропаганды США (так называемое «Управление фактов и цифр»), полностью с ним в этом солидаризируется. Он говорит, что попытки изобразить Советский Союз, коммунистов виновниками всех бед становятся неубедительными даже для противников коммунизма. «Не коммунизм,— пишет Маклиш,— породил новые нации Азии и Африки или новые националистические тенденции в Южной Америке, Карибском бассейне и даже в Европе»¹.

В качестве еще одного характерного примера можно привести следующие высказывания американского исследователя проблем внешней политики У. Кульски: «Проблемы нашего времени все равно существовали бы даже при отсутствии коммунистического учения или коммунистического блока. Ядерная революция в военной технологии обусловлена развитием науки, а не коммунистической идеологией. Кстати, и вину за первое и единственное применение ядерного оружия нельзя взвалить на коммунистическую страну. Национальное пробуждение неевропейских народов началось еще до Октябрьской революции... Кризис колониальной системы и движение за модернизацию отсталых стран все равно начались бы независимо от коммунизма и коммунистического движения»².

За такими признаниями стоит все та же идея: что в условиях бурного подъема масс к политической деятельности, направленной на решение проблем, кровно затрагивающих интересы народов, идеологическая

¹ «The National Purpose; America in Crisis: an Urgent Summons». N. Y., 1960, p. 41.

² W. Kulsky. International Politics in a Revolutionary Age. N. Y., 1964, p. 334.

кампания, не дающая ответа на эти проблемы, негативная по своему существу, обречена на поражение. С ее помощью не удастся решить даже негативной задачи — подорвать доверие к идеологии и целям коммунизма. В этом отношении за последние годы произошли коренные сдвиги во всей идейно-психологической атмосфере в мире. Несмотря на все старания империалистической пропаганды, коммунизм не удастся сделать жупелом, способным отпугнуть народы. Это с большой тревогой начинают признавать и буржуазные деятели.

Чрезвычайно характерна в этом свете книга профессора Гарвардского университета Хьюза «Подход к миру». Он решительно выступает против антикоммунизма, поскольку видит, что тот все больше становится беспочвенным и бесплодным. Коммунизм, пишет Хьюз, является «позитивной силой социальных и экономических преобразований, глубоко привлекательных для более чем половины населения земного шара». Вот почему, несмотря на все старания пропаганды Запада, «коммунизм, по всей вероятности, останется постоянной (и усиливающейся) чертой идеологического ландшафта»¹.

Можно сказать, что уже к концу 50 — началу 60-х годов значительной части империалистических политиков и теоретиков стало очевидным, что антикоммунизм в его прежнем виде — как политика и пропаганда ожесточенной вражды к социалистическим и коммунистическим идеям, к странам социализма, — становится неэффективным орудием борьбы. Мало того, некоторые из них поняли и то, что применение этого орудия может нанести ущерб самому империализму, помогая спланировать его противников.

Не случайно влиятельный американский журнал «Комментарии» в 1967 г. предпринял любопытную акцию: провел опрос виднейших американских либералов, внесших в 40-е и 50-е годы большой вклад в развитие антикоммунизма. Журнал поставил вопрос в лоб: «в какой мере антикоммунизм «левых» ответствен за войну во Вьетнаме и как опрошенные относятся к своей антикоммунистической позиции в прошлом? На анкету

¹ S. Hughes. An Approach to Peace. N. Y., 1962, p. 19.

ответил 21 человек. За немногими исключениями, они пытались отмежеваться от традиционного антикоммунизма в том смысле, что эта доктрина противоречит национальным интересам США, как они понимают их ныне, и способна вызвать серьезнейшие последствия в эпоху ракетно-ядерного оружия. Коротко говоря, считают они, антикоммунизм не может служить основой национальной внешней политики.

Профессор Л. Козер, редактор журнала «Диссент», отметил: «Под действием собственной идеологической петарды американская внешняя политика ныне связана с антикоммунистической позицией во всем мире... Это привело к тому, что Америка на стороне самых реакционных режимов. Антикоммунизм стал прибежищем всех негодяев мира, пытающихся заручиться поддержкой Америки... Официальный антикоммунизм нашего правительства и военного ведомства... является глубоко реакционной идеологией, против которой американские интеллигенты должны принципиально и решительно выступать, если они хотят играть политическую роль на американской сцене». Р. Ровери подчеркнул: «Чрезвычайно важно, и особенно среди интеллигенции, понимание того, что антикоммунизм совершенно не подходит для глобальной политики». А. Шлезингер (который, правда, считает, что либерал не может не быть антикоммунистом) провозглашает: пора положить конец доктринерским спорам и заняться другими проблемами — «контролем над ядерным оружием, модернизацией слаборазвитых стран и гуманизацией индустриального общества»¹.

Во всем этом можно видеть результат многочисленных поражений империализма во всемирной борьбе за умы людей. И эти поражения, разумеется, пришли не сами собой. За ними стоит не просто «искусность пропаганды» коммунистов, а превосходство их идеологии и превосходство социального строя, доказываемое ныне не только в теории, но и на практике. За ними — героический труд народов социалистических стран, верная линия и самоотверженная борьба авангарда трудящихся — марксистско-ленинских партий. За ними — та

¹ «Commentary», September 1967, p. 40, 41, 67, 71.

большая работа, которая была проделана на протяжении последнего периода коммунистическим движением во имя преодоления косности, догматизма и субъективизма, во имя ликвидации всех наслоений, мешавших успешному развитию нового общественного строя и выявлению его преимуществ во всех областях жизни, работа, связанная с XX — XXIII съездами КПСС, с последними международными Совещаниями коммунистических и рабочих партий, с творческими усилиями всех сторонников и защитников марксизма-ленинизма.

Все это не могло не дать своих плодов. Несмотря на возросшую активность антикоммунистических сил, был достигнут знаменательный перелом в настроениях широчайших кругов мировой общественности, в их отношении к коммунизму.

Это на свой лад отразилось также в антикоммунистической пропаганде, в ее основной направленности и характере.

Конечно, сдвиги, которые произошли в этой области, не абсолютны — в хоре антикоммунизма поют на разные голоса. Здесь можно, в частности, встретить и таких «солистов», которые вопреки всему упрямо тянут все ту же старую, унылую песню. Но если присмотреться повнимательней, то во всем «многоголосье» антикоммунистического хора мы без особого труда уловим и новые мотивы — сама критика социализма и коммунистических идей идет уже не только по линии их «ниспровержения» в принципе, но и все больше по линии выискивания «отклонений» от этих идей в практике социалистического строительства и коммунистического движения, ошибок, непоследовательностей, допущавшихся в прошлом или допускаемых отдельными партиями и странами и сегодня. Парадоксально, но факт — антикоммунистическая пропаганда подчас ведется так, будто ее застрельщики критикуют коммунизм не столько за то, что он является коммунизмом, сколько за то, что он еще недостаточно «коммунистичен», не осуществил еще полностью своих идеалов и целей.

Раздаются настойчивые призывы сосредоточить пропаганду на критике не коммунизма вообще, а «уязвимых мест» коммунизма; они все чаще встречаются в трудах теоретиков антикоммунизма, причем уже и

таких, кого можно отнести к крылу наиболее твердолобых и непримиримых врагов социализма и коммунистических идей.

Весьма характерна в этом свете постановка вопроса в книге Кинтнера и Корнфедера «Новые границы войны». Они настойчиво предлагают подчеркивать «незавершенность революции», использовать «коммунизм прошлых лет против коммунизма сегодняшнего дня»¹.

Отсюда и их настроения «акцентировать отрицательное». Кинтнер и Корнфедер предлагают «отложить» до лучших времен попытку обратить народы социалистических стран в «капиталистическую» веру², а сосредоточиться на том, чтобы пробуждать неудовлетворенность, акцентируя на отдельных недостатках, невыполненных обещаниях, «несоответствии» между теми или иными чертами жизни и марксистской теорией, коммунистическими идеалами.

Авторы книги «Стратегия передовых рубежей для Америки» Страус-Хюпе, Поссоны и тот же Кинтнер видят одну из задач внешнеполитической пропаганды Запада в том, чтобы подчеркивать, что «западный мир нельзя считать «капиталистическим», а коммунистический блок — «социалистическим»»³. Главный пропагандистский тезис, отстаиваемый авторами книги, состоит в том, что «коммунизм — это не экономический строй, а политическое орудие, созданное для захвата и укрепления политической власти»⁴.

Отсюда и конкретные планы внешнеполитической пропаганды, важными объектами которой служат спекуляции на такие темы, как... внутривластная демократия, укрепление законности в социалистических странах, расширение прав профсоюзов и т. д.⁵ Речь, другими словами, идет о целом ряде положений программ, выдвигаемых марксистско-ленинскими партиями социалистических стран и предусматривающих не только ликвидацию каких-то ошибок и недостатков, допущавшихся в прошлом, но и естественное развитие

¹ W. Kintner, J. Kornfeder. Op. cit., p. 332.

² Ibid., p. 342.

³ R. Strausz-Hupé, W. Kintner, S. Possony. Op. cit., p. 267—268.

⁴ Ibid., p. 268.

⁵ Ibid., p. 272.

важных установлений социализма, связанное с укреплением этого строя и постепенным переходом к коммунизму.

Вот к каким процессам пытается сегодня «пристроиться», чтобы спекулировать на них, империалистическая пропаганда! Все это не только коварство, но и отражение ее кризиса, связанного с тем, что традиционный антикоммунизм заходит в тупик, превращается в бумеранг, все больше бьющий по тем, кто пытается использовать это оружие.

Антикоммунизм современной буржуазии сам по себе есть свидетельство деградации буржуазной идеологии¹, орудие, к которому империализм обратился в поисках выхода из глубокого идейного кризиса. Но, как и следовало ожидать, позиции буржуазии в идеологической борьбе становятся все более шаткими.

Французский экономист и социолог профессор Лавернь справедливо писал: ««О свобода, сколько преступлений совершено во имя твое?» — гласит известное изречение. «О антикоммунизм, сколько глупостей совершено во имя твое?» — следовало бы сказать нам теперь. Ибо в том состоянии устрашающего интеллектуального упадка, который в политическом плане остается основной характерной чертой последней четверти века, западным странам все время приходится принимать меры, более всего способствующие их упадку...»²

Все более явные свидетельства обреченности антикоммунизма, его кризиса и духовной пустоты марксисты-ленинцы принимают как закономерность, естественное следствие объективного хода развития политических отношений современной эпохи. Марксисты-ленинцы хорошо понимают и то обстоятельство, что

¹ Этот факт все чаще признают и некоторые буржуазные исследователи. В качестве одного из многих примеров можно привести следующую выдержку из книги Р. Стила «Американский мир»: «Америка не смогла выработать четкое представление о том, к чему она стремится и чего она может рассчитывать добиться в мире... Ее терзает ужасающая неуверенность в отношении ее глобальных обязательств и даже в отношении ее собственной сущности... Одним из выражений этой неуверенности стало появление антикоммунизма как идеологии...» (R. Steel. *Op. cit.*, p. 24).

² B. Lavergne. *Op. cit.*, p. 260—261.

победа над антикоммунизмом не есть нечто фатальное, не зависящее от их собственных действий, дарованное коммунизму самим ходом вещей. Неверная политика, ошибки, отход от марксистско-ленинских принципов способны серьезно затруднить эту победу, помочь антикоммунизму, отдалить полное поражение политики и идеологии крайней реакции.

Исторический опыт последних лет дал тому немало убедительных доказательств. Одним из примеров могут быть события в Чехословакии. Активизация антисоциалистических сил в этой стране в 1968 г., ставшая возможной вследствие ошибок, допущенных прежним руководством партии и государства, широко использовалась империалистами для того, чтобы скомпрометировать социализм, доказать, будто этот строй несовместим с интересами широких масс, сталкивается с сопротивлением народа.

Не менее активно пропаганда и политика империалистов пыталась и пытается использовать в своих целях деятельность лидеров КПК. Ошибки и извращения, допускаявшиеся ими, становились объектами спекуляций, призванных опорочить социалистический общественный строй и идеи коммунизма.

Провалы антикоммунизма, которые уже с конца 50 — начала 60-х годов стали очевидными и для многих западных наблюдателей, отнюдь не повели и не смогут повести к отказу империалистической буржуазии от этого орудия ее политики и пропаганды. Нет, речь скорее идет об известной перестройке стратегии и тактики антикоммунизма, которая, действительно, происходит на протяжении последних лет. Она находит свое выражение во все более широком применении некоторых новых приемов и уловок, которых мы только что касались. Она находит свое выражение также в изолированной идеологической кампании, рассчитанной на то, чтобы вызвать пресловутую «эрозию», т. е. постепенное выветривание, выхолащивание коммунистических идей, в попытках насаждения в социалистических странах буржуазной идеологии, наконец, в усиленных попытках использовать расхождения, возникающие в социалистическом содружестве и коммунистическом движении, а также проявления национализма, «левого» и правого оппортунизма в политике и

идеологии отдельных коммунистических и рабочих партий.

Вот почему в наши дни борьба за единство коммунистического движения на принципиальных основах марксизма-ленинизма, преодоление право- и «лево»-оппортунистических и националистических уклонов превращается в важную составную часть борьбы против империалистической идеологии и антикоммунизма, одну из предпосылок полной и окончательной победы в этой борьбе.

Нет сомнения, что марксистско-ленинские партии в конечном счете с успехом решат и эту задачу.

Глава III

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА СОВРЕМЕННОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

После второй мировой войны внешнеполитическая пропаганда империалистических государств стала неотъемлемой частью их внешней политики, одним из орудий развязанной ими «холодной войны». На пропагандистскую деятельность на мировой арене ежегодно ассигнуются сотни миллионов долларов, к ее обслуживанию привлечены десятки тысяч людей, эта деятельность постоянно находится в центре внимания руководителей западных держав.

Естественно, что ведущее место в идеологической борьбе империализма на международной арене заняли США. Вместе с тем в послевоенные годы достигли значительных масштабов соответствующие усилия также и других держав — Англии, ФРГ, Франции, Японии. Объектом империалистической пропаганды служат сегодня все народы, весь мир.

Превращение внешнеполитической пропаганды в один из самых важных инструментов империалистической политики подстегнуло развитие буржуазной теории пропаганды, ее методов, техники и организации. Рассмотрение этих направлений деятельности империалистической буржуазии становится существенной частью исследования современных международных отношений, внешней политики и дипломатии.

1. Доктрина и методы внешнеполитической пропаганды империализма

Само по себе стремление возможно более искусными методами влиять на сознание людей, внушать им те или иные идеи, а значит, и формы поведения не

ново. Такого рода деятельность издавна составляла важную функцию не только отдельных политических руководителей, но и целого ряда специальных учреждений и организаций, создававшихся правящими, а подчас и угнетенными классами. Поистине классический пример такой организации составляет церковь. Она не только накопила большой опыт, но уже задолго до того, как пропаганда стала объектом научного исследования и публичного обсуждения, попыталась обобщить многовековую практику, выработать основы пропагандистского искусства, которые затем передавались ее служителями из поколения в поколение.

Такое искусство давно привлекало внимание и политических деятелей. Однако в политических учениях, в политической теории вопросы пропаганды и пропагандистского искусства начали обсуждаться значительно позднее. В современной буржуазной литературе о пропаганде обычно называют в этой связи Н. Макиавелли.

Конечно, о той области политической деятельности, которую ныне зовут пропагандой, целый ряд выдающихся мыслителей прошлых эпох писал и до него — начиная от Платона. Но нельзя не видеть причины, по которой Макиавелли и его труды привлекают особое внимание буржуазных историков и теоретиков пропаганды. Именно Макиавелли дал такую трактовку назначению и функциям политической пропаганды, которая оказалась особенно близкой современной буржуазной теории. Речь идет прежде всего о высказанных Макиавелли идеях, согласно которым лишь государство, политическая власть представляет собой высшую самостоятельную ценность, а «подданный» остается «объектом для манипуляций», которые могут осуществляться любыми средствами, включая и пропаганду.

Вторая фигура, постоянно упоминаемая в западной литературе в числе «основоположников», — это французский социолог Гюстав Ле Бон. Его деятельность проходила на заре эпохи империализма и наложила заметный отпечаток на некоторые концепции политических теоретиков империалистической буржуазии.

Какие же конкретно идеи Ле Бона считаются особенно важными для современности? Прежде всего те,

в которых поведение людей в «больших группах», т. е. в массе (именуемой толпой), трактуется как коренным образом отличное от поведения индивидов — оно «более примитивное», «менее цивилизованное», характеризуется «снижением степени социального контроля» и «духом безответственности», иначе говоря определяется «примитивными сторонами природы человека». Буржуазные теоретики пропаганды высоко оценивают эти утверждения Ле Бона, видя в них «полезное практическое руководство в деле манипуляций массами»¹.

**Становление
буржуазной
«науки»
пропаганды**

Попытки «научно» обосновать перечисленные выше идеи были сделаны уже после Ле Бона.

Рубежом в этом отношении явилась первая мировая война. По словам английского теоретика и практика пропаганды Линдли Фрезера, она ознаменовалась «превращением пропаганды из искусства или ремесла в науку (пусть еще рудиментарную)»². Причины тому очевидны — они не только и не столько в возросшем авторитете науки, как таковой, о чем не прочь поговорить буржуазные авторы, сколько в обострившейся потребности империалистической буржуазии в более эффективных средствах духовного воздействия на массы, потребности, прямо вытекающей из условий начавшегося общего кризиса капитализма.

При этом наибольшее внимание разработке проблем пропаганды уделялось в США. Именно в этой стране вышли первые книги, в которых были намечены важные исходные посыпки современного буржуазного подхода к пропаганде (одной из них была книга У. Липпмана «Общественное мнение») ³. Пожалуй, еще более знаменательно, что здесь получили развитие целые школы политической теории, в которых были сделаны попытки серьезной разработки проблем пропаганды. К числу их относится, например, школа профессора Г. Лассуэлла, до сих пор считающегося в буржуазной науке одним из крупнейших авторитетов в этой области.

¹ G. Gordon, I. Falk, W. Hodapp. Op. cit., p. 25, 26.

² L. Fraser. Op. cit., p. 32.

³ W. Lippmann. Public Opinion. N. Y., 1922.

В политической теории Лассуэлл не создал ничего особенно оригинального — речь идет об одном из вариантов теории «элиты». Но при этом американский профессор уделил большее, чем его предшественники, внимание «психологическим отношениям» между «элитой» и «массами», т. е. проблемам общественного мнения и пропаганды.

Лассуэлл одним из первых среди буржуазных ученых попытался теоретически обосновать эти проблемы применительно не только к внутривнутриполитическим отношениям, но и к международным. Еще задолго до второй мировой войны он подчеркивал в статье «Пропаганда», написанной для американской «Энциклопедии социальных наук», что пропаганда «помогает превратить в фикцию национальное государство и создать новые территории контроля, совпадающие с территориями активности и пересекающие старые территории контроля во всех направлениях. Так пропаганда на международной арене превращается в одно из важных средств передачи давления, которое действует в направлении разрыва уз традиционного социального порядка»¹. Опыт второй мировой войны и экспансионистские внешнеполитические цели американского империализма дали Лассуэллу основание вполне откровенно заявить: «Пропаганда — это инструмент тотальной политики, вместе с дипломатией, экономическими мероприятиями и вооруженными силами. Политическая пропаганда — это использование средств массовых коммуникаций в интересах власти... Цель заключается в экономии материальных затрат на мировое господство»².

Характерно, что, по определению английского теоретика Б. Крика, концепции Лассуэлла были непосредственно связаны с «небывалой революционной ситуацией нашего века»³.

В период между двумя мировыми войнами в США возникает и ряд учреждений, специально занимающихся проблемами пропаганды. К их числу относится, на-

¹ «Encyclopedia of the Social Science», vol. 12, p. 526.

² Цит. по «Propaganda in War and Crisis», ed. by D. Lerner. N. Y., 1951, p. 27.

³ B. Crick. The American Science of Politics. London, 1959, p. 182.

пример, созданный в 1937 г. при Колумбийском университете Институт анализа пропаганды¹.

В 30-х годах в США предпринимаются и первые опыты применения психологической науки для «коммерческой пропаганды», т. е. рекламы, что также должно было со временем сыграть значительную роль в разработке теории методов пропаганды.

В других империалистических странах тоже велась соответствующая работа, но в более скромных масштабах. Может вызвать удивление тот факт, что в этом отношении от США отстала фашистская Германия, правители которой бросили на пропаганду (как внутреннюю, так и внешнеполитическую) куда большие средства и силы, нежели правители Америки в 30-х годах.

Дело здесь прежде всего в том, что в силу самой политической доктрины германского нацизма вопросы власти, политики и пропаганды были облечены в мистические покровы, не располагавшие к детальному, въедливому социальному исследованию. Тем более что в силу господствовавших политических условий слово Гитлера или даже Геббельса значило куда больше, чем рекомендации целых институтов. Именно эти фашистские главари, пусть в мистифицированных формах, сформулировали в общем те же положения, которых придерживается империалистическая пропаганда от Ле Бона и до наших дней,— упор на эмоциональное, а не рациональное воздействие, презрение к массам, стремление играть на низменных инстинктах и т. д.

Вторая мировая война, дав мощный толчок развитию внешнеполитической пропаганды главных империалистических держав, и в первую очередь США и Англии, знаменовала собой и новый этап в развитии исследовательской деятельности, связанной с пропагандой. Полностью это выявилось, правда, уже по окончании войны, когда соответствующие кадры теоретиков и практиков освободились от функций, непосредственно связанных с пропагандистской работой в рамках военных усилий. С 1945 г. в США и, в меньшей степени, в Англии в отраслях науки, связанных с пропагандой, началось серьезное оживление. Появился

¹ О его деятельности рассказывает, в частности, Дизард (W. Dizard. Op. cit., p. 31).

целый сонм специалистов. Начала выходить обильная литература — вначале посвященная истории пропаганды в годы второй мировой войны и обобщению ее опыта, затем общетеоретического и исторического характера и, наконец, посвященная задачам и приемам «психологической войны» — пропаганды, осуществлявшейся в рамках «холодной войны», развязанной США и их союзниками против стран социализма.

Появляются и многочисленные учреждения, обслуживающие внутри- и внешнеполитическую пропаганду — частные компании, изучающие общественное мнение, институты и отделения университетов, исследующие коммунизм в интересах антикоммунистической пропаганды, а также учреждения, специально занимающиеся теорией и разработкой методов пропаганды, — такой центр был создан при Массачусетском институте технологии (на его базе вырос крупный центр международных исследований), соответствующие подразделения были организованы в исследовательских учреждениях, обслуживающих военную и внешнюю политику.

Словом, налицо было становление новой отрасли общественной науки, исследующей и обслуживающей весь круг проблем, связанных с пропагандой, отрасли, по существу, объединившей ряд общественных наук, стоящей на их стыке¹.

В американском военном наставлении по «психологической войне» указывается на значение в пропаганде социологических, экономических и политических исследований (прежде всего в связи с необходимостью изучения аудитории — ее социального состава, интересов, уровня культуры, имеющихся в том или ином обществе конфликтов и т. д.)². Нередко говорят, имея в

¹ М. Чукас в своей книге «Пропаганда становится зрелой» пишет в этой связи: «Современный пропагандист является социальным инженером, пытающимся сконструировать типы поведения так же, как инженер-физик строит мосты, дороги, пароходы и другие физические структуры. И подобно тому, как последний зависит от знаний, даваемых ему физическими науками, пропагандист должен опираться на знания и духовные инструменты, которые ему могут дать социальные науки» (M. Choukas. Propaganda Comes of Age. Washington, 1965, p. 93).

² «Department of the Army Field Manual, FM 33-2, Psychological Warfare Operations». Washington, March 1955, p. 76—77.

виду задачи пропаганды, и о значении этнографии и антропологии. Американский антрополог Клайд Клакхон в книге «Зеркало для человека» указывал, например, на важность изучения разных типов культуры и в этой связи приводил в качестве примера «ситуационную мораль», свойственную, по его мнению, японцам и объясняющую такие особенности их поведения, которые ставили в годы войны в тупик американскую пропаганду¹.

Но несомненно, главное место в современных буржуазных теориях пропаганды заняла психология. Это связано не только с тем значением, которое данная наука имеет для изучения поведения людей, но и с некоторыми особенностями империалистической доктрины пропаганды.

Известно, что в современной буржуазной общественной мысли вообще в последнее время психологии придается все большее значение, причем именно в связи с теми возможностями, которые эта наука может открыть в области управления массами. Известный английский философ Бертран Рассел писал в этой связи: «Не в очень отдаленном будущем психология, особенно психология масс, будет признана самой важной из наук с точки зрения благоденствия человечества. Сможет ли цивилизация просуществовать еще долго, теперь зависит от психологии»². А западногерманский специалист по вопросам пропаганды (особенно военной) майор Лешинский так описывает процесс внедрения научной психологии в общественную жизнь: «После того, как в конце XIX века возникла научная психология, из ее арсенала взяли методику направленного влияния на человека... Мы обнаруживаем сегодня систематическое применение психологических открытий в искусстве лечения, в воспитании, в хозяйстве, в публицистике и, не в последнюю очередь, в политике»³.

Собственно, без психологии, по мнению западных теоретиков, нет и не может быть сегодня эффективной пропаганды. П. Лайнбарджер пишет в этой связи: «Пропаганда может стать действенным оружием

¹ C. Kluckhohn. *Mirror for Man*. N. Y., 1949, p. 176—178.

² «Propaganda and International Relations», ed. by U. Whitaker. San Francisco, 1962, p. 37.

³ H. Bohn. *Op. cit.*, S. 79.

психологической войны, научной по духу и превращенной в искусство, если будут четко сформулированы ее посылки, определены задачи, приведены в постоянную готовность ее средства, а проведение пропагандистских операций будет, хотя бы частично, контролироваться на основе научных методов»¹.

Под научным обслуживанием пропаганды, постановкой ее на почву науки и т. д. в империалистических странах имеют в виду отнюдь не только и не столько уяснение ее места в политике, разработку идейного содержания пропаганды, а прежде всего сугубо прикладные функции — выработку методов пропаганды, ее приемов, форм, техники и т. д.

Это объясняется в первую очередь объективными факторами: если ставится задача пропагандистской обработки многомиллионной аудитории, различной и по социальному составу, и по возрасту, и по уровню образования, методы такой обработки действительно становятся одной из главных проблем, встающих перед пропагандистом. Следует назвать и еще одну причину, особенно характерную для Соединенных Штатов, — влияние на политическую пропаганду установок и подхода, выработанных бизнесом, давно уже столкнувшимся с задачей воздействия на сознание людей в ходе повседневной предпринимательской и коммерческой деятельности.

В тех исследованиях, которые в послевоенные годы все шире начали организовывать американские монополии в целях использования данных науки для совершенствования рекламы, отбора кадров, организации производства и т. д., такая прикладная направленность выражена особенно явно. Можно сослаться хотя бы на широко практикуемые с конца 40 — начала 50-х годов «исследования побудительных мотивов» («мотивейшнл рисерч»). В США приобрел известность ряд учреждений, специально созданных для этих целей, — такие, как «Инститьют оф мотивейшнл рисерч», «Колор рисерч институт оф Америка», «Сошиал рисерч» и др. Гоноرار за разовые рекомендации по организации продаж, уплачиваемый институтам и отдельным специалистам

¹ П. Лайнбарджер. Психологическая война. М., 1963, стр. 49—50.

достигает десятков тысяч долларов. К услугам этих институтов прибегают крупнейшие монополии («Дженерал моторс», «Дженерал фудс», «Гудийр» и др.). А ежегодные расходы на соответствующие исследования достигли уже к 1956 г. 12 млн. долл.¹

Американский социолог Вэнс Паккард, рассказывая о методах рекламы в книге «Невидимые искусители», приводит факты, которые свидетельствуют о том, что поиски ведутся в тех же направлениях, которые разрабатываются исследователями, занятыми в области политической пропаганды. Рекламой дело не ограничивается. Вслед за ней объектом приложения методов «глубинной психологии» стала сфера отбора кадров, организации производства, «реконструкции» отношений в производственных и прочих коллективах, дезорганизации классово-борьбы и т. д.² В результате родились отрасли исследований, получившие наименования «социальной механики» («социал инжиниринг»), «общественных отношений» («социал рилейшнз») и др. О масштабах деятельности этих отраслей можно судить хотя бы по тому, что одни «общественные отношения» обслуживаются 40 тыс. специалистов, причем на их деятельность 100 ведущих американских компаний расходуют более 50 млн. долл. в год³.

По мере расширения сферы деятельности всех этих отраслей исследования, непосредственно обслуживающих интересы крупного капитала, росли и претензии их организаторов. Один из них, Э. Пендрэй, как-то заявил: «К специалистам в области общественных отношений должны отойти главные функции социальной механики — постепенная реорганизация человеческого общества — сферы за сферой, структуры за структурой»⁴. В последние годы специалисты по исследованию «побудительных мотивов», «общественных отноше-

¹ V. Packard. The Hidden Persuaders. N. Y., 1961, p. 37.

² Дело дошло до того, что образовалось несколько фирм, специализирующихся на исследованиях, призванных помочь сбору средств для различных фондов — благотворительных, для политических кампаний и т. д. Эти фирмы имеют досье на многие десятки тысяч человек, где подробно описаны их склонности, слабости, вкусы.

³ V. Packard. Op. cit., p. 186.

⁴ Ibid., p. 187.

ний» и т. д. выступают, в частности, с настойчивыми требованиями перестроить по их рекомендациям внешнеполитическую пропаганду, причем эти рекомендации предусматривают усиление ее агрессивности, дальнейшее нагнетание антикоммунизма и т. д.

Уже сегодня рекомендации исследовательских учреждений (как политических, так и коммерческих) широко применяются в пропагандистской практике. В частности, начиная с избирательных кампаний 1952—1956 гг. данные психологии и других наук, обслуживающих пропаганду, начали широко использоваться обеими буржуазными партиями США для более эффективного ведения предвыборной борьбы.

Первые опыты такого рода были описаны известным английским писателем Олдосом Хаксли в книге «Новое посещение нового смелого мира». Ссылаясь на издателя одной из ведущих деловых газет США, он следующим образом описывает избирательную кампанию 1956 г.: «...мобилизованы и пущены в ход все ресурсы психологии и социальных наук. Тщательно отобранные представители избирательного корпуса подвергаются «глубинному интервью». Эти «интервью в глубину» выявляют подсознательные страхи и желания, преобладающие в той или иной части общества в момент выборов. Фразы и образы, направленные на ослабление или, если надо, усиление таких страхов и удовлетворение таких желаний отбираются экспертами, испытываются на читателях и слушателях, совершенствуются в соответствии с добытой таким образом информацией. После этого политическая кампания развертывается в массах. Теперь нужны лишь деньги и кандидат, который бы выглядел «искренним». При такой системе политические принципы и планы конкретных действий утрачивают большую часть своего значения. Личность кандидата и способ рекламирования его экспертами — вот что в действительности определяет успех»¹.

На выборах 1960 г. в США «мозговой трест» Д. Кеннеди не удовлетворился разработкой методов ведения кампании обычными средствами — подготовкой мемо-

¹ A. Huxley. *Brave New World Revisited*. London, 1959, p. 83—84.

рандумов, докладов и т. д., а впервые в истории выборов в США поставил себе на службу электронно-вычислительную машину. В нее были заложены данные опроса 100 тыс. американцев, тщательно разбитых на группы. Задача машины заключалась в том, чтобы вычислить «параметры» среднего американского избирателя, попытаться предсказать его поведение на выборах и определить наилучшие методы пропагандистской обработки общественного мнения¹.

Аналогичная техника, опирающаяся на рецепты, выработанные психологией и другими науками, применяется не только в предвыборной борьбе, но в еще большей мере в пропаганде, непосредственно обслуживающей классовые интересы империалистической буржуазии. Особенно активно она используется во внешнеполитической пропаганде.

Суть империалистической доктрины пропаганды Господствующие среди империалистических теоретиков (а также практиков) пропаганды концепции, коротко говоря, сводятся к тому, что задача пропагандиста состоит в воздействии не только и даже не столько на разум, сколько на эмоции человека. При таком подходе идеологическое воздействие на людей, по сути дела, все больше подменяется психологическим (отсюда, несомненно, и возросшая роль в пропаганде психологов), причем в том понимании этого слова, какое оно приобрело после Фрейда.

Такой подход разделяется и наиболее «умеренными» из современных буржуазных специалистов. Так, например, Л. Фрезер, определяя пропаганду как «деятельность или искусство склонять других вести себя так, как бы они себя без этого не вели»², пишет: «Мы действительно можем влиять на поведение людей, апеллируя к одному их интеллекту, но, когда мы поступаем так, нашу деятельность ни по каким стандартам нельзя считать пропагандистской (она, по мнению Фрезера, будет в таком случае «просвещением». — Г. А.)... Отсюда следует, что пропаганда, во всяком случае в большей степени, апеллирует к эмоциям — прямо либо косвенно»³. И продолжает: «На каких эмоциях

¹ V. Lasky. Op. cit., p. 153—154.

² L. Fraser. Op. cit., p. 1.

³ Ibid., p. 7.

может прямо или косвенно играть пропаганда? Ответ будет таков: на всех — на простых эмоциях, вроде страха, на сложных — таких, как гордость или любовь к приключениям, на недостойных эмоциях, вроде жадности, или на добрых — таких, как сочувствие или самоуважение, на эгоистических эмоциях, вроде честолюбия, или эмоциях, обращенных к другим, — таких, как любовь к семье. Все человеческие эмоции и инстинкты в то или иное время давали пропагандистам средства влиять (или пытаться влиять) на поведение тех, кто служит для них мишенью»¹.

Намного более обнаженно высказывает эту точку зрения профессор университета Бордо Ж. Элльоль, описывая современную политическую пропаганду, перешедшую «к использованию психологических и психоаналитических методов глубинного влияния на индивидов». «В пропаганде, — пишет он, — речь идет уже отнюдь не о том, чтобы открыто писать в газете или говорить в радиопередаче о том, что именно, согласно желанию пропагандиста, индивид должен думать или чему он должен верить. Фактически проблема ставится так: заставить такого-то и такого-то думать то-то или, точнее, заставить определенную группу людей действовать таким-то образом. Как этого достигают? Людям не говорят прямо: «действуйте так, а не иначе», но находят психологический трюк, который вызывает соответствующую реакцию. Этот психологический трюк называют «стимул». Как видим, пропаганда, таким образом, уже не имеет ничего общего с распространением идей. Речь идет теперь не о том, чтобы распространять идеи, а о том, чтобы распространять «стимулы», т. е. психологические и психоаналитические трюки, которые вызывают определенные действия, определенные чувства, определенные мистические порывы»².

Впрочем, могут задать вопрос: разве буржуазная пропаганда не использует и не распространяет определенные идеи, не полемизирует, в частности, с марксизмом-ленинизмом, с идеями коммунизма? Действительно, такая полемика постоянно ведется, причем даже в массовой пропаганде. Но если вдуматься, то сами

¹ L. Fraser. Op. cit., p. 10.

² Цит. по R. Wüst. Op. cit., p. 116.

идеи и идеологии используются здесь скорее в качестве «стимулов», обращенных к эмоциям и инстинктам, нежели в качестве систем взглядов и доводов, апеллирующих к разуму. Речь, например, чаще всего идет не об обсуждении коммунизма, как такового, а о создании клише, которое вызывало бы у аудитории определенные эмоции (страх, отвращение и т. д.), так же как о создании из понятий «демократия», «свободный мир» и т. д. символов, привязанных к капитализму и вызывающих благоприятные реакции. В империалистической пропаганде, рассчитанной на массовую аудиторию, такие методы приобретают все более широкое распространение.

Подчас можно встретиться с попытками доказать, будто пропаганда в данном случае лишь следует пожеланиям и склонностям своей аудитории, не желающей размышлять, сопоставлять идеи и самостоятельно мыслить, предпочитающей искать легких и понятных решений и объяснений, к тому же соответствующих изначальным желаниям людей. Один американский автор не так давно писал в этой связи: причина состоит в том, что в современных условиях логика «утрачивает» свою роль — люди верят лишь тому, чему они хотят верить. Поэтому, дескать, и важно для убеждения аудитории воздействовать постоянно не столько на разум, сколько на эмоции,— тогда твои аргументы каждый не только запомнит, но и использует затем для «самоубеждения»¹.

Подобный подход не выдерживает критики — империалистическая пропаганда использует игру на эмоциях отнюдь не из-за несовершенства логического мышления аудитории, а для того, чтобы навязать ей взгляды, противоречащие логике людей, отражающей их подлинные интересы и цели. Об этом откровенно пишет упоминавшийся уже Чукас. «Пропагандистские методы...— утверждает он,— преследуют одну и ту же цель — создать человека, совершенно лишенного всяких способностей разобраться в положении вещей, критически и разумно мыслить, человека, низведенного до самого низшего — эмоционального — состояния, когда

¹ J. Stone. Strategic Persuasion. Arms Limitation through Dialogue. N. Y., 1967, p. 7.

он может действовать под влиянием только внешних, а потому искусственных, возбудителей и направляющих сил»¹.

Могут сказать: в такой направленности пропаганды, собственно, нет ничего нового.

Но раньше это делалось скорее интуитивно, прагматически, а сейчас — на основе всех тех данных, которые может дать наука, вырабатывающая целый арсенал приемов и методов соответствующего воздействия на массы. Это разительная перемена в сравнении с буржуазными концепциями XVIII и XIX веков, когда господствовал взгляд на человека как на существо, обращаясь к которому надлежит пользоваться доводами, апеллирующими к рассудку, к интеллекту².

Истоки современной буржуазной концепции идеологической борьбы, пропаганды следует, по-видимому, искать в двух основных факторах.

Первый из них — это кризис буржуазной идеологии, заставляющий обращаться к другим, «неидеологическим» формам и методам воздействия на сознание людей.

Второй — новые толкования человеческой природы, отчасти, как это отмечалось, рожденные политическими потребностями правящего класса, отчасти тем направлением, по которому начиная с Фрейда пошло развитие буржуазной психологии. Речь идет о попытках объяснить истоки психической жизни человека, а в конечном счете и его поведение бессознательными инстинктами, врожденными или приобретенными в раннем детстве эмоциями и наклонностями, неизменными и определяющими или побеждающими интеллект.

Анализ подобных психологических теорий выходит за рамки настоящей работы. В данном случае важен

¹ M. Choukas. Op. cit., p. 164.

² В этих усилиях империалистические пропагандисты не оставляют без внимания буквально ни одного крупного научного открытия. Некоторые из них серьезно предлагают поставить на службу пропаганде теорию условных рефлексов, созданную прославленным русским ученым И. П. Павловым. На Западе вышел ряд книг, авторы которых, исходя из теории условных рефлексов, детально описывают соответствующие пропагандистские методы (S. Chakhotin. The Rape of Masses. London, 1950; W. Sargant. Battle for the Mind. N. Y., 1957; J. Meerloo. Rape of the Mind. Cleveland, 1956).

тот факт, что в этих теориях на Западе как раз и усмотрели ключ к стоящей перед империалистической пропагандой проблеме: как в условиях изменившегося в ущерб буржуазии соотношения идеологических сил бороться за духовное господство над массами? Политическая теория империалистической буржуазии давно обосновала задачу обеспечения для «элиты» возможности беспрепятственно «манипулировать» массами. В психологии, с ее поисками методов «глубинного» воздействия на человека, способного обойти или победить разум, было найдено одно из важных средств решения этой задачи.

Так родилась не только теоретическая концепция, но и политическая практика «деидеологизированной» идеологической борьбы, в которой, как казалось и как многим до сих пор кажется, можно было перейти с невыгодного, сулящего все более серьезные поражения поля идейных поединков на более перспективный, оторванный от социальных реальностей и безразличный к ним плацдарм прямого вторжения в психическую жизнь людей, где доминирующее место занимают скорее физиологические и психофизиологические, нежели социально-идеологические механизмы.

О чем конкретно идет речь, поясняет Штурмингер. В политической пропаганде, пишет он, объект всегда один — «человеческая природа». При этом решающее значение имеет игра на таких «психологических элементах», как «пранадежда» и «прастрах», а также на «атавизмах человечества», которые в период возбуждения «легко обнажить и вывести на поверхность, пробуждая и подстегивая низменные побуждения и инстинкты»¹.

Описывая «вклад», который вносят при этом психологи, Штурмингер заключает: «Словом, стараются всеми, действительно всеми средствами изучить «иррациональный элемент» в мышлении и чувствах и результаты этого изучения поставить на службу политической пропаганде»².

Американский профессор Лайнбарджер, определяя место психолога в пропаганде, пишет, что тот «может

¹ A. Sturminger. Op. cit., S. 11.

² Ibidem.

сказать, каким образом страсти превратить в негодование, личную находчивость — в массовую трусость, трения — в недоверие, предрассудки — в ярость. Психолог достигает этого, обращаясь к *подсознательным* чувствам человека, которые служат ему исходным материалом»¹.

Такая концепция идеологической борьбы по существу своему представляет ответ империалистических теоретиков на отвергаемый ими, но в то же время интуитивно осознаваемый факт *объективного* характера идеологии, зависимости идей, мнений и представлений людей от их общественного бытия. Речь идет не более и не менее, как о попытке дать политике средство преодолеть неблагоприятные для нее (объективные) факторы идеологической борьбы с помощью субъективного вмешательства в сферу человеческого мышления и поведения.

Буржуазные теоретики пропаганды, исключая совсем уж фанатичных последователей «глубинной» психологии, разумеется, не могут начисто отрицать связь человеческого мышления с объективной действительностью, влияния на него, помимо «подсознательного», также экономических, социальных, политических условий общественной жизни. Отсюда еще одна важная концепция — концепция «информации», также призванная преодолеть действие объективных факторов в идеологической борьбе и наложившая глубокий отпечаток на всю империалистическую пропаганду.

О главной идее этой концепции может дать представление эпизод, с которого начинается книга У. Липпмана «Общественное мнение» — один из первых трудов, представлявших собой попытку поставить на почву социологического исследования весь комплекс вопросов, связанных с общественным мнением и пропагандой. Липпман рассказывает об острове в океане, где в 1914 г. жили англичане, немцы и французы. Очередная почта пришла к ним в середине сентября, и они только тогда узнали, что уже полтора месяца их стра-

¹ П. Лайнбарджер. Психологическая война, стр. 48. (Другую важную задачу психолога Лайнбарджер видит в определении морального состояния противника. Третью — в рекомендациях относительно средств пропаганды.)

ны находятся в состоянии войны. И отношения между ними сразу же резко изменились. «Мы видим, что новости об окружении, в котором мы живем, могут приходиться то рано, то поздно, но мы считаем картиной, представляющей для нас подлинное окружение, ту, что вырисовывается из них»¹.

Речь, другими словами, идет о том, что политическое мышление человека прежде всего зависит не от той информации, которую он получает непосредственно из своего опыта и впечатлений, а от информации, получаемой косвенно — через газеты, радио, через других людей и т. д., — и формируется на ее основе. Между действительностью и субъектом тем самым возникает целый ряд опосредующих звеньев. Это создает определенные возможности отрыва второго от первой, нарушения объективных связей между общественным бытием и общественным сознанием, открывая дополнительные пути субъективного влияния на сам процесс формирования идей, взглядов и точек зрения.

Гипотетически можно, например, себе представить, что липпмановские островитяне так бы и не узнали о войне, вспыхнувшей между их странами (особенно если бы это была короткая война), и их взгляды и отношения так бы и не испытали на себе влияния «окружающей среды». Или, наоборот, до них мог бы дойти ложный слух о войне, который заставил бы их соответствующим образом мыслить и действовать, хотя объективная действительность и не давала бы для этого никаких оснований.

Из этих исходных посылок, естественно, следуют определенные выводы для пропаганды — как в смысле необходимости ограничения поступления нежелательной информации, так и в смысле дезинформации, фабрикации ложной информации или даже, как высшей ступени, искусственной фабрикации самих «событий», которые могли бы затем лечь в основу желаемой информации.

Все эти действия давно известны в политике эксплуататорских государств, испокон веков прибегающих не только к пропаганде идей и взглядов, но и к сокрытию неуютной (с помощью секретности и цензуры)

¹ W. Lippmann. Public Opinion, p. 3—4.

либо распространению угодной информации. Современная буржуазная социология и политическая теория опять же лишь перевели такие приемы и политические институты из плана интуитивной «государственной мудрости» в план науки и попытались приспособить к современным условиям.

Последнее особенно важно. При всем сходстве основных целей и приемов политики эксплуататорских государств прошлого и современности нельзя не видеть и важных различий между ними. Если говорить об интересующей нас области, необходимо особо указать на рост сознательности и культуры широких масс населения, прогресс в области средств связи и информации, демократические завоевания трудящихся, а также подрыв монополии правящей буржуазии на средства и источники информации, связанный с ростом рабочей печати, появлением социалистических государств, их служб информации и т. д.

Такого рода перемены существенно изменили положение. В подавляющем большинстве капиталистических государств они сильно подорвали эффективность цензуры (хотя в том или ином виде она существует и в наиболее демократических буржуазных странах), затруднили если не возможность распространения, то во всяком случае действенность грубой и очевидной лжи относительно фактов общественной жизни как в своей стране, так и за рубежом.

Империалистическая буржуазия, разумеется, не отказалась от попыток воздействия на общественное сознание путем вмешательства в процессы информации. Наоборот, такое вмешательство приобрело еще большее значение. Но пути его серьезно усложнились, а методика усовершенствовалась. «Информация (новости) — наиболее важное орудие пропагандиста, — пишет в этой связи, например, Дж. Мартин. — С успехом работающий пропагандист сочетает благоприятную и неблагоприятную информацию, принижая последнюю и изображая ее не имеющей значения и в то же время раздувая первую»¹.

Это, конечно, самое упрощенное изложение основных методов «информации» как орудия пропаганды в

¹ J. Martin. Op. cit., p. 17.

понимании буржуазной теории — в действительности такие методы являются много более изощренными и коварными. Но уже из такого изложения становится ясно, как следует отнестись к упорным попыткам империалистических деятелей изобразить свою пропаганду в виде «информации» или к их разговорам о «правде» как существе этой пропаганды.

Такие разговоры ведутся давно и с нарастающим упорством. Достаточно напомнить об известном выступлении президента Г. Трумэна, который, обращаясь к Американскому обществу издателей газет, провозгласил основой внешнеполитической пропаганды США «стратегию правды» — «прямой, простой, неприкрашенной правды» как лучшего орудия борьбы против коммунизма¹.

Комментируя эту широковещательную декларацию, тот же Мартин не без остроумия замечает: «Надо, конечно, помнить, что у пропагандиста есть выбор правд»². К этому мнению присоединяется и американский исследователь К. Лондон: «Информация — это эвфемизм. Информация сама по себе может оказать сильное пропагандистское воздействие, даже если она действительно объективна. Она может также казаться объективной, будучи на самом деле начиненной тенденциозными сообщениями, специально предназначенными для пропаганды... Надо также принять во внимание, что абсолютная объективность в подаче новостей практически невозможна...»³

Доктрины наиболее совершенной с точки зрения империалистической буржуазии пропаганды предусматривают и особо изощренные методы — создание самих «фактов», которые затем кладутся в основу информации и пропаганды. Американский психолог Уильямс, например, считает такую деятельность основной особенностью «психологической войны» — американской доктрины внешнеполитической пропаганды. В книге «Современные тенденции психологии и мировой кризис» он писал, что «психологическая война активно создает и использует события, как ядро будущей

¹ «The New York Times», April 21, 1950.

² J. Martin. Op. cit., p. 17.

³ K. London. The Making of Foreign Policy East and West. Philadelphia, 1965, p. 255.

операции»¹. Это именно одна из тех точек, в которых вплотную сходятся подрывная деятельность и пропаганда империалистов.

Ряд руководителей официальной американской пропаганды, стремясь сделать пропаганду более эффективной, настаивают на мерах, призванных если не устранить, то хотя бы продемонстрировать сокращение разрыва между словами и делами во внешней политике, требуют усилить пропаганду делом. Именно об этом пишет в книге «Правда — наше оружие» бывший помощник государственного секретаря США по связи с общественностью Эдуард Барретт². Аналогичные взгляды развивает профессор Р. Уайт, подчеркивающий, что «дела должны соответствовать словам», что «пропаганда делом более действенна, чем пропаганда словом»³.

В таких высказываниях следует различать две тенденции: одна — сугубо пропагандистская, сводящаяся к рекомендации некоторых демонстративных акций, призванных помочь пропаганде, сделать ее более действенной; другая — политическая, состоящая в известном приспособлении политики к условиям реальности, в уступках особенно настойчивым требованиям общественного мнения, т. е. речь идет о разновидности буржуазного реформизма. Первая, естественно, требует просто разоблачения. Вторая же, при всех точках соприкосновения с первой, предполагает со стороны социалистических стран, всех прогрессивных сил более сложное отношение, ибо в ней наряду с попытками обмана надо видеть и реальные уступки трудящимся (будь то во внешней или во внутренней политике), результат их борьбы за непосредственные интересы, за реформы.

Своеобразную форму вмешательства в процесс восприятия человеком окружающей действительности представляют собой различные способы отвлечения от информации, способной подвести людей к нежелательным, с точки зрения пропагандиста, идеям, взглядам, выводам. Речь, по сути дела, идет об организованных и систематических попытках убить сам интерес людей к

¹ R. Williams. *Modern Trends. Psychology and the World Emergency*. Pittsburgh, 1952, p. 141.

² E. Barrett. *Truth is Our Weapon*. N. Y., 1953.

³ «The Public Opinion Quarterly». Winter 1952/53, p. 540.

реальным, имеющим для них жизненное значение проблемам общественной жизни.

Эта форма обеспечения духовного господства в обществе также не представляет собой чего-то принципиально нового для эксплуататорского государства. «Отвлечение» всегда было одной из главных функций религии. Еще в Древнем Риме был сформулирован принцип «хлеба и зрелищ», наряду с удовлетворением элементарных жизненных нужд предусматривавший отвлечение масс от политики и классовой борьбы с помощью разного рода развлечений.

В современном капиталистическом обществе такая деятельность достигла фантастического размаха. Секс, спорт, личная жизнь новых «героев», искусственно выдвигаемых машиной пропаганды на авансцену общественной жизни (кинозвезд, гангстеров и т. д.), преступления, кинобоевики, новинки в развлекательной музыке и танцах, новые автомобили — таковы объекты, на которых старается сконцентрировать внимание широчайших масс трудящихся западная печать, литература, кино, радио и телевидение. Невообразимая шумиха вокруг этих объектов, подчас доводимая до масштабов массовых психозов, стала одной из характерных черт современного буржуазного образа жизни и культуры в США, а затем и в других странах.

В буржуазной социологической литературе можно столкнуться с попытками изобразить это в качестве неизбежного порождения не только повысившегося уровня жизни, но и тех социальных сдвигов, которые привели к возросшему влиянию масс на общественную жизнь и культуру (концепции так называемой «массовой» культуры)¹. Отдельные авторы пытаются даже доказать, что это — здоровое развитие, защитная реакция человека на эмоциональные перегрузки, свойственные образу жизни в современном «индустриальном» и «массовом обществе», с их темпом, перенасыщенностью политикой и пропагандой. Ответственный секретарь

¹ Изложение различных взглядов по этой проблеме можно найти в сборнике «Mass Culture. The Popular Arts in America», ed. by B. Rosenberg and D. White. N. Y., 1965; в статье E. Larrabee. Art and the Affluent Society; в сборнике «The Crossroad Papers». N. Y., 1965.

американской ассоциации исследователей общественного мнения Дж. Клаппер, например, в книге «Воздействие массовых коммуникаций» утверждал, будто книги и радиопередачи, отвлекающие людей от житейских невзгод, переносящие их в мифический мир удачников и героев, действуют благотворно, ибо «приносят умственное, а следовательно, и психофизическое облегчение»¹.

Клаппер делает вид, что не замечает все большего превращения развлечений (помимо источника больших прибылей) в важный инструмент сохранения идейного господства правящих классов в обществе, в орудие разращения сознания и духовного насилия над массами.

Между тем это признают и многие буржуазные теоретики, отводящие «эскапизму», тактике «отвлечения» видное место в пропаганде. Олдос Хаксли, например, оценивая значение развлечений, пишет, что на Западе они, как и другие средства массовых коммуникаций, «имеют дело не с истинным или ложным, а с нереальным, с тем, что, в большей или меньшей мере, вообще не имеет отношения к действительности»². Тем самым развлечения заняли в современном обществе то же место, которое раньше принадлежало церкви. «Мир религии отличается от мира развлечений,— замечает Хаксли,— но они походят один на другой тем, что выступают как явления «не от мира сего». И то и другое — развлечения, и в случае продолжительного контакта с этими мирами они оба становятся, используя выражение Маркса, «опиумом для народа», а тем самым угрозой свободе»³. Ибо, поясняет он, «непрекращающиеся развлечения угрожают на Западе потопить в океане оторванности от реальности рациональную пропаганду»⁴.

«Обществу, большинство членов которого,— пишет Хаксли,— проводит большую часть времени не здесь, не на земле, и не в предвидимом будущем, а в каких-то не имеющих к ним отношения, других мирах спорта и

¹ J. Klapper. The Effects of Mass Communication. Glencoe (Illinois), 1961, p. 201.

² A. Huxley. Op. cit., p. 56.

³ Ibid., p. 57.

⁴ Ibidem.

мыльных опер, мифов и метафизических фантазий,— такому обществу будет трудно сопротивляться вторжению тех, кто будет им манипулировать и управлять»¹.

Хаксли, как и другие буржуазные авторы, выступающие против нарастания антидемократических реакционных тенденций в политической жизни западных стран, не склонен изображать его результатом действия каких-то стихийных процессов. Да и трудно не увидеть, что за массовым распространением «опиума для народа» стоят реальные интересы — как коммерческие, так и политические — тех, в чьих руках сосредоточена экономическая и политическая власть.

Функция всей деятельности империалистической буржуазии в области информации, так же как и в области развлечений и культуры, сводится, таким образом, к тому, чтобы взамен объективной действительности создать некую искусственную «реальность» и с ее помощью вторгнуться в сами процессы познания действительности массами и индивидами, извратить эти процессы в своих интересах. В еще более крупном плане это та же самая тенденция противодействия объективным факторам идеологической борьбы с помощью субъективного вмешательства, о которой мы говорили выше в связи с концепциями пропаганды, нацеленной на подсознательное, на игру на иррациональных инстинктах и эмоциях людей². Война против человеческого разума — такова суть этой тенденции, постепенно вырастающей в основу всей концепции идеологической борьбы империалистической буржуазии.

¹ А. Huxley. *Op. cit.*, p. 56.

² Чукас довольно образно излагает путь воздействия подобных методов на индивида и результаты такого воздействия: «При постоянной бомбардировке пропагандистскими идеями индивид рано или поздно обособляется от реальности... Одна за другой рушатся его связи с реальным миром, и пропагандист постепенно снабжает его всеми советами, которые удовлетворяют любопытство индивида. Любая инициатива исчезает, мысленный горизонт индивида стабилизируется. Замораживается и становится статичным все индивидуальное. И какую бы властью ни обладал индивид, он полностью попадает под влияние пропагандиста. Контроль над поведением индивида в конечном счете переносится из сферы его психики в руки пропагандиста» (М. Choukas. *Op. cit.*, p. 257).

Причем в отличие от средневековых обскурантов, полагававшихся прежде всего на невежество, забитость и темноту масс, сегодня в этой борьбе против человеческого разума стремятся все шире использовать его наивысшие достижения — новейшие открытия науки и техники.

Немало в этом направлении уже сделано. Но еще более зловеший смысл имеют некоторые поисковые, пока чисто экспериментальные работы, результаты которых, вполне возможно, будут взяты на вооружение пропаганды в будущем. Поскольку речь идет о будущем, прежде чем перейти к описанию этих работ, хотелось бы вернуться к одному уже упоминавшемуся произведению буржуазной научно-фантастической литературы, точно и весьма впечатляюще подметившему само направление поисков, по которому идут буржуазная пропаганда и обслуживающая ее наука.

Речь идет о вышедшем еще в 30-х годах романе О. Хаксли «Смелый новый мир», которому суждено было стать одним из поистине классических образцов произведений, получивших наименование «антиутопий». В этой книге нарисован облик «общества будущего», чудовищного мира, с горькой иронией названного «смелым» и «новым», мира, в котором растоптаны все человеческие ценности — свобода, товарищество, любовь, сама способность интеллекта независимо и творчески мыслить, мира, превращенного даже не в казарму, а в гигантскую, великолепно организованную «человеководческую» ферму¹.

Как всякое значительное произведение утопического жанра (а «Смелый новый мир», несмотря на всю ошибочность исходных идейных позиций автора, несомненно, относится к таковым), эта книга была своеобразной критикой «сущего» — хотя, как и любая другая «антиутопия» (в отличие от «утопии»), она не содержала описания «должного». В данном случае этим «сущим» явилась практика фашистских государств, а также некоторые тенденции, наметившиеся и в жизни западных буржуазно-демократических стран. Речь идет о получивших уже в те годы широкое распространение методах насилия над личностью, духовного пора-

¹ A. Huxley. Brave New World. London, 1934.

бощения масс, о гитлеровских планах «генетического оздоровления» нации, о некоторых научных исследованиях, которые могли дать диктаторам в руки новые средства и методы полного подчинения людей своей воле.

Книга «Смелый новый мир» задумана автором как предостережение по поводу страшной судьбы, ожидающей все человечество, если оно не сойдет с этого пути.

Таковы общие посылки книги Хаксли. В данном случае она особенно интересна описанием тех методов, которые, по мнению автора, через несколько столетий «научно организованная» тирания будет применять для духовного порабощения людей. Некоторые из них еще и сегодня воспринимаются как сугубая фантастика (например, в «Смелом новом мире» людей «выводят» или «декантируют» на специальных фабриках — инкубаторах, причем добавлением тех или иных химических препаратов в раствор, в который помещено искусственно оплодотворенное яйцо, добиваются получения человеческих особей разного «качества», от сообразительных — «альфа», будущих управляющих, и до полудиотов — «эпсилон», будущих рабочих низкой квалификации¹).

Другие методы, к сожалению, сегодня уже не выглядят такими фантастическими. Это относится, например, к построенным на достижениях психологической науки методам выработки у людей определенных со-

¹ Впрочем, и в этом направлении сейчас ведут поиски некоторые буржуазные специалисты. Американский исследователь данного вопроса Х. Хоагланд замечает: «Человек никогда настоящему не пытался применить науку к сфере его системы ценностей. Этическое мышление изменяется с трудом, однако, как доказывает история, оно все же изменяется»; автор призывает использовать этот путь, чтобы «создать лучшее общество для человека посредством изменения человека» (*H. Hoagland. Biology, Brains and Insight. «The Columbia University Forum». Summer 1967, p. 29.* З. Бжезинский, по существу, строит на такого рода идеях свое представление о будущем — веке «технороники», где «существует не только принцип равных возможностей для всех, но особых возможностей для немногих, самых выдающихся». Социальная сущность этого варианта теории «элиты» очевидна. (*Z. Brzezinski. America in the Technotronic Age. «The Columbia University Forum». Summer 1967, p. 21.*

циальных рефлексов — довольства своей судьбой и своим положением в обществе, презрения ко всем, кто стоит ниже по лестнице строгой социальной иерархии, и раболепия перед всеми, кто стоит выше, и т. д. Это относится также к широчайшему и целенаправленному применению всех возможных видов «опиума для народа» — развлечений, техника которых у Хаксли достигает высшего совершенства, различных наслаждений (сексуально-эротических, что обеспечено полнейшей свободой нравов, ликвидацией семьи и совершенными противозачаточными средствами, а также применением «сомы» — наркотика, вызывающего опьянение, но без отрицательных последствий алкоголя или морфия). Это, наконец, тщательный отбор информации и идей, которые становятся достоянием масс (такой отбор потребовал уничтожения всей литературы, как таковой, включая всемирно известную классику, ставшую опасной из-за содержащихся в ней гуманистических идей). Все эти методы, по мнению Хаксли, достаточны, чтобы обеспечить полное подавление личности, сделать ее послушным орудием в руках диктаторов, заставить человека не только смириться со своей судьбой, но даже и видеть в ней высшее счастье.

В 30-е годы этот роман мог еще восприниматься большинством читателей как чисто фантастическое произведение литературы, пусть затрагивавшее и некоторые зловещие аспекты действительности (в частности, связанные с фашизмом). Но четверть века спустя автор вновь вернулся к теме «смелого нового мира», на сей раз не в романе, а в произведении, и по форме носившем чисто политический характер, — в упоминавшейся книге «Новое посещение смелого нового мира».

В этой книге английский писатель уже сменил желчно-иронический тон на панический. «Пророчества, сделанные в 1931 году, — писал он, — осуществляются гораздо быстрее, чем я думал. Кошмар тотальной организации, который я отнес к VII столетию после рожества Форда (именно с этой даты ведется в «Смелом новом мире» летосчисление. — Г. А.), выполз из безопасного отдаленного будущего и ожидает нас сейчас за ближайшим углом»¹.

¹ A. Huxley. Brave New World Revisited, p. 12.

Одним из главных фактов, на которых основывался Олдос Хаксли, делая столь мрачные пророчества, был, как подчеркнул он сам, прогресс в ряде отраслей науки и техники, сулящий диктаторам будущего безграничные возможности господства над умами и думами людей.

Дает ли этот факт основания для тревоги? Безусловно дает. Можно по-разному относиться к результатам интенсивно ведущихся в последние годы исследований в области «глубинной» психологии и даже телепатии, относительно которых существуют противоречивые мнения, начиная от полного отрицания их как чистого шарлатанства и кончая полным или частичным признанием. Трудно пока еще дать и должную оценку экспериментам применения данных соответствующих исследований в практике рекламы и пропаганды¹.

Но не вызывает никаких сомнений то обстоятельство, что в последние годы, действительно, далеко

¹ В печати неоднократно сообщалось, например, о попытках влиять на подсознательное с помощью различных символов, используя так называемый «эффект порога сознания». Скажем, в «фильмах ужасов» для усиления впечатления вставляются мелькающие неуловимо для глаза кадры, изображающие различные символы (череп со скрещенными костями) или надписи («кровь», «смерть» и т. д.). Аналогичные эксперименты делаются и в рекламных фильмах, причем буржуазные психологи утверждают, что это усиливает их действенность (см. *V. Packard. Op. cit.*, p. 35). Хаксли, говоря об этих экспериментах в «Новом посещении нового смелого мира», рисует картину митинга будущего, в ходе которого используются специальные машины, проецирующие различные образы, символы и слова, производящие соответствующие, неуловимые ухом и глазом звуки и изображения в расчете на воздействие на подсознание. Пишет он и о том, что, по данным исследователей, одна пятая любой аудитории может быть почти мгновенно загипнотизирована, одна седьмая может быть избавлена от физических страданий инъекциями чистой воды, одна четвертая поддается внушению с помощью гипнопедии (*A. Huxley. Op. cit.*, p. 112—113, 133). Американский исследователь пропаганды У. Дэвисон, говоря о подсознательном стимулировании, предполагающем «воздействие на аудиторию с помощью стимулов, которые находятся за порогом сознательного восприятия, но тем не менее регистрируются органами чувств», делает следующий вывод: «Такой метод может сделать возможным проникновение идеи в мозг человека без всяких преград или изменений, обеспечиваемых психологической обороной, которую человек воздвигает, чтобы защитить свои сложившиеся отношения» (*W. Davison. International Political Communication. N. Y.*, 1965, p. 48).

продвинулись вперед научные исследования механизма психических процессов и влияния на них химических, электронных и других воздействий.

Один американский журнал (кстати, прямо вспоминая о «Смелом новом мире») уже несколько лет назад писал в этой связи о «генетической хирургии, используемой на низших животных и способной определять дальнейшее развитие организма»¹.

Аналогичные опасения вызвали и некоторые новейшие достижения фармакологии в области производства препаратов, воздействующих на психику людей. Никто не станет отрицать их пользы как нового мощного орудия борьбы с психическими заболеваниями и нервными расстройствами. Но вместе с тем появилась и новая опасная область злоупотребления достижениями науки, их использования во вред человеку. Уже гитлеровцы использовали при допросах политзаключенных некоторые препараты (например, «скополамин») для того, чтобы сломить волю своих жертв. Сегодня появились куда более мощные средства ослабления воли и уродования психики, причем некоторые из них не надо даже применять насильственно — в силу вызываемого ими наркотического эффекта, эти средства охотно принимаются, усугубляя и без того зловещую опасность массовой наркомании. Наиболее известные из таких средств — изобретенные американскими учеными Лири и Алпертом препараты «сайлосибин» или «ЛСД», кстати сказать, не только одурманивающие, но и настраивающие людей на мистический лад. Немалую тревогу вызывает у врачей и массовое употребление различных успокаивающих средств, вредящих организму и подавляющих нормальную реакцию психики человека на окружающую действительность. «Сома» Олдоса Хаксли становится, таким образом, в наши дни не таким уж фантастическим средством подавления воли человека.

И наконец, следует упомянуть об экспериментах с электронной аппаратурой, ведущихся в ряде стран, и в частности в США. Описывая такие эксперименты, проводимые профессором Хозе Дельгадо в Йэльском университете (США), французская газета «Ар» писала: «Дельгадо задумал создать такую миниатюрную элек-

¹ «America», October 12, 1963, p. 406.

тронную аппаратуру, с помощью которой можно заставить... любого человека, например, убить президента республики или начать рычать, услышав одно только слово «коммунизм»¹. Аналогичные «опыты» проводит в другом американском университете Роберт Хит, о чем как-то сообщал один американский медицинский журнал².

Комментируя эти эксперименты, обозреватель «Ар» с ужасом писал о потоке электронных возбудителей, «которые полностью искажают людей, их личности так меняются, что эти чудовища становятся неменяемыми и способными совершать самые безответственные поступки. Итак, в июне месяце этого благодатного 1964 года, уже возможно вызвать похотливость у любого ребенка, спровоцировать девушку на убийство, а провинциального учителя сделать кровожадным, как вампир»³. «Превратить людей в рабов», «изнасиловать душу» человека — вот в чем справедливо усмотрела французская газета конечную цель и главную опасность этих «исследований».

Разумеется, все, о чем говорилось, пока лишь эксперименты. Однако сам факт проведения этих «исследований», а также и отклики на них заставляют отнести к открывающимся перспективам развития «науки» манипуляции людьми со всей серьезностью. Особенно если поставить эти «опыты» в связь с усилиями империалистической пропаганды, нацеленной на отключение разума, на перенос борьбы за умы и души людей из невыгодной для империализма сферы собственно идеологической в сферу «манипуляции» массами путем игры на эмоциях и инстинктах, изоляции человека от окружающей среды и даже прямых, так сказать, внеидеологических воздействий на высшую нервную деятельность.

Античеловеческий характер этой доктрины, постепенно претворяемой в политическую практику, все чаще вызывает протест и со стороны многих буржуазных исследователей. В качестве примера можно привести книгу Р. Вюста «Психологическая война»,

¹ «Arts», 24—30 juin, 1964.

² См. «American Journal of Psychiatry», October 1963.

³ «Arts», 24—30 juin, 1964.

вышедшую еще в середине 50-х годов в Швейцарии. Лейтмотив этой книги — глубокая тревога по поводу того, что человечество еще не осознало страшной угрозы, вытекающей из возможности использования столь могущественного оружия. «Термоядерная форма войны,— говорится в книге,— известна всем и вызывает всеобщее негодование. Психологическое оружие гораздо более секретно... Оно до сих пор не вызвало никакого публичного негодования и «призыва к всемирной совести»... Но не ужасно ли оружие, позволяющее современному государству механизировать умы, навязывать свое господство с детских лет и заставлять каждого действовать не думая?»¹

Аналогию, которую провел между термоядерным и психологическим оружием Р. Вюст, нельзя считать произвольной. Действительно, и в том и в другом случае речь идет о чудовищном извращении прогресса, о достижениях науки, разума, обращаемых во вред роду человеческому, создающих для него страшную угрозу.

И в обоих случаях, чего, как правило, не замечают буржуазные ученые,— надежда связана уже с прогрессом в другой области — в общественной жизни, с прогрессом, создающим новые возможности исключить такое тотальное злоупотребление наукой, техникой, плодами цивилизации. Если говорить о термоядерном оружии, то такой прогресс уже нашел свое выражение в том, что империализму противостоит социализм, силы мира. Это создает новые возможности предотвращения термоядерной катастрофы, хотя ее опасность еще не устранена из жизни человечества. То же самое относится к самым совершенным нынешним и будущим видам «психологического оружия».

Прогресс в этой области, обусловленный достижениями науки, развернулся в эпоху, когда идет не менее быстрое развитие общественно-политических сил, противостоящих империалистическим растлителям умов. Рост культуры, сознательности и политической активности масс, их усиливающаяся борьба за социализм и демократию, рост влияния социалистических идей, которому в огромной мере способствуют успехи стран

¹ R. Wüst. Op. cit., p. 117—118.

социалистического содружества в строительстве нового общества,— вот те реальные факторы, которые дают основание верить, что страшная перспектива «нового смелого мира» останется одним из многих несбывшихся пророчеств фантастов.

Но нелепо было бы не видеть, что при всем этом империалистическая пропаганда несет серьезную угрозу народам. Она стала неотъемлемым орудием всей империалистической политики, орудием, на которое опираются и эта политика, и само существование империализма, реакции, агрессии. Угроза реальна, и это возлагает высокую ответственность на те силы, которые возглавляют борьбу народов за мир, демократию, национальную независимость и социализм. Успешная борьба с империалистической пропагандой требует понимания не только ее общих установок, но и ее конкретных методов.

О методах империалистической пропаганды

В практике идеологической борьбы империализма применяется весьма обширный арсенал пропагандистских методов и приемов. Было бы упрощением полагать, что их выработка во всех случаях происходит в результате планируемых и целенаправленных усилий, на основе рекомендаций науки и специалистов соответствующей квалификации. Немалую роль в этом деле продолжает играть интуиция и импровизация практиков. Многие методы и приемы складываются на основе обобщения опыта обработки общественного мнения, заимствуются политической пропагандой у коммерческой рекламы, у церкви и других организаций, занимающихся пропагандой.

И тем не менее одной из типичных черт современной империалистической пропаганды (особенно внешнеполитической) являются, повторяем, попытки использования науки для выработки наиболее эффективных методов и приемов пропагандистского воздействия.

Речь идет, в частности, о стремлении если не заменить, то хотя бы дополнить идеологические средства борьбы, нацеленные на разум человека, средствами, воздействующими на эмоции, попытками играть на иррациональных началах, предрассудках, предубеждениях. Такие методы особенно характерны для «психологической войны».

Теоретические посылки, на которых строятся методы империалистической пропаганды, могут во многом не выдерживать критики подлинной науки, и в том числе научной психологии. Ложность многих из таких посылок, и прежде всего ориентации на «подсознательное», ведущей к пренебрежению разумом, способностью человека к рациональному мышлению, не может не отражаться на эффективности этой пропаганды.

Однако было бы неверным недооценивать реальную опасность, которая заключена в самой устремленности компенсировать идеологическую слабость совершенствованием методов духовной обработки масс. Эта деятельность строится ведь не только на ложных теоретических посылах. За ней и реальные расчеты на неосведомленность, неинформированность, недостаточную культуру многих людей, на предрассудки и человеческие слабости, на создаваемую всем этим внушаемость, которой стремится воспользоваться пропагандист. За ней также анализ и обобщение огромного, многовекового опыта обмана людей, накопленного буржуазией и ее предшественниками — эксплуататорскими классами прошлых эпох. За ней, наконец, большая работа многих тысяч трезвых, циничных, нередко весьма способных и искусных людей, занимающихся пропагандой как основной профессией, имеющих большой опыт и солидную специальную подготовку.

Все это, вместе взятое, позволило современной буржуазии создать внушительный арсенал приемов и техники пропаганды, призванных усилить ее воздействие на аудиторию. На этой основе ведется и подготовка пропагандистских кадров.

Большое внимание уделяется во многих руководствах по пропаганде задачам изучения аудитории, ее меняющихся настроений, всех оттенков ее представлений и чувств, даже привычных для нее образов и оборотов речи. Американский автор М. Чукас пишет в этой связи: «Эффективность усилий пропагандиста при прямом манипулятивном воздействии на мнение людей соразмерна той степени, в какой предлагаемый им выбор соответствует познавательной и эмоциональной склонности человека в данный момент. Чем больше выработанные пропагандистом мнения соответствуют склонностям человека в данный момент, тем легче они

будут восприняты последним и включены в его процесс мышления»¹.

Некоторые, критически настроенные исследователи относят за счет неумения учитывать особенности аудитории и многие крупные неудачи внешнеполитической пропаганды США².

Пожалуй, наибольший среди буржуазных стран опыт организованной внешнеполитической пропаганды накоплен в Англии. И это нашло отражение в исследовательской литературе. В качестве одного из примеров можно привести упоминавшуюся уже книгу Линдли Фрезера «Пропаганда», отличающуюся от многих других работ на эту тему, написанных западными авторами, трезвым, осторожным отношением к рецептам некоторых шарлатанствующих «кудесников» из числа буржуазных психологов и социологов, преподносящих пропаганду в качестве всесильного оружия, способного самостоятельно решать политические проблемы.

Фрезер — практик и в известной мере теоретик империалистической пропаганды. Моральная сторона дела его не волнует, и это находит свое выражение в книге. Ставя вопросы о том, какие методы допустимы для пропагандиста, он отвечает: «...все. Единственным ограничением, как уже говорилось, будет использование

¹ М. Choukas. Op. cit., p. 212.

² Американский автор, выступающий под псевдонимом Дж. Эмори, пишет, например: «Пропаганда, как и война, является просто еще одним средством осуществления внешней политики, средством навязывания этой политики другим. Успех в пропаганде, как и в войне, зависит от использования силы (слова) в нужное время, в нужном месте, в нужном количестве и нужным способом. В пропаганде, как и в войне, ключ к успеху — знание противника как самого себя (а этого достичь нелегко) и знание своих союзников. Оружие пропаганды — слово, но слова, в отличие от бомб, по-разному действуют на людей.

Пропаганда, независимо от того, что лежит в ее основе — истина или ложь, проходит через фильтр человеческого разума, и в процессе этого фильтрования она может приобрести совершенно неожиданное значение. Американцам недостает знания того, как и что чувствуют и думают массы в районах, где происходят сдвиги (а этот недостаток непосредственно порождается структурой наших разведывательных организаций), и в силу этого наша пропаганда становится особенно неэффективной и даже вредной, не говоря уже о ее главном недостатке, связанном с ее ориентацией и содержанием» («An American Foreign Policy Reader». N. Y., 1965, p. 289—290).

для достижения желаемых результатов насилия или вознаграждения (в отличие от угрозы первым или обещания второго) — пуская их в ход, он перестает быть пропагандистом по самому смыслу этого слова»¹. Точно так же подходит Фрезер к «черной» пропаганде (об этой разновидности пропаганды еще будет идти речь). «С точки зрения морали,— пишет он,— эта техника вызывает отвращение, но для обмана и деморализации врага это явно законное и, возможно, эффективное средство войны, не в меньшей мере, чем сбрасывание на его территорию фальшивых банкнот и продовольственных карточек»².

Такая позиция, попытка встать «выше добра и зла» характерна для английского эксперта и тогда, когда он переходит к трактовке проблемы правды — одной из центральных как в теории, так и в практике пропаганды. Фрезер, разумеется, отнюдь не выступает против лжи, как таковой. «Могут быть и действительно бывают ситуации,— пишет он,— при которых пропагандист, отказывающийся отойти от правды, может подорвать, возможно в решающей степени, эффективность своей собственной работы»³.

Но при этом он призывает относиться к использованию лжи крайне осторожно, ибо геббельсовская апология «большой лжи» как основы пропаганды, по его выражению, «абсолютная ерунда». На деле для пропагандиста одно из главных условий даже не так сама правдивость, как *репутация* правдивости, а для того, чтобы поставить ее под угрозу, достаточно один-два раза солгать⁴. Фрезер дает следующие советы: «Не лги в мирное время, если хочешь сохранить влияние на международную аудиторию, не лги в военное время, если ожидаешь, что война будет длительной, не лги насчет целей мира, если хочешь, чтобы он, когда наступит, был надежным и длительным, словом, не лги, если есть угроза разоблачения, и помни, что со временем тебя, видимо, а может быть даже и наверняка, разоблачат»⁵.

¹ L. Fraser. Op. cit., p. 11.

² Ibid., p. 122.

³ Ibid., p. 13.

⁴ Ibid., p. 207.

⁵ Ibid., p. 208.

Этими общими посылками определяется то внимание, которое в книге Фрезера, как и в других объемистых трудах по пропаганде, уделяется способам завоевания репутации правдивости. Ссылаясь на историю пропаганды времен второй мировой войны, он следующим образом описывает некоторые стороны опыта английской пропаганды: «Ее успехи были достигнуты по меньшей мере в такой же степени самоограничением и воздержанием от действий, в какой и позитивным вмешательством. И это, возможно, общий принцип пропаганды... Пропагандист всегда должен остерегаться излишнего нажима в отстаивании своего дела, возбуждения враждебности потенциальных сочувствующих преувеличениями или излишними повторениями, короче говоря, остерегаться превращения того, что в определенных рамках может быть эффективным оружием против врага, в бумеранг, который вместо этого нанесет удар ему самому и его друзьям»¹.

На эту сторону дела обращает внимание также английский журналист и политический деятель Р. Кросмэн, в годы войны бывший одним из руководителей англо-американской пропаганды. В лекции, прочитанной английским офицерам, он подчеркивал, что «в холодной войне, как и в горячей войне, главная цель пропаганды — завоевать доверие. Задолго до того, как вы будете пытаться деморализовать, разубедить или переубедить, перед вами в качестве первой встанет задача — заставить себе верить»². Обобщая опыт военных лет, он заявил: «С точки зрения психологической войны поражение создает огромные возможности, особенно если вы искусны и говорите, что поражение еще более

¹ L. Fraser. Op. cit., p. 38. В книге приводится немало примеров, говорящих о том, насколько большое внимание уделяла этой стороне дела английская пропаганда в годы войны. Характерно, например, что передачи Би-Би-Си на Германию вели люди, говорившие по-немецки с явным английским акцентом, чтобы у аудитории не зарождалось подозрения, будто на радио выступают изменники, люди, перешедшие на сторону врага. Передачи же на оккупированную Францию, наоборот, велись французами. Точно так же Би-Би-Си в передачах на Германию воздерживалось от прямых советов относительно организации диверсий и саботажа, а в передачах на Францию такие советы всегда занимали видное место (Ibid., p. 101—104).

W. Daugherty, M. Janowitz. Op. cit., p. 45.

тяжкое, чем оно есть на деле. Вы должны быть откровенны на сей счет, более откровенны, чем сами факты. Тогда вы, действительно, начнете завоевывать доверие противника». И в этой связи Кроссмэн вспоминает о первом большом воздушном налете германской авиации на Лондон, когда англичане раньше немцев объявили о своих потерях и дали более высокие цифры, чем те. «Это,—воскликает он,—был величайший триумф психологической войны за тот год!»¹

И еще один важный вывод Фрезера: пропагандист, в отличие от его нанимателя, для того чтобы успешно убеждать других, «должен сам верить, что то, что он говорит, правда. Не обязательно вся правда, ибо он может не знать всех деталей дела, но, по меньшей мере, не грубое искажение истины»². К этой мысли английский специалист по пропаганде возвращается постоянно: «Хороший пропагандист может быть циничным в деталях (кабинетный исследователь пропаганды должен в определенных пределах быть таким, если он хочет понять предмет), но в конечном счете он не убедит других, если прежде и больше всего не убедил самого себя»; «Пропагандист, который является чистым циником, почти наверняка будет плохим пропагандистом»³.

Если говорить об английской и американской пропаганде на Германию в годы войны, то, возможно, одна из причин ее успехов состояла в том, что среди тех, кто ее вел, было немало искренних патриотов и антифашистов, в том числе покинувших Германию по политическим мотивам. Сам характер войны, ее антифашистская направленность во многом определили демократическое содержание многих сторон пропаганды западных союзников, нацеленной на Германию⁴.

¹ *W. Daugherty, M. Janowitz. Op. cit., p. 40.*

² *L. Fraser. Op. cit., p. 208—209.*

³ *Ibid., p. 209, 195.*

⁴ Р. Кроссмэн вспоминает в этой связи, что в годы войны многие листовки и другие печатные материалы приходилось даже засекречивать, чтобы они не стали достоянием парламента и широкой печати, поскольку это могло вызвать ярость консерваторов и реакционеров в самой Англии (*W. Daugherty, M. Janowitz. Op. cit., p. 45*). Такие уловки, однако, не всегда помогали. Сразу же после войны главное пропагандистское ведомство США — Управление военной информации было распущено с

Взгляды Фрезера и Кроссмэна нельзя, конечно, ни в коей мере рассматривать как кредо современной империалистической пропаганды. Во-первых, они выражают концепцию английской пропаганды — более тонкой и искусной, но давно уже не играющей определяющей роли в идеологической борьбе империализма, руководство которой перешло в руки США. Во-вторых, эти взгляды уходят своими корнями в опыт определенного, отнюдь не типичного для наших дней периода в истории внешнеполитической пропаганды Запада — периода, когда Англия, США и ряд других буржуазных стран участвовали в антифашистской коалиции, что не могло не наложить отпечаток и на характер их идеологических усилий. В-третьих, в самих трудах этих специалистов можно легко уловить подтекст, выражающий затаенный протест против методов внешнеполитической пропаганды, к которым перешли эти страны в период «холодной войны». Многие сентенции Фрезера и Кроссмэна звучат как упрек, а подчас и издевка в адрес послевоенной пропаганды США, да и Англии.

И тем не менее представлялось полезным знать эту концепцию. Наиболее грубые, неумелые разновидности буржуазной пропаганды разоблачают сами себя. Думается, что важно разоблачение и более тонких и изощренных ее методов.

Пример того, как приведенные выше взгляды преломляются в воззрениях американских теоретиков

поспешностью, которую У. Дизард называет «неприличной». Поясняя мотивы этой акции, он ссылается на типичное для тех времен заявление реакционного комментатора Уэстбрука Пеглера насчет того, что Управление представляет собой «убежище для привилегированных трусов из числа интеллектуальных сторонников рузвельтовского «нового курса» и коммунистов». По словам Дизарда, стоило немалого труда спасти хоть часть этого аппарата. Вскоре были созданы новые большие ведомства внешнеполитической пропаганды. Но и они поначалу были под подозрением в силу предубеждений, сложившихся с военных лет. В результате уже в 50-х годах их четырежды «обследовали». Особенно свирепствовала комиссия сената, возглавляемая Маккарти. Чистка, устроенная этой комиссией, составляет одну из самых постыдных страниц американской истории. Хотя «коммунистов» в соответствующих ведомствах не нашли, людей затравили настолько, что были даже случаи самоубийства. Организованы были также сожжения «подозрительных» книг, изъятых из библиотек ведомства (*W. Dizard. Op. cit., p. 36—43*).

пропаганды, дают следующие высказывания уже не раз упоминавшегося М. Чукаса:

«Порой тактические соображения могут побудить пропагандиста говорить чистейшую правду, чтобы позднее людьми была проглочена большая ложь, либо же смириться с незначительным поражением, чтобы обеспечить вслед за этим условия для большой победы. В первом случае люди могут ошибочно подумать, что пропаганда не всегда сопровождается искажением фактов. В действительности, будет правильнее сказать, что правдивость делает пропаганду более действенной и более опасной, ибо тогда иллюзия, которую стремится создать пропагандист, получает большее распространение, чем чистая правда, которую он сознательно распространяет...»¹

Примерно так же трактует эту проблему Мейергоф: «Хотя справедливо, что для убедительности необходимо правдоподобие, было бы ошибкой ставить знак равенства между понятиями «новости» и «правда»... Пропаганда, как таковая, не обязательно представляет собой искажение истины. Скорее надо сказать, что она может быть основана на различных комбинациях отобранных истин, полуправды и заведомой лжи»².

Впрочем, в послевоенные годы мир вплотную столкнулся с тем, что прямая ложь стала все чаще звучать не только в пропагандистских, но и в официальных заявлениях Вашингтона. Одним из многих примеров может служить реакция правительства США в начале мая 1960 г. на инцидент с У-2, сбитым в районе Свердловска. Причем это обстоятельство, в сущности, не скрывается.

Заместитель министра обороны США по общественным вопросам А. Сильвестр прямо заявил в конце 1962 г.: «Мне представляется, что на всем протяжении истории правительство имело право... в случае необходимости лгать». В феврале 1968 г. государственный секретарь Д. Раск во время пресс-конференции оказался под градом острых вопросов журналистов относительно положения во Вьетнаме. Он заявил: «Насту-

¹ М. Choukas. Op. cit., p. 105—106.

² А. Meyerhoff. The Strategy of Persuasion. N. Y., 1965, p. 101, 79.

пает момент, когда встает вопрос, на чьей вы стороне. Я государственный секретарь, и я на нашей стороне». Очередной колючий вопрос: что, вы не доверяете печати? «Ни одна из ваших газет или радиостанций,— раздраженно ответил Раск,— не будет стоять и полушки, если США не победят. Они пустяки по сравнению с этим вопросом. Поэтому я не знаю, почему ради получения премии Пулитцера копаются в делах, которые вполне можно послать ко всем чертям...»¹ Значит лгите!

Что касается повседневной практики империалистической пропаганды, то забота о том, чтобы не скомпрометировать себя систематическим распространением лжи (а без нее эта пропаганда функционировать не может), нашла своеобразное выражение и в том внимании, которое уделяется проблеме маскировки подлинного источника пропаганды. Именно под этим углом зрения следует рассматривать главную причину строгого разграничения «белой», «серой» и «черной» пропаганды.

Определяя различия между этими видами пропаганды, авторы наставления «Ведение психологической войны» пишут: «1. Белая пропаганда — это пропаганда, которая распространяется и признается источником или его официальными представителями. 2. Серая пропаганда — это пропаганда, которая не идентифицирует специально свой источник. 3. Черная пропаганда — это пропаганда, которая выдается за исходящую из иного источника, чем подлинный»². Еще недвусмысленнее пояснил суть дела американский психолог Боринг в учебном пособии «Психология для вооруженных сил», указывая, что «серая» и особенно «черная» пропаганда имеют «преимущество безответственности, так как позволяют распространять слухи и скандалы, не дискредитируя своего правительства»³.

Свое наиболее откровенное выражение агрессивные методы империалистической пропаганды находят в

¹ W. McGaffin, E. Knoll. *Anything but the Truth*. N. Y., 1968, p. 66, 84, 83.

² «Psychological Warfare Operations», p. 8.

³ E. Boring. *Psychology for the Armed Services*. Washington, 1945, p. 493.

американской доктрине «психологической войны». Сам этот термин был позаимствован у гитлеровцев и в США вошел в обиход в начале второй мировой войны для обозначения пропаганды военного времени, связанной с обслуживанием боевых действий. Д. Лернер, один из сотрудников американского ведомства пропаганды в годы войны, еще в 1949 г. писал: «Среди основных перемен, к которым приводит переход от мира к войне, можно назвать следующие: ...санкции становятся экономической войной, дипломатия становится политической войной, пропаганда становится психологической войной»¹.

Но прошло некоторое время, и это толкование уступило место другому. В официальном американском словаре армейских терминов, выпущенном в 1950 г., писалось: «Психологическая война — планомерное использование нацией во время войны или объявленного чрезвычайного положения пропагандистских мер, рассчитанных на оказание влияния на точки зрения, эмоции, позиции и поведение вражеских, нейтральных или дружеских иностранных групп для поддержки осуществления национальной политики»².

Прошло еще три года, и в новом издании того же словаря было дано уже новое определение: «Психологическая война — планомерное использование нацией или группой наций пропагандистских или соответствующих информационных мер, направленных на вражеские, нейтральные или дружеские группы, с тем чтобы повлиять на точки зрения, эмоции, позиции и поведение в интересах поддержки политики и целей данной нации или группы наций»³.

Главное из изменений — в более позднем определении выпали слова «во время войны или объявленного чрезвычайного положения». Иначе говоря, «психологическая война» была легализована в качестве орудия политики мирного времени. Никак нельзя согласиться с утверждением некоторых американских авторов (например, Догерти и Яновица), согласно которым это, по сути дела, ничего не меняло — просто «психологической

¹ D. Lerner. Sykewar. N. Y., 1949, p. 6.

² «Department of the Army. Dictionary of US Army Terms». August 1950, SR 320-5-1.

Ibid., rev., November 1953.

войной» стали называть внешнеполитическую пропаганду США, как таковую. Скорее наоборот, последняя перестроилась в соответствии с военной доктриной, и теперь это было легализовано также в ее названии.

Все дело в том, что «психологическая война» — это не просто звучный термин, а прежде всего определенный тип пропаганды, набор ее приемов и методов, которые раньше использовались преимущественно во время войны, а теперь были легализованы в США и других буржуазных странах также для внешнеполитической пропаганды мирного времени. Именно в «психологической войне» особенно явно и полно воплощены наиболее агрессивные черты внешнеполитической пропаганды империализма, делающие ее не столько инструментом убеждения людей, сколько орудием политической интервенции, вмешательства во внутренние дела других стран.

Одна из особенностей «психологической войны» как типа или доктрины пропаганды состоит в том, что в качестве своей цели она ставит не изменение взглядов, не воздействие на сознание пропагандируемых, а создание политических и психологических ситуаций, призванных вызвать желаемые формы поведения населения, его отдельных групп, даже правящих кругов другой страны. Но такую задачу давно ставит перед собой буржуазная внешнеполитическая пропаганда вообще. Поясняя различия в подходах к пропаганде, Фрезер ссылается на тонкое, почти неперебиваемое различие между тем, что немцы называют «*Stimmung*» и «*Hal-tung*» — т. е. настроением самим по себе, остающимся состоянием внутреннего мира человека, способным только косвенно влиять на его действия и поступки, и настроением, выражающим его более действительную позицию в отношении тех или иных вопросов, т. е. настроением, непосредственно предопределяющим его поведение. Воздействовать на последнее, т. е. «перевести настроение в поведение», — это, по словам Фрезера, наиболее важная и вместе с тем наиболее трудная задача пропагандиста¹.

На эту сторону дела откровенно обращают внимание западные теоретики внешнеполитической пропа-

¹ L. Fraser. Op. cit., p. 51.

ганды. Так, американец Г. Шпеер (сотрудник «РЭНД корпорейшн») в работе «Пересмотр основ психологической войны» делает особый упор на то, что нельзя сосредоточиваться «на идеологическом убеждении», на попытках «обратить» людей «в свою веру». Главное, по его словам,— добиться от пропагандируемых непосредственно «политически уместного оппозиционного действия», а конкретнее — «замедления работы, совершения диверсий, распространения слухов, организации тех, кто недоволен или занимается нелегальной деятельностью»¹.

С этим тесно связана другая особенность «психологической войны», также свойственная всей доктрине и практике современной внешнеполитической пропаганды империализма,— стремление найти замену идеологическому оружию в различного рода провокациях, в действиях, способных вызвать желаемое поведение аудитории. Выше приводилось высказывание американского психолога Уильямса, считающего типичным для «психологической войны» попытки создавать и использовать событие «как ядро будущей операции».

Такая линия сама по себе ведет к сближению пропаганды не только с политикой в целом, но и, в особенности, с диверсионной и разведывательной деятельностью. Когда речь идет о «черной» пропаганде, эта грань вообще стирается. Не случайно операции этой пропаганды по большей части возлагаются на разведывательный аппарат. Собственно, когда говорят о «психологической войне» (или о «политической войне» — термин, более распространенный в Англии), часто вообще имеют в виду не только пропаганду, но и подрывную деятельность, как таковую. Такой подход, по сути, стирающий грань между пропагандой и шпионажем, диверсиями, даже террором,— отличительная особенность «психологической войны», уходящая своими корнями в доктрину и практику фашистской пропаганды.

Естественно, что многие операции «психологической войны», так же как и сами методы такого рода «пропаганды», строго засекречены. Однако известное представление о них можно получить из литературы, опи-

¹ «Propaganda in War and Crisis», p. 472—474.

сывающей англо-американскую военную пропаганду в годы второй мировой войны, в которой кое-какие операции и методы были преданы гласности.

Первое, что обращает на себя внимание в таких операциях,— расчет на косвенный эффект, при котором остается замаскированной сама цель операции. В качестве примера можно привести широко практиковавшиеся Англией и США предупреждения жителей городов противника о намеченных бомбардировках (в 1945 г. над Японией сбрасывались даже листовки со списком городов, которые предполагалось разрушить). На первый взгляд, может показаться, что цель такой практики заключалась в завоевании симпатий населения страны противника или во всяком случае в смягчении того впечатления, которое могли вызвать в его среде террористические налеты авиации. Однако организаторы данной «психологической акции» меньше всего придавали значение как раз этой стороне дела.

Главные их цели были совсем иными. Как свидетельствуют Догерти и Яновиц, одна из них состояла в том, чтобы подорвать моральный дух населения противника, наглядно продемонстрировав ему подавляющее военное превосходство союзников, позволяющее заранее сообщать об объектах атак. Другой целью было заставить читать (или слушать) соответствующие материалы и создать им репутацию достоверности. И третьей — разжечь среди гражданского населения панику, усилить страх, чтобы дезорганизовать жизнь соответствующих городов (как правило, важных центров военной промышленности, управления и транспорта)¹.

Анализируя после войны эти пропагандистские акции, М. Херц писал: «По наущению премьер-министра Черчилля западные державы в начале 1945 г. прибегли к пропагандистским усилиям, имевшим в виду побудить большое количество немцев бежать из «опасных районов». Эта кампания относится к числу известных случаев в последней войне, когда угрозы в адрес гражданского населения имели желаемый результат»².

¹ W. Daugherty, M. Janowitz. Op. cit., p. 359—362.

² «The Public Opinion Quarterly». Fall 1949, p. 485.

Приведенный пример говорит о том, что «косвенный эффект», которого хотят добиться, может быть как пропагандистским (в разобранном случае — доказать свое военное превосходство и создать репутацию достоверности своей пропаганде), так и чисто военным либо политическим (деорганизовать жизнь крупнейших городов) — последнему, в соответствии с общими установками «психологической войны», придается особое значение.

Для «психологической войны» — пропаганды, первоначально обслуживавшей военные усилия, обращавшейся к населению враждебной страны, — характерны также особые приемы достижения пропагандистских целей. Суть их, коротко говоря, состоит в следующем: вместо того чтобы полагаться на словесное убеждение людей (к противнику, тем более во время войны, аудитория, естественно, относится с недоверием), пропагандист старается заставить «работать на себя» самого врага, т. е. вынуждать его вести себя так, чтобы своими собственными действиями подводить население своей страны к тому, в чем хочет его убедить организатор пропаганды. Речь, другими словами, идет о систематическом и организованном применении провокаций.

Характерна в этом отношении описанная Д. Лернером операция «Брэдок II»¹. В ходе ее в начале 1945 г. над теми территориями Германии и Австрии, где было сконцентрировано особенно много иностранных рабочих, англо-американская авиация сбросила около 5 млн. портативных устройств для поджогов. Одновременно велись радиопередачи и сбрасывались листовки, которые рассказывали, как пользоваться этими устройствами, и содержали подписанный генералом Эйзенхауэром призыв совершать диверсии. Организаторы операции и здесь рассчитывали не на прямой эффект (организацию диверсий), который в лучшем случае рассматривался как вспомогательный. Главная же цель состояла в том, чтобы до предела напрячь германскую службу безопасности, заставить ее бросить все силы в эти районы (это было нужно как для того, чтобы оголить другие районы Германии, где намечались важные разведывательные и диверсионные операции, так и для

¹ D. Lerner. Op. cit., p. 259—260.

того, чтобы, спровоцировав новые репрессии против иностранных рабочих, еще больше обострить их отношения с фашистскими властями). Такой путь рассматривался как более эффективный, нежели простая пропаганда, рассчитанная на возбуждение еще большей ненависти иностранных рабочих к фашистам.

Сходна по своим целям и самому методу и другая операция, описываемая Лернером. Она была проведена во время «блица», т. е. массированных налетов германской авиации на Англию в начале войны. «Мишенью» были сами фашистские летчики. В разгар «блица» английское радио стало изо дня в день передавать сообщения о том, что все новые немецкие летчики сажают в Англии свои самолеты и сдаются в плен (при этом приводились их фамилии, взятые из документов, найденных на сбитых самолетах). Целью, как пишет Лернер, было не подбадривание внутренней аудитории ложными сообщениями о том, что в германской авиации началось брожение, а провоцирование «чистки» среди немецких летчиков, гестаповских проверок и репрессий, которые, по замыслу организаторов операции, должны были подорвать моральный дух и боеспособность личного состава «люфтваффе»¹.

В том же направлении шли и неоднократные попытки распространить в Германии своего рода руководства по симуляции и членовредительству. И здесь расчет был не на прямой эффект, а на провоцирование чрезмерной придирчивости и подозрительности нацистских властей — по замыслу пропагандистов, выгоняя на работу действительно больных людей, эти власти сами должны были вызвать среди населения озлобление.

Характерный пример подрывной акции «психологической войны», нацеленной на решение чисто военной задачи, дает известная операция «Где люфтваффе?». Она осуществлялась в 1944 г., в ходе широко развернувшихся дневных и ночных бомбардировок территории Германии и ее союзников. Главной темой англо-американской пропаганды стали насмешки над германской авиацией и обещаниями Геринга отбить любые попытки бомбить тылы «фатерланда». Внешне целью этой пропагандистской кампании было возбуждение

¹ D. Lerner. Op. cit., p. 270.

недовольства несостоятельностью гитлеровской военной машины среди самих немцев — как в тылу, так и на фронте (у солдат, беспокоившихся о своих близких). Однако главная цель операции состояла в действительности в другом — усилить психологическое давление на военное командование противника и выманить тем самым его истребительную авиацию, чтобы возможно сильнее потрепать ее накануне высадки союзников в Нормандии. Показания германского генерал-лейтенанта К. Дитмара, взятого в плен в конце войны, по словам одного из историков «психологической войны» — Кэрролла, подтвердили эффективность этой операции¹.

Подчас такого рода операции, организованные службой пропаганды, вообще не ставили перед собой пропагандистских целей и становились частью «секретной войны». Так было, например, во время высадки союзных войск в Италии, когда Бадольо начал колебаться и никак не решался выступить с заявлением о выходе Италии из войны и разрыве с «осью». Тогда текст заявления был зачитан по радио диктором, голос которого был схож с голосом Бадольо, якобы от его лица. После этого Бадольо ничего не оставалось делать, как выступить против Муссолини².

Характерная черта многих таких операций «психологической войны» состоит в том, что они нацелены не столько на массовую аудиторию, сколько на «элику» той или иной страны — военное командование, политических лидеров и т. д. Этой аудитории в доктрине «психологической войны» вообще придается большое значение. Отсюда и тщательное изучение настроений в «верхах», их группировок, отношений между лидерами, с тем чтобы на всем этом можно было играть, подчас весьма хитроумными способами³. Отдельные работни-

¹ W. Carroll. *Persuade or Perish*. Boston, 1948, p. 215—231.

² W. Daugherty, M. Janowitz. *Op. cit.*, p. 410—411.

³ И. Батлер — английский журналист, в годы войны служивший в английской разведке, — рассказывает, например, о том, как он организовал в Швеции засылку на германскую территорию почтовых марок с портретом Гимmlера, чтобы обострить отношения между главарем гестапо и Гитлером, в которых, по данным разведки, наметилась трещина (*E. Butler. Amateur Agent*. London, 1963).

ки американской и английской пропаганды даже особо специализировались на операциях, имевших мишенью «элиты» противника.

К их числу принадлежал Э. Захариас, офицер разведки военно-морского флота США, долгое время живший в Японии и лично знакомый со многими видными представителями японского военного командования. Он приобрел в годы войны широкую известность своими радиопередачами на Японию, в которых, справедливо полагая, что в виде радиоперехватов его передачи станут достоянием правящих кругов, пытался внести разлад в среду военных и политических руководителей, сыграть на настроениях тех из них, кто был склонен к «почетному миру»¹.

В годы войны из среды английских и американских пропагандистов выделилась группа специалистов по самым изощренным трюкам «черной» пропаганды. В исторической литературе особенно часто говорят в этой связи о Р. Локкарте, начинавшем свою деятельность разведчика и пропагандиста еще в годы первой мировой, а затем гражданской войны в России. Он активно участвовал также в пропагандистских и других секретных операциях в годы второй мировой войны².

Довольно широкую известность приобрел также Бенно Франк. Под именем «капитана Энгерса» (якобы офицера германской армии, который перешел к союзникам) он стал активной фигурой в англо-американской радиопропаганде, организатором знаменитой в истории «психологической войны» операции, рассчитанной на разложение германских войск в осажденном союзниками Лориане (так называемая «радиоосада Лориана»)³.

Пожалуй, наиболее заметная фигура «психологической войны» тех времен — это английский журналист Сефтон Дельмер. Под псевдонимом «шеф», за которым

¹ E. Zacharias. *Secret Mission. The Story of an Intelligence Officer.* N. Y., 1946.

² Об этой его деятельности см. R. Lockhart. *Comes the Reckoning.* London, 1947.

³ Об этом см. W. Daugherty, M. Janowitz. *Op. cit.*, p. 384—392, 248—250.

якобы скрывался кадровый германский офицер, ветеран вермахта, он систематически выступал в годы второй мировой войны по «Гехеймзендер ейнц» — английскому радиопередатчику, замаскированному под подпольную радиостанцию, действующую якобы с территории Германии. Этот передатчик, так же как и фигура «шефа» (в Англии его из конспиративных соображений звали «борода» или «Генрих VIII»), был настолько тщательно засекречен, что даже американская разведка узнала, в чем дело, лишь в 1942 г.

Дельмер, отлично знавший немецкий язык и Германию, к тому же имевший доступ ко всем данным разведки, выступал под личиной грубого армейского рубаки, похабника, ненавидевшего всех и вся — англичан, русских, евреев, нацистов, Гитлера. Его передачи были адресованы прежде всего германскому офицерству, среди которого он постоянно сеял разные слухи и сплетни из армейской жизни, и особенно из жизни кругов, близких к верховному командованию. Немало времени он уделял также смакованию подробностей интимной жизни Гитлера и его отношений с генералитетом. Дельмер же был автором многих других трюков «черной» пропаганды, прочно вошедших в ее арсенал (например, засылки руководств по членовредительству и симуляции)¹.

В службе англо-американской пропаганды тех лет подвизались Д. Лернер, П. Лайнбарджер и многие другие, после войны ставшие теоретиками «психологической войны». В их трудах была сделана попытка обобщить прошлый опыт, с тем чтобы приспособить его к новым условиям и новым задачам — к внешнеполитической пропаганде, нацеленной прежде всего против

¹ О Сефтоне Дельмере см. *L. Farago. War of Wits. N. Y., 1954, p. 330—333; W. Daugherty, M. Janowitz. Op. cit., p. 670—671.* С его «Гехеймзендер ейнц», между прочим, произошел в конце концов конфуз. Англичане поняли, что слишком длительная работа передатчика вызовет сомнения: почему его никак не выследят в Германии? Поэтому было решено инсценировать — прямо в ходе одной из передач — налет гестапо со стрельбой и прочими аксессуарами. По ошибке эту передачу транслировали повторно, как это обычно делалось, на следующий день. Положение спасло лишь то, что первую передачу почти никто не слышал, так как ее усиленно глушили.

Советского Союза и социалистического содружества, против идей коммунизма¹.

«Тайные операции» этой борьбы, как уже говорилось, держатся в секрете. Однако они, несомненно, составляют существенную часть «психологической войны», которая была развернута США и их союзниками против социалистических стран. Причем нередко здесь приходится сталкиваться с методами и трюками, взятыми из арсенала англо-американской пропаганды военных лет. К ним прибегают в той деятельности по «распространению анархии и организации беспорядков в коммунистическом лагере», которая столь часто открыто провозглашается целью соответствующих пропагандистских органов США и других стран империализма².

Осуществление тайных операций «психологической войны» официальными правительственными органами всегда связано с риском компрометации правительства в случае разоблачения. Именно поэтому Соединенными Штатами и их союзниками был создан ряд пропагандистских организаций, выступающих под личиной «частных». Видное место среди них (об этих организациях речь еще будет идти) принадлежит так называемой «Свободной Европе». Радиопередачи «Свободной Европы» используются, помимо обычных клеветнических сообщений, для связи с оппозиционными и контрреволюционными элементами в странах социалистической системы. Эти передачи содержат призывы к враждебной деятельности и саботажу. Для того чтобы скомпрометировать активистов, честных и преданных делу социализма граждан, «Свободная Европа» практиковала передачи, называемые «черной книгой», в которых эти люди изображались доносчиками, «секретными агентами» и т. д. Не случайно даже правительство ФРГ, на территории которой расположена штаб-квартира и радиопередатчики «Свободной Европы», сочло необходимым (после ряда скандальных разоблачений, связанных с контрреволюционным мятежом в Венгрии в

¹ Характерно, что вскоре после окончания войны в этих же целях американский офицер Блэксток написал большую работу о немецком опыте «психологической войны» против СССР (*W. Daugherty, M. Janowitz. Op. cit., p. 163*).

² *A. Tully. CIA: The Inside Story. N. Y., 1962, p. 163.*

1956 г.) отмежеваться от их деятельности и заявить, что в будущем «будет следить за ними более внимательно»¹.

Примерно так же, как «Свободная Европа», действует американская радиостанция в Западном Берлине «РИАС», не раз передававшая призывы к забастовкам и «технические инструкции» по саботажу, обучающая, говоря словами самих американцев, «стратегии эффективной подрывной деятельности» и «технике открытых заговоров»².

Настоящими диверсиями нередко занимались и занимаются и официальные правительственные радиостанции — «Голос Америки» и Би-Би-Си. Они передавали на страны народной демократии лживые слухи о близящихся денежных реформах, повышении цен и т. д., призванные дезорганизовать экономическую жизнь³.

Методы и приемы империалистической пропаганды, разумеется, не исчерпываются разобранными. Основную, так сказать, «массу» пропагандистских усилий сегодня, как и прежде, составляет «информация» (соответственно подобранная и препарированная), различные приемы отвлечения масс от тех жизненно важных проблем, которые подводят их к борьбе против империализма, и иная традиционная техника идеологической борьбы. Все это делается порой с большим, порой с меньшим искусством, хотя в целом империалистические державы стремятся достигнуть в своей пропаганде высокого профессионального уровня и опираться на высококачественные технические средства.

Что касается различных «неортодоксальных» методов и техники, то они, как правило, играют вспомогательную роль. Однако по мере роста трудностей, с которыми сталкивается империализм в идеологической борьбе, роль эта в общем и целом растет. Эти методы и техника, разумеется, во всех случаях не принесут империализму победы в идеологической борьбе. Определяясь объективными факторами, ее исход никак не

¹ «The New York Times», June 28, 1957.

² W. Daugherty, M. Janowitz. Op. cit., p. 149.

³ Соответствующие факты приведены, например, у Дж. Мартина (J. Martin. Op. cit., p. 161).

может быть решен провокационными трюками из арсенала «психологической войны», какими бы изощренными они ни были. Но несомненно, что и эти трюки, эта изощренная техника могут причинить ущерб. Именно поэтому они заслуживают разоблачения.

Основные идеи, лежащие за подобными хитроумными методами и приемами пропаганды, постепенно проникают из «секретных операций» в «обычную» пропаганду, в ней также делается все больший упор не столько на убеждения людей, на идейную борьбу, сколько на возбуждение неуверенности и замешательства среди противников империализма¹. В этих целях империалисты стараются использовать национализм и другие предрассудки, спекулировать на любой ошибке или промахе, упущении противника. Они постоянно избирают, в частности, отдельные объекты — страну, нацию, социальную (например, интеллигенцию) или возрастную (например, молодежь) группу и концентрируют на них удары, чтобы оторвать их от общего фронта борьбы за социализм и мир.

Империалистическая пропаганда — коварный противник. Применяемые ею приемы подчас таковы, что требуют новых критериев оценки многих явлений. И к

¹ Как пишет У. Кульски, «цель пропаганды — подорвать доверие к правительству и проводимой им политике, способствовать разжиганию розни... стараться завоевать симпатии на свою сторону, подчеркивая действительную или мнимую общность интересов страны, которая ведет пропаганду, и народа — объекта пропаганды» (*W. Kulsky. Op. cit., p. 591, 593*). А такие цели определяют и все более широкое применение соответствующих методов. В период событий в Чехословакии в 1968 г. они использовались особенно интенсивно. Выступая на общегосударственном активе КПЧ в Праге 19 августа 1969 г., первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак говорил о пропагандистской кампании, развернутой Западом в августе 1969 г. и нацеленной на Чехословакию: «Вся зарубежная пропаганда (а это немало: ежедневно почти 160 часов в день на чешском и словацком языках извергают буржуазные радиостанции фонтан своих фальшивых сообщений на Чехословакию) ...стремится злоупотреблять неинформированностью людей о многих политических событиях в прошлом году, хочет использовать возбужденное национальное сознание, хочет злоупотреблять национальными чувствами чешского и словацкого народов в целях подрывных действий, в целях новых кризисов в нашем государстве» («Правда», 21 августа 1969 г.).

похвалам, и к хуле, распространяемым ею, приходится относиться весьма настороженно, чтобы распознать не только внешнюю сторону, но и скрытое жало каждой операции.

Это особенно относится к пропаганде, распространяемой на социалистические страны, в которой одно из главных мест занимают попытки осложнить внутреннюю обстановку, нарушить идейно-политическое единство народа, обострить межнациональные отношения, подорвать главные политические устои общества.

При этом империалистическая пропаганда идет на самые коварные приемы, не только прибегает к идеологической обработке населения социалистических стран, но и стремится превратить избранные ею «объекты» в политическую оппозицию, пытаясь сеять недоверие в отношении тех или иных лиц и групп. В этой по существу своему подрывной деятельности в ход пускается все: клевета, ложь, лицемерные похвалы, способные скомпрометировать «объекты» той или иной операции (например, рекламная шумиха, поднимаемая вокруг идейно неполноценных произведений отдельных советских писателей и ученых, контрабандным путем вывезенных из страны и изданных на Западе).

Подобные методы пускаются в ход, чтобы скомпрометировать не только отдельных лиц или группы населения, но и целые направления политики коммунистических партий и социалистических стран, направления, с точки зрения западных лидеров, особенно опасные, поскольку они открывают широкие перспективы успешного развития экономики или социально-политических отношений социалистического мира. Характерна в этом свете кампания, поднятая западной пропагандой в отношении программ экономических реформ, осуществляемых социалистическими странами в целях совершенствования методов планирования и хозяйствования. Буржуазная пропаганда лезла из кожи вон, чтобы доказать, будто эти реформы представляют собой уступку капитализму, ведут к капиталистическому перерождению экономического строя социалистических государств. Разумеется, одним из мотивов этой кампании было стремление опорочить социалистическую экономику, доказывая, будто она оказалась «несостоятельной», желание изобразить экономические законы и

принципы капитализма как наиболее эффективные, такие, без которых не может развиваться и социализм.

Но думается, что эти мотивы были далеко не единственными. Сама настойчивость, с которой велась и ведется такая пропаганда, заставляет полагать, что она имела и еще одну цель — скомпрометировать экономические реформы в глазах коммунистического общественного мнения, чтобы сорвать (или хотя бы затруднить) их проведение, нанеся тем самым ущерб хозяйственному прогрессу социализма.

Нет сомнений, что провокационные методы остаются на вооружении империалистов, и они их используют и будут использовать против социалистических стран, коммунистического и рабочего движения в самых разных формах, по разным поводам, в разной обстановке и особенно, разумеется, в острых ситуациях, в том числе связанных с создаваемыми империализмом международными кризисами. Пример многих событий последних лет еще раз подтвердил, что на случай возникновения (или искусственного создания силами реакции) подобных ситуаций, у империалистических разведок и служб «психологической войны» держатся наготове детально разработанные планы, целые арсеналы коварных приемов и изощренной техники идеологических, «психологических» и иных диверсий.

Постоянная готовность дать отпор таким проискам составляет поэтому существенную задачу социалистического содружества, всех антиимпериалистических сил. «Психологическая обороноспособность» определяется многими факторами — политическими, экономическими, социальными. Совершенно ясно, что она тем прочнее, чем лучше идут дела в социалистическом содружестве, в коммунистическом и освободительном движении.

В этом отношении гигантская работа по строительству нового общества, которую ведут партия и народ нашей страны и братских стран социализма, имеет определяющее значение. Вместе с тем борьба против происков империалистических организаторов «психологической войны» требует еще и создания своего рода постоянного «иммунитета» против таких происков. Его дает общая идейная закалка и устойчивость широких масс трудящихся, бдительность и неколебимая классов-

вая позиция всех работников идеологического фронта, информированность населения о делах, происходящих как в стране, так и на международной арене, и, не в последнюю очередь, осведомленность о стратегии, тактике, коварных методах и изощренных приемах «психологической войны» империалистов.

Ведь эти приемы и методы могут нанести вред (во всяком случае, значительный вред) именно тогда, когда применяются против неподготовленного противника, способного по неведению поддаться на провокацию, просмотреть подлинную цель, ядовитое жало, скрытое в той или иной «операции». Поэтому разоблачение их уже само по себе помогает обезвреживать коварные приемы и методы империалистической пропаганды. Последовательное разоблачение общей доктрины идеологической борьбы и «психологической войны» империалистов, ее методов и техники, а также конкретных акций этой агрессивной пропаганды остается и будет оставаться важной задачей. На решение этой задачи нацелили всех работников идеологического фронта апрельский Пленум ЦК КПСС 1968 г., международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г.

2. Аппарат внешнеполитической пропаганды империализма

Одно из наиболее красноречивых свидетельств роли, которую играет в международных отношениях идеологическая борьба, значения, которое ей придают правящие круги империалистических государств,— это создание в послевоенные годы огромного аппарата внешнеполитической пропаганды.

Конечно, аппарат для обслуживания внешнеполитической пропаганды создавался в необходимых случаях и ранее. Он достигал значительных размеров в годы обеих мировых войн. Большой аппарат внешнеполитической пропаганды был в свое время создан гитлеровской Германией. В период между двумя мировыми войнами появилось несколько пропагандистских учреждений в Англии (Би-Би-Си, «Британский совет»), а накануне второй мировой войны — и в США. Но все это, включая даже громоздкую машину внешнеполитиче-

ской пропаганды, созданную гитлеровцами, не идет ни в какое сравнение с объемом пропагандистских усилий современного империализма и масштабами созданного для ее обслуживания аппарата.

Созданная империализмом в послевоенные годы пропагандистская машина представляет собой весьма сложное образование. Мы сталкиваемся здесь, прежде всего, с аппаратом, принадлежащим непосредственно монополиям, господствующим в области средств массовых коммуникаций — печати, кино, радио, телевидения и т. д., а также монополистическим организациям, специально занимающимся распространением информации и идей за рубежом. Наряду с этим создан разветвленный правительственный аппарат пропаганды — как официальный, так и замаскированный по различным политическим соображениям. Наконец, во внешнеполитической пропаганде империализма принимает все более широкое участие обычный аппарат внешней политики, включая дипломатические органы, разведку, учреждения, занимающиеся внешней торговлей и экономическими связями, и т. д. И это естественно: сама внешняя политика империалистических государств все более тесно связывается с идеологической борьбой — и потому, что политика нуждается в идеологическом «обеспечении», и потому, что сама она обслуживает борьбу за умы людей во всем мире, проводимую империализмом.

В современных условиях определенные пропагандистские функции принимают все или почти все формы международного общения, вплоть до туризма, культурного обмена, а тем более предпринимательской деятельности за рубежом.

Сложная структура, разнообразие функций, выполняемых его различными звеньями, порождает стремление централизовать руководство идеологическими аспектами всей системы пропагандистского аппарата внешней политики и международных связей в руках империалистического правительства и монополистических организаций, что в свою очередь ведет к появлению новых ведомств и учреждений.

Таковы в самых общих чертах контуры общей картины, довольно сложной, тем более что она не статична, — речь идет об аппарате, быстро развивающемся и

меняющемся в связи с попытками империализма приспособиться к переменам, происходящим в мире.

Аппаратом внешнеполитической пропаганды располагают сегодня все крупные (а в ряде случаев и малые) капиталистические страны. Естественно, однако, что наибольшего внимания заслуживает аппарат внешнеполитической пропаганды США, не только по той причине, что он намного превосходит по своим масштабам пропагандистскую машину, созданную всеми другими империалистическими державами, вместе взятыми, но еще и потому, что на его примере можно особенно отчетливо проследить основные принципы организации и действия империалистического механизма внешнеполитической пропаганды.

Зарубежная пропаганда империализма, в частности американского, в значительной мере ведется обычными инструментами идеологического воздействия на массы (печать, радио, кино и т. д.), принадлежащими непосредственно монополиям. Поэтому важную часть пропагандистской деятельности США, направленной за пределы страны, составляют мероприятия, рассчитанные на создание максимально благоприятных условий для экспансии этих монополий, в огромных и все возрастающих количествах вывозящих за границу свою идеологическую продукцию (фильмы, книги, журналы, газеты и т. д.).

Все эти газетные, книгоиздательские и киномонополии извлекают из экспорта своей продукции большие прибыли. Тем не менее речь идет не просто о коммерческой деятельности тех или иных фирм и компаний, а также не о нормальном культурном обмене между государствами, представляющем собой часть межгосударственных отношений мирного времени, а прежде всего об организованной зарубежной пропаганде. Это уже в первые послевоенные годы стало общепризнанной истиной в соответствующих американских исследованиях. «Все виды частной деятельности, имеющие отношение к общественному мнению за рубежом,— читаем мы, например, в сборнике «Общественное мнение и внешняя политика» под редакцией Лестера Маркела,— связаны с пропагандой... Хотя эта деятельность финансируется из частных источников, она является важной частью, а в некоторых странах и самой важной

частью всего комплекса мероприятий, которые могут способствовать лучшему пониманию США за границей»¹.

Именно так рассматривают деятельность американских монополий, связанную с распространением за рубежом газет, журналов и книг, кинофильмов, телепрограмм и т. д., правительственные круги США.

Эта деятельность приобрела широкий размах. Как известно, специально для зарубежной аудитории издается в Париже большим тиражом газета «Интернэшнл геральд трибюн». Зарубежные издания имеют журналы «Тайм», «Лайф» (выпускающий к тому же специальное издание на испанском языке для Латинской Америки) и многие другие². Особенно широко распространяется за рубежом журнал «Ридерс дайджест», издающийся тиражом более 17 млн. экземпляров³.

Одним из важных каналов «частной» пропаганды являются главные информационные агентства — Ассошиэтед Пресс и Юнайтед Пресс Интернэшнл. Первое из них обслуживает свыше 3 тыс. органов печати, радио и телевидения в 80 зарубежных странах, а также 1700 газет и 2500 радио- и телевизионных станций в собственной стране⁴. Агентство Юнайтед Пресс Интернэшнл передает информацию более чем 6500 клиентам, из которых более 2000 находятся за пределами США. ЮПИ имеет 151 бюро в США и 110 — за границей⁵, аппарат его составляет 10 тыс. человек, и расходы на содержание персонала и эксплуатацию оборудования превышают 48 млн. долл. в год⁶. В условиях возрастающих расходов АП и ЮПИ поднимают цены за свои услуги (так, в феврале 1969 г. АП подняло цены для заграничных клиентов на 11%, а ЮПИ — на 10%)⁷. Опасаясь, что рост цен сократит клиентуру агентств, авторы доклада Координационного комитета республи-

¹ «Public Opinion and Foreign Policy», ed. by L. Markel. N. Y., 1949, p. 180.

² Джойс указывает, что зарубежные издания имеют более ста журналов, выходящих в США (W. Joyce. Op. cit., p. 93).

³ «The New Republic», April 29, 1967, p. 6.

⁴ См. С. И. Беглов. Монополии слова. М., 1969, стр. 92, 369.

⁵ См. там же, стр. 400.

⁶ См. там же, стр. 91.

⁷ «The Financial Times», March 17, 1969.

канской партии, опубликованного в связи с президентскими выборами зимой 1968 г., предлагают субсидировать АП и ЮПИ, чтобы развивающиеся страны не лишились возможности покупать у них информацию¹.

Значительных масштабов достиг также вывоз в зарубежные страны книг. Для содействия их распространению была даже создана специальная частная организация «Нэшнл бук комити»².

Особенно внушительны усилия американского бизнеса в области экспорта кинофильмов. Это объясняется прежде всего «деловыми соображениями»: по подсчетам Дизарда, около 50% доходов от продажи фильмов американские фирмы получают за счет экспорта³. В последнее время огромного размаха достиг также экспорт заснятых на пленку телевизионных программ. В 1965 г. американские фирмы получили около 125 млн. долл. в результате экспорта телевизионных программ и оборудования. К тому же американские телевизионные компании (во главе с тремя крупнейшими) являются владельцами или совладельцами связанных с телевидением фирм более чем в 30 странах мира⁴.

«Американизация» телевидения зашла так далеко, что в последнее время во многих странах под напором общественности были приняты оградительные меры: в Канаде было установлено, что телевидение должно транслировать не менее 55% отечественных программ; в Англии вещание зарубежных программ было ограничено 14%; в Японии правительство установило «потолок» цен на покупку зарубежных программ, чтобы сделать свой рынок невыгодным для иностранных компаний, и т. д.⁵

В послевоенные годы американские монополии, надо сказать, начали рассматривать свою деятельность, связанную с экспортом журналов, книг, фильмов и т. д., не только с точки зрения непосредственных коммерческих выгод, но и с точки зрения политических интересов. Это выразилось в стремлении к расширению идеологической экспансии, в готовности иной раз отка-

¹ «Choice for America» p. 400.

² G. Gordon, I. Falk, W. Hodapp. Op. cit., p. 136.

³ W. Dizard. Op. cit., p. 90.

⁴ W. Dizard. Television. A World View. Syracuse, 1966, p. 3.

⁵ G. Gordon, I. Falk, W. Hodapp. Op. cit., p. 140.

заться от части прибылей и даже пойти на значительные расходы на внешнеполитическую пропаганду.

В этой связи стоит особо упомянуть о фондах, создаваемых монополиями для деятельности, не связанной с извлечением прибыли (собственно говоря, создание таких фондов не обходится дорого, так как они освобождены от налогообложения). В США сейчас насчитывается в общей сложности более 30 тыс. фондов. Из них, по данным на 1967 г., 249 обладают активами, превышающими 10 млн. долл. каждый. В совокупности активы всех американских благотворительных фондов оцениваются в 20 млрд. долл., а общая сумма ежегодных ассигнований, выделяемых ими на различные нужды, — примерно 1,5 млрд. долл.¹ Фонды занимаются, как правило, финансированием научных исследований, различных мероприятий в области культуры и т. д. В последние годы все большие ассигнования отпускаются на различные «проекты», связанные с зарубежной пропагандой, а подчас и подрывной деятельностью.

Об этом аспекте деятельности фондов дает представление пример «Фонда Форда» — гиганта среди подобных ему организаций, действующих в социально-культурной сфере. Собственность «Фонда Форда» достигает 3 млрд. долл. Ежегодно он «раздает» около 300 млн. долл.² На его средства была в свое время создана антисоветская организация «Фонд свободной России». «Фонд Форда» субсидировал пропагандистско-диверсионную организацию «Свободная Европа»³. Он оказывает помощь американским учебным заведениям, созданным за рубежом, предоставляет стипендии иностранным студентам, обучающимся в США, финансирует отдельные пропагандистские издания и т. д. Например, в 1968 г. бюджет международного отделения «Фонда Форда» составлял 68,5 млн. долл. (т. е. одну треть общего бюджета), а перечень организаций, получивших субсидии, явно свидетельствует об интересе к проблемам средств «массовой коммуникации», распространения информации и пропаганды. В этом перечне видное место занимают «Международная ассоциация за свободу культуры», «Международный институт прессы»,

¹ «The Economist», March 8, 1969, p. 44.

² «Business Week», January 6, 1968, p. 46, 50.

³ «Rheinisches Merkur», 14 Dezember, 1951.

«Североамериканский институт радиовещания», «Центр по проблемам учебного телевидения за рубежом»¹. Надо, правда, сказать, что в сравнении с периодом острой «холодной войны», в последние годы руководство «Фонда Форда» проявляет большой интерес к делам и другого рода, связанным с научными обменов, поддержкой отдельных мероприятий, призванных обеспечить расширение диалога между Востоком и Западом (Пагуошское движение, Дартмутские встречи и т. д.). Это можно объяснить тем, что в деловых кругах США обозначилось известное размежевание, отдельные их представители проявляют бо́льшую, чем прежде, озабоченность проблемой предотвращения термоядерной войны. Кроме того, руководство некоторых фондов ощутило, видимо, необходимость реагировать на давление со стороны общественности, критикующей деятельность фондов, связанную с поддержкой агрессивной политики.

Большое внимание уделяется монополиями США также вопросам, связанным с капиталовложениями за рубежом и американским предпринимательством в иностранных государствах. Капиталовложения эти, как известно, быстро растут. Достаточно сказать, что с 1950 по 1958 г. американские частные инвестиции за рубежом увеличились с 11,5 до 30 млрд. долл.², а в 1966 г. достигли уже 54 млрд. долл.³ Американские компании, функционирующие за рубежом, произвели в том же году продукцию валовой стоимостью 100 млрд. долл.⁴ Как монополистические круги, так и политические деятели США начали все яснее понимать, что предпринимательская деятельность американского капитала за рубежом — это не «просто бизнес», ибо «побочным продуктом бизнеса является пропаганда — хорошая или дурная»⁵.

В этом отношении послевоенные годы оказались переломными. Вопросы о политических аспектах, о

¹ «The Ford Foundation». Annual Report, October 1, 1967 to September 30, 1968.

² G. Gordon, I. Falk, W. Hodapp. Op. cit., p. 145.

³ «Foreign Affairs», July 1967, p. 639.

⁴ Ibid., p. 640.

⁵ G. Gordon, I. Falk, W. Hodapp. Op. cit., p. 150.

психологическом влиянии такой деятельности стали предметом оживленного обсуждения, а подчас и острой критики.

Характерным примером может служить в этой связи книга Томаса Айткена «Внешняя политика для американского бизнеса». Ее автор, указывая, что «американские бизнесмены за рубежом, приняв на себя ответственность за образ действий нашей страны за границей, не могут полагаться на одни посольства и консульства»¹, пытается выработать «позитивную политику» на основе анализа как отрицательной, так и положительной практики различных американских фирм. Он подробно рассказывает, в частности, о начинаниях компании «Стандард ойл» в Венесуэле, где в качестве одной из мер, призванных предотвратить революционное движение и бурное нарастание антиамериканских настроений, были увеличены отчисления от прибылей в бюджет страны, повышена заработная плата венесуэльцам, проведено выдвижение местных специалистов на руководящие должности и начато их обучение, с тем чтобы они «со временем», когда фирма «уйдет», могли взять управление в свои руки².

Об аналогичной практике американских фирм за рубежом, а также об их усилиях в пропаганде антикоммунизма среди своего местного персонала рассказывает и Джойс³.

В послевоенные годы интерес предпринимателей к такого рода деятельности настолько вырос, что ими были созданы даже специальные организации для активизации и координации пропагандистских усилий американского бизнеса (к их числу относятся, например, «Предпринимательский совет международного взаимопонимания», «Национальный совет внешней торговли», «Латиноамериканский совет информации» и др.)⁴.

Империалистическое государство США оказывает всемерную поддержку этим усилиям частных фирм и компаний, которая далеко не исчерпывается координа-

¹ T. Aitken. A Foreign Policy for American Business. N. Y., 1962, p. 142.

² Ibid., p. 143—144.

³ W. Joyce. Op. cit., p. 110.

⁴ Ibid., p. 109.

цией их действий с правительственными программами, возложенной на «Управление сотрудничества с частными лицами и организациями», созданное в Информационном агентстве Соединенных Штатов. Речь идет о широкой и многообразной помощи пропагандистским усилиям монополий.

Свое конкретное выражение она находит прежде всего в целой системе мероприятий дипломатического характера. Укажем хотя бы на борьбу американской дипломатии за устранение барьеров на пути широчайшего экспорта «идеологической» продукции американских монополий. Борьба эта ведется под предлогом отстаивания «свободы информации» (своего рода идеологический вариант доктрины «открытых дверей» в области торговли); началась она уже в годы первой мировой войны и непрерывно продолжается и по сей день (в том числе и в Организации Объединенных Наций).

Дипломатические мероприятия, направленные на содействие монополиям США, осуществляющим идеологическую экспансию, весьма разнообразны. Они включают многочисленные официальные дипломатические акты — вроде «соглашения Блюма — Бирнса», открывшего вскоре после окончания войны французские экраны для экспансии Голливуда, или соответствующих статей в подавляющем большинстве соглашений об экономической «помощи», предусматривающих льготные условия распространения американских книг, журналов, фильмов и т. д. Среди этих мероприятий и разнообразные услуги — беспрепятственная выдача паспортов представителям соответствующих фирм, содействие им со стороны дипломатических миссий и пр., — а также экономические льготы, на которых следует остановиться особо.

Правительству США, и в частности государственному департаменту, законом предписывается заботиться об охране прибылей этих фирм и компаний. В «законе Смита — Мундта» 1948 г., о котором будет речь ниже, даже содержится особое постановление (ст. 502), направленное на предотвращение конкуренции между правительственной пропагандой за рубежом и той, которую ведут американские частные фирмы. Правительству предписывается сокращать свою деятельность в области информации, когда «достаточно распростране-

ния соответствующей информации частным путем». Это положение закона было подтверждено в 1957 г. решением конгресса США, запретившим правительственным ведомствам пропаганды расширять свою издательскую деятельность и обслуживание печати информацией там, где такая деятельность могла бы «помешать частным концернам США продавать аналогичные услуги»¹.

Потребность в экономических мерах содействия частным фирмам, распространяющим в зарубежных странах книги, фильмы, журналы и т. д., особенно усилилась в связи с существовавшими длительный период нехваткой долларов в этих странах и трудностями валютного обмена. С целью преодоления возникающих таким образом сложностей американское правительство с 1948 г. начало выделять значительные средства, гарантирующие обращение в доллары сумм, вырученных в иностранной валюте от продажи книг, журналов, газет и фильмов. Этим целям служила принятая правительством США специальная «Программа гарантий средств информации»². Немалую помощь и здесь оказывает монополиям законодательство. Характерным примером может служить «закон о распределении помощи иностранным государствам», согласно которому для обмена валюты выделено 10 млн. долл. Кроме того, широко практикуется прямое ассигнование частным фирмам значительных денежных сумм с целью гарантировать их от убытков и поощрить экспорт их продукции. Этим же целям служат и другие разнообразные мероприятия, например покупка государственным департаментом у книгоиздательской компании прав на издание тех или иных книг за рубежом, компенсация убытков за вывезенную и непроданную продукцию и т. д.³

При всем значении «частных» усилий во внешнеполитической пропаганде США, ее размах, сложность и размеры необходимых для нее расходов давно уже поставили вопрос о создании специального правитель-

¹ W. Dizard. The Strategy of Truth, p. 133.

² G. Gordon, I. Falk, W. Hodapp. Op. cit., p. 136.

³ «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», November 1951, p. 7.

ственного механизма, который бы мог взять на себя основное как организационное, так и финансовое бремя.

Впервые такой механизм появился на вооружении империалистических государств в годы первой мировой войны («Веллингтон-хаус» в Англии, «Комитет Крила» в США и т. д.). «Комитет Крила» развернул активную пропагандистскую деятельность в тесном контакте с военной разведкой. Пропаганда велась не только на фронте, но и проникала в глубокий тыл противника — в Германию путем распространения соответствующим образом обработанной информации¹.

В период между двумя мировыми войнами государственного ведомства пропаганды в США практически не существовало. Оно было воссоздано накануне второй мировой войны. В 1938 г. Ф. Рузвельт создал Межведомственный комитет по делам научного и культурного сотрудничества, а в госдепартаменте — отдел культурного сотрудничества. В 1940 г. была организована Иностранная информационная служба, а 13 июня 1942 г. было учреждено Управление военной информации — основное американское ведомство пропаганды в годы второй мировой войны. В конце войны в нем работало 13 тыс. человек².

После окончания войны была предпринята целая система реорганизаций аппарата внешнеполитической пропаганды. В 1948 г. был принят упоминавшийся выше «закон Смита — Мундта». Закон этот впервые в истории США предусматривал организацию большого правительственного пропагандистского аппарата в мирное время. Кроме того, для контроля над деятельностью этого аппарата, в соответствии со статьями 601—603 этого закона учреждались Консультативная комиссия США по вопросам информации и Консультативная комиссия США по вопросам обмена в области просвещения. Функции комиссий заключались в том, чтобы «формулировать и рекомендовать государственному секретарю («закон Смита — Мундта» передавал всю официальную зарубежную пропаганду в руки государственного департамента.— Г. А.) политику и програм-

¹ T. Sorensen. The Word War. The Story of American Propaganda. N. Y., 1968, p. 6.

² Ibid., p. 22.

му» соответственно в области информации и просветительного обмена. В состав комиссий вошли представители многих крупных монополий.

Что касается самого аппарата внешнеполитической пропаганды, то он, в том виде, как это устанавливал «закон Смита — Мундта», просуществовал недолго. Вскоре начались реорганизации. Одна из самых значительных была проведена в 1953 г. в соответствии с рекомендациями специального комитета при президенте по вопросам «психологической войны», возглавлявшегося нью-йоркским банкиром Джексоном. После этой реорганизации главным органом официального аппарата внешнеполитической пропаганды стало Информационное агентство Соединенных Штатов (ЮСИА), созданное 1 августа 1953 г. в результате слияния органов пропаганды ряда ведомств: государственного департамента, Управления взаимного обеспечения безопасности, Управления технического сотрудничества и органов пропаганды оккупационных властей США в Западной Германии, Австрии, Японии. ЮСИА было подчинено президенту США через Совет национальной безопасности, а на государственного секретаря была возложена обязанность «направлять политику и осуществлять контроль над содержанием предназначенной для заграницы информационной программы»¹.

О масштабах деятельности Информационного агентства США дают представление следующие цифры: его бюджет в 1968 финансовом году составлял 186,3 млн. долл., а число сотрудников равнялось 12 тыс. человек².

«Становой хребет» этой организации составляет «Служба информационных центров», которая объединяет 301 американский пропагандистский пост в 111 странах. Аппарат этих постов насчитывает 1200 американцев и 5300 местных жителей. ЮСИА располагает 223 библиотеками и читальнями; информационные центры организуют также лекции, концерты, демонстрации кинофильмов (на последних, по американским

¹ «The Department of State Bulletin», June 15, 1953, p. 854.

² Эти и прочие сведения о ЮСИА взяты из книг: T. Sorensen. *The Word War*, N. Y., 1968; S. Appleton. *United States Foreign Policy*. Boston, 1968; «USIA. 26th Review of Operations». January—June 1966.

подсчетам, за год бывает до 350 млн. человек в 120 странах мира).

Еженедельно агентство публикует 400 тыс. листовок и брошюр на 47 языках и распространяет их в 115 странах. В 90 странах распространяются 24 журнала, ежемесячно издаваемые на 29 языках общим тиражом 1,3 млн. экз. В 1966 г. ЮСИА субсидировало издание 6 млн. экз. книг 799 названий (включая переводы).

При посредничестве ЮСИА 2082 телецентра в 94 странах мира ретранслируют американские телевизионные передачи. Местная печать ежедневно получает от ЮСИА бюллетени новостей размером в 12 тыс. слов.

В ведении ЮСИА находится еще один важнейший инструмент пропаганды — «Голос Америки». Он имеет 41 передатчик на территории США и 61 передатчик за рубежом, транслирующие передачи на 38 языках в течение 845 часов в неделю. По американским подсчетам, передачи «Голоса Америки» ежедневно слушают 25 млн. человек. Кроме того, ЮСИА подчинена радиостанция РИАС (в Западном Берлине), ведущая радиопропаганду против ГДР.

Пропаганда ЮСИА в основном направлена на зарубежные страны, но агентство не оставляет в покое и американский народ. Это вызвало протесты ряда компетентных лиц, знающих цену его пропагандистским творениям.

Говоря о том, что издательская деятельность ЮСИА носит ярко выраженный пропагандистский характер, сенатор У. Фулбрайт заявил, что секретное субсидирование агентством некоторых изданий является действием «самым предосудительным, полностью противоречащим нашим традициям». Во время слушаний в сенатской комиссии по иностранным делам Фулбрайт сказал одному из руководителей этой организации: «ЮСИА не уполномочено вести пропаганду в отношении американского народа. Если бы вы открыто указали, что эти книги изданы ЮСИА — это было бы другое дело, но, поскольку вы об этом умалчиваете, вы вдвойне подрываете нашу систему». Когда в комиссии палаты представителей шло обсуждение вопроса о предоставлении ассигнований в размере 6 млн. долл. на «книгоиздательскую деятельность» ЮСИА, конгрессмен Липскамб спросил тогдашнего директора агентства Л. Мар-

кса: «Почему считается неправильным, чтобы американский народ знал, покупая и читая книгу, что перед ним правительственная публикация?» Л. Маркс ответил с неприкрытым цинизмом: «Уменьшится ценность книг». И пояснил далее: «Если мы назовем книгу своей, станет очевидно, что автор — правительственный чиновник. Это полностью изменит статус автора»¹.

Голоса протеста, однако, не смогли заставить ЮСИА изменить свою практику. ЮСИА в свое время предоставило средства для поездки израильского генерала Моше Даяна во Вьетнам, чтобы он написал серию статей для газеты «Маарив»; естественно, что статьи были весьма благоприятны для США. Затем статьи были перепечатаны газетой «Вашингтон пост», которая не сообщила читателям, что вся эта затея, в сущности, была инспирирована ЮСИА².

Хотя официальная внешнеполитическая пропаганда США становится все более централизованной, она сосредоточена не только в Информационном агентстве и подчиненных ему организациях, но и в некоторых других правительственных ведомствах.

К их числу относится прежде всего государственный департамент. Помимо общего руководства деятельностью ЮСИА, он выполняет некоторые специфические функции в области зарубежной пропаганды. В 1953 г., после реорганизации, за государственным департаментом США, до этого сосредоточивавшим в своих руках главные инструменты официальной пропаганды за границей (в том числе «Голос Америки», информационные центры и т. д.), была сохранена функция «обмена в области просвещения». Осуществляться эта функция должна была специальным отделом под контролем назначаемой президентом консультативной комиссии. Поскольку основные полномочия по «экспорту культуры» были переданы ЮСИА, компетенция этого отдела свелась главным образом к деятельности, связанной с научным обменом и «обменом людьми». Сюда входит заключение соглашений и организация обмена в области науки, приобретающего в наши дни огромное значение, приглашение иностранных студентов, деятелей культу-

¹ W. McGaffin, E. Knoll. Anything but the Truth. N. Y., 1968, p. 128.

² Ibid., p. 129—130.

ры и других лиц. Хотя эта деятельность не сводится к пропаганде, она несет и определенные пропагандистские функции. Как поясняет Лестер Маркел, США «должны попытаться создать в зарубежных государствах корпус специалистов, которые могли бы помочь объяснять США своим соотечественникам»¹.

Значительная часть аппарата внешнеполитической пропаганды находится непосредственно в руках военного ведомства США. До 1953 г. на него возлагалась функция обработки общественного мнения в Западной Германии, Австрии, Японии, Южной Корее. Однако и после реорганизации военное ведомство сохранило свой аппарат зарубежной пропаганды. Кроме того, оно играет большую роль в вопросах общего планирования и руководства пропагандой.

Следует иметь в виду, что каждый род войск — армия, военно-морской флот и военно-воздушные силы — имеет свою «службу психологической войны», а также свои школы по подготовке пропагандистских кадров (в форте Брэгг, форте Рили и др.). Эти ведомства находятся сейчас как бы в резерве — они должны быть пущены «на полную мощность» в случае войны, для ведения пропаганды среди войск и населения противника и нейтральных стран. Однако в районах расположения американских войск и военных баз они ведут пропагандистскую деятельность и в мирное время.

Кроме того, военное ведомство располагает большой сетью радиостанций, которые и сейчас транслируют для зарубежных стран собственные пропагандистские программы (так называемая «Армд форсез рэдио энд телевижн сервис»), либо ретранслируют «Голос Америки».

В распоряжении американских военных 250 радио- и 34 телевизионные станции за пределами США, причем иностранная аудитория этих станций, по американским подсчетам, в 20 раз превышает число слушающих программы «Голоса Америки» на английском языке. Даже многие американские исследователи указывают, что тем самым в руки милитаристских кругов отдаются не принадлежащие им по закону права и значительная часть аппарата пропаганды выходит из-под гражданского контроля. «Эти радиостанции лишены какого бы то ни было общего руководства... — пишет, напри-

¹ «Public Opinion and Foreign Policy», p. 174.

мер, Т. Коффин.— Командир может передать в эфир все, что ему заблагорассудится, или, наоборот, выбросить материал, который ему не понравился. Не предусмотрено никакой проверки передач с точки зрения их политической окраски, соответствия фактам или направлению общенациональной политики»¹.

Наконец, армия совместно с Центральным разведывательным управлением (ЦРУ) и некоторыми другими органами осуществляет руководство рядом организаций, ведущих «черную», т. е. в первую очередь подрывную, пропаганду.

Пропагандистская деятельность Центрального разведывательного управления, по понятным причинам, окружается еще большей тайной, нежели соответствующая деятельность военного ведомства. Официально известно, что предшественник ЦРУ — Управление стратегических служб имело свой отдел «моральных операций»², занимавшийся подрывной пропагандой. Известно также, что эти функции сохранило и ЦРУ, в составе которого есть особый отдел тайных операций, называемый в просторечье «департаментом грязных трюков».

В последние годы, пишут два американских журналиста, специально занимавшиеся этой проблемой, ЦРУ и ЮСИА «стали выпускать собственные работы, субсидируя их публикацию и распространение, но скрывая от американского народа, что он является в таких случаях объектом официально одобренной пропаганды». Подписчикам респектабельного журнала «Форин афферс», которые прочли в 1966 г. трактат Джорджа Карвера в защиту политики администрации Джонсона во Вьетнаме, редакторы журнала не указали (да они едва ли и сами знали), что Карвер — сотрудник ЦРУ. Американцы, купившие книгу «Правда о Доминиканской Республике», написанную корреспондентом журнала «Тайм» Джейм Маллином, никоим образом не могли знать, что эта «правда» одобрена ЮСИА, подобравшим автора, оплатившим его труды, отредактировавшим рукопись и организовавшим коммерческое издание книги. Другая

¹ T. Coffin. *The Passion of the Hawks. Militarism in Modern America*. N. Y., 1964, p. 230.

² D. Lerner. *Sykewar*, p. 64.

книга Маллина, «Террор во Вьетнаме», также одобрена ЮСИА¹.

Центральному разведывательному управлению прямо либо косвенно подчинен ряд радиостанций. Фактически в его ведении находится все так называемое «черное» и «серое» радиовещание. Не говоря о службе радиоперехватов, в него входят засекреченные передатчики, выступающие якобы от имени оппозиционных сил, «движения сопротивления» той или иной страны. Один из таких передатчиков — на острове Суон — специализировался на подрывной пропаганде против Кубы и играл, в частности, активную роль во время провалившейся высадки у Плайя-Хирон. Тайную радиостанцию ЦРУ построило и в Ливане².

Как свидетельствует Д. Уайз и Т. Росс, многие такие радиостанции официально выступают под вывеской частных либо являются своего рода «гибридами» — получают средства от частных корпораций и в то же время состоят под оперативным руководством ЦРУ. К их числу относится упоминавшаяся уже «Уорлдуайд бродкастинг систем». Она играла активную роль в организации контрреволюционного мятежа в Гватемале в 1954 г., за что получила благодарственное письмо от диктатора К. Армаса³.

Американская разведка стоит за деятельностью также более крупных пропагандистских (а параллельно и шпионско-диверсионных) организаций, созданных американскими империалистами под вывеской «частных» и «негосударственных», но на деле являющихся частью правительственного аппарата «психологической войны».

Здесь прежде всего следует упомянуть о целом комплексе организаций, входящих в «движение» «Крестовый поход за свободу». Инициатором этого «движения» явилась группа крупнейших монополистов (таких, как президент «Бэнк оф Америка» Л. Джаннини, директор рокфеллеровского «Чейз нэшил бэнк» А. Пейдж и др.), представителей военщины (в частности, генерал Люшэс Клей, являющийся одновременно представителем прав-

¹ W. McGaffin, E. Knoll. Op. cit., p. 128.

² D. Wise, T. Ross. The Invisible Government. N. Y., 1964, p. 17.

³ Ibid., p. 318.

ления директоров «Континентел кэн компани» и «Кэмикл бэнк энд траст компани»), видных политических деятелей (Даллес, Эйзенхауэр и др.), представителей клерикальной верхушки (например, католический кардинал Спеллман), профашистских партий и организаций (в частности, национальный командор «Американского легиона» Д. Крейг) и т. д.¹

Это «движение» призвано было собрать средства и учредить целый ряд организаций пропагандистского характера с целью способствовать «освобождению» социалистических стран, т. е. реставрации в них капитализма и подчинения империалистическим державам, и прежде всего США.

Крупнейшая из таких организаций — «Комитет Свободной Европы», специализирующийся в области пропаганды и подрывной деятельности против европейских стран народной демократии. Эта организация была создана в 1949 г. «Комитет Свободной Европы» формально финансируется из частных источников, за счет пожертвований американских частных лиц, различных фондов и организаций (вплоть до бойскаутских). «Действительно ли эти взносы покрывают расходы,— комментируют Гордон, Фолк и Годапп,— остается лишь гадать. Комитет Свободной Европы не открывает своих бухгалтерских книг для общественной проверки»².

«Комитет» официально является американской частной организацией, выступающей не от имени США, а от имени сил «сопротивления социалистических стран» («Свободной Чехословакии», «Свободной Венгрии» и т. д.). Этот шаткий статут, однако, не выдерживает критики. Ни для кого не составляет секрета, что средства для этой огромной организации поступают от крупных американских монополий и из правительственного бюджета,— точно так же ни у кого не составляет сомнений, что общее руководство ею осуществляют госдепартамент США и ЦРУ.

Что касается структуры организации, то она состоит из пяти звеньев.

Наиболее известным из них является «Радио Свободная Европа». Это — колоссальное предприятие, которое

¹ «Daily Worker» (N. Y.), September 5, 1950.

² G. Gordon, I. Falk, W. Hodapp. Op. cit., p. 167.

обслуживают 1600 человек (1100 — в Мюнхене, 100 — в Нью-Йорке и 400 — на радиорелейной станции в Португалии). РСЕ имеет 28 мощных передатчиков, которые вещают на 6 языках (чешском, словацком, венгерском, польском, румынском и болгарском) почти 3 тыс. часов в неделю, что, по свидетельству Гордона, Фолка и Годатта, делает «Радио Свободная Европа», «пожалуй, наиболее активной радиовещательной системой свободного мира — видимо, более активной, чем объединенное зарубежное и внутреннее вещание Би-Би-Си и «Голоса Америки»¹. Р. Холт назвал «Радио Свободная Европа» инструментом американской внешней политики, наряду с НАТО, — «неофициальным инструментом, разумеется, но если говорить о концентрации усилий в узкой области, то «Радио Свободная Европа» не имеет себе равных пропагандистских инструментов в американской истории»².

Кроме того, «Комитет» объединяет управления «операций в странах коммунистического блока» (официальная его задача — издание от имени эмиграции журнала «Восточная Европа» тиражом свыше 20 тыс. экземпляров), «операций в свободном мире» и «операций в Западной Европе» (они призваны, согласно официальным разъяснениям, содействовать «исследованиям» проблем Восточной Европы), а также «политическую организацию беженцев»³. Деятельность этих подразделений «Комитета» не афишируется. Но о ней можно составить представление по некоторым деталям, мелькавшим в печати. Так, Мартин приводит слова Джона Скотта (одного из редакторов журнала «Тайм»), писавшего в докладной записке редакторам журнала, что у этой организации больше служащих собирающих информацию, чем у агентства Ассошиэйтед Пресс, журнала «Тайм» и газеты «Нью-Йорк таймс», вместе взятых. Более того, по заключению Скотта, дело сбора информации поставлено здесь лучше и шире, чем «у всех правительств, исключая полдюжины»⁴.

¹ G. Gordon, I. Falk, W. Hodapp. Op. cit., p. 169.

² R. Holt. Radio Free Europe. Minneapolis, 1958, p. 4—5.

³ G. Gordon, I. Falk, W. Hodapp, Op. cit., p. 168.

⁴ J. Martin. Op. cit., p. 32.

Таким образом, нелегко сказать, что же является главным в деятельности «Комитета» — шпионаж, организация контрреволюционного подполья или пропаганда. Что касается последней, то она носит весьма специфический характер, являя собой ярчайший образец методов «черной», подрывной пропаганды. Это стало настолько известно (особенно после событий в Венгрии в 1956 г.), что даже поставило, как уже говорилось, в щекотливое положение правительство ФРГ, на территории которого по соглашению с США разместили основные центры «Комитета». В этой связи проводилось специальное расследование, оставшееся впрочем безрезультатным. Деятельность РСЕ, его роль в мятеже в Венгрии, породили волну возмущения также в США и капиталистических странах Западной Европы. В этой связи «Комитет Свободной Европы» оказался даже вынужден в целях собственной реабилитации издать целый поток книг, брошюр, статей¹.

В начале 50-х годов была сделана попытка создать организацию, аналогичную «Комитету Свободной Европы», для пропаганды и подрывной деятельности против социалистических стран Азии. Она получила название «Комитет Свободной Азии» и занялась прежде всего радиопропагандой против Китая. Однако эта организация быстро захирела, в 1955 г. была переименована в «Фонд Азии», и сейчас, по утверждению Мартина, занимается главным образом вопросами, связанными с устройством на обучение азиатских студентов².

Наконец, третья организация подобного типа — это «Американский комитет освобождения от большевизма», созданный в 1951 г. специально для пропаганды и подрывной деятельности, нацеленных против народов Советского Союза. Источники его финансирования еще более прозрачны — здесь даже для вида не проводится кампания по сбору средств. Между тем расходы у этой организации немалые. Достаточно сказать, что под ее эгидой действует «Радио Свобода» (раньше называвшееся «Радио Освобождение»), которое обладает, по сви-

¹ К их числу относятся выпущенные в Нью-Йорке издания: «The Press Looks at the Hungarian Revolution», ed. F. E. C.; «The Radio Free Europe Story», ed. F. E. C.; R. Holt. Radio Free Europe. Minneapolis, 1958, etc.

² J. Martin. Op. cit., p. 33.

детельству американских исследователей, более сильными передатчиками, чем любое другое западное пропагандистское ведомство,— их мощность превышает 1,5 млн. ватт. Эти радиостанции, расположенные на территории ФРГ, Тайваня и в других местах, вещают на 17 языках народов СССР по 1600—1700 часов в неделю. Обслуживает деятельность «Радио Свобода» около 1 тысячи человек (в том числе 200 белоэмигрантов и изменников, сбежавших из Советского Союза)¹.

В комплекс «освободительных» организаций, созданных в США, помимо названных выше входят многочисленные объединения контрреволюционных эмигрантов. К ним же примыкают организации, созданные в Западной Германии американскими оккупационными властями для шпионажа и пропаганды против Германской Демократической Республики, в частности, «Группа борьбы против бесчеловечности», «Свободные немецкие юристы» и т. д.

Таким образом, значительную часть пропагандистских и шпионско-пропагандистских организаций, выступающих под фасадом «частных», составляют те организации и группы, которые созданы американской разведкой, военщиной и государственным департаментом для осуществления подрывной деятельности в других странах (прежде всего социалистических)². Если бы эта деятельность осуществлялась официальными органами, то правительство США оказалось бы слишком скомпрометированным.

Вместе с тем имеется и большое количество пропагандистских организаций американского империализма, маскируемых под «частные» в несколько иных целях. Дело в том, что американская пропаганда сильно подорвала доверие к себе со стороны других стран. Поэтому потребовалась дополнительная маскировка этой пропа-

¹ О «Радио Свобода» см. G. Gordon, I. Falk, W. Hodapp. Op. cit., p. 177—184, а также статью одного из его сотрудников, Энно Хоббинга, в журнале «Reader's Digest», November, 1958.

² Один из учредителей «Комитета Свободной Европы» — генерал Л. Клей откровенно заявлял, что его задача — вести «жесткую, ничем не сдерживаемую кампанию психологической войны», преследующую «открыто признаваемую цель свержения коммунистического режима». (Цит. по J. Davis. Peace, War and You, p. 117).

ганды, маскировка ее источника. С этой целью США начали все шире прибегать к созданию пропагандистских организаций под вывеской «частных» и «общественных», включая и организации международные.

К числу таких организаций можно отнести, например, «Конгресс свободы культуры», специализирующийся на пропаганде среди интеллигенции стран Западной Европы, Азии и Латинской Америки. В этом же ряду — организация «Мир и свобода», проводившая провокационную антикоммунистическую пропаганду во Франции, Италии, Голландии, Бельгии и других западноевропейских странах. По данным, опубликованным газетой «Монд» в 1955 г., в одной лишь Франции эта организация получала от американского и французского правительств и отдельных капиталистов свыше 2 млрд. франков в год¹. Для проамериканской пропаганды в Англии создана специальная организация «Общее дело» и т. д. Для обслуживания «психологической войны» создан также ряд «международных» религиозно-политических организаций, вроде «Морального перевооружения», основанного американским священником Ф. Бухманом², а также миссионерский корпус.

Для нужд внешнеполитической пропаганды используются также благотворительные организации (вроде известного «Кэр»), культурные организации, правые профсоюзы и т. д. Число всех их измеряется сотнями. Таким образом, правительственный аппарат зарубежной пропаганды США имеет множество придатков. Такая «множественная» структура пропагандистской машины имеет принципиальных защитников среди теоретиков пропаганды. Кроссмэн, например, пишет, что «видимая неорганизованность» дает гарантию, что «противник будет чувствовать, будто слушает не пропаганду, а честных людей, которые просто и искренне рассказывают ему правду»³.

Другое дело, что в таких случаях особенно остро встает вопрос о координации и централизованном управлении всей этой огромной пропагандистской маши-

¹ «Monde», 2. VIII. 1955.

² Подробно об этой организации см. F. Buchman. Remaking the World. N. Y., 1949.

³ Цит. по D. Lerner. Op. cit., p. 333.

ной. Для этого в США в 1950 г. было создано Управление психологической стратегии при государственном секретаре США, в 1951 г. замененное Управлением по вопросам психологической войны, подчиненным уже непосредственно Национальному совету безопасности США.

В заявлении президента Трумэна по поводу создания этого нового верховного органа «психологической войны» функции последнего определялись как планирование, координация и проведение «психологических операций» в пределах принятой политики.

Как вытекает уже из официальных заявлений, создание Управления преследовало двоякую цель. Во-первых, обеспечить руководство огромным и разветвленным аппаратом «психологической войны» (как правительственным, так и частным) и «психологической» деятельностью остальных ведомств внешнеполитической машины США, все шире втягиваемой в пропаганду. И во-вторых, обеспечить наиболее эффективное пропагандистское обслуживание именно военных планов американских империалистов. Осуществление этой функции гарантировал уже сам состав руководства Управления, в которое входили наряду с представителями государственного департамента также представители военного ведомства и Центрального разведывательного управления.

В 1953 г. в соответствии с рекомендациями Комиссии Джексона это Управление было переименовано в Управление по координации операций.

Проблема координации внешнеполитической пропаганды стала перед правящими кругами США особенно остро в той связи, что в послевоенные годы все более очевидный пропагандистский характер приобретают многие акты и даже направления американской внешней политики. Это относится прежде всего к разнообразным программам экономической и научно-технической помощи, начиная от «плана Маршалла» и кончая программами «Союза ради прогресса» и «Корпусом мира».

То же самое можно сказать и о многих чисто политических акциях и программах, в первую очередь тех, которые призваны продемонстрировать миролюбие США, их «добрую волю» в отношении национальных

государств Азии и Африки и т. д. Более того, к целям внешнеполитической пропаганды нередко приспособляются и внутрисполитические мероприятия (например, призванные продемонстрировать «успехи» в борьбе с расовой дискриминацией, «борьбой с бедностью» в самих США и т. д.).

С полной очевидностью выявилась тенденция тотального правительственного контроля над всеми формами международного общения и связей с другими странами (внешней торговли, культурных связей, туризма и т. д.), преследующего цели не только приспособления их к интересам внешнеполитической пропаганды.

США, как уже отмечалось, далеко превосходят по размаху внешнеполитической пропаганды и размерам созданного для ее ведения аппарата все другие империалистические государства. Тем не менее в общем балансе идеологической борьбы, развернувшейся в мире, усилия этих государств, особенно главных союзников США по Североатлантическому пакту, представляют собой величину, которой никак нельзя пренебрегать. Об этом говорит и созданный этими странами аппарат внешнеполитической пропаганды.

Его основные звенья, так же как и принципы организации, те же, что и у американского империализма. Вместе с тем здесь имеется и своя специфика, связанная с конкретными условиями (например, пропаганда ФРГ особенно явно ориентирована против ГДР, английская пропаганда уделяет особое внимание странам бывшей Британской империи и т. д.).

Свои объединенные пропагандистские органы имеет и НАТО. Это «комитет политических советников», «комитет информации и культурных отношений Совета НАТО», «подотдел политики и информации» при секретариате, а также отдел печати¹. Кроме того, НАТО обладает большим резервным аппаратом пропаганды, который должен быть приведен в действие в случае войны.

Внешнеполитической пропагандой начали заниматься в послевоенные годы и все другие империалистические державы, включая «средние» и «малые». Даже

¹ G. Zazworka. Psychologische Kriegsführung. Berlin, 1962, S. 206 etc.

традиционно нейтральные Швеция и Швейцария занялись зарубежным радиовещанием и создали армейские органы «психологической войны» на случай «чрезвычайных обстоятельств»¹.

Особое место среди малых стран, активно включившихся во внешнеполитическую пропаганду, занимает Израиль, который создал для обслуживания своей агрессивной политики и распространения идей сионизма большую пропагандистскую машину.

Впрочем, эту машину трудно рассматривать в отрыве от империалистической пропаганды США. Современный сионизм — это не только идеология Израиля, но и разветвленная система организаций и политическая практика крупной еврейской буржуазии, сросшейся с монополистическими кругами США и других империалистических держав. Основным содержанием сионизма является воинствующий шовинизм и антикоммунизм. По сей день главным организационным и идеологическим центром сионизма, обладающим финансовыми фондами, равными фондам крупнейших монополистических объединений мира, является созданная в 1897 г. Всемирная сионистская организация (ВСО), базирующаяся в США.

На сионистов в мире работает 1036 их собственных периодических изданий в 67 странах. Активно пропагандирует идеи сионизма «Радиовещательная станция Израиля» (до недавнего времени она называлась «Голос Израиля»). Помимо 42 часов вещания на собственную страну она ведет передачи на 10 европейских языках, на арабском и нескольких африканских языках.

Помимо этого, сионистские лидеры придают чрезвычайно большое значение внедрению своей агентуры или «сочувствующих» в центральную прессу различных государств, в международные редакции радио, в сферу кинематографии, телевидения. В 1965 г. в США появилась книга Альфреда Лилиенталя «Оборотная сторона медали», где подробно анализируются методы работы сионистов в американской прессе, в особенности в одной из крупнейших газет США — «Нью-Йорк таймс».

В 1963 г. комиссия по иностранным делам сената США провела два специальных заседания по проблеме

¹ Н. Bohn. Op cit., S. 108—125.

сионистского движения и обнаружила, что крупные суммы денег, пожертвованных американцами в фонд Израиля, были пересланы оттуда обратно в США и распределены среди организаций и отдельных лиц, занятых обработкой американского общественного мнения в пользу Израиля. Сферы использования этих средств, как обнаружила комиссия под руководством сенатора Фулбрайта, охватывали «культивирование редакторов», публикацию статей об Израиле в ведущих журналах США, подготовку специальных программ для радио и телевидения, субсидирование поездок в Израиль «людей, формирующих общественное мнение», и т. д. Впервые многие ничего не подозревавшие жертвователи узнали, что часть их вкладов использовалась как для обработки конгрессменов и американского общественного мнения в целом, так и для расширения пропаганды в отношении их же самих¹.

Словом, аппарат внешнеполитической пропаганды — в одних странах большой, в других менее значительный — стал в наши дни неотъемлемой частью государственного механизма капиталистических стран, одним из орудий их внешней политики.

* *
*

Размеры аппарата внешнеполитической пропаганды империалистических держав, его рост сами по себе свидетельствуют о том значении, которое их правящие круги придают идеологической борьбе, в частности, а может быть и в особенности, на международной арене. Собственно, первая реакция империалистической буржуазии на очередные провалы и поражения в этой борьбе как раз и состоит в дальнейшем увеличении аппарата пропаганды, новых ассигнованиях на него, реорганизациях.

Но аппарат пропаганды, даже самый лучший, может распространять те или иные идеи и популяризировать политику, а не создавать их. В этом одна из главных трудностей, с которыми сталкивается империализм в

¹ A. Lilienthal. *The Other Side of the Coin*. N. Y., 1965.

идеологической борьбе, из чего не делают секрета и многие западные наблюдатели.

Одно лишь наращивание пропагандистских усилий может иметь даже результат, обратный желаемому. Так, по мнению многих специалистов, обстоит дело с экспортом американских кинофильмов. Бывший глава ЮСИА Э. Мэрроу в 1961 г. признавал, что эти фильмы, в большинстве смакующие темы преступления, насилия, ужасы и секс, наносят прямой ущерб престижу Америки¹. В какой-то мере это относится к культурному обмену в целом. Французский социолог Раймон Арон, которого никак не заподозришь в левых симпатиях, писал, например, что один из главных источников антиамериканизма — это враждебность к американской культуре, с которой другие народы знакомятся тем больше, чем активнее наращивает свои усилия американская пропаганда².

Такие же результаты имеет во многих случаях обмен студентами. Люди, которых приглашают в империалистические страны на учебу, чтобы сделать их преданными друзьями этих стран, часто уезжают убежденными врагами империализма. Ведь это факт, что среди лидеров национально-освободительного движения немало людей, получивших образование в Англии, Франции и США, лично столкнувшихся с расовой дискриминацией, на основе собственного опыта разочаровавшихся не только в белых «благодетелях», но подчас и в самом капитализме.

Еще больше огорчений приносят организаторам империалистической пропаганды контакты с населением других стран, возникающие в ходе массового туризма, служебных и деловых поездок за рубеж. Особенно это относится к США, где людей, по идее Вашингтона призванных быть посланцами «доброй воли», метко окрестили «безобразными американцами», которые, как пишут Гордон, Фолк и Годапц, нередко «сеют на своем пути язвы злой воли»³.

Нежелательную, обратную замыслам организаторов реакцию нередко вызывают и устраиваемые в пропа-

¹ G. Gordon, I. Falk, W. Hodapp. Op. cit., p. 129.

² Ibid., p. 217.

³ Ibid., p. 95.

гандистских целях выставки за рубежом, радиопередачи и т. д.

Отдавая себе во всем этом отчет, необходимо, однако, оценивая последствия создания империалистами огромного аппарата внешнеполитической пропаганды, рассматривать его в связи с другими мероприятиями. Речь идет об усиленной работе, направленной на совершенствование пропагандистских методов, а также на поиски новой, более тонкой и умной пропагандистской тактики, об усилиях прикрыть наиболее уязвимые места своей идеологии, политики и образа жизни и в то же время найти и активно использовать такие места у своего противника.

И если брать все эти мероприятия в комплексе, расширение и совершенствование аппарата зарубежной пропаганды предстает уже в несколько ином свете — как деятельность, обязывающая всех противников империализма к повышению бдительности, к наращиванию своих усилий в идеологической борьбе, к поискам наиболее эффективных форм, путей и методов этой борьбы.

3. Стратегия и тактика империалистической политики и пропаганды

Пропаганда стала частью, одним из важных орудий империалистической политики. И хотя империалистическая пропаганда сохраняет целый ряд постоянных направлений идеологического, можно сказать, мировоззренческого характера (борьба против социалистических идей, защита устоев буржуазного мировоззрения и т. д.), она все больше обслуживает конкретную политику империалистических держав, направляется и координируется в рамках их общей стратегии и тактики. Анализ этой стратегии и тактики является поэтому необходимым для исследования основных направлений империалистической пропаганды.

В документах Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в июне 1969 г., подчеркивается, что «в основе агрессивной политики империализма лежит стремление любыми способами ослабить позиции социализма, подавить национально-освободи-

тельное движение народов, воспрепятствовать борьбе трудящихся в капиталистических странах, задержать необратимый процесс упадка капитализма». При этом «острие агрессивной стратегии империализма, как и раньше, направлено прежде всего против социалистических государств»¹.

Таковы основы империалистической стратегии, и упускать их из виду значило бы строить иллюзии насчет политики монополистического капитала, отдавать дань оппортунистическим заблуждениям. Вместе с тем конкретные потребности политики социалистических стран, коммунистических партий, всего антиимпериалистического движения не дают возможности ограничиваться в анализе выяснением стратегических основ политики классового противника. В документах Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г., как и в других важных политических документах нашей партии, братских партий, значительное внимание уделяется анализу конкретных направлений политики империализма, его тактики, линии различных группировок империалистической буржуазии.

Собственно говоря, подлинно марксистско-ленинская политика рабочего класса, в том числе и тех его отрядов, которые пришли в своих странах к власти, без учета этих конкретных моментов просто невозможна. Большое значение приобретает в этом плане и ясное представление о тех тенденциях, различных линиях, которые обнаруживаются в среде империалистической буржуазии.

По этим проблемам в революционном движении шла и идет борьба мнений. Правооппортунистические элементы в его рядах, как правило, склонны недооценивать способность империалистической буржуазии выступать по наиболее коренным вопросам в качестве единой классовой силы, имеющей общую стратегию.

Для «лево»-сектантских элементов, наоборот, империализм является какой-то нарочито абстрактной, почти мистической силой, при рассмотрении которой игнорируются все внутренние оттенки и тем более противоречия. Такой подход нередко изображается как единст-

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы, стр. 286, 287.

венно революционный и подлинно классовый. Нашей партии пришлось, в частности, столкнуться с попытками китайских лидеров опорочить с таких позиций ее политику мирного сосуществования, хотя, надо сказать, сами пекинские деятели предпочитали демонстрировать свою «классовую непримиримость» в полемике с КПСС и другими братскими партиями, а не в своей реальной политике в отношении китайской буржуазии или империалистических стран.

Марксистско-ленинская теория отвергает как право-оппортунистический, так и сектантско-догматический подход к анализу империализма и его политики. Это обязывает уделять самое пристальное внимание новым вопросам и проблемам, поставленным жизнью, в том числе и проблеме дифференциации и различий в среде современной буржуазии.

В политическом словаре давно уже утвердились такие термины, как «трезвые» буржуазные политики или «здравомыслящая» часть буржуазии, в отличие от «твердолобых» или «крайней реакции». Нередко употребляются и другие термины и понятия — «консерваторы» и «либералы», «ястребы» и «голуби» и т. д. — в зависимости от проблем, по которым происходит дифференциация, а иногда и от страны, которая конкретно рассматривается.

Если не все, то многие из этих терминов, видимо, вполне правомерны, хотя ни один из них не является исчерпывающим — идет ли речь о причинах расхождений в среде правящей буржуазии или их подлинном содержании, природе и смысле. Мало могут здесь помочь и буржуазные исследования — в них, как правило, дело сводится к индивидуальным различиям между отдельными политическими деятелями, либо различиям в «веровании», в мировоззрении и подходе¹.

¹ Американский исследователь Дж. Лоу, например, делит американских политиков-стратегов на две группы: «утопистов» и «традиционалистов». «Утопист, — поясняет он, — мыслит абсолютными понятиями черного и белого, войны и мира, победы и поражения... Неотъемлемой частью «утопической» стратегии является «превентивная война». Характеризуя воззрения «утопистов», Лоу пишет, что, по их мнению, термоядерная война отличается от войн прошлого лишь в количественном отношении, что она остается орудием политики, может принести побе-

Учитывая сложность вопроса, равно как и его большую политическую актуальность, хотелось бы остановиться на этой проблеме несколько подробнее, не претендуя, разумеется, при этом на ее исчерпывающий анализ. Для удобства исследования из всей пестроты, которую дает картина современной буржуазной политики, будут вычленены всего лишь две линии, тем более что в общем и целом их можно считать основными.

Одна из них — линия крайней реакции, наиболее агрессивных кругов империализма, делающих ставку прежде всего на силу, ратующих за фронтальное наступление на социализм.

Суть этой линии очевидна и едва ли нуждается в разъяснениях.

Сложнее обстоит дело с другой политической линией, предусматривающей в борьбе за классовые интересы буржуазии также обходные маневры, уступки, компромиссы и т. д. Здесь могут ввести в заблуждение сами термины, которыми обозначают ее сторонников, — «умеренные», «либералы» и т. д. Тем более что в обстановке острой политической борьбы в поддержку этих группировок выступают самые разнообразные социальные силы, включая либеральную буржуазию, пацифистов, а временами — и широкие слои трудящихся (так было, в частности, на выборах 1964 г. в США, когда подавляющее большинство избирателей, зачастую следуя принципу «наименьшего» зла, отдали голоса Джонсону, обеспечив сокрушительное поражение Голдуотера).

ду, если к ней хорошо подготовиться и первым начать ее; для них «коммунизм — это абсолютный враг», с которым рано или поздно предстоит «смертельная схватка». К «утопистам» Лоу причисляет покойного Дж. Фостера Даллеса, Г. Кана, Э. Теллера, С. Поссоны, Р. Фриклунда и др.

«Традиционалисты», по словам Лоу, «рассматривают коммунизм как относительного врага, с которым можно найти некоторый модус вивенди; ядерная война, независимо от степени подготовки к ней, сулит катастрофические последствия обеим сторонам, ее нельзя рассматривать как орудие политики, бессмысленно говорить о «победе» в ней. Они считают, что для сдерживания коммунизма «необходимо сохранять и укреплять ядерную и иную мощь, но нереально стремиться обеспечить себе ядерное превосходство». К «традиционалистам» Лоу причисляет Б. Лиддел Гарта, Р. Осгуда, П. Блэкетта, Р. Лэппа, Дж. Кеннана, О. Микше, Р. Арона и др. (G. Lowe. The Age of Deterrence. Boston, 1964, p. 24, 50).

Но если смотреть не на тех, кто голосует за эту политику или ее поддерживает, а прежде всего на интересы, которым она служит, термины «либералы» или «умеренные» окажутся по меньшей мере недостаточными, а то и вовсе несостоятельными. На деле различия между обеими линиями предстанут как тактические, ибо и та и другая преследуют одну стратегическую цель — сохранение господства монополистической буржуазии в условиях углубляющегося общего кризиса капитализма. Точно так же обе они остаются линиями борьбы против социализма, а на мировой арене — против социалистических стран, революционных и освободительных движений.

Подчеркивая тактический характер различий между указанными политическими линиями, отнюдь не следует преуменьшать ни глубины, ни значения самих этих различий. Для рабочего класса они могут означать различие между террористической диктатурой фашистского типа и буржуазной демократией (пусть урезаемой в условиях господства монополий), а для социалистических стран, для всех народов мира — различием между термоядерной войной и политикой, предусматривающей методы борьбы на международной арене, которые могут приближаться к мирному сосуществованию государств, принадлежащих к различным социальным системам¹. Таким образом, хотя речь идет о различиях тактического характера, они могут иметь и имеют (особенно в современную эпоху) очень большое значение.

Если говорить о корнях, происхождении обеих тактических линий, то они, по-видимому, представляют собой различные ответы на один и тот же коренной факт нашей эпохи — неуклонное изменение соотношения классовых сил в пользу мирового рабочего класса, ослабление позиций и влияния мирового капитализма.

¹ Значение этих различий с большой силой подчеркивал В. И. Ленин: «...нам не безразлично, имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму, будь он хотя самый плохенький и, с точки зрения коммунизма, не выдерживающий и тени критики» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 70).

Уже на первом этапе общего кризиса капитализма, оценивая силы и тактику классового противника, коммунистическое движение делало вывод, что по мере ослабления капитализма его сопротивление становится все более ожесточенным и он прибегает ко все более крайним и острым формам насилия. Такой вывод полностью подтверждался событиями 20-х и 30-х годов — наступлением фашизма, мутной волной захлестывавшего Европу, гражданской войной в Испании, бесчинствами реакции, агрессиями и аннексиями, из полосы которых мир вполз во вторую мировую войну.

После этой войны события поначалу развивались по прежней логике. Сбравшись с силами после разгрома своих наиболее воинственных отрядов — германско-итальянского фашизма и японского милитаризма, — империализм попытался перейти в новое наступление на рельсах своей прежней тактики. Уже к концу 40-х — началу 50-х годов внутри большинства главных стран империализма наметился крутой поворот к реакции — достаточно напомнить о «маккартизме» в США, изгнании коммунистов из правительства и наступлении против конституции во Франции и Италии, возрождении милитаризма в Западной Германии. На международной арене империализм развязал «холодную войну», проводил политику атомного шантажа, создавал один за другим острые кризисы, разжигал локальные войны, чинил кровавые расправы над угнетенными народами, поднявшимися на борьбу за свое освобождение.

Но шли годы, и постепенно выявлялось, что все это еще не дает полной картины империалистической политики. Начала вырисовываться другая политическая линия, другая тактика, отличающаяся большей гибкостью, осмотрительностью, готовностью к известным компромиссам во внешней политике, более тонким использованием экономических, политических и идеологических рычагов, имеющая целью хоть временно смягчить остроту потрясений, сохранять власть, не обязательно прибегая к крайним формам массового террора, новыми методами господства над угнетенными народами и борьбы против мирового социализма.

Так начала выходить на передний план вторая политическая и тактическая линия империализма. Она, конечно, не представляет собой чего-то принципиально

нового; с буржуазной политикой обходных маневров, включающих наряду с нажимом уступки рабочему классу, не раз приходилось сталкиваться и раньше¹. Точно так же нельзя считать списанной в архив и политику прямых, лобовых атак, фашистских репрессий, самой острой «холодной войны» и чреватых термоядерной катастрофой внешнеполитических авантюр. Если обращаться к последним примерам, то сам факт выхода фигур вроде Голдуотера и Уоллеса на авансцену политической жизни в главной стране империализма — США убедительно говорит о том, что такая политика еще далеко не исторический реликт. Тем более что победами более умеренных, менее твердолобых представителей буржуазии на выборах исход борьбы сам по себе еще не решается — как в том смысле, что «побежденные» еще не раз могут попытаться взять реванш (активизация в последнее время крайне правых сил в США может служить тому свидетельством), так и в том, что та же самая борьба продолжается и в среде «победителей». Хотя они подчас и приходят к власти под флагом «умеренности» и «гибкости», не исключен их переход на противоположные позиции, во всяком случае, уступки более крайним кругам. Свидетельство тому — весьма нередкое усиление в их политике, даже непосредственно после выборов, внешнеполитических тенденций, полностью отвечающих требованиям «бешеных» (например, эскалация войны во Вьетнаме, предпринятая Джонсоном в 1965 г.).

Нельзя упускать из виду и того, что любое серьезное потрясение, экономический или политический кризис форсируют обострение борьбы и поляризацию сил, которые могут завершиться политической передвижкой в различных направлениях. Один и тот же экономический кризис 1929—1932 гг. в США расчистил путь к власти Рузвельту с его буржуазно-реформистским «новым кур-

¹ Джордж Кеннан, между прочим, называет такой подход «диалектическим». «Успешным подходом,— пишет он,— всегда был диалектический подход, включающий в себя противоречивые элементы, отталкивание и притяжение, давление и примирение, готовность защищать, но и готовность одновременно понимать, слушать, делать уступки, быть великодушным, идти на риск и проявлять доверие» (G. Kennan. On Dealing with the Communist World. N. Y., 1964, p. 18—19).

сом», а в Германии — Гитлеру и фашизму. Аналогичные политические сдвиги, порождаемые крупными потрясениями, нельзя считать нереальными и сегодня (одно из свидетельств тому — президентские выборы в США в 1968 г., когда представитель крайне правых Уоллес набрал около 13 млн. голосов, что в определенной мере объясняют реакцией значительной части обывательской массы на обострение внутривнутриполитической ситуации, связанное с целым рядом факторов — начиная от негритянских и студенческих выступлений и кончая невиданным ростом преступности, придавшим благообразие и актуальность лозунгу «законности и порядка»).

И тем не менее, если рассматривать обе тактики в их развитии, смотреть на ведущие тенденции классовой борьбы, можно сделать вывод, что, отражая условия определенных исторических периодов, одна из них скорее выражает стремление определенных группировок империализма действовать в новой исторической ситуации старыми методами, а другая — стремление искать новые пути борьбы, которые бы больше соответствовали условиям нынешнего, а возможно, и будущих исторических этапов, стремление капитализма приспособливаться к новым условиям своего существования.

Выступая на Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г., тов. Л. И. Брежнев указывал: «Со все большей силой влияют на внутренние процессы и политику империализма рост мощи социализма, ликвидация колониальных режимов, натиск рабочего движения. Многие важные особенности современного империализма объясняются тем, что он вынужден приспособливаться к новым условиям, к условиям борьбы двух систем»¹.

Этот процесс приспособления, несомненно, идет во многих капиталистических странах. На него обращают внимание и некоторые западные наблюдатели. Французский еженедельник «Экспресс», комментируя предвыборную кампанию в США в 1964 г. и останавливаясь на вопросе о силах, стоящих за спиной обоих кандидатов, писал: «Форд против Ханта (техасского мульти-миллионера, поддерживавшего Голдуотера.— Г. А.) —

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий», стр. 44.

это современный капитализм, который опирается на органы государства, против феодального капитализма, ненавидящего все, что связано с правительством, который, как по своей приверженности, так и в корыстных интересах, хочет добиться возврата старого «свободного предпринимательства». В лице Джонсона и Голдуотера они нашли своих кандидатов. Здесь выступает не левый деятель в классическом смысле против правого деятеля, а один капиталист против другого»¹.

Конечно, этот анализ не исчерпывает всей сути дела. Но здесь схвачен важный момент — различное отношение двух политик, двух тактик к современным условиям.

Определяя этот момент точнее, можно, пожалуй, сказать, что если одна тактическая линия более связана с условиями начальных этапов общего кризиса капитализма, то вторая есть отражение процесса приспособления капитализма к реальностям современного этапа его общего кризиса, к условиям, когда старые методы классовой борьбы ведут ко все новым поражениям и могут лишь ускорить окончательное крушение империализма. Осознание этой истины и заставляет многих убежденных сторонников капитализма и врагов коммунизма выступать против таких деятелей, как Голдуотер или Уоллес.

Сказанное не означает, конечно, что откровенный фашизм, террор, открытый курс на войну во внешней политике являются уделом прошлого. Помимо моментов, приведенных выше, надо еще отметить и тот факт, что две политические линии, о которых мы говорим, не разделены неопреодолимым барьером. Речь идет именно о тактических различиях, уместающихся в рамках единой стратегии. Да и поляризация их не является и не может быть завершенной. Между ними уместается множество сил, групп и направлений промежуточного характера, что делает картину весьма пестрой, неустойчивой, всегда подверженной серьезным передвижкам, а также ведет к тому, что в рамках фактического курса того или иного политика всегда можно найти элементы как одной, так и другой тактики — вопрос, скорее, состоит в пропорции

¹ «L'Express», 29 août 1964, p. 12.

Тем не менее, на наш взгляд, вторая тактика больше связана с современными условиями, отражает попытки приспособить к ним империалистическую политику. Такой процесс приспособления тесно связан с новыми формами организации монополистической буржуазии — в первую очередь, с государственно-монополистическим капитализмом. Он возник не только вследствие дальнейшей концентрации капитала, развития современных производительных сил в условиях действия экономических законов капитализма, но и вследствие политических факторов, связанных с условиями обостряющейся классовой борьбы. В этом смысле государственно-монополистический капитализм, несомненно, можно рассматривать еще и как новую, более изоциренную форму организации господствующей буржуазии в ее классовой борьбе против пролетариата.

Это значит, что рабочему классу приходится иметь перед собой более организованного классового противника, непосредственно соединяющего свои экономические организации с политическими (включая высшую из них — государство), а также идеологическими, противника, создавшего огромный аппарат политического и духовного господства, а в последнее время переходящего и к новым формам международной организации. Новая организация монополистического капитала, разумеется, еще не предопределяет его новой тактики (пример тому — гитлеровская Германия, давшая весьма развитые формы государственно-монополистического капитализма). Поэтому, говоря о приспособлении, следует рассматривать эти две стороны отдельно.

Но представляется несомненным сам тот факт, что в условиях дальнейшего изменения соотношения сил процесс приспособления капитализма к новым историческим реальностям не мог не родить, по меньшей мере у части империалистической буржуазии, стремления взять на вооружение новую тактику классовой борьбы. Ее суть — в поисках более действенных путей обеспечения своего господства над классовыми противниками, в рядах которых наряду с пролетариатом оказываются и другие классы и социальные слои современного буржуазного общества.

Используя возросшие экономические возможности и плоды научно-технической революции, опираясь на ог-

ромный и разветвленный аппарат классового господства, включающий государство, политические партии, колоссальную машину духовного воздействия и важные позиции в реформистских организациях пролетариата, монополистический капитал получил более широкий простор для маневра, сочетания прямого нажима с уступками и социальной демагогией. Он может, пользуясь тем, что в огромной степени расширилась сфера общественной жизни, которая поддается прямому и косвенному воздействию государственно-монополистического механизма, более свободно идти на компромисс в одном месте, где жесткое сопротивление было бы невыгодным или опасным, чтобы возместить упущенное в другом — там, где противник не ожидает наступления, не готов к нему, располагает слабыми позициями.

Характерны для этой новой тактики также попытки, сохраняя в неприкосновенности сами основы существующего строя, как-то избавиться от некоторых крайностей, наиболее уродливых явлений, которые, будучи традиционными для капитализма, вытекая из его эксплуататорской сущности, теперь, в условиях усиления классовой борьбы трудящихся и соревнования двух систем, становятся для него все более опасными. Речь идет о крайне бедственном положении отдельных отрядов трудящихся, особо сокрушительных экономических кризисах, бесправии расовых и национальных меньшинств и т. д. В ряде стран капитала с этой целью проводятся отдельные мероприятия или даже выдвигаются целые программы (в США — от «нового курса» Рузвельта и до программы «великого общества», выдвинутой Джонсоном)¹.

Наивно думать, конечно, что капитализм может излечить свои социальные язвы. Но сама политика «буржуазного реформизма» весьма показательна. Она говорит не только об ослаблении капитализма, но и о

¹ Сторонников и даже горячих приверженцев такого рода программ можно встретить не только среди политических деятелей, но и среди известнейших представителей монополистической верхушки. В качестве примера можно привести Генри Форда II. Об отстаиваемых им взглядах дают известное представление следующие его высказывания, сделанные в одной из его «программных» речей: «Американская экономическая си-

растущем сопротивлении рабочего класса, а также о том давлении, которое оказывает сила примера социалистического общества, вооружающего трудящиеся массы новыми лозунгами борьбы — требованиями полной занятости, демократического контроля над экономикой и политикой, расширения социальных и политических прав и т. д.

Так обстоит дело с внутренней политикой. Что касается классовой борьбы империалистической буржуазии на международной арене, то здесь потребности в новой тактике появились как в связи с коренным сдвигом в соотношении сил между капитализмом и социализмом, так и в связи с изменившимся вследствие появления ракетно-ядерного оружия характером войны. Цель — как минимум предотвратить дальнейшее распространение социализма, а по возможности повернуть ход событий вспять и восстановить свое безраздельное господство в мире — осталась прежней. Но в новых условиях борьба за эту цель потребовала новых политических средств и методов, новой тактики.

Здесь хотелось бы, правда, сделать некоторые оговорки, чтобы предостеречь от упрощенного подхода к подобному рода сложным политическим проблемам. Политическая борьба является сферой весьма сложной. И хотя империалистическая буржуазия прилагает значительные усилия для того, чтобы вести эту борьбу целеустремленно и организованно, наивно было бы предполагать, что изменения в тактике, средствах и методах политической борьбы происходят на тот же ма-

стема работала и работает прекрасно для большинства американцев, но мы не можем иметь спокойного и здорового общества до тех пор, пока все наши граждане не имеют равной возможности пользоваться изобилием, которое большинство из нас воспринимает как само собой разумеющееся... В интересах самого бизнеса расширить рамки и повысить качество рабочей силы, помогая малоимущим развить и применить свой экономический потенциал. Точно так же в интересах бизнеса помочь сократить зависимость, разочарованность, бесперспективность, преступность и конфликт в обществе... Мотив прибыли — это не антисоциальная сила, действующая против интересов общества, а самая что ни на есть практическая причина, побуждающая бизнес помочь в решении как социальных, так и экономических проблем, которые одолевают нацию» («Vital Speeches of the Day», July 1, 1969, p. 567).

нер, что и в военном деле: какое-то подобие политического «генерального штаба» разрабатывает общий план, издает приказы и в соответствии с ними начинается та или иная кампания.

Когда перед тобой не вражеская армия, а общественный класс, классовый противник, да еще и в масштабах международных, дело складывается много сложнее. Конечно, и здесь есть свои «штабы» — правительства, политические партии и организации, международные центры. И деятельность их стараются все больше подчинить сознательному началу, особенно сейчас, когда на службу политике ставятся наука и многочисленные научные центры.

Но тем не менее в ходе политической борьбы тактика, набор применяемых средств и методов вырабатываются и складываются иначе, нежели в ходе борьбы военной. И далеко не по одной той причине, что в первом случае организация является менее жесткой и строгой, чем во втором. Это само по себе скорее не причина, а следствие некоторых коренных особенностей политической борьбы.

Одна из таких особенностей состоит в том, что любой общественный класс представляет собой настолько сложную и многочисленную группу людей, что полного единства его рядов, как правило, добиться невозможно.

Это в полной мере относится и к буржуазии. Если даже вынести за скобки такие исключительные явления, как переход отдельных ее представителей в лагерь классовых противников (история революционного движения дает и в этом отношении немало примеров), буржуазия всегда имела в своих рядах различные группировки. Это относится и к империалистической буржуазии, — почти в любой капиталистической стране она разделена не только на различные партии (отличия между ними могут подчас быть чисто формальными), но и на группировки, раскалываемые весьма реальными, нередко очень острыми противоречиями — от фашистских до либеральных.

Если же иметь в виду расстановку классовых сил в общемировом масштабе, то к таким различиям добавятся и многие другие — прежде всего, различия и противоречия между национальными отрядами империалистической буржуазии. Различия и противоречия настолько

острые, что вплоть до последнего времени они с неизбежностью приводили к военным конфликтам и столкновениям (в ходе одного из них — второй мировой войны — часть капиталистических государств в союзе с первым государством победившего пролетариата вела, как известно, вооруженную борьбу против других капиталистических государств).

Другой существенной особенностью политической борьбы является то, что, в отличие от борьбы военной, здесь оказывается много труднее сразу же определить подлинное значение того или иного события, явления, акции — являются ли они «чистой» победой или поражением, какую цену за них придется уплатить, какие они будут иметь последствия в более отдаленном будущем и т. д. При таком положении явления, события, политические шаги вполне могут получать у разных групп одного и того же класса (в данном случае империалистической буржуазии) различные оценки: то, что кажется одним победой, может восприниматься другими как поражение и т. д. Подчас конкурентная борьба за власть отдельных группировок доводит эти различия до большой остроты — последние избирательные кампании в США дают тому яркие примеры.

Обо всем этом хотелось напомнить для того, чтобы предостеречь от упрощенных, неверных представлений о том сложном, подчас противоречивом процессе, которым только и может быть формирование тактики в классовой борьбе.

В частности, вопрос о методах, средствах и тактике борьбы империалистических стран против мирового социализма и сегодня остается и в правящем классе самих западных стран объектом серьезной внутренней борьбы. Если взять, например, США, то по этому вопросу можно столкнуться с целой политической палитрой разноречивых мнений — от самых воинственных, по существу, смыкающихся с прямой проповедью войны (отставной генерал Лимей, баллотировавшийся на последних выборах по одному списку с Уоллесом в качестве кандидата в вице-президенты, — лишь один тому пример), и до умеренных, позицию которых можно понять как согласие с призывом к мирному сосуществованию и соревнованию двух социальных систем.

Это делает особенно трудной, но, возможно, и особен-

но важной задачу выявления ведущих тенденций, которые не только отражают взгляды и намерения отдельных лиц или групп, но и могут сегодня или в близком будущем стать основой для реальных политических действий.

Если речь идет о политике империализма в отношении стран так называемого «третьего мира», то такой тенденцией, как представляется, становится тактика и весь набор политических средств и методов, свойственные политике «неоколониализма». Это не исключает и применения в целом ряде случаев таких «традиционных» методов, как колониальные войны, «политика канонерок» и т. д. Пример Вьетнама, Доминиканской республики, некоторых «владений» Великобритании в Карибском море, португальских колоний в Африке говорит о том, что эти методы еще отнюдь не стали уделом прошлого. Вместе с тем эти же самые примеры свидетельствуют о том, что за такими методами не может быть будущего. Нельзя думать, что уроки последних лет усвоили только противники империализма, а все представители империалистического лагеря оказались к ним слепы и глухи.

Нет, становление новой политики, призванной привязать «третий мир» к империализму узами разносторонней зависимости, не допустить его перехода на некапиталистический путь развития, идет сегодня полным ходом. Это проявляется в том, что если раньше империализм сознательно старался удержать страны Азии, Африки, Латинской Америки на докапиталистическом уровне развития, то теперь принимаются экономические и политические меры к тому, чтобы форсировать появление здесь капиталистических отношений. Это проявляется и в тех больших усилиях, которые США и другие империалистические страны предпринимают для подготовки и воспитания в нужном им духе новой «туземной» элиты этих стран. Это проявляется, наконец, в том большом внимании, которое уделяется сейчас в западных странах (и прежде всего — в США) работам, связанным с поиском путей решения некоторых острых экономических проблем «третьего мира» с помощью новейших достижений науки и техники (выведение и внедрение новых сортов зерновых, призванных решить проблему голода, проекты ядерных энергетиче-

ских опреснительно-ирригационных комплексов для приморских районов тропических пустынь, проект системы «низких плотин» в долине Амазонки и т. д.). Только наивные люди могут воспринимать все это как бескорыстную благотворительность. Речь идет совсем о другом — о поисках новых, более эффективных в современных условиях методов удержания освободившихся от колониального гнета стран в зависимости от империализма.

Очевидные классовые цели имеет и новая тактика империализма в отношении социалистических стран.

Было бы неверным сказать, что она, эта новая тактика, приходит на смену прежним доктринам «отбрасывания» или «освобождения», предусматривавшим одни лишь методы военного натиска, сочетаемого с развернутой подрывной деятельностью. Ибо вооруженное давление отнюдь не снято с повестки дня. В США, например, в последнее время активизировались те, кто добивается обеспечения военного «превосходства» над СССР и странами социализма (с этим лозунгом выступал на выборах 1968 г. и Р. Никсон, и, хотя после прихода к власти он сменил термин «превосходство» на «достаточность», от усилий наращивать гонку вооружений правительство США не отказалось). Еще меньше оснований говорить о том, что империализм отказывается или собирается отказываться от откровенно подрывной деятельности — события последних лет красноречиво говорят о том, что она остается важным орудием борьбы против социализма.

И все же, несмотря на то что «традиционные» средства борьбы против социализма не сняты с вооружения, множатся признаки того, что все большее внимание будет уделяться также другим методам и тактике борьбы.

Эта тактика, пожалуй, еще не нашла окончательной формулировки, хотя такие попытки и предпринимались (в качестве одной из них можно рассматривать формулу политики «наведения мостов»). Но суть «нового подхода» к борьбе против социализма уже выявилась. Речь идет об отказе от оголтелого лобового антикоммунизма старого типа, который, по мнению многих политических стратегов Запада, вел только к сплочению социалистических стран. На смену ему выдвигается антикомму-

низм более тонкий и дифференцированный, отнюдь не исключаящий в отдельных случаях развития экономических, научно-технических и культурных связей с теми или иными странами, даже определенных форм сотрудничества, однако с целью ослабления позиций мирового социализма в целом. В рамках этой тактики уже не всякая социалистическая страна и не всякий коммунист объявляется «смертельным врагом». И целью (непосредственной) не провозглашается ликвидация социалистического строя и реставрация капитализма.

Ставка делается на другое. Во-первых, на постепенную «трансформацию» (или «эрозию») социалистического строя, которая бы сделала его более «приемлемым» и менее опасным соседом капитализма на нашей планете. И во-вторых, на разобщение социалистических стран, раздробление социалистического содружества на возможно более мелкие составные части, что также призвано, с точки зрения империалистов, сделать социализм менее опасным противником, подрвать его влияние на ход и основное направление мирового развития.

Этим процессам и должна, по замыслу многих империалистических теоретиков и политиков способствовать политика Запада. Для этого предлагается широкий набор средств, включающих поддержку оппортунистических течений внутри компартий социалистических стран, соответствующую идеологическую кампанию поощрения национализма и антисоветизма (не только пропагандистскую, но и политическую и экономическую).

Становление этой новой политики империализма представляет собой сложный, подчас противоречивый процесс. Она имеет немало противников в лагере самой империалистической буржуазии, в том числе среди наиболее оголтелых антикоммунистических группировок, продолжающих цепляться за идею «крестового похода» против коммунизма. Известное разочарование в этой политике у самих ее авторов вызвали и события последнего времени — прежде всего, крушение расчетов на отрыв от социалистического лагеря Чехословакии.

И все же этот новый подход к борьбе против социалистического содружества постепенно завоевывает все больше сторонников на Западе, чему в значительной мере способствует раскольнический, антисоветский курс

Пекина. Характерно, в частности, что республиканская администрация США, пришедшая к власти в результате выборов 1968 г. и поначалу довольно прохладно относившаяся к политике «наведения мостов», предпочитавшая полагаться на «традиционные» методы силовой политики, уже через несколько месяцев пустилась в некоторые эксперименты, которые вполне отвечают рецептам самых убежденных сторонников «наведения мостов».

С политической точки зрения, состав тех, кто выступает за новый подход к социалистическим странам, за новую тактику, является весьма пестрым. Среди них есть не только особенно изоциренные и коварные противники социализма (на сторону которых начинают переходить и отдельные представители группировок твердолобых реакционеров). Многие идеи новой политики и тактики поддерживают и либеральные группы, снижавшие в западных странах неплохую репутацию тем, что они выступают против крайней реакции, за экономические и социальные реформы во внутренней политике, против гонки вооружений и колониальных войн (прежде всего, агрессии США в Индокитае), за смягчение международной напряженности и нормализацию отношений со странами социализма.

Их готовность поддержать новую тактику борьбы против социалистических стран не должна вызывать удивления. Она связана не только с тем, что в плане своего мировоззрения, своих классовых позиций они остаются противниками социализма. Дело еще и в том, что сама эта новая тактика отнюдь не однозначна — в ее рамки может уместиться и политика, специально нацеленная на то, чтобы нанести социализму ущерб, и многие политические требования, выражающие стремление предотвратить военные конфликты, и опасные политические конфронтации, нормализовать международную обстановку.

Сказанным можно было бы и ограничиться в описании новых моментов, которые все в большей мере определяют тактику империалистической буржуазии на разных плацдармах классовой борьбы. В связи с этой новой тактикой империализма возникает, однако, еще и важный политический вопрос — об отношении к ней противников империализма.

Вопрос этот имеет определенное значение, поскольку некоторые сектантски настроенные группировки и деятели в революционном движении высказывают взгляд, согласно которому старая, традиционная политика империализма, имеющая и сегодня немало сторонников в наиболее реакционных, крайне правых кругах буржуазии, является якобы более предпочтительной с точки зрения интересов революции. Говорят, в частности, о том, что такого рода политика сулит ускорение развязки, обостряет противоречия, особенно наглядно разоблачает империализм (на такого рода взглядах и настроениях пытаются, как известно, спекулировать китайские руководители).

Полностью отдавая себе отчет в антисоциалистической, враждебной прогрессу направленности более утонченных разновидностей империалистической политики, в их коварстве и опасности, вместе с тем никак нельзя согласиться с указанными взглядами.

Революционному движению рабочего класса отнюдь не приходится сожалеть по поводу отмеченных выше изменений в политике буржуазии. Напротив, сам факт этих изменений, все с большей ясностью обнаруживающееся стремление империализма переносить упор с лобовых атак на маневрирование, сочетание нажима с уступками и компромиссами, могут по праву расцениваться рабочим классом и освободительным движением как существенный итог своих успехов и достижений, серьезно изменивших соотношение сил в мире.

Дело, однако, не только в этом. Колониальные войны, фашизм, грубое попрание экономических и политических интересов рабочего класса и всех трудящихся — это дополнительные жертвы и бедствия для масс. А коммунисты не могут уподобляться буржуазным политикам, для которых массы не более как фигуры на шахматной доске, где значение имеет конечный выигрыш, но никак не потери. Борьба коммунистов имеет единственную цель и смысл в защите интересов трудящихся, причем не только будущих, но и ныне живущих их поколений.

Что касается «обострений», вытекающих из старой традиционной политики империалистов, то не одни они ведут к подъему классовой борьбы пролетариата. Иначе любой политический и экономический кризис неиз-

менно сопровождался бы революционными взрывами. Но так не происходило. Ведь революционный подъем возможен лишь в том случае, когда к моменту благоприятной ситуации будет уже решена и задача подвода масс к антиимпериалистической борьбе и социалистической революции. А это делается на путях борьбы за непосредственные экономические и политические интересы, за демократические цели. Вот почему тактика буржуазии, предусматривающая уступки и компромиссы, открывающая время от времени «клапаны», также в конечном счете обречена на провал. Добившись тех или иных уступок, трудящиеся массы не только обеспечивают себе несколько более благоприятные условия жизни и труда, но вырастают сами — усваивают новые уроки классовой борьбы, обретают уверенность в собственных силах, становятся более сознательными и организованными.

Классовая борьба имеет свою диалектику. Если в рядах империалистической буржуазии значительную силу обрела (временно или нет — покажет будущее) позиция сторонников более осторожной, более гибкой и тонкой тактики, то причиной тому не только прозрение буржуазных политиков. Это — в конечном счете следствие успехов революционной борьбы рабочего класса и угнетенных народов, роста могущества Советского Союза и других стран социализма, их ленинской политики, направленной на всемерное укрепление социалистического содружества, поддержку революционного и национально-освободительного движения, непримиримую борьбу против империализма и его агрессивной политики, за мир и принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Многие в новой, более осторожной тактике империализма было, по существу, навязано ему его противниками.

И дела не меняет тот факт, что новая тактика империализма открывает перед ним возможность избегать некоторых издержек и поражений, которые без этого были бы неизбежными. К оценке сложных явлений политики вообще нельзя подходить с элементарными правилами арифметики. В политике нередко случается, что проигрыш одной стороны отнюдь не равнозначен такому же выигрышу другой. Здесь бывают и такие реше-

ния, которые невыгодны (или, наоборот, выгодны) обеим сторонам.

Скажем, фашистская диктатура, как показывает исторический опыт, в конечном счете оборачивается серьезной угрозой потрясений для буржуазии. Но отсюда никак не следует, что ее может на этом основании приветствовать рабочий класс. А предотвращение термоядерной войны — дело, в котором кровно заинтересованы народы, при всем том, что в огне этой войны, несомненно, погиб бы развязавший ее империализм.

Весьма важен и другой момент. Новая тактика империалистической буржуазии в классовой борьбе — это результат ее усилий, направленных на то, чтобы приспособиться к новым реальностям эпохи. И она может рассчитывать на успех в основном лишь в той мере и до тех пор, покуда к этим изменениям в политике своего классового противника в свою очередь не «приспособятся» в должной мере рабочее и освободительное движение. «Приспособятся», разгадав политические замыслы противника, противопоставив ему свою, более совершенную и искусную тактику и организацию.

Сказанное относится к новым моментам в политике империализма в целом, к его борьбе на всех основных плацдармах, включая и некоторые аспекты борьбы против социализма. Здесь, правда, надо сразу же условиться о том, что именно в этой политике следует считать «новым».

Скажем, если речь идет о попытках империалистов использовать в своих антисоветских целях Китай, политику его маоистского руководства, то это едва ли можно отнести за счет усиления либеральных тенденций и стремления проводить более гибкий и разумный курс. В конце 40-х — начале 50-х годов (т. е. в самый разгар «холодной войны») американское правительство проявило не меньшую «гибкость» в отношении Югославии — стоило только ухудшиться ее отношениям с Советским Союзом. Здесь, скорее чем о «новом» в империалистической политике, можно говорить о появлении новых моментов в политической обстановке (в данном случае об обострении советско-китайских отношений), которыми империалисты всегда старались и будут стараться воспользоваться. Характерно, что и сегодня в США со сторонниками «новой политики» в отношении

Китай сомкнулись вполне ортодоксальные представители самой крайней, твердолобой реакции. То же самое относится к стремлению империализма использовать в своих интересах любые проявления национализма в социалистических странах.

Примерно так же обстоит дело с призывами активно использовать все средства подрыва и разложения социализма «изнутри», включая поддержку оппортунизма, попытки воздействия на интеллигенцию, молодежь, различного рода идеологические диверсии. Сегодня все это часто связывают с политикой «наведения мостов». И действительно, эта политика предусматривает широкое использование подобных методов. Но в этом не «новизна» политики империалистических стран, а, скорее, ее традиционность, преемственность. Ибо попытки разложить социализм изнутри, в том числе с помощью форсированного идеологического натиска, были свойственны империалистической политике и раньше. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать некоторые работы видных теоретиков антикоммунизма (Д. Бернхэма, Д. Ф. Даллеса и др.), относящиеся к 40-м и 50-м годам.

Если вынести за скобки эти традиционные, постоянные элементы империалистической политики в отношении социалистических стран, то существо новой тактики (в том числе и выраженной в доктрине «наведения мостов») в основном сводится к тому, чтобы:

делать ставку не столько на сокрушение социализма и реставрацию капитализма, сколько на постепенную «трансформацию» или «эрозию» социалистического строя;

перейти от политики безоговорочной враждебности и максимального ограничения контактов и связей с социалистическими странами по всем линиям к известному расширению и использованию в своих целях экономических, научно-технических и культурных связей.

В самой своей основе эта политика остается направленной против социалистического строя. Это должно быть ясно всякому, кто подходит к анализу империализма и его политики с марксистско-ленинских, а не оппортунистических позиций. Но всякому марксисту-ленинцу должно быть очевидно и другое — что иной, «дружественной» в отношении социализма политики от

империалистических держав невозможно и ожидать. Собственно говоря, и те принципы отношений между государствами с различным общественным строем, которые предлагаются коммунистами,— принципы мирного сосуществования отнюдь не предполагают прекращения неизбежной борьбы двух систем, а имеют в виду лишь исключение военных средств ведения этой борьбы, разрядку международной напряженности и налаживание в определенных сферах взаимовыгодного сотрудничества между государствами.

Отсюда следует, что при анализе империалистической политики исходным пунктом не может быть оценка ее как «дружественной» или «враждебной» к социализму — эта политика всегда будет по самой своей природе антисоциалистической. Значение имеет другое — смысл различных тенденций в империалистической политике, и их возможное влияние на мировую обстановку, на соотношение сил в мире.

С этой точки зрения должны рассматриваться и новые моменты в империалистической политике в отношении социалистических государств. Поскольку речь идет именно о новых моментах, частично даже еще и не применявшихся на практике, а существующих скорее в качестве общих идей в головах отдельных политических теоретиков, исчерпывающий их анализ еще просто невозможен. Но отдельные предварительные соображения могут быть высказаны.

Первое из них состоит в том, что новая тактика империализма в отношении социалистических стран явно выражает осознание того факта, что надежды империалистических стран на нежизнеспособность социалистического строя, на возможность удушить его силой потерпели крушение. В этом смысле новая тактика является в сущности оборонительной, что нашло отражение и в тех идейно-теоретических концепциях, которыми она обосновывается. Это относится и к теории «конвергенции», которая при всей своей враждебности в отношении социализма не только выражает надежду на его изменение, приближение к капитализму, но и признает за социализмом такие ценности, которые стоит позимствовать капитализму¹. Даже пресловутая «трансфор-

¹ Этот момент, конечно, никак не меняет принципиального отношения марксистов к теории «конвергенции» как полностью

мация» социализма рассматривается многими из буржуазных теоретиков в новом для идеологии антикоммунизма духе. Например, Д. Кеннан, рассуждая о возможности перемен в социалистических странах, включая СССР, приходит к заключению, что все они возможны «только на основе и в рамках нынешней политической системы, которая сейчас прочно укрепилась и которая сформировала политические взгляды и понятия целого поколения»¹.

Другое соображение, которое напрашивается при рассмотрении новых элементов в политике империализма в отношении социалистических стран, связано с трактовкой ее теоретиками таких вопросов, как смягчение напряженности, развитие экономических и научно-технических связей и т. д. Хорошо известно, что эти положения выдвигаются также сторонниками «новой политики» в частности доктрины «наведения мостов». И сами по себе они не вызывают возражений — выдвигание таких требований буржуазными политиками и теоретиками могло бы рассматриваться как своего рода ответ на вызов, брошенный Западу политикой мирного сосуществования, проводимой социалистическими государствами.

Но свести к этому политику «наведения мостов» значило бы скрыть ее подлинный смысл. Ибо основное ее развитие шло за последние годы совсем в ином направлении. В рамках общей империалистической политики даже указанные выше положительные элементы были неизбежно извращены. Как показывают факты, приемлемость и полезность их для Запада оценивается многими идеологами политики «наведения мостов» по вполне определенным критериям, никак не связанным с тем вкладом, который они могут внести в укрепление мира и международной безопасности, в развитие экономики, науки и культуры обеих сторон. Нет, по существу, единственным критерием здесь становится другое — насколько эффективно эти элементы новой политики можно использовать во вред социализму.

несостоятельной, игнорирующей природу обеих систем и законы развития общества.

¹ G. Kennan. On Dealing with the Communist World, p. 11.

Если, например, в докладе координационного комитета республиканской партии США, опубликованном накануне выборов 1968 г., делается вывод о том, что «следует также хорошо помнить, что единственной целью наших сношений с нынешними коммунистическими режимами является содействие эволюции последних»¹, то в таком контексте даже хорошие слова о переговорах, развитии торговых и иных связей и т. д. приобретают облик едва замаскированной подрывной деятельности.

И такой подход не является исключением или монополией одной буржуазной партии. Вот другой пример. Видный американский дипломат и деятель демократической партии Джордж Болл в книге «Дисциплина могущества», также выпущенной незадолго до выборов 1968 г., решительно выступает за развитие торговли между Западом и Востоком, за снятие дискриминационных ограничений, установленных для нее в США. Но один из главных аргументов, приводимых Боллом в защиту этого требования, таков: «Сейчас должно быть совершенно ясно, что подталкивание Советского Союза к автаркии абсолютно не имеет смысла для Запада... Советский Союз был бы в меньшей степени подготовлен к ведению продолжительной войны, если бы он вынужден был зависеть от источников поставок по эту сторону железного занавеса»².

Многие западные политические теоретики, надо сказать, вообще обладают поразительной способностью исказить, извратить смысл даже самых позитивных идей. Такие общепринятые, веками пользовавшиеся доброй репутацией формы международного общения, как торговля, культурные связи и т. д., пропущенные через мясорубку их мышления, тут же превращаются в свой антипод, в зловещие орудия подрывной деятельности и разложения других стран.

¹ «Choice for America», p. 409.

² G. Ball. *The Discipline of Power*. London, 1968, p. 276—277. Известно, что даже эти доводы Болла и его единомышленников не производят должного впечатления на американских твердолобых. Дискриминационные ограничения на торговлю с СССР остаются в силе, несмотря на многочисленные протесты общественности и некоторые изменения в позиции Конгресса.

Особенно постарался на этом поприще З. Бжезинский. В его устах орудием подрыва мирового социализма стали даже мир и смягчение международной напряженности. «Только в свободной от напряженности международной обстановке,— вещает он,— могут стать политически важными те скрытые шероховатости и противоречия, от которых страдает Восток». Смягчение международной напряженности, по его заявлениям, «неизменно бросает вызов» коммунизму¹.

Подобного рода заявления и декларации требуют весьма трезвого подхода. Прежде всего, необходимо видеть, что в них просто-напросто много безответственной пропагандистской болтовни. Империалистические идеологи пытаются сейчас поставить свой заявочный столб практически на всех положительных идеях, высоких идеалах и благородных лозунгах (выше уже говорилось об этой особенности их идеологической тактики) и самым нелепым было бы признать эти претензии и «отдать» капитализму то, на что делаются подобные необоснованные заявки².

Подводя итог, можно сказать, что новые элементы в политике империализма в отношении социалистических стран следует, видимо, оценивать так же, как и всю новую тактическую линию империалистической буржуазии в классовой борьбе. В них выражено стремление как-то приспособиться к изменениям, которые произошли в мире, к новой расстановке сил, к условиям углубляющегося общего кризиса капитализма.

Однако на этом плацдарме классовой борьбы (возможно, именно потому, что для империализма он является самым сложным, важным и острым) элементы более реалистического подхода к политике оказались особенно густо замешанными на дремучих антикомму-

¹ Z. Brzezinski. *Alternative to Partition*. N. Y., 1965, p. 121.

² Это относится и к их теориям насчет «эволюции» или «эрозии» социализма. Ее главными факторами объявляются рост благосостояния и изобилие материальных благ в социалистических государствах, подъем культуры и образованности, развитие демократии и т. д. Беззастенчивые попытки буржуазных теоретиков «подключиться» к некоторым направлениям развития социалистического общественного строя, изобразив их факторами «обуржуазивания», выгодными для Запада, не выдерживают критики.

нистических традициях и предрассудках, соединенных со старыми линиями политики, несостоятельность которых уже давно доказана всем ходом истории.

В таком сочетании любые элементы реализма могут быть просто выхолощены. Но возможен и другой ход событий, при котором развитие объективной действительности будет, наоборот, укреплять их, усиливать их влияние на практическую политику. Конечно, и в этом случае отношения между капитализмом и социализмом не станут идиллией. Но они могут войти в русло, не угрожающее мировой войной и открывающее возможность мирного соревнования, нормального сотрудничества в тех областях, где это взаимно выгодно обеим сторонам.

Это, собственно говоря, и предусматривается принципами мирного сосуществования, которые отстаивают в своей политике на мировой арене Советский Союз и другие социалистические государства. Такого поворота добиваются и прогрессивные, демократические силы в капиталистических странах. По мере укрепления социализма, по мере того как обнажается несостоятельность любого другого политического курса, будут усиливаться и настроения в пользу таких перемен в среде наиболее трезвомыслящих и дальновидных представителей буржуазии.

Если же говорить об официальной политике империалистических держав, то пока что социалистическим государствам приходится в большинстве случаев сталкиваться с таким курсом, в рамках которого против нового общественного строя пускается в ход набор разнообразных средств борьбы — и старых и новых.

В их числе видное место, несомненно, принадлежит средствам идеологическим.

Выше приводились высказывания некоторых западных теоретиков, из которых следует, что рост роли идеологической борьбы сам по себе во многом связан с тем, что в эпоху термоядерного оружия становится все более трудным и рискованным делом полагаться на войну как на средство сокрушения противника. Такие высказывания буржуазных политиков и теоретиков часто приводятся и в марксистской литературе в объяснение того, почему империализм придает столь большое значение идеологической борьбе.

Это объяснение само по себе не вызывает сомнений — тем западным деятелям, которые начинают понимать, что термоядерная война была бы самоубийственной для самого империализма, действительно, не остается ничего иного, как искать другие методы борьбы против социализма, включая идеологические. Но из этого не следует, что упор на идеологическую борьбу характерен лишь для тактической линии современной буржуазии, предусматривающей более гибкие методы, обходные маневры, сочетание нажима с известными уступками и компромиссами, в то время как другая, более прямолинейная и лобовая тактика, включающая усиление военного давления, не проявляет склонности к широкому использованию идеологических средств.

На деле мы сталкиваемся с иной картиной. За всемерное развертывание идеологической борьбы против социализма ратуют и наиболее воинственные группировки империалистической буржуазии, включая тех, кто склонен больше всего полагаться на военные решения. И этому едва ли следует удивляться — широкое применение идеологических средств борьбы было в империалистических странах как раз связано прежде всего с обслуживанием потребностей подготовки и ведения захватнических войн. Даже наиболее воинственные деятели Запада хорошо понимают, что подготовка к войне требует особенно тщательной и эффективной обработки умов — и в своей стране, и в союзных странах, и в странах, которые рассматриваются в качестве противников.

Поэтому водораздел между сторонниками обеих тактических линий в их отношении к использованию средств идеологической борьбы отнюдь нельзя себе представлять в виде межи, по одну сторону которой находятся те, кто «за», а по другую — те, кто «против» активного применения пропаганды. Дело обстоит сложнее — и те и другие выступают «за». Спор идет не вокруг этого, а вокруг содержания, форм, методов идеологической борьбы, ее места в политике.

Речь, по существу, идет о столкновении двух концепций пропаганды, тесно связанном с борьбой двух политических тактик империалистической буржуазии. Каждая из этих тактик, естественно, предусматривает

свое, особое содержание, формы и методы деятельности всех орудий внешней политики, включая внешнеполитическую пропаганду.

Те, кто исходит из необходимости более жесткой линии, предусматривающей форсирование «холодной войны», развернутую лобовую атаку против социалистического лагеря, революционного и освободительного движения, ратуют за самые агрессивные формы пропаганды, выступают апологетами крайних форм «психологической войны». Их концепция внешнеполитической пропаганды — это концепция усиления вмешательства во внутренние дела социалистических стран. Пропаганду они рассматривают прежде всего как орудие подрывной деятельности в этих странах, в коммунистическом и национально-освободительном движении.

Нынешние пропагандистские усилия империализма сторонники такой позиции нередко критикуют за «мягкость», «чрезмерную осторожность», за недостаточный объем пропаганды, за то, что в ней слишком большое место занимает информация, за «щепетильность», заставляющую подчас избегать слишком явной и грубой лжи, за недостаточную решительность в применении всех грязных трюков «психологической войны». Таких критиков, как правило, отличает вера во всемогущество пропаганды, в то, что она, вместе с другими методами подрывной деятельности и соответствующими военными усилиями, может решить проблемы империалистической внешней политики, добиться крутого поворота в развитии событий.

В этой связи выдвигаются многочисленные проекты наращивания пропагандистских усилий, создания еще более громоздкого аппарата пропаганды, раздаются требования значительно увеличить ассигнуемые на нее средства.

У. Дизард рассказывает в книге «Стратегия правды» о целой серии таких проектов. Один из них — «Воинствующая программа свободы» — был подготовлен под покровительством министерства обороны США. Другой, подготовленный Американским легионом, предлагал создать на правах министерства особое ведомство «неортодоксальной психологической войны». В основе всех таких проектов, указывает Дизард, — идея ставки на

«психологическую технику» как самостоятельное оружие, способное обеспечить победу¹.

С такими идеями носятся и во влиятельных политических и дипломатических кругах. Известны, например, предложения бывшего помощника государственного секретаря США Бентона поднять пропагандистское ведомство до уровня министерства и одновременно объединить усилия Запада в этой области, создав «идеологический план Маршалла» или «идеологический общий рынок»².

За такого рода проектами стоят не просто отдельные фанатики «тотальной» пропаганды. Скорее, здесь можно говорить о политических группах, поднявшихся к могуществу в годы самой острой «холодной войны», воспитанных в духе даллесовской жесткой политики «балансирования на грани войны», представителей милитаристской верхушки.

Все они — сторонники «активной» внешней политики. Определяя ее характер, комиссия, возглавляемая бывшим государственным секретарем США Гертером, в докладе на имя президента в свое время писала (прибегая, конечно, к самым деликатным выражениям), что такая политика «должна не только наблюдать за происходящими событиями и докладывать о них, но и помогать тому, чтобы определенные вещи происходили...»³. Пропаганда как раз и призвана была стать важным инструментом такого вмешательства «в ход событий».

Другая тактика внешней политики, более реалистическая, гибкая и осторожная, естественно, предполагает и иную концепцию внешнеполитической пропаганды. Но и в рамках такой тактики ей отводится видное место. Со стороны защитников этой концепции также можно услышать предложения об увеличении ассигнований на пропаганду, наращивании усилий в идеологической борьбе, расширении ее аппарата. Точно так же они не склонны полностью отказываться от методов «психологической войны», «черной» пропаганды. Но, во-первых, внешнеполитической пропаганде отводится более скромная роль; сторонники таких взглядов не верят в ее

¹ W. Dizard. Op. cit., p. 17—18.

² Ibid., p. 131—132.

³ W. Joyce. Op. cit., p. 124.

всесилие, считают главной в борьбе за умы людей саму политику, которую можно было бы потом пропагандировать. А во-вторых, «неортодоксальным» методам оставляют более подчиненное место в пропагандистских усилиях, поскольку видят, что их неумеренное применение само по себе может еще больше скомпрометировать внешнюю политику как крайне агрессивную.

Сторонники таких взглядов подвергают резкой критике и саму концепцию внешнеполитической пропаганды как «психологической войны». С такой критикой еще в 50-х годах выступил целый ряд известных американских теоретиков и политических деятелей.

Среди них был, например, Честер Боулс, указывавший, что понятие «психологическая война» заимствовано у нацистов, и предупреждавший: «Если мы настаиваем на его использовании для описания нашей деятельности, мы по-прежнему будем терять уважение миллионов людей в мире, которых убеждают верить в то, что Америка выступает с чем-то большим, нежели хитроумный трюк или циничный маневр»¹.

Собственно говоря, такой взгляд обрел сторонников и в официальных кругах США еще в годы президентства Эйзенхауэра. Созданная в 1953 г. комиссия, во главе с нью-йоркским банкиром Джексоном, в своем докладе констатировала, что «холодная война» и «психологическая война» — это «неудачные термины», и подчеркивала, что «нужны новые термины, выражающие солидарность свободлюбивых мужчин и женщин во всем мире»². Соответственно еще в 1953 г. Управление по вопросам психологической войны (орган, созданный в 1951 г. при Национальном совете безопасности для координации усилий различных ведомств) было переименовано в Управление по координации операций. Характерно, что эта мера была проведена в момент, когда в официальных кругах США еще носились с идеей «политики освобождения», как раз предусматривавшей дальнейшее развертывание подрывной деятельности всех видов, в том числе и «психологической». Другими словами, речь в данном случае шла о маскировке, а не об

¹ Ch. Bowles. *The New Dimensions of Peace*. N. Y., 1955, p. 371.

² W. Daugherty, M. Janowitz. *Op. cit.*, p. 30—31.

изменении существа пропаганды. Это подтверждает ответственный сотрудник американского ведомства пропаганды Р. Перьюс, который, комментируя доклад комиссии Джексона и проведенную в соответствии с ним реформу, пишет: «Отказ от термина ни в коем случае не должен вести к отказу от всех процессов, входящих в то, что называлось «психологической войной»»¹.

Однако уже в те годы в буржуазной литературе можно было встретить и серьезную критику концепции «психологической войны» по существу.

Развернутую критику предложений перестройки внешнеполитической пропаганды как на рельсах «психологической войны», так и на рельсах превращения ее в какое-то подобие гигантской рекламной кампании дал, например, видный американский социолог Леонард Котрелл в докладе на ежегодном съезде «Американского социологического общества» еще в 1955 г. Предложения о таких перестройках, заявил он, сеют иллюзию, что «где-то есть мешок хитрых трюков и черной магии, с помощью которых занявшиеся рекламой психологи и другие современные заклинатели могут насадить среди населения, на которое мы хотим влиять, нужные идеи и верования». Это, по мнению Котрелла, — иллюзии, которые внушают, будто борьбу за общественное мнение можно вести одними психологическими средствами, причем в вакууме, вне связи с тем, что «происходит в более осязаемых областях международной деятельности — экономической, политической или военной». Такие заблуждения, по его словам, к тому же диктуют «негативную стратегию», стратегию «борьбы с коммунизмом без альтернативы». Между тем «единственное средство вдохнуть силу в пропаганду — это позитивные действия. Пока их не будет — не поможет никакой продавец мыла»².

К таким же выводам приходит и Дизард. Он отвергает рецепты сторонников крайних форм «психологической войны» и вообще всех тех, кто видит ключ к решению проблем в самой пропаганде. «Какова бы ни была ценность психологических операций в военной области, — пишет он, — есть серьезные сомнения относитель-

¹ W. Daugherty, M. Janowitz. Op. cit., p. 33.

² Ibid., p. 19—20.

но их применимости к общей проблеме мирового общественного мнения... Увлечение техникой было отличительной чертой наших поисков ответа на проблемы, поставленные враждебностью или безразличием общественного мнения за рубежом, и оно говорит о серьезной слабости нашего подхода»¹. Касаясь апологетов «тотальной пропаганды», Дизард говорит: «Пропагандистам самим присуща тенденция преувеличивать свою способность убеждать». Он иронически сравнивает их с тем «петухом из французской басни, который считает, что солнце восходит утром единственно по той причине, что он кукарекает»².

Дизард приводит в своей книге слова бывшего главы ЮСИА Д. Аллена: «Я давно убежден, что на 90% впечатление, которое США производит за границей, зависит от нашей политики и не более как на 10% — от того, как мы ее объясняем,— все равно, говорим ли мы мягко, громко, жестко, воинственно или примирительно. Я хочу совершенно ясно подчеркнуть, что я не преуменьшаю значение ЮСИА. Но я подчеркиваю значение аспекта общественных отношений в политике и необходимость принимать его во внимание, когда она вырабатывается»³.

За такими взглядами можно, конечно, усмотреть и желание сместить основную ответственность за неудачи внешнеполитической пропаганды с пропагандистов на политиков, т. е. чисто профессиональную защитную реакцию тех, кто непосредственно отвечает за пропагандистские усилия. Но если в этом можно заподозрить Аллена или Дизарда, то есть десятки и сотни аналогичных высказываний людей, никогда не несших ответственности за пропаганду⁴.

¹ W. Dizard. Op. cit., p. 18, 19.

² Ibid., p. 186.

³ Ibid., p. 187.

⁴ В качестве одного из примеров можно привести следующее высказывание видного американского теоретика внешней политики Ганса Моргентау. «Идеологическая война,— писал он,— это всего лишь отражение в сфере идей того политического и военного курса, для поддержки которого она предназначена. Это всего лишь идеологическое выражение целей и методов этого курса... Удачи и поражения в идеологической войне идут вместе с удачами и поражениями политического и военного курса. Чтобы быть эффективным, призыв к победе в

Главное, что определяет подобные взгляды, это именно определенная политическая тактика; последняя диктует и место, которое в ней должна занять внешнеполитическая пропаганда. Ясно, что политическая тактика, предусматривающая более гибкое приспособление политики к реальным фактам и условиям современной эпохи, не может сводить все методы воздействия на общественное мнение к пропаганде. Она предусматривает и внесение известных коррективов в саму политику, в том числе и с тем, чтобы последняя сама по себе несла определенную пропагандистскую нагрузку, была приспособлена к тому, чтобы осуществлять более эффективное воздействие на мировую общественность¹.

Речь, разумеется, идет отнюдь не о перестройке американской политики в соответствии с желаниями и интересами общественного мнения, а о том же своеобразном «империалистическом реформизме», который имеет целью устранить из политики, там, где это возможно, наиболее одиозные явления, а в других случаях — способствовать их более тщательной маскировке.

Сторонники такой линии отнюдь не обязательно отличаются менее воинствующим отношением к коммунизму. Разногласия чаще всего идут в другой плоскости — каковы причины широкого распространения коммунистических идей и какие меры будут более эффективными в борьбе с ними. Весьма характерны в этом плане рекомендации, которые дает правящим кругам Запада известный американский теоретик антикоммунизма Ф. Баргхорн. «Наиболее важным орудием борьбы свободного мира против коммунистической пропаганды, — пишет он, — является вовсе не пропаганда

борьбе за человеческие умы должен прежде всего быть призывом к проведению такого политического и военного курса, который может принести победу. И в данном случае опять-таки дела говорят громче, чем слова» (*H. Morgenthau. Politics in the 20 th Century, v. III. Chicago, 1962, p. 247*).

¹ Гордон, Фолк и Годэпп пишут в этой связи, что Соединенным Штатам наряду с «Голосом Америки» нужно еще и «Ухо Америки», которое бы помогало «импортировать из-за рубежа все, что заслуживает внимания», и помогало бы учитывать в политике точки зрения тех слоев и групп, за поддержку которых борются США. (*G. Gordon, I. Falk, W. Hodapp. Op. cit., p. 227—228*).

или контрпропаганда, а серия программ, имеющих целью смягчение или устранение тех условий, которые обеспечивают уязвимость в отношении советской пропаганды»¹.

С таким подходом связана и долголетняя борьба ряда руководителей американской внешнеполитической пропаганды и некоторых политических деятелей за право пропагандиста участвовать в формулировании курса внешней политики. Участвовать для того, чтобы предупредить президента и государственного секретаря о тех последствиях, которые может иметь с точки зрения пропаганды та или иная планируемая политическая акция, или хотя бы заранее подготовить к таким последствиям пропагандистский аппарат.

Борьба взглядов по вопросам целей и методов пропаганды, ее места в политике далеко не закончена (так же, впрочем, как и борьба между сторонниками различных политических тактик, о которых говорилось). В официальной политике империалистических держав это отражается в определенных колебаниях в одну либо в другую сторону. Можно, например, считать, что пребывание у власти в США президента Кеннеди ознаменовалось усилением «реформистской» линии, более трезвой оценкой возможностей пропаганды, попытками внести в саму политику известные коррективы, призванные способствовать более успешной борьбе за общественное мнение. Естественно, что война во Вьетнаме и усиление агрессивных тенденций американской политики в других районах мира, которыми ознаменовалось президентство Джонсона, приостановили процесс перемен, обозначившихся при его предшественнике.

Что касается администрации Никсона, то ее линия в области внешнеполитической пропаганды еще не обозначилась в полной мере. Видимо, администрация испытывает более сильное давление консервативных и реакционных кругов в самой республиканской партии², хо-

¹ F. Barghoorn. *Soviet Foreign Propaganda*. Princeton, 1964, p. 319.

² Об этом говорит, в частности, и деятельность нового главы Информационного агентства, Шекспира, вызвавшая немало нареканий в либерально-буржуазной печати США.

тя вместе с тем она вынуждена действовать в обстановке активизации оппозиции, требующей серьезных перемен во внутренней и внешней политике.

Можно полагать, что позиция администрации по вопросам внешнеполитической пропаганды в какой-то мере отражена в специальном докладе Координационного комитета республиканской партии, подготовленном под руководством бывшего заместителя государственного секретаря Р. Хилла и опубликованном в ходе избирательной кампании 1968 г. В этом докладе можно найти весь набор аргументов, используемых сторонниками всемерного усиления пропаганды. В нем говорится, в частности, о том, что в XX веке пропаганда поднялась на уровень «традиционных инструментов политики — дипломатических, военных и экономических средств». Содержатся там и требования увеличить ассигнования Информационному агентству, усовершенствовать подготовку его кадров, расширить его функции, теснее координировать правительственные усилия в области пропаганды с усилиями частного бизнеса.

Авторы доклада особо выделяют связь пропаганды с внешней политикой и ратуют за активизацию пропагандистских усилий всего внешнеполитического аппарата США, подчеркивая, что «агрессивное и умное использование современных коммуникаций может зачастую быть кратчайшим и самым эффективным путем для осуществления специфических задач за границей»¹.

Но вместе с тем доклад заканчивался напоминанием о старом изречении, согласно которому «дела говорят больше, чем слова», с указанием на то, что оно применимо и к пропагандистским усилиям США. «Слова могут пояснять действия, — подчеркивали авторы доклада, — но они не могут заменить собой политический курс. Наши фактические действия у себя в стране и за ее пределами предопределяют эффективность наших психологических операций за рубежом. Разкое падение доверия к Америке за последние годы в гораздо большей степени обусловлено качественными изменениями политического курса в худшую сторону, чем недостат-

¹ «Choice for America», p. 392.

ками в работе Информационного агентства Соединенных Штатов»¹.

В целом можно сказать, что при всех различиях во мнениях и продолжающейся борьбе взглядов высшая точка увлечения «психологической войной» как «тотальным» оружием, которое чуть ли не само способно обеспечить победу, по всей видимости, миновала еще в 50-х годах, самом начале 60-х годов. К внешнеполитической пропаганде, конечно, относятся вполне серьезно. Ее щедро финансируют. Принимаются меры, направленные на ее усиление и совершенствование. Но вместе с тем весь опыт последних лет, с его разочарованиями и несбывшимися надеждами, видимо, привел правящие круги США к убеждению, что панацеей от всех бед пропаганду считать нельзя. В рамках такого подхода, судя по всему, и будут действовать империалистические правительства в обозримом будущем.

Это значит, что внешнеполитической пропаганде, ее совершенствованию и наращиванию ее усилий будет и впредь уделяться значительное внимание. Но едва ли можно ожидать, что правящие круги империалистических стран последуют советам тех, кто считает необходимым сделать на пропаганду главную ставку, в том числе за счет других средств борьбы. Скорее можно ожидать усиления внимания к средствам борьбы, связанным с экономическим и научно-техническим соревнованием двух систем, а также к попыткам проводить более дифференцированную политику в отношении отдельных социалистических и развивающихся стран.

При этом, разумеется, надо иметь в виду, что и в проведении такой политики внешнеполитическая пропаганда будет играть значительную роль, но именно как часть этой политики, а не ее самостоятельное направление.

¹ «Choice for America», p. 401—402. В этой критике можно, правда, скорее усмотреть предвыборный ход: желание опорочить политику своих соперников — демократической партии.

МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Идеологическая борьба стала в современную эпоху неотъемлемой частью международных отношений, в особенности отношений между государствами, принадлежащими к различным социальным системам. Это, естественно, делает ее одним из объектов той дискуссии, которая идет вокруг принципов, коренных основ этих отношений.

Такая дискуссия идет давно — фактически с момента, когда Великая Октябрьская социалистическая революция в России прорвала фронт империализма и вопрос об отношениях между государствами, представляющими два противоположных типа общества, превратился в коренной вопрос международной политики. Этот вопрос встал в качестве самого актуального как перед молодой Советской республикой, так и перед окружавшими ее капиталистическими державами.

Обе стороны в великом историческом споре двух общественных систем сделали свой выбор, как известно, сразу же после Октября 1917 г. Капитализм отдал предпочтение войне, попытавшись удушить революцию, если пользоваться выражением Уинстона Черчилля, в ее колыбели. Социализм выдвинул в качестве одного из краеугольных принципов своей политики принцип мира между государствами. Он был провозглашен первым внешнеполитическим актом Советского государства — Декретом о мире, принятым по инициативе В. И. Ленина. С того времени идея мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным общественным системам, выдвинутая и обоснованная В. И. Лениным, стала важнейшим принципом внешней политики социализма в отношении капиталистических стран.

Но спор вокруг коренного вопроса современных международных отношений — вопроса о том, будет ли противоречие между социализмом и капитализмом решаться на путях войны или путях мира, в 1917 г. только начался. Решить его должна была вся последующая история.

Для социалистических государств, для коммунистических партий этот спор имел две стороны — внутреннюю и внешнюю.

Если говорить о первой, то главная задача состояла в том, чтобы отстоять ленинскую политическую линию в борьбе против извращений как «лево»оппортунистического, так и правооппортунистического толка. Эта задача решалась в острой идейной борьбе.

**Ленинское
понимание
мирного сосу-
ществования
и борьба против
оппортунизма**

Проблема отношений социалистических государств с капиталистическими превратилась для коммунистических партий, пришедших к власти, в один из главных водоразделов, которые пролегли между ленинизмом и оппортунизмом. Сложность этой проблемы была с самого начала связана с тем, что она включала не только вопрос о принципах внешней политики социалистических государств в отношении капиталистических, но и вопрос о формах и путях помощи победившего рабочего класса революции в других странах.

А это — коренной вопрос политики любого социалистического государства, коренной вопрос пролетарского интернационализма. Процесс социалистической революции является по самому своему существу интернациональным. Рабочий класс, взяв власть в свои руки в той или иной стране и даже построив там новое общество, не может еще считать свою историческую миссию полностью выполненной. Его долг, как указывал В. И. Ленин, состоит в том, чтобы сделать «максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах»¹. Кто не признает этого долга, тот не может считать себя пролетарским революционером, марксистом-ленинцем.

Какими же методами может и должен победивший рабочий класс помогать революционной борьбе трудя-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 304.

щихся в других странах? Вокруг этого вопроса не раз разгоралась острая идейная борьба. Уже вскоре после Октябрьской революции 1917 г. выяснилось, что определенные элементы в коммунистическом движении видят главный путь помощи революции в «революционной войне» победившего в той или иной стране (или странах) рабочего класса против буржуазии других государств. Именно такой путь пытались в свое время навязать коммунистическому движению «левые» коммунисты и троцкисты. И хотя они были идейно разгромлены еще при жизни В. И. Ленина, аналогичные «лево»оппортунистические взгляды проповедуются и сейчас. Их носителями стало, в частности, руководство КПК, отрицающее значение побед социализма в мирном соревновании с капиталистическими странами, пропагандирующее более или менее явно ту же самую концепцию «революционной войны».

«Лево»оппортунистические взгляды относительно путей воздействия стран социализма на разворачивание процесса мировой социалистической революции идут вразрез с основополагающими установками марксизма-ленинизма.

Одна из таких установок состоит в том, что социалистическую революцию нельзя навязать народам силой, ибо она может быть только их собственным, кровавым делом. Еще Энгельс, говоря о перспективах отношений победившего рабочего класса развитых капиталистических стран с колониальными народами (поскольку социалистическая революция в те дни мыслилась лишь как революция во всех капиталистических странах, вопрос о взаимоотношениях победившего пролетариата и трудящихся других, еще не совершивших революции стран, естественно, мог ставиться лишь в такой плоскости), подчеркивал как главный, несомненный факт то, что «победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы»¹. Главный путь революционного воздействия будущих стран социализма на народы колоний он видел в примере этих стран: «Раз только реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 298.

что полудивилизованные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности»¹.

Усилившаяся в эпоху империализма неравномерность экономического и политического развития капиталистических государств открыла возможность победы рабочего класса первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой стране. Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. в России показала, что именно так начался процесс революционного утверждения социализма во всем мире. Но тем самым все вопросы, связанные с отношениями между странами, принадлежащими к различным социальным системам, включая вопрос о способах, которыми победивший рабочий класс будет поддерживать революционную борьбу пролетариата в других странах, превратились в жгучие вопросы политической практики. Настолько жгучие, что от верного ответа на них не раз зависела сама судьба молодого социализма.

Великая заслуга В. И. Ленина состоит в том, что он быстро нашел такие ответы и выработал принципиальные основы концепции развития процесса мировой социалистической революции в новых условиях. В. И. Ленин, в частности, отверг идею «экспорта революции», навязывания социализма другим странам силой, как идею, противоречащую самой природе социализма и социалистической революции. Полемизируя с «левыми» коммунистами, он еще в 1918 г. спрашивал: может быть, они «полагают, что интересы международной революции требуют *подталкивания* ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир, способный произвести на массы впечатление вроде «узаконения» империализма?» И отвечал: «Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции»².

Основываясь на таком, подлинно марксистском понимании законов социалистической революции, В. И. Ле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 298.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 403.

нин и выдвинул в качестве основы отношений Советской республики с капиталистическими странами принцип мирного сосуществования (или «сожительства»). Он постоянно подчеркивал, что такая политика отнюдь не противоречит, а, напротив, отвечает интересам мировой социалистической революции. В. И. Ленин зло высмеивал тех, кто, ссылаясь на эти интересы, возражал против нормализации отношений и установления экономических связей с капиталистическим миром. Категорически отвергая всякие отношения с капитализмом, писал он, социалистическая республика «не могла бы существовать, не улетая на луну»¹.

Отвергая «подталкивание» революции путем войны, В. И. Ленин вместе с тем всегда видел высокую обязанность, интернационалистский долг социалистического государства в помощи рабочему классу, трудящимся других стран в их освободительной борьбе. Но осуществляться эта помощь должна не «экспортом революции», а иными методами. В этой связи В. И. Ленин и пришел к выводу о том, что «сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой... На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно»². В. И. Ленин придавал огромное значение революционизирующему воздействию примера социализма на другие страны: «...Мы говорили и говорим: «Социализм имеет силу примера». Насилие имеет свою силу по отношению к тем, кто хочет восстановить свою власть. Но этим и исчерпывается значение насилия, а дальше уже имеет силу влияние и пример. Надо показать практически, на примере, значение коммунизма»³.

Одновременно В. И. Ленин подчеркивал значение идеологической борьбы, революционной пропаганды, призванной способствовать просвещению рабочего класса других стран, противодействовать систематическим усилиям империалистической буржуазии обмануть тру-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 402.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 341.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 75.

дящиеся массы, сохранить свое духовное господство в обществе.

Таков, коротко говоря, основной смысл ленинских установок по вопросу о принципах отношений социалистических стран с капиталистическим миром. Эти установки представляют отнюдь не только исторический интерес. Они и сегодня находятся в центре борьбы между марксистско-ленинскими партиями и оппортунистами.

В частности, хорошо известно, что полемика китайского руководства против КПСС и других коммунистических партий была начата именно по этой проблеме. В ее ходе группа Мао Цзэ-дуна попыталась извратить ленинские взгляды и изобразить внешнеполитический курс нашей партии и других братских партий как «измену» ленинизму, «предательство» интересов революции. Характерно, что в своей аргументации китайские деятели вплотную сомкнулись с буржуазной пропагандой, также пытающейся доказать, будто принципы мира и мирного сосуществования чужды ленинизму¹.

Пытаясь использовать авторитет В. И. Ленина для борьбы против ленинизма, как «левые» оппортунисты, так и буржуазные идеологи пускают в ход один и тот же комплект цитат — несколько высказываний В. И. Ленина, касающихся проблемы вооруженной помощи борьбе рабочих других стран, которая становится оправданной и необходимой в определенных условиях. Дают ли эти цитаты основание считать В. И. Ленина сторонником взглядов нынешних «левых» или хотя бы говорить о «противоречиях» в ленинской постановке вопроса? Нет, не дают. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о конкретных условиях, в которых делались высказывания, цитируемые сейчас теми, кто хотел бы доказать, будто КПСС «отошла» от ленинизма.

Эти высказывания относятся ко времени, когда в самом разгаре была гражданская война в России и военная интервенция. Мог ли в тех условиях стоять на первом плане вопрос о мирном сосуществовании социализма и капитализма? Разумеется, нет. Пойдя на воору-

¹ Довольно подробное изложение такой «концепции» можно найти в работах известного американского специалиста по «советским делам» Дж. Кеннана (см., например, «Peaceful Coexistence. A Western View», «Foreign Affairs», January 1960, p. 171—190).

женную интервенцию, мировая буржуазия сама придала освободительной борьбе российского пролетариата характер международной военной схватки. Такой характер борьбы усугубился еще тем, что в тылу империалистов начались революционные выступления трудящихся, в отдельных странах завершившиеся даже установлением социалистической (советской) власти. Причем и в отношении этих стран (Финляндии, Венгрии и др.) международная буржуазия стала на путь интервенции.

Все это давало полное основание считать, что разворачивается социалистическая революция не в одной, а по меньшей мере в нескольких странах, причем столкновение пролетариата с буржуазией сразу же приняло международный характер. О том, что именно так оценивалась в тот момент обстановка, не раз говорил и В. И. Ленин. В 1921 г. на IX Всероссийском съезде Советов, например, он указывал: «Мы представляли себе (и это, пожалуй, не лишнее теперь напомнить, потому что это пригодится для нас и для наших практических выводов по главным хозяйственным вопросам) грядущее развитие в более простой, в более прямой форме, чем оно получилось. Мы говорили себе, говорили рабочему классу, говорили всем трудящимся как России, так и других стран: нет другого выхода из проклятой и преступной империалистической бойни, как выход революционный, и, разрывая империалистическую войну революцией, мы открываем единственно возможный выход из этой преступнейшей бойни для всех народов. Нам казалось тогда,— и не могло казаться иначе,— что эта дорога является ясной, прямой и наиболее легкой... Оказалось, что по крайней мере так быстро, как мы рассчитывали, на эту дорогу другим народам вступить не удалось»¹.

На протяжении известного времени, таким образом, объективная обстановка позволяла считать, что разворачивается революция в нескольких странах, что она уже приняла (по инициативе мирового империализма) характер вооруженного столкновения трудящихся ряда стран против действий объединившейся буржуазии. Из такой обстановки, естественно, должны были исхо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 292.

дять и большевики России, определяя формы своей помощи пролетариату соответствующих государств. Допущение в такой ситуации вооруженных форм помощи не имеет ничего общего с «экспортом революции».

В. И. Ленин постоянно предостерегал против каких бы то ни было попыток нести в другую страну революцию, социалистические порядки на острие штыков. Приведенное выше положение о недопустимости «подталкивания» революции взято из статьи, относящейся к 1918 г., в которой В. И. Ленин говорит и о том, что в определенных условиях (о них мы только что упоминали) вооруженная поддержка восставшего пролетариата других стран может для Советской России оказаться не только возможной, но и обязательной. Но и в этих условиях В. И. Ленин не допускал замены вмешательством извне революционного движения и революционного взрыва, созревшего благодаря внутренним закономерностям. Открыв возможность победы социализма первоначально в одной стране, В. И. Ленин при этом никогда не говорил, что революция, победив в одном государстве, не может сразу же развернуться и в других странах, что тем самым революции в нескольких странах не могут слиться в единый поток. Высказывания В. И. Ленина, относящиеся к годам гражданской войны, в применении к внешней политике стран социализма в наше время позволяют сделать совсем иные выводы: не об узаконении «экспорта революции», а о праве и обязанности народов, поднявших знамя социалистической революции, всеми силами противостоять попыткам международной буржуазии осуществить «экспорт контрреволюции». Этот принцип действительно стал одной из основ внешней политики социалистического содружества. Свою преданность ему Советский Союз доказал не на словах, а на деле. Достаточно указать в этой связи на помощь, оказанную трудящимся Венгрии в дни контрреволюционного мятежа в 1956 г., на твердую и последовательную защиту революционных завоеваний кубинского народа, помощь Вьетнаму, подвергнутому агрессии со стороны США, братскую интернациональную помощь чехословацкому народу в августе 1968 г. Политика Советского Союза в отношении совместной обороны мировой системы социализма принципиальна, последовательна и ясна.

Если помнить обо всем этом, если не вырывать цитаты из их исторического контекста, не забывать, к каким условиям, к какой ситуации они относятся, то тогда станет совершенно очевидным, что высказывания В. И. Ленина, на которые одинаково охотно ссылаются и империалистическая пропаганда, и «лево»сектантские элементы, просто не имеют отношения к тем проблемам, к которым их сегодня пытаются привязать.

Эти высказывания, как мы уже говорили, имеют в виду путь одновременной революции в нескольких капиталистических странах, в ходе которой международная буржуазия с оружием в руках начала контрреволюционную войну против международного пролетариата. Для такой ситуации соответствующие высказывания В. И. Ленина безусловно верны; в подобных условиях рабочему классу оставалось лишь одно — революционная война объединившегося международного пролетариата против объединившейся международной контрреволюции.

Путь, по которому реально пошло развитие революционного процесса, — победа социализма первоначально в одной стране, а затем отпадение от капиталистической системы все новых стран, путь, предполагающий длительное сосуществование социалистических и империалистических государств, — этот путь диктует иные формы помощи победившего рабочего класса революции в других странах. Когда стало ясно, что развитие революции пойдет именно таким путем, В. И. Ленин особенно настойчиво занялся изучением и обоснованием этих форм. Результатом этих творческих усилий как раз и стали идеи мирного «сожительства» двух систем, силы примера социализма, его идеологического и политического влияния на классовую борьбу в капиталистическом мире.

Так, коротко говоря, обстоит дело с историей проблемы.

Вместе с тем надо видеть, что сама концепция мирного сосуществования государств с различным общественным строем на протяжении более чем полувека развивалась в соответствии с изменением объективной действительности. Молодому Советскому государству, унаследовавшему традиционные идеалы сознательного рабочего движения, в числе которых был мир между

народами, приходилось строить свою политику с учетом реальной обстановки. В условиях, когда молодая Советская республика, окруженная врагами, была вынуждена отбивать их непрерывные атаки, большевикам, при всем их стремлении к миру между народами, приходилось начинать с того, чтобы в тяжелой войне отстоять завоевания революции, а затем добиваться хотя бы временной мирной передышки. Пока сохранялась неизбежность войны и в мире не было реальных сил, которые бы могли преградить ей путь, надо было считаться и с тем, что, где бы ни возник военный конфликт, империалистические державы попытаются использовать его для того, чтобы навязать войну Советскому государству. Вот почему на протяжении многих лет политика мирного сосуществования конкретно выражалась в борьбе за то, чтобы сделать мирную передышку возможно более длительной.

Только после того как в мире сложилось новое соотношение сил и открылись реальные возможности обуздания империалистических зачинщиков войны, наша партия, мировое коммунистическое движение смогли сделать вывод о том, что мировая война больше не является неизбежной. Тем самым по-новому был поставлен и вопрос о мирном сосуществовании. Содержание этого принципа стало более широким, он, по существу, превратился в политическую платформу, которая предусматривает не только продление мирной передышки в отношениях между государствами, принадлежащими к двум противоположным общественным системам, но и вообще исключение войны из этих отношений.

Выступая на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г., тов. Л. И. Брежнев сформулировал как одну из главных внешнеполитических задач социалистических стран задачу обеспечения «мирного сосуществования государств независимо от их общественного строя»¹.

Как уже отмечалось, коммунистическим партиям пришлось отстаивать принципы мирного сосущество-

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы, стр. 90.

вания в борьбе не только с «левыми», но и с правыми оппортунистами. Существование позиции последних состоит в попытках распространить принцип мирного сосуществования с межгосударственных отношений на сферу классовой борьбы, на сферу отношений между рабочим классом и буржуазией, а также отношений между угнетенными народами и империалистическими колониальными державами.

Реформистские и ревизионистские извратители марксизма-ленинизма здесь, по существу, никаких новых положений не выдвинули. Речь идет о заимствованных у II Интернационала идеях «классового мира», прикрываемых новой фразеологией. Одним из объектов их нападок стало положение о том, что отношения мирного сосуществования не исключают непримиримой борьбы социалистической и буржуазной идеологий. В этом плане они, по существу, сомкнулись с буржуазными теоретиками и политиками, о которых пойдет речь ниже.

**Буржуазная
критика
концепции
мирного
сосуществования**

При всей остроте дискуссии внутри коммунистического и революционного движения главным фронтом борьбы вокруг принципов мирного сосуществования был и остается фронт борьбы против империализма. Задача состояла прежде всего в том, чтобы на практике навязать капитализму мир, заставить его отказаться от попыток покончить с социализмом с помощью войны. Эта задача, естественно, решалась не столько силой аргументов теории, сколько аргументами растущей силы и мощи социализма, доказанных на практике.

Поначалу капиталистические державы пытались усмотреть в предлагаемом им мирном сосуществовании только слабость социализма. Дело изображалось так, будто социализм столь горячо ратует за мир лишь потому, что не рассчитывает на победу в войне. Понадобилось несколько десятилетий, на протяжении которых империалисты то и дело испытывали прочность социализма — то войной, то оружием экономической блокады и подрывной деятельности, чтобы несостоятельность этой версии начала доходить до сознания империалистических заправил. Сегодня уже и в правящих кругах западных держав все шире признается точка зрения, согласно которой любая попытка военного уничтоже-

ния социализма обернулась бы самоубийством для них самих.

Тем не менее борьба за принципы мирного сосуществования не может считаться оконченной. Как в практическом плане — ибо наиболее агрессивные группировки империализма продолжают вынашивать планы военного уничтожения социализма, — так и в плане теоретическом и идеологическом.

Нападки западных теоретиков на концепцию мирного сосуществования идут в основном по двум направлениям.

Одно из них связано с обслуживанием политики крайне агрессивных группировок, о которых только что упоминалось. Этим «критиков» в мирном сосуществовании не устраивает то, что оно ограничивает борьбу двух систем невоенными средствами, включает в себя требование исключить войну из отношений между государствами.

Конечно, открыто высказывать такого рода несогласие с идеей мирного сосуществования становится все труднее. Тем не менее находится еще немало западных деятелей, которые на это решаются, — это представители крайней реакции, люди типа генерала Лимэя, Голдуотера, некоторых близких им по духу теоретиков, для которых даже термоядерная война остается приемлемым инструментом борьбы против коммунизма.

Более распространенным стал иной метод подкопа под идею мирного сосуществования — попытка доказать, будто Советский Союз и другие страны социализма сами в мирное сосуществование не верят и выдвигают эту идею лишь для того, чтобы «усыпить бдительность» Запада, а самим тем временем подготовиться к войне. Такую версию проповедают очень многие представители империалистических кругов, — в какой-то мере она является на Западе даже частью официального мировоззрения, важным идеологическим средством подхлестывания военных приготовлений.

Для темы настоящей книги более существенно, однако, другое направление критики идеи мирного сосуществования. Его многочисленные представители критикуют мирное сосуществование не за то, что оно «мирное», а за то, что оно... «недостаточно мирное». При этом пускается в ход тот довод, что мирное сосущество-

вание в ленинском понимании этого термина не исключает идеологической борьбы. А раз так, рассуждают эти критики, то само требование мирного сосуществования становится беспредметным. Ведь война между социалистическими и капиталистическими державами и так не ведется. А отсутствие войны в условиях ожесточенной идеологической борьбы не представляет собой чего-либо нового или заманчивого,— это и есть «холодная война», которую и без того имело человечество.

Весьма характерно — такого рода атаки против идеи мирного сосуществования были развернуты именно в тот период, когда начала притупляться острота «холодной войны», когда появились первые признаки того, что напряженность может уступить место нормализации обстановки,— в конце 50-х — начале 60-х годов. Эти изменения были результатом последовательных усилий Советского Союза и других стран социализма, их миролюбивой политики. И именно тогда были предприняты попытки, с одной стороны, приписать наметившиеся улучшения международной обстановки Западу, а с другой — скомпрометировать социалистическую концепцию мирного сосуществования. Буржуазные идеологи и политические деятели наперебой начали уверять, будто лишь «западная демократия» выдвигает платформу «подлинного» мира, а отстаиваемые социалистическими странами внешнеполитические принципы, отвергающие идеологическую терпимость, имеют в виду «агрессивное сосуществование», которое ничем не отличается от «холодной войны». Об этом писали в те годы и в США, и в Западной Европе. «Сосуществование,— утверждал, например, западногерманский политик и теоретик В. Греве,— является формой конфликта, а не примирения»¹. А видный итальянский дипломат Кварони (бывший посол Италии в Москве и Париже) прямо заявлял, что «между понятиями «холодная война», «сосуществование» и «мирное соревнование» не существует большого различия...», ибо все они означают «политическую войну»².

¹ «Der Tagesspiegel», 6. VII. 1963, S. 2.

² P. Quaroni. Koexistenz zwischen Freiheit und Diktatur. Frankfurt am Main, 1961, S. 5, 41.

Особенно подробно эта тема разрабатывалась в американской литературе, где с ожесточенными нападками на концепцию мирного сосуществования выступили теоретики, представлявшие крайне правое крыло политической науки. В качестве примера можно привести следующие рассуждения из книги Страус-Хюпе, Кинтнера и Поссоны «Американская стратегия передовых рубежей»: «Если отбросить возможность возникновения третьей мировой войны, непосредственной перспективой остается продолжение и усиление «холодной войны», этого затянувшегося великого психологическо-политического конфликта. Для Москвы реальной альтернативой ядерной войны является не мир или «мирное сосуществование» в нашем понимании этих слов, а психологическо-политическая война, которая настолько ослабит, деморализует и расколется свободный мир, что всеобщая ядерная война вообще уже не понадобится, или же ее удастся безнаказанно навязать растерявшимся, беззащитным народам»¹.

Обобщая смысл десятка вышедших на Западе новых книг, специально посвященных проблемам мирного сосуществования, и задавая вопрос: «В чем же тогда смысл мирного сосуществования?», американский антикоммунистический журнал «Проблемы коммунизма» дает на него следующий ответ: «По мнению перечисленных выше книг... это в действительности холодная война под другим именем». «Мирное сосуществование,— заключает журнал,— не означает желания коммунистов установить настоящие дружеские отношения между странами, принадлежащими к различным социальным системам... Действительно, возможны ли такие отношения, если одна из систем убеждена в своей «исторической миссии» революционного свержения другой?»²

В своих попытках скомпрометировать принцип мирного сосуществования буржуазные теоретики и политики продолжают изображать его в виде какого-то хитроумного маневра, специально рассчитанного на то, чтобы «притупить бдительность» Запада и разложить

¹ R. Strausz-Hupé, W. Kintner, S. Possony. Op. cit., p. 260.

² «Problems of Communism», July — August 1961, p. 33.

его изнутри. Западногерманский публицист В. Шмитт заявляет: «Принцип мирного сосуществования представляет собой наряду с отказом от войн не что иное, как смелую попытку лишить ценности все прежние методы обороны и защиты некоммунистического мира от дальнейшего коммунистического охвата с целью изменить внутренние и внешние условия во всем мире...»¹

Подробно трактуется эта тема в книге «Нет замены победе», написанной американцем Фрэнком Джонсоном. Он предлагает правительству США направить Советскому Союзу своего рода ультиматум, в котором, отправляясь от заявлений коммунистов о том, что в конечном счете в мире восторжествует коммунизм, будет сказано, что США понимают такие заявления как признание невозможности подлинного мирного сосуществования. То «мирное сосуществование», которое предлагают социалистические страны, говорится в проекте этого ультиматума, представляет собой не более как выгодные коммунистам «правила игры», на которых они-де собираются «коммунизировать» мир. США должны, продолжает Джонсон, отвергнуть эти правила, сказать коммунистам, что они не принимают их концепции мирного сосуществования, и открыто заявить следующее: «В наши цели входит освобождение каждой нации, находящейся сейчас под коммунистическим контролем, и уничтожение мирового коммунистического заговора. Мы сделаем все, что в наших силах... чтобы уничтожить коммунизм во всем мире и подорвать влияние, власть и престиж Советского Союза»².

Буржуазные теоретики никак не хотят понять, что «правила игры», которые определяют «неравное» положение капитализма и социализма на мировой арене, предписаны не коммунистами, а самой историей. Ее законы диктуют неуклонное развитие общества к социализму, к крушению капиталистического строя. С этим и не могут примириться критики марксистско-ленинской концепции мирного сосуществования. Куда легче им

¹ W. Schmitt. *Krieg in Deutschland; Strategie und Taktik der sowjetischen Deutschlandpolitik seit 1945*. Düsseldorf, 1961, S. 193.

² F. Johnson. *No Substitute for Victory*. Chicago, 1962, p. 196—198.

видеть за тенденциями мирового развития «происки» коммунистов! Тот же журнал «Проблемы коммунизма» пишет: «Слог «со» в слове «существование» предполагает нечто вроде равенства и взаимности в отношениях, но коммунисты понимают это иначе, на манер игры, в которой они могут выиграть, но никогда не проигрывают, поскольку переход из одного состояния в другое законен, а в обратном направлении — запрещен»¹.

Такая трактовка важного момента концепции мирного сосуществования об отказе от попыток «экспорта» как революции, так и контрреволюции не выдерживает критики. Социалистические страны выступают против искусственного «подталкивания» революции, но требуют от империализма, чтобы он отказался от интервенции против народов, совершивших революцию. В этом между обеими сторонами может и должно быть полное равенство. Но совсем другой вопрос, что, по убеждению коммунистов, законы истории ведут капиталистическое общество — раньше или позже — к революции, а обратное развитие попросту невозможно.

Здесь уже ни о каком «равенстве» двух сторон речи быть не может. И, требуя его, империалистические идеологи, по сути дела, домогаются от коммунистов, от стран социализма каких-то «гарантий» против революций, против роста влияния коммунистических идей во всем мире. Но такие домогательства попросту нелепы.

Характерную попытку изобразить идею мирного сосуществования в качестве какого-то коварного орудия борьбы за мировое господство сделал «советолог» Р. Аллен (в 1969 г. он прослужил несколько месяцев в группе советников президента США по вопросам национальной безопасности) в книге, написанной по заданию Американской ассоциации юристов, занимающейся антикоммунистическим «просвещением». В этой книге «Мир или мирное сосуществование?», претендующей на «теоретическое исследование вопроса», сделана попытка скомпрометировать концепцию мирного сосуществования, подорвать доверие общественности к внешней политике Советского Союза. «После десятилетнего применения принципа мирного сосуществования в качестве основной стратегической линии международного

¹ «Problems of Communism», July — August 1961, p. 36.

коммунистического движения,— писал Аллен,— у нас нет никаких доказательств, что коммунисты ищут истинного мира с остальным миром. Больше того, ясно, что коммунисты не отказались от своей долгосрочной цели господства над миром, и в конечном счете мы должны судить об их мотивах в соответствии с этой целью»¹.

Мы привели эти высказывания, так как они проливают свет на основную тактику, к которой сегодня прибегают противники мирного сосуществования,— критиковать этот принцип с позиций «подлинного» мира, уподоблять мирное сосуществование «холодной войне». Такой поворот в критике заставляет, прежде всего, остановиться на тех принципиальных различиях, которые существуют между мирным сосуществованием и «холодной войной».

Здесь приходится говорить не просто о различиях, а о двух *противоположных* политиках и политических принципах. По мере того как перед лицом могущества социалистического содружества, сопротивления трудящихся всех стран и их борьбы за мир сторонники «горячей войны» оказываются в обороне, вынуждены сдавать некоторые свои позиции, подлинным политическим антиподом мирного сосуществования становится все больше и больше «холодная война».

«Холодная война» — это отнюдь не идеологический конфликт между двумя противоположными системами, а состояние острой напряженности в международных отношениях, постоянной гонки вооружений, политических, экономических, а нередко и военных столкновений, порожденное политикой империализма. Это — курс, рожденный политикой, направленной на экспансию, захват рынков и сфер влияния, проникновение в другие страны и подчинение их крупным империалистическим хищникам. Это — курс, включающий широкую подрывную деятельность против социалистических стран, имеющий целью реставрацию в них капитализма, а в государствах, сбросивших иноземное господство,— колониализма в тех или иных формах.

Конечно, по сравнению с мировым термоядерным конфликтом и самую острую «холодную войну» можно

¹ R. Allen. Peace or Peaceful Coexistence? Chicago, 1966, p. 174.

в какой-то мере считать миром. Но это — плохой мир, мир, за который народы платят чудовищными расходами на гонку вооружений, политическими издержками, связанными с разгулом милитаризма, вмешательством империалистов в их внутренние дела, наступлением реакции. Мало того, это — мир не только плохой, но и весьма неустойчивый, непрочный.

Угроза мировой термоядерной войны, как об этом свидетельствует целый ряд международных кризисов, исходит сегодня не только от клики «бешеных», сознательно делающих ставку на такую войну. Эта клика, конечно, существует, и нелепо было бы преуменьшать ее опасность. Но даже если ее удастся поставить в положение полной изоляции и лишить какого бы то ни было политического влияния в странах империализма, будет ли это означать устранение опасности войны? Нет, не будет. Официальная империалистическая политика в том виде, в каком она сейчас существует, сама по себе постоянно воспроизводит «холодную войну» и создает возможность всеобщего термоядерного взрыва. Эта возможность — в порождаемой такой политикой международной напряженности, в постоянно возникающих в разных районах мира конфликтах, в накоплении в международных отношениях запасов горючих материалов, которые могут вспыхнуть от любой искры.

Пожалуй, ближе всего на протяжении последнего десятилетия человечество подошло к термоядерной войне в дни «карибского кризиса» 1962 г.¹ Но он, как известно, был порожден вовсе не тем, что президент Кеннеди и его советники вели сознательный курс на мировую войну, а всей логикой империалистической политики, навязанной ею силовой борьбой, постоянными атаками против социалистической Кубы, выпущенной из-под контроля гонкой ядерных вооружений. Потенциальная угроза большого взрыва кроется и в созданных империалистической политикой острых конфликтных ситуациях в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке.

¹ См. подробнее: *R. Kennedy. Thirteen Days. A Memoir of the Cuban Missile Crisis.* N. Y., 1969; *T. Sorensen. Kennedy.* N. Y., 1965, p. 752—809; *A. Schlesinger. A Thousand Days. John Kennedy in the White House.* Boston, 1966, p. 794—841.

Собственно говоря, угроза мировой термоядерной войной была и остается органической составной частью империалистической внешней политики. Это признавалось официально, когда США следовали в своей политике доктрине «массированного возмездия», открыто провозглашая, что ядерная война будет ответом на нежелательное для них развитие событий. Ядерный шантаж фактически включен и в доктрины, пришедшие на смену «массированному возмездию», в рамках которых такой шантаж призван обеспечить США беспрепятственную возможность вести «локальные» войны в разных районах мира. Путь постоянного «балансирования на грани войны» ведет к тому, что когда-нибудь держава, избравшая такой путь, оступится и перейдет грань, обрушив на человечество ядерную катастрофу.

Политика напряженности и «холодной войны», таким образом, даже независимо от субъективных намерений отдельных руководителей западных держав, представляет собой большую и реальную опасность для дела мира. Особенно в наши дни, когда оружие массового уничтожения вообще усиливает угрозу «случайной», «нечаянной» войны — войны, разгоревшейся в результате простой ошибки, неисправности механизмов, преступной безответственности и даже помешательства отдельных лиц.

Риск «случайной» войны несут в себе уже не раз имевшие место над территорией США и их союзников случаи аварии «дежурных» бомбардировщиков с грузом ядерных бомб на борту. Те же последствия могут иметь неисправности радиолокаторов, ошибки людей, дежурящих на командных пунктах, и т. д.¹ В атмо-

¹ Проблемы «случайной» войны довольно широко обсуждаются и в буржуазной литературе, в том числе художественной. В США получил известность, например, фантастический роман Бэрдика и Уилера «Безопасно от несчастных случаев», в котором рассказывается о термоядерной войне между США и СССР, вспыхнувшей из-за неисправности конденсатора в радиоприемнике на борту американского самолета (*E. Burdick, H. Wheeler. Fail Safe. N. Y., 1963*). О том, что подобная угроза не является такой уж фантастической, говорит свидетельство крупнейшего американского специалиста по военной технике, доктора Ван-невера Буша, заявившего: «Имеется опасность того, что атомная война может возникнуть из-за случайности или просчета. Я считаю, что опасность такого источника возникновения войны серьезна» («*New York Herald Tribune*», October 25, 1962).

сфере страха, истерии риск «нечаянной» войны возрастает до размеров реальной угрозы. Еще опаснее, пожалуй, то, что в такой атмосфере особенно вольготно чувствуют себя авантюристы, весьма многочисленные в империалистических кругах.

Словом, «холодная война» создает запасы горючего материала и в то же время постоянно высекает искры, от которых они могут вспыхнуть. По существу своему она представляет собой скорее суррогат войны, нежели заменитель (пусть даже не очень доброкачественный) мира. Ибо политика «холодной войны» опирается на военную силу, включает в себя в качестве неотъемлемого элемента шантаж угрозой войны, ставит перед собой, по сути дела, военные цели.

Практика империалистической политики силы, политики «холодной войны» разоблачает и получившую на Западе широкое хождение концепцию, согласно которой мир в современных условиях возможен только как результат «равновесия страха». Эта концепция стала одним из излюбленных идейных прикрытий гонки вооружений, о чем свидетельствуют и многие официальные документы. Так, сенатская комиссия США по иностранным делам в выпущенном ею в 1960 г. докладе «Развитие военной техники и ее влияние на стратегию и внешнюю политику США» делала вывод, что оптимистический взгляд на перспективы мира может основываться лишь на том, что «будет создан сравнительно устойчивый ядерный тупик». Отсюда — призыв к дальнейшей гонке вооружений, которая будто бы «уменьшит риск тотальной войны»¹.

¹ См. «Проблемы мира и социализма», 1960, № 6, стр. 8. Любопытно, что расчет на страх как путь к миру породил на Западе целый ряд проектов «укрепления» мира через страх. В этой связи можно указать, например, на предложение об обмене несколькими сотнями «заложников мира» — членов семей видных деятелей СССР и США, выдвинутое Стефеном Джеймсом («The New York Times», March 15, 1962). В книге «Предотвратить третью мировую войну!», под редакцией Райта, Ивена и Дейча, выдвинут проект еще более грандиозный — обменяться десятью тысячами детей ответственных деятелей США и СССР (Q. Wright, W. Evan, M. Deutsch (ed.). Preventing World War III. N. Y., 1962). В том же направлении идут предложения видного американского атомного физика Лео Сциларда о минировании нескольких крупных городов в США и СССР ядерными минами, которые бы могли быть приведены в действие

Хорошо известно, что именно в начале 60-х годов США совершили самый большой за послевоенную историю рывок в гонке вооружений. Но он, даже по признанию многих американских буржуазных исследователей, не только не укрепил мира, но и, наоборот, вызвал последствия, сделавшие мир еще более шатким. И тем не менее в период избирательной кампании 1968 г. республиканская партия сделала одним из центральных требований своей платформы требование усилить гонку вооружений. Опасность такого курса очевидна. Безудержное накопление оружия массового уничтожения само по себе стало одним из главных элементов, дестабилизирующих международную обстановку.

Выгоды такая политика может дать только монополиям, производящим оружие, милитаристским кругам, крайней реакции. Их несомненный интерес состоит в том, чтобы, даже если война теряет смысл, не прекращать, а, наоборот, усиливать гонку вооружений и международную напряженность. Это сулит огромные прибыли. Это обеспечивает внутривластную обстановку, благоприятствующую сужению демократии. Это сохраняет немалые возможности для внешнеполитических авантур — пусть не с помощью «тотальной войны», зато всеми другими средствами — «ограниченных войн», шантажа, вмешательства во внутренние дела других стран. Речь, по сути дела, идет здесь о том, чтобы даже в условиях, диктующих необходимость воздерживаться от всеобщей войны, сохранять в неприкосновенности империалистическую агрессивную внешнюю политику и милитаризм как испытанное оружие реакции. Именно этим целям служит в современных условиях «холодная война».

Политика мирного сосуществования — это единственно возможная альтернатива не только мировой войне, но и «холодной войне». Ее цель — создать прочные гарантии мира и оздоровить всю систему междуна-

гражданами СССР, живущими в минированных городах США, и американцами, живущими в соответствующих советских городах, в случае нападения на их родину (L. Szilard. The Mined Cities. «Bulletin of the Atomic Scientists», December 1961, p. 407—412).

родных отношений, способствовать утверждению в ней подлинно демократических начал, соответствующих интересам народов и требованиям эпохи термоядерного оружия. Политика мирного сосуществования не сводится просто к отсутствию в данный момент состояния войны. Она предусматривает решительную борьбу против империалистической агрессии, за ликвидацию всех очагов опасности новой мировой войны, за разрешение путем переговоров и в интересах народов всех споров и конфликтов, нагнетающих напряженность, за прекращение гонки вооружений, за создание действенного международного механизма предотвращения агрессии, за развитие экономических, научно-технических и культурных связей между государствами.

Именно такие принципы международных отношений отстаивает Советский Союз.

«Разоблачая агрессивную политику империализма,— подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии,— мы в то же время последовательно и неизменно проводим курс на мирное сосуществование государств с различным общественным строем. Это значит, что Советский Союз, рассматривая сосуществование государств с различным общественным строем как форму классовой борьбы между социализмом и капитализмом, вместе с тем последовательно выступает за поддержание нормальных, мирных отношений с капиталистическими странами, за решение спорных межгосударственных вопросов путем переговоров, а не путем войны. Советский Союз твердо стоит за невмешательство во внутренние дела всех государств, за уважение их суверенных прав и неприкосновенности их территорий»¹.

Таким образом, попытки уподобить мирное сосуществование «холодной войне» абсолютно несостоятельны. Эти попытки имеют целью скомпрометировать идею мирного сосуществования в глазах широкой общественности, «доказать», будто оно не представляет собой цели, за которую стоит всерьез бороться.

¹ XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1966, ч. 1, стр. 43—44.

**Почему не может
быть «мирного со-
существования»
в области
идеологии**

Причины, по которым компартии, провозглашая своей целью нормализацию международных отношений, в то же время считают неизбежной и необходимой идеологическую борьбу против империализма и буржуазных идей, вполне очевидны.

Суть ленинской концепции мирного сосуществования в том и состоит, что речь здесь идет о параллельном существовании не просто различных государств, а государств, принадлежащих к противоположным социальным системам. Уже из этого следует, что отношения между такими системами не могут исчерпываться обычными для государств дипломатическими отношениями, как бы важны они сами по себе ни были. Существование двух систем имеет и другую сторону. Каждая из них олицетворяет господство класса — в одном случае класса капиталистов, в другом — рабочего класса, между которыми идет непримиримая борьба, составляющая основное содержание нашей эпохи. Борьба этих классов началась задолго до появления первой коммунистической партии, и не Маркс вызвал ее к жизни.

С точки зрения марксистов-ленинцев, эта борьба может окончиться лишь полной победой коммунизма. Победа социализма в странах, составляющих сейчас мировую социалистическую систему, — важный этап на пути к этой цели. Но этот успех не означает и не может означать окончания классовой борьбы. Между рабочими и буржуазией борьба идет и будет продолжаться как внутри отдельно взятых стран, так и на международной арене, где наряду со столкновением политических и экономических интересов идет еще и великий исторический спор двух социальных систем. Этот спор, развертывающийся в экономической, политической и идеологической областях, начался более полувека назад, и он не окончится вплоть до полной победы более прогрессивной общественной системы. Таков непреложный факт общественного развития, установленный не чьей-то злой волей, а существующий объективно.

Ни одно правительство, ни одна политическая партия не могут «отменить» этот факт, не могут «отменить»

классовую борьбу. Но от правительств, правящих классов и политических партий во многом зависит выбор форм исторически неизбежной борьбы. Предлагая мирное сосуществование, коммунисты как раз и исходят из того, что можно и нужно избежать перерастания этой борьбы в вооруженные конфликты между государствами и направить ее по таким каналам, которые бы не угрожали страшными бедствиями народам, цивилизации.

В этом коммунисты видят преимущества и необходимость мирного сосуществования, которое означает отказ от вооруженной формы борьбы между государствами, замену ее такой формой борьбы, как *соревнование общественных систем*, призванное на практике выявить исторические преимущества наиболее передовой из них и тем самым обеспечить ей поддержку народов. Эта форма борьбы больше всего отвечает интересам человечества. Она исключает попытки навязать тот или иной общественный строй другому народу силой оружия. Она оставляет за каждым народом право самому решать, какой строй может обеспечить трудящимся более высокий уровень благосостояния, подлинную свободу, расцвет культуры, лучшие условия для развития личности.

Но такая форма борьбы двух социальных систем неизбежно предполагает идейную борьбу. Поскольку капитализм и социализм будут соревноваться между собой за поддержку народов, борьба идей неизбежна.

Хорошая ли это перспектива для человечества? Безусловно. Более того — ее можно считать наилучшей из возможных в современных условиях перспектив.

Только заведомые фальсификаторы могут делать вид, будто до возникновения социализма в мире существовала идиллия братства и дружбы, этакое царство всеобщего целования, а вот пришли коммунисты и требуют какого-то соревнования двух систем и идеологической борьбы. Реальная история международных отношений далека от такой идиллии — она была заполнена кровавыми войнами, колонизаторскими походами, нескончаемыми попытками сильных поживиться за счет слабых. Сегодня мир тоже не стоит перед выбором — всеобщее братство и благоденствие либо идеологическая борьба и соревнование двух систем, на кото-

рых настаивают коммунисты. Последнее является альтернативой не всеобщему братству и благоденствию — их нет и не может быть в мире, где существует империализм,— а мировой войне, вооруженным конфликтам и «холодной войне». Ясно, что принять этот вызов означало бы не шаг назад или топтание на месте, а огромный прогресс в деле оздоровления международных отношений.

Иного, лучшего пути перед человечеством сейчас нет. Не случайно даже самые азартные критики мирного сосуществования не имеют на сей счет никаких внятных позитивных предложений.

Действительно, можно ли было бы, скажем, вместо мирного сосуществования в условиях идейной борьбы, выдвинуть концепцию сосуществования на основе «идейного единства»? Разумеется, нет. Ибо на практике это означало бы требование принятия всем миром одной из двух борющихся идеологий — либо буржуазной, либо социалистической. А поскольку ни одна из сторон не выражает готовности идейно капитулировать, такой план означал бы не программу мира, а программу ожесточения борьбы и обострения международной напряженности.

Опасность такой концепции видят и некоторые буржуазные авторы. Дизард, например, справедливо пишет: «Если мы будем подходить к разногласиям с коммунистами в агрессивном духе крестоносцев, каждая небольшая ссора между Востоком и Западом сможет перерасти в битву до победного конца. Один из уроков истории состоит в том, что в идеологическом крестовом походе трудно остановиться. В отличие от крестовых походов прошлого, любая наша попытка покарать язычников может окончиться ядерным истреблением»¹.

Имеется, правда, и другой вариант «идейного единства», звучащий отнюдь не воинственно, а скорее даже пацифистски. Речь идет о концепции «конвергенции», согласно которой и капитализм и социализм претерпевают определенную эволюцию, в ходе которой все больше сглаживаются различия между обеими системами, и когда-то этот процесс приведет к единому типу

¹ W. Dizard. Op. cit., p. 199.

общества. Как известно, научная несостоятельность этой концепции давно показана марксистской критикой. Поскольку ее сторонники выступают с требованием изменить сами принципы отношений между государствами с различным общественным строем, в частности отказаться от идеологической борьбы, уместно будет добавить к этому еще одно соображение. Сторонники «конвергенции», при всем своем кажущемся пацифизме, отнюдь не вносят своими аргументами вклада в улучшение отношений между социалистическими и капиталистическими странами. Их рассуждения не только извращают характер процессов общественного развития, но и объективно представляют собой попытку уйти от решения наиболее актуальных, острых и сложных, в полном смысле слова сегодняшних проблем, отодвинув их решение в неопределенное будущее, когда, мол, обе социальные системы сами по себе «сблизятся», а то и «сольются».

Не более реальным был бы и план мирного сосуществования на основе «идеологического перемирия», — пусть, мол, каждый остается при своей идеологии, но откажется от идейной борьбы. Верить в такой «проект» могут лишь люди, не понимающие существа социальных процессов, происходящих в мире, и тешащие себя иллюзией, будто историю можно остановить, стоит только об этом договориться.

В эпоху, когда в движение пришли многомиллионные массы народов, когда они сами хотят решать, какой общественный строй обеспечит им лучшую, достойную человека жизнь, взоры всех людей неотрывно прикованы к тому, что происходит в социалистическом и капиталистическом мире. В таких условиях решающее идеологическое значение приобретают не столько слова, сколько дела — уровень благосостояния трудящихся в тех или иных странах, их экономические и социальные достижения, их успехи в области развития демократии, науки и культуры, темпы их прогресса.

Не составляет в этом отношении исключения и внешняя политика, особенно сегодня, когда от нее в такой огромной степени зависят свобода, благосостояние, само физическое существование целых народов. По внешней политике государств трудящиеся массы давно уже судят о достоинствах или пороках господствующей

в них общественной системы. В. И. Ленин в свое время подчеркивал: «Рабочие всего мира, в какой бы стране они ни жили, приветствуют нас, сочувствуют нам, рукоплещут нам за то, что мы порвали железные кольца империалистских связей, империалистских грязных договоров, империалистских цепей,— за то, что мы вырвались на свободу, пойдя на самые тяжелые жертвы ради этого,— за то, что мы, как социалистическая республика, хотя бы и истерзанная, ограбленная империалистами, остались *вне* империалистской войны и перед всем миром подняли знамя мира, знамя социализма»¹. С другой стороны, преступная внешняя политика империалистов, развязанные ими войны оказывали глубокое воздействие на сознание масс, просвещали их, помогая стать на путь решительной революционной борьбы.

Точно так же и сегодня политика мира и мирного сосуществования, которую проводят страны социализма, завоевывает на сторону его идей миллионы трудящихся, а агрессивная политика империализма отталкивает от него все новые слои общественности.

Интерес людей к тому, что происходит в мире, нельзя убить, так же как нельзя разделить нашу планету на непроницаемые отсеки, создав барьеры, через которые и взгляд не достанет и слово не дойдет. В повседневной жизни перед человеком, где бы он ни жил, возникают десятки, сотни острых вопросов, на которые он ищет ответа в идеологии. Не давать ему этих ответов нельзя — трудящиеся массы стали огромной силой в общественной жизни, которую не может игнорировать даже капиталистический строй. Без разговора с массами — а это уже чистая идеология, идеологическая борьба — невозможна сегодня никакая политика. Что касается капитализма, то он и дня бы не прожил без усилий, направленных на то, чтобы сохранить духовное влияние на массы трудящихся. И там, даже без всякого вмешательства извне, идет борьба буржуазных и социалистических идей, — она началась задолго до того, как появилось на земле первое социалистическое государство. Идет такая борьба и в социалистических

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 53—54.

странах, где на первых порах буржуазная идеология имеет сильные позиции, а потом ее пережитки еще долгое время цепко гнездятся в умах, привычках, морали и традициях. О каком же «идеологическом перемирии», мирном соседстве двух идеологий может в таких условиях идти речь?

И если кое-кто на Западе еще цепляется за эту идейку и даже пытается ультимативно требовать от социалистических стран прекращения идеологической борьбы как условия для мирного сосуществования, то за этим стоит не столько непонимание существа дела, сколько определенный политический умысел — облегчить проникновение буржуазной идеологии, добиться буржуазного перерождения коммунизма. Призывы отказаться от идеологической борьбы, обращенные к коммунистическим партиям и социалистическим странам, оборачиваются сами по себе определенной идеологией, а точнее сказать — идеологической диверсией.

В связи с рассмотрением аргументов, приводимых критиками марксистско-ленинской концепции мирного сосуществования, может возникнуть еще один вопрос. Если согласиться с тем, что идеологическая борьба на международной арене действительно неизбежна, то не следует ли отсюда, что (пусть не по вине стран социализма и коммунистических партий, а в силу объективных условий) мирное сосуществование возможно лишь в виде какого-то подобия «холодной войны», а подлинно добрососедских, нормальных взаимоотношений между государствами быть не может?

Многие буржуазные авторы делают упор именно на эту сторону дела, заявляя, что путь к подлинному, а не суррогатному миру лежит на пути поисков духовного, идейного взаимопонимания и преодоления идеологического конфликта. Собственно говоря, подчас дань такой точке зрения отдают и люди, которых никак не заподозришь в симпатиях к империализму. Например, Кваме Нкрума в предисловии к книге Барбары Уорд «Пять идей, которые изменяют мир» писал: «Никогда раньше мир не был так разделен конфликтующими идеологиями, никогда раньше не зависело столько от нахождения, пусть не средств примирения идеологий, но средств их сосуществования. Само сохранение рода человеческого, видимо, зависит от того, будет ли ре-

шена эта проблема»¹. Собственно говоря, почти по единодушно разделяемому в буржуазной литературе мнению, сама «холодная война» началась вследствие идеологических разногласий и конфликта².

Но распространенность какого-то мнения не служит еще доказательством его истинности. Как известно, широкое хождение могут получать и заблуждения (особенно, если в этом заинтересованы влиятельные силы). На деле идеологическая борьба отнюдь не служит препятствием для укрепления мира, ликвидации «холодной войны», нормализации международных отношений, налаживания взаимовыгодного сотрудничества между странами, принадлежащими к различным социальным системам.

Действительно, разве идейные разногласия, идеологическая борьба лежат в основе большинства проблем, порождающих угрозу войны и международную напряженность? Нет, отнюдь не они. Не идейные соображения, а нежелание влиятельных монополий расстаться с прибылями, которые сулит им гонка вооружений, остается, например, камнем преткновения на пути к разоружению. Не борьба идей, а политика колониализма и неоколониализма порождает непрекращающуюся опасную напряженность в Азии и Африке.

Опыт истории говорит о том, что крупнейшие войны

¹ B. Ward. *Five Ideas That Change the World*. London, 1959, p. 7—8.

² В одном из наиболее серьезных трудов по истории послевоенных международных отношений — книге профессора Д. Флеминга разоблачается этот вымысел и показывается, что подлинные истоки «холодной войны» следует искать в политике западных держав (*D. Fleming. The Cold War and Its Origins (1917—1960)*. London, 1961). Следует отметить, что в 60-е годы в США возникло примечательное направление в американской историографии — направление «новых левых». Историки этого направления с фактами в руках атаковали антикоммунистические клише, убедительно показав, что агрессивная политика Запада и в первую очередь США — первопричина международной напряженности после 1945 г. (*W. Williams. The Tragedy of American Diplomacy*. N. Y., 1962; *W. Williams. The Contours of American History*. Chicago, 1966; *G. Alperovitz. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam*. N. Y., 1965; *G. Kolko. The Politics of War. The World and the United States Foreign Policy (1943—1945)*. N. Y., 1968. См. в русском переводе работы: *У. Вильямс. Трагедия американской дипломатии*. М., 1960; *Г. Алпровиц. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам*. М., 1968).

последних десятилетий разгорались отнюдь не вследствие идеологической борьбы, спора о преимуществах или недостатках той или иной социальной системы, а в результате совсем других факторов — погони империалистов за прибылями, колониями, сферами влияния, источниками сырья и рынками сбыта. Едва ли кто-нибудь станет спорить против того, что и до появления на земле первого социалистического государства, в условиях ничем не омраченного «идейного единства» буржуазного мира, его непрерывно раздирали конфликты и войны.¹ С другой стороны, появление на международной арене и укрепление мировой системы социализма, хотя оно и принесло усиление идейной борьбы в мире, превратилось в фактор, сдерживающий попытки развязать войну.

Уместно напомнить и о многочисленных исторических примерах нормальных и даже дружественных отношений между государствами с различным государственным строем и идеологией. Так, глубокие различия между буржуазно-демократической, республиканской страной — США и абсолютистской державой — Россией не мешали им на протяжении более чем ста лет не только жить в мире, но и строить свои отношения на вполне лояльных основах. Различия в идеологии не помешали и союзу между страной социализма и капиталистическими державами США и Англией в годы второй мировой войны. Да и сейчас между многими странами, разделенными серьезными идеологическими раз-

¹ Напомним в этой связи мнение человека, посвятившего значительные усилия борьбе против Советской России и коммунизма вообще, — американского президента В. Вильсона. Выступая 5 сентября 1919 г. и говоря о минувшей первой мировой войне, Вильсон подчеркнул: «Мои сограждане! Разве найдется среди вас кто-нибудь, даже ребенок, который не знал бы, что семена войны в современном мире — в промышленном и торговом соперничестве? Истинная причина только что закончившейся войны в том, что Германия опасалась победы ее торговых конкурентов, а причина, почему ряд держав пошли войной на нее, — их опасение, что Германия получит коммерческие преимущества над ними... Война возникла как торговая и промышленная. Это не была политическая война» (цит. по R. Hofstadter. *The American Political Tradition and the Men Who Made it*. London, 1962, p. 271).

личиями, такими, например, как Советский Союз, с одной стороны, и Индия, Афганистан, Финляндия — с другой, существуют нормальные, подлинно дружественные отношения.

Характерно, что, касаясь современных американско-советских отношений, реалистически мыслящие американские исследователи не считают идеологические различия препятствием для их нормализации и укрепления. Например, профессор Нью-Йоркского университета Д. Траск делает такой вывод в своем новейшем курсе внешней политики США: «Много написано об исторических и идеологических пропастях, разделяющих Америку и Россию, но значительно меньше об узах, которые в возрастающей степени связывают оба народа». Перечислив их — необходимость разоружения, сотрудничества в научно-технической области и т. д., — Д. Траск заключает: «Мы живем в мире трудного выбора, круг постоянно сужается. Пришло время для решения. Нам не принесет пользы, если мы, продолжая нынешнюю политику, отсрочим новую мировую войну на 10, 20 или 30 лет. Настоятельная задача — предотвратить возникновение войны вообще»¹.

Таким образом, и опыт прошлого, и современная действительность свидетельствуют об одном: если сознательно не искать в идеологических разногласиях предлога для обострения отношений, то эти разногласия не могут мешать успешному налаживанию отношений между государствами с различными социальными системами. В условиях соревнования двух систем и идеологической борьбы есть полная возможность покончить с «холодной войной» и добиться не какого-то суррогата мира, как утверждает империалистическая пропаганда, а подлинно нормальных добрососедских отношений, включающих и взаимовыгодное сотрудничество во многих областях. На пути к этой цели стоит не идеология, а интересы империалистической реакции, без обуздания которой невозможно сохранить и упрочить мир.

¹ D. Trask. Victory without Peace. American Foreign Relations in the Twentieth Century. N. Y., 1968, p. 171.

**Идеологическая
борьба
и «психологическая
война»**

Признание необходимости и неизбежности идеологической борьбы ни в коей мере не означает, что с принципами мирного сосуществования совместима любая пропаганда, любая

деятельность, связанная с воздействием на сознание масс. Одно дело — борьба идей, спор о понимании и оценке тех или иных явлений действительности, о путях достижения идеалов, разделяемых большинством человечества, о достоинствах или недостатках того или иного общественного строя. Такая борьба, если она ведется в соответствующих формах, какой бы остроты ни достигала дискуссия, не должна и не может мешать миру и улучшению отношений между социалистическими и капиталистическими державами. И совсем другое дело — проповедь войны и ненависти между народами, клевета, подстрекательство к саботажу и другим преступлениям, распространение слухов, способных внести сумятицу и разлад в жизнь общества. Такая пропаганда — это не идейная борьба, а скорее подрывная деятельность, означающая вмешательство во внутренние дела других государств и несовместимая с принципами мирного сосуществования.

Между тем именно такая пропаганда составляет суть «психологической войны», развязанной международной реакцией против стран социализма. Излагая ее «принципиальные» установки, американский специалист в этой области (в годы войны — руководитель германского отдела Управления военной информации) Г. Шпеер в большой статье «Пересмотр основ психологической войны» прямо писал в те годы, когда складывались основы внешнеполитической пропаганды США, о бесцельности попыток «обратить» в капиталистическую «веру» народы стран социализма. Вместо этого, заявлял он, пропаганда призвана сосредоточиваться «на избранных группах, личная заинтересованность и индивидуальные особенности которых делают их склонными к враждебной деятельности». Лишь такие группы, по мнению Шпеера, могут представлять собой благодарную почву для пропаганды, целью которой, по его разъяснению, являются «замедление работы, совершенные диверсии, распространение слухов, организация

тех, кто недоволен и занимается нелегальной деятельностью»¹.

Широкую программу подобного рода методов пропаганды изложил во влиятельном западногерманском журнале «Ауссенполитик» доктор Алард фон Шак в статье «Духовная борьба в сосуществовании». Он выступил с призывом: «планомерно применяя необходимые методы и способы... всеми средствами современной пропаганды» возбуждать у людей в социалистических странах «безразличие к целям коммунистического руководства, используя национальные различия, религиозные предрассудки, а также такие человеческие слабости, как любопытство, женское тщеславие, жажда наслаждений». Одна из главных целей при этом — толкать население к «пассивному сопротивлению», «замедлению работы и саботажу»².

Мы ограничились здесь лишь этими двумя высказываниями, так как о доктрине и методах империалистической пропаганды, в том числе о такой ее наиболее агрессивной разновидности, как «психологическая война», подробно говорилось выше. Важно подчеркнуть, что пропаганда такого сорта — это не фантазия отдельных теоретиков, а давно уже неотъемлемая составная часть политической практики империалистических государств. В этой связи можно сослаться на ту роль, которую империалистическая пропаганда сыграла в событиях 1956 г. в Венгрии и 1968 г. в Чехословакии, на систематические происки западных радиостанций (в том числе правительственных) против ГДР, на деятельность таких подрывных центров, как «Свободная Европа», «Радио Свобода» и т. д.

В свете такой политики не приходится удивляться, что за последние два десятилетия многие привыкли отождествлять идеологическую борьбу с подобного рода «психологической войной», действительно наносившей и продолжающей наносить существенный ущерб отношениям между государствами, сеющей недоверие и ненависть. На этом и пытаются сегодня спе-

¹ H. Speier. Psychological Warfare Reconsidered (в сборнике «The Political Sciences», ed. by D. Lerner and H. Lasswell. Stanford, 1951, p. 252—270).

² «Aussenpolitik», 1962, № 11, S. 773.

кулировать некоторые противники мирного сосуществования.

Но идеологическая борьба, как ее понимают коммунисты,— это отнюдь не «психологическая война». Между ними такое же принципиальное различие, как между двумя видами политики, неотъемлемой частью которых они соответственно являются,— мирным сосуществованием и «холодной войной».

Ополчаясь против концепции мирного сосуществования, империалистические деятели имеют, однако, в виду отнюдь не опасность методов «холодной войны», присущих как раз политике империализма. Эти деятели требуют от коммунистов уступок в другом — предлагают им «продемонстрировать добрую волю», поступившись своим мировоззрением, пойти на компромисс в области идеологии, проявлять терпимость к буржуазным идеям. Решительную отповедь таким беспочвенным претензиям дал апрельский Пленум ЦК КПСС 1968 г., подчеркнувший неприемлемость и несостоятельность идеи о возможности «мирного сосуществования» в области идеологии.

Такой подход является тем более обоснованным, что сами империалистические деятели не собираются идейно разоружаться, каких бы достижений ни удалось добиться на пути мирного сосуществования. Об этом в свое время открыто писал Рейбен Натан — американец немецкого происхождения, возглавлявший отдел планирования «Радио Свободная Европа». В статье «Внешняя политика Запада и западная пропаганда», опубликованной в том же журнале «Ауссенполитик», он подчеркивал, что, если даже западная дипломатия пойдет на смягчение международной напряженности, она «должна быть подкреплена все более воинственным использованием психологических и идеологических слабостей противника — и соответственно, конечно, ей может повредить ограничение пропагандистской деятельности». «Идеологический конфликт,— утверждал он,— не в меньшей мере борьба не на жизнь, а на смерть, чем самые горячие войны прошлых лет...»¹

Итак, идеологическая борьба остается неотъемлемой

¹ «Aussenpolitik», 1962, № 8, S. 540, 542.

частью отношений двух общественных систем, в том числе и в рамках политики мирного сосуществования.

Что касается «холодной войны», то она, естественно, предполагает «идеологическую» борьбу особого рода — агрессивную пропаганду, рассчитанную на то, чтобы парализовать сопротивление широких масс политике империалистов, обеспечить их экспансию, служить орудием вмешательства во внутренние дела других государств и подчинения их народов, поддерживать обстановку напряженности и конфликтов в международных отношениях. Из того, что «холодная война» и присущая ей пропаганда представляют по целям и существу своему военные средства, не делают секрета и некоторые буржуазные теоретики. Английский генерал Д. Фуллер (в прошлом проповедник доктрины «кнопочной войны») пишет, например, что, поскольку появление ядерного оружия делает войну в традиционном понимании бессмысленной, понятие войны должно быть расширено за счет методов, средств и принципов, составляющих суть «холодной войны», как психологической, экономической и идеологической борьбы за достижение тех же целей, которые в современных условиях не могут быть достигнуты путем войны горячей¹.

Ясно, что такого рода психологическая и «идеологическая» борьба, организуемая империалистами, действительно наносит существенный ущерб делу мира и нормализации международной обстановки, интересам народов. Это вызывает законную тревогу у всех сторонников мира, в том числе у людей, далеких от идей марксизма-ленинизма, остающихся сторонниками капитализма, буржуазных идей и установлений. Даже со стороны этих людей все чаще приходится слышать решительные протесты против теории и особенно практики «психологической войны» империалистов, отравляющей международную атмосферу.

В качестве примера можно привести книгу известного американского философа и психолога Эриха Фромма «Может ли человек существовать? Исследование фактов и фикций внешней политики». Конечно, далеко не со всеми положениями этой книги можно согла-

¹ J. Fuller. The Conduct of War 1789—1961. London, 1961, p. 314, 318.

ситься. Э. Фромм — идеалист и в своих объяснениях политических явлений часто пренебрегает социально-экономическими факторами, сводит все дело к психологии. Совершенно несостоятельны и его воззрения на марксизм-ленинизм. Но все это не затрагивает положений книги, посвященных критике империалистической политики и пропаганды.

Фромм считает, что Советский Союз выступает за мир, а выдумки о его агрессивности — не более как «удобные формулы для оправдания дальнейшего вооружения и продолжения холодной войны»¹. Полемизируя с концепциями Германа Кана, он присоединяется к требованию разоружения. Но при этом Фромм считает, что оно требует и «психологического разоружения». Поясняя свою мысль, он пишет, что речь идет не об отказе от идеологической борьбы, а о том, чтобы такая борьба «не была использована для разжигания духа войны».

Фромм отдает себе отчет в том, что отказ от «психологической войны» встретит отпор со стороны влиятельных кругов Запада, которые боятся подлинно идеологического поединка, так как у них за душой «внутренняя пустота и глубокая безнадежность». Но тем не менее он считает необходимым добиться «психологического разоружения» на путях возврата к мышлению, опирающемуся на факты, и преодоления сопротивления, вызванного «материальными интересами правящих и привилегированных групп»², так как этого требуют интересы мира и предотвращения термоядерной войны.

Не менее решительно выступает против пропаганды, осуществляемой правящими кругами США, американский экономист, возглавлявший институт военных и мирных исследований при Колумбийском университете, профессор С. Мелмен. Особое возмущение вызывают у него методы психологической обработки самого американского населения, с помощью которых «готовится человеческий материал, способный вести термоядерную войну, не ощущая ни вины, ни угрызений совести».

¹ *E. Fromm. May Man Prevail? An Inquiry into the Facts and Fictions of Foreign Policy.* N. Y., 1961, p. 116—117.

² *Ibid.*, p. 16, 4.

«Роботизм, как общественное явление,— пишет Мелмен,— становится необходимой формой существования, когда главными лозунгами нашего общества оказываются пресловутые формулы вроде «лучше стать мертвым, чем красным»»¹.

Заслуживает упоминания книга американского социолога А. Этциони «Трудный путь к миру; новая стратегия». Ее автор считает целью налаживание широкого и разностороннего сотрудничества между государствами при сохранении в мире разных идеологий — коммунистической и капиталистической. Это — несомненно реалистический подход, отвергающий абсурдные требования «мирного сосуществования» в идеологии. Этциони вместе с тем остается реалистом и в том отношении, что видит, какое вредное влияние на международную обстановку оказывает «психологическая война». Отсюда и его предложение, обращенное к США,— покончить с «истерией холодной войны», начать «психологический этап» нормализации международных отношений тем, что прекратить антисоветскую пропаганду, вообще положить конец пропаганде, призывающей граждан социалистических стран «свергнуть свои правительства»². Это, по мнению американского социолога, оздоровит обстановку и поможет достичь соглашения о разоружении и по другим важным проблемам.

Такие выступления — а их становится все больше — свидетельствуют о растущем понимании общественностью той опасности, которую несет для дела мира клеветническая пропаганда поджигателей войны, «психологическая война», развязанная империалистами против народов. Действительно, ограничение и устранение такой пропаганды превращается сейчас в одну из довольно существенных составных частей общей программы нормализации международной обстановки, сохранения и укрепления мира. Соответствующие требования (в частности, требования о запрещении пропаганды войны, прекращении подрывной пропаганды и т. д.) становятся в наши дни одним из важных объ-

¹ S. Melman. The Peace Race. London, 1962, p. 37—38.

² A. Etzioni. The Hard Way to Peace. A New Strategy. N. Y., 1962.

ектов борьбы за мир, мирное сосуществование и смягчение международной напряженности.

Ряд западных исследователей — А. Ларсон, Д. Уиттон, Д. Мартин и др. видят главную проблему «психологической нормализации» международных отношений в международно-правовом ограничении определенных видов пропаганды. Этих исследователей можно, правда, упрекнуть в формально-юридическом подходе к этой важной проблеме (борьбу с опасной для дела мира пропагандой нельзя сводить к заключению соответствующих международных договоров, так же как и борьбу за мир в целом — она решается прежде всего с помощью социально-политических, а не юридических средств). Но вместе с тем было бы неправильным игнорировать и значение юридического, международно-правового механизма, способного играть видную роль в регулировании межгосударственных отношений, различных аспектов деятельности государств на международной арене, включая деятельность, связанную с идеологической борьбой, распространением идей, пропагандой.

Проблема правовых ограничений пропаганды, ведущейся на международной арене, является относительно новой. В течение длительного времени такая пропаганда если и велась, то почти исключительно в ходе войны или в связи с нею, когда господствовало право сильного, а не юридические ограничения, пусть даже в конечном счете основанные на таком праве.

Неудивительно, что исторические прецеденты правового ограничения того, что мы сейчас называем внешнеполитической пропагандой, весьма немногочисленны. Среди них можно указать, например, на франко-русский договор 1801 г., статья 3 которого налагала на обе стороны обязательство не позволять своим подданным переписку «с внутренними врагами существующих правительств обоих государств», имеющую целью пропаганду «принципов, противоречащих их конституциям, или подстрекательство к беспорядкам». Аналогичные положения были записаны в договоре между Австро-Венгрией и Сербией 1881 г. и некоторых других¹.

По-настоящему проблема международно-правового

¹ J. Martin. International Propaganda, p. 89—90.

регулирования и ограничения внешнеполитической пропаганды встала лишь в XX веке в связи с двумя различными по своему характеру явлениями. Первое из них — развернувшийся в мире процесс социалистической революции, который вызвал со стороны правящей буржуазии стремление всеми средствами ограничить распространение революционных идей. Второе — мировые войны, для подготовки которых империалисты использовали оружие пропаганды, что породило в рядах прогрессивных, миролюбивых сил стремление ограничить пропаганду войны, расовой и национальной ненависти и т. д.

Сказанным определяется и сложность данной проблемы, то обстоятельство, что в подходе к ней сталкиваются два основные течения, связанные с совершенно различными политическими явлениями и устремлениями. Отсюда очевидна недостаточность формального подхода — ограничительные меры могут иметь разное содержание в зависимости от того, какие цели они преследуют.

В новой и новейшей истории международных отношений первые попытки правового регулирования пропаганды были связаны, прежде всего, с контрреволюционными устремлениями реакционных сил. Это вполне естественно, если учесть, что вплоть до 1917 г. субъектами международного права были только эксплуататорские государства, заинтересованные в сохранении угнетательских порядков и борьбе против революции.

Вот почему до самого последнего времени в трудах авторитетных специалистов в области международного права можно было столкнуться лишь с одним аспектом проблемы, относящимся к революционной пропаганде. Причем трактовалась эта проблема совершенно однозначно — в плане противоправности такой пропаганды. Вполне категорично выражал это, например, У. Маннинг, писавший, что государство имеет право объявить войну, «каким бы злом она ни была, но не подчиняться полному разрушению социальной системы, которое должно последовать за провокацией насильственной анархии»¹. В том же духе, пусть и не столь категорично,

¹ W. Manning. Commentaries on the Law of Nations. London, 1875, p. 134.

высказывались и многие другие буржуазные авторитеты в области международного права, такие, как Г. Трипель, П. Квинси Райт, П. Фошиль, С. Джемма, Г. Лаутерпах, А. Фердросс, Л. Оппенгейм и т. д.

После Великой Октябрьской социалистической революции такая доктрина из теории перекочевала в международную практику. Как уже отмечалось, одним из главных поводов для отказа в дипломатическом признании Советского правительства служило обвинение в том, что оно-де ведет «подрывную» пропаганду.

При этом поначалу империалистические державы пытались толковать обязательства государств в отношении враждебной правительствам других держав пропаганды расширительно, распространяя его и на деятельность неправительственных организаций и частных лиц, а также на пропаганду социальных идей, не содержащих прямого призыва к свержению существующего строя¹. Однако им пришлось от такого толкования отказаться. Тем более что сама политика империалистических держав в отношении Советской России включала наряду с подрывной деятельностью, экономической блокадой и вооруженными провокациями враждебную социалистическому строю пропаганду.

Что касается правительственной пропаганды, прямо направленной против правительств других держав, то Советская Россия с готовностью взяла на себя обязательство от нее воздерживаться, разумеется на основах равноправия и взаимности, в ответ на соответствующие обязательства правительств капиталистических стран. Это было зафиксировано уже в первых международных договорах Советской власти: в Брестском договоре (1918 г.), договоре РСФСР с Англией (1921 г.), с Польшей (1921 г.), Норвегией (1921 г.), Италией (1921 г.), Чехословакией (1922 г.) и других, вплоть до состоявшегося в 1933 г. обмена письмами между Ф. Рузвельтом и М. М. Литвиновым, устанавливавшего дипломатические отношения между СССР и США².

¹ Как признает, ссылаясь на виднейших авторитетов, Мартин, такое толкование является несостоятельным и с точки зрения буржуазной международно-правовой доктрины.

² См. «Документы внешней политики СССР». М., 1957—1961, т. I, стр. 119; т. III, стр. 618, 607; т. IV, стр. 298, 596; т. V, стр. 441, а также «Внешняя политика СССР». М., 1945, т. III, стр. 678.

Вместе с тем Советское правительство категорически отвергало попытки западных держав заставить его взять обязательства прекращения революционной пропаганды, которую вело мировое коммунистическое движение, братские партии.

В период между двумя мировыми войнами предпринимались также первые попытки ограничения пропаганды, наносящей ущерб миру. Шли они прежде всего по линии неправительственных или «полу»правительственных организаций (как правило, международных), по тем или иным причинам занимавших буржуазно-пацифистскую позицию. Эти попытки, однако, не принесли успеха, а соответствующие рекомендации не были проведены в жизнь и не получили силы закона. Это и понятно, ибо за ними стояли либо попытки обмануть общественность, либо беспочвенные и утопические пацифистские программы, которые не были связаны с массовым движением за мир, не опирались на него.

По мере того как внешнеполитическая пропаганда превращалась во все более важное орудие межгосударственных отношений, учащались попытки ее дипломатического регулирования в обычных сношениях между социально одготипными державами. В этой области, надо сказать, были достигнуты несколько более заметные результаты. История дипломатии периода между двумя мировыми войнами дает значительное число примеров такого регулирования двусторонними и многосторонними договорами. К их числу относится, например, испано-франко-британское соглашение, заключенное в 1923 г. в Танжере и вводящее запрет на пропаганду из Танжера, враждебную порядкам, существующим во французском и испанском Марокко. Аналогичное соглашение было заключено в 1928 г. между Испанией, Францией, Англией и Италией¹. Эти соглашения, по существу, были одним из вспомогательных средств, закреплявших колониальный раздел тех или иных районов мира.

Довольно типичны для того периода договоры между буржуазными державами, содержавшие обяза-

¹ J. Martin. Op. cit., p. 75.

тельства не вести враждебную пропаганду друг против друга. Таково англо-итальянское «джентльменское» соглашение 1938 г., франко-итальянский договор от 7 января 1935 г., соглашение «о ненападении в печати» между Польшей и Литвой, заключенное в 1938 г.¹

Словом, период между двумя мировыми войнами дает картину обострившегося интереса к регулированию внешнеполитической пропаганды со стороны империалистических держав, увидевших и ее опасности, и те новые возможности, которые она открывала как орудие дипломатии. Описывая соответствующие усилия государств, Мартин пишет: «Помимо того, что они вкладывали большие деньги в международную пропаганду, государства занялись и тем, что, особенно после первой мировой войны, подписывали договоры, в которых шли на серьезные уступки другим государствам в обмен на туманную свободу от пропаганды. Законодательные органы принимали сотни актов с целью контроля над пропагандой. Дипломаты льстили, умоляли, угрожали и торговались, чтобы отвратить пропагандистские усилия других государств. Юристы яростно спорили о том, допускает ли международное право, публичное и частное, международную пропаганду»².

Вторая мировая война внесла в проблему правового ограничения международной пропаганды прежде всего то изменение, что она открыла глаза широкой общественности на опасность использования пропаганды агрессорами в качестве политического оружия. Именно таков был один из уроков, предподанных миру фашизмом. На Нюрнбергском процессе стал вопрос об уголовной ответственности за соответствующие виды пропаганды. Международный трибунал, в частности, расценил деятельность Ю. Штрейхера, издателя погромного листка «Штюмер», как подстрекательство к убийству, уничтожению евреев. Пропаганда нацистских доктрин послужила одним из важных пунктов обвинения Рудольфа Гесса и Розенберга. Правда, судьи, представляющие западные державы, не нашли состава преступления в действиях Фриче, одного из руководителей пропагандистского аппарата гитлеровской Германии,

¹ J. Martin. Op. cit., p. 93, 75, 95.

² Ibid., p. 3.

в частности в его радиопередачах. Это вызвало законный протест советского представителя Никитченко¹. Однако и без осуждения Фриче Нюрнбергский процесс создал важный прецедент, согласно которому определенные виды пропаганды могут и должны рассматриваться как преступление против мира и человечности, как составная часть геноцида и подлежат в качестве таковых уголовному преследованию.

Развязанная империалистами «холодная война» превратила пропаганду войны в одну из больших опасностей для мира. Широкие масштабы приняла подрывная пропаганда империалистических держав против стран социализма, ставшая одним из заметных факторов международной напряженности.

В этих условиях выкристаллизовались два противоположных подхода к проблеме. Один, представленный социалистическими странами, состоит в том, чтобы ввести ограничения, препятствующие пропаганде войны и вмешательству во внутренние дела других стран с помощью средств пропаганды. Этот подход нашел свое выражение в борьбе Советского Союза и других социалистических стран за запрещение пропаганды войны. Как известно, под давлением мировой общественности соответствующие резолюции были приняты в 1947 г. Политическим комитетом Генеральной Ассамблеи ООН, а в 1950 г. пленарной сессией Генеральной Ассамблеи². Но, в отличие от Советского Союза и других социалистических стран, империалистические державы не приняли соответствующего уголовного законодательства, и эти резолюции остались для них имеющими лишь моральное значение.

Это — одно из проявлений общего подхода стран империализма к данной проблеме. Всячески сопротивляясь мерам, направленным на ограничение распространения идей войны, расовой ненависти, национализма, все шире развертывая подрывную пропаганду против социалистических стран, они пытаются не только легализовать эту свою деятельность, но и лишить дру-

¹ «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками». М., 1961, т. 7, стр. 525—529.

² Официальный отчет Генеральной Ассамблеи ООН, 1950 г., 5 сессия, док. № 381.

гие страны права ограждать себя от подобной пропаганды.

Именно в этом смысл требования так называемой «свободы информации», выдвинутого империалистическими державами, и прежде всего США.

Их борьба за «свободу информации» началась давно, собственно говоря, еще в годы первой мировой войны, причем активное участие в ней помимо правительственных ведомств приняли еще и крупнейшие монополии, не только политически, но и экономически заинтересованные в ликвидации всяких ограничений для идеологической экспансии (информационные агентства, газетные и книгоиздательские тресты и т. д.). Как рассказывает Г. Брукер в книге, специально посвященной этой проблеме, уже во время Парижской мирной конференции 1919 г. советник президента Вильсона полковник Хауз по настоянию представителей Ассошиэйтед пресс добивался внесения гарантий «свободы информации» в текст мирных договоров¹. В 1934 г. американские агентства Ассошиэйтед пресс и Юнайтед пресс, а также крупнейшие газеты США открыли активную кампанию за «всемирную свободу информации», также поддержанную правительством².

Но с особой силой эта кампания развернулась в годы второй мировой войны и после ее окончания. Застрельщиками и на сей раз выступили непосредственно заинтересованные американские организации. Еще в начале 1943 г. соответствующая резолюция была принята американской ассоциацией издателей газет, отправившей вскоре специальную делегацию для пропаганды этого требования в зарубежные страны³. Вскоре в кампанию включился сенат США, принявший в 1944 г. «Резолюцию Коннэли» о «распространяющемся на весь мир праве обмена информацией между организациями, занимающимися ее сбором и распространением, все равно единоличными или коллегиальными... без дискриминации в отношении источника, распространения, ставок, сбора и потребности в ее защите»⁴.

¹ H. Brucker. Freedom of Information. N. Y., 1949, p. 206.

² Ibid., p. 208.

³ Ibid., p. 209—214.

⁴ Ibid., p. 210.

В 1945 г. требование «свободы информации» было выдвинуто делегацией США на межамериканской конференции в Мехико, а с 1948 г., когда началось обсуждение проекта Декларации прав человека, этот вопрос надолго занял свое место в повестке дня соответствующих органов ООН. В 1949 г. Генеральной Ассамблеей была принята соответствующая резолюция, вскоре дополненная резолюциями, осуждавшими цензуру, а также практику выдворения иностранных корреспондентов, нарушающих законы страны пребывания¹.

Характерно, что истинные цели, стоящие за такими домогательствами «свободы информации», были по разным линиям изобличены и некоторыми буржуазными авторами. В частности, английский журнал «Экономист», комментируя на шумевшую в свое время книгу Кента Купера (главы «Ассошиэйтед пресс») — «Долой барьеры», обосновывавшую полную «свободу информации», писал: «Мистер Купер... испытывает особенное моральное воодушевление от того, что его представление о свободе совпадает с коммерческими выгодами. В его славословии по адресу свободы нет упоминания о том, что, если будут ликвидированы все барьеры, огромные финансовые возможности американских агентств позволят им добиться господства во всем мире»².

Брукер указывает в этой связи также и на некоторые политические цели, преследуемые соответствующими монополиями в борьбе за «свободу информации». «Эти органы информации,— пишет он,— претендуют на служение публике; на деле же они ищут прибылей. Хуже всего — они распространяют частные политические и экономические взгляды своих владельцев... Это старый трюк промышленности, домогающейся прибылей,— требовать полной свободы»³.

Совершенно очевидно, однако, что и Брукер говорит не всю правду. Сегодня речь идет уже не о политике

¹ Официальный отчет Генеральной Ассамблеи ООН, 1949 г., 4 сессия, док. № 426.

² Цит. по Н. Brucker. Op. cit., p. 214.

³ Н. Brucker. Op. cit., p. 216.

отдельных монополистических организаций, а о государственной политике крупнейших империалистических держав, добивающихся устранения барьеров на пути своей идеологической экспансии и «психологической войны». Кроме того, борьба за неограниченную «свободу информации» за рубежом преследует и цель облегчить шпионскую деятельность, выдаваемую за сбор информации. Не случайно при обсуждении Декларации прав человека, статья 20 которой говорит о «свободе искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ», американские представители наотрез отказались дополнить эту статью словами «в пределах, не угрожающих безопасности государства»¹.

В свете той дискуссии, которая идет вокруг проблемы ограничения пропаганды, наносящей ущерб интересам мира, заслуживают внимания фундаментальный труд Артура Ларсона и Джона Уиттона «Пропаганда: к разоружению в войне слов»², а также ряд изданий руководимого А. Ларсоном центра исследований при Дьюкском университете (США). Особый интерес им придает то обстоятельство, что сам Артур Ларсон, являющийся горячим поборником ограничения такого рода пропаганды, в свое время возглавлял Информационное агентство США и судит о предмете исследования со знанием дела, как говорится, полученным из первых рук.

Подчеркивая, что «неограничиваемая пропаганда может иногда стать тем, от чего зависит вопрос войны или мира»³, Ларсон указывает на три, особенно опасных в этом плане, вида пропаганды — пропаганду войны, подрывную и клеветническую (диффамационную) пропаганду. Он делает вывод, что в отношении всех них «международное право уже содержит ясно выраженные принципы и правила, делающие такую пропаганду

¹ Документы ООН. Стенограмма 63-го заседания 3-й сессии Комиссии по правам человека. 3. 07. 1948 г.

² A. Larson, J. Whitton. Propaganda: Towards Disarmament in the War of Words. N. Y., 1964.

³ «World Rule of Law Booklet Series», 1966, № 42, p. 439.

незаконной»¹. В доказательство он приводит ряд положений международных договоров (включая Устав ООН), нормы, вытекающие из Нюрнбергского процесса, положения американского обычного права и суждения виднейших юристов.

В этой связи Ларсон говорит о явной противоправности таких, например, акций правительства США, как ежегодное президентское послание по случаю так называемой «Недели поработанных народов», по существу являющейся подстрекательством к контрреволюционному мятежу против правительств социалистических стран, в том числе официально признаваемых Соединенными Штатами.

Профессор Принстонского университета Д. Уиттон, так же как и А. Ларсон, поддерживающий требование ограничить пропаганду, опасную для дела мира, так аргументирует актуальность этой задачи: «Пропаганда может форсировать напряженность, способствуя подрывной деятельности и пробуждая загнанные вглубь чувства. Она также угрожает эскалацией конфликтов, и, поскольку она апеллирует прежде всего к иррациональным чувствам, такая пропаганда расширяет базу для международной ненависти и идейных конфронтаций, придавая проблемам эмоциональный заряд... Необходимы международные усилия, чтобы найти мето-

¹ «World Rule of Law Booklet Series», 1966, № 42, p. 442. Из признания этого факта исходят, между прочим, авторы некоторых «прикладных» буржуазных исследований, рассчитанных на практиков. В этой связи можно сослаться хотя бы на известный справочник, выпускаемый Институтом радиовещания и телевидения («Институт Ганса Бредова») при Гамбургском университете. В издании 1963 г., в разделе, посвященном правовым вопросам, там указывается: «Разрешена невраждебная пропаганда. Враждебная пропаганда недопустима, когда ее ведут государства или другие субъекты международного права, или их органы, или зависящие от них организации, за которые они отвечают. Как государственное радиовещание, так и независимое по форме, но фактически руководимое государством радиовещание должны поэтому воздерживаться от любой враждебной пропаганды» (Internationales Handbuch für Rundfunk und Fernsehen, Hamburg, 1963, S. E5). Нетрудно заметить, что, согласно этому определению, противоправна значительная часть внешнеполитической пропаганды империалистических держав, включая пропаганду таких организаций, как «Радио Свободная Европа», «Радио Свобода» и т. д.

ды, которые бы пресекли превращение пропаганды в средство создания и обострения конфликтов между нациями»¹.

Вокруг важной проблемы ограничения и запрета внешнеполитической пропаганды, угрожающей интересам мира, таким образом, идет острая борьба. В ходе этой борьбы не социалистические страны, не коммунисты, а империалистические державы выступают противниками ограничений пропаганды, которая служит одним из источников напряженности, одним из препятствий утверждению в отношениях между государствами принципов мирного сосуществования. Попытки реакционных теоретиков оправдать такую позицию империалистических держав, доказать законность подрывной пропаганды, ее методов и средств несостоятельны даже с точки зрения международного права, складывавшегося в условиях господства эксплуататоров, а затем их борьбы с нарождающимся социализмом. Многочисленные факты и свидетельства, на которые уже указывалось, подтверждают, что в существующем праве и традициях международных отношений заложены некоторые основы механизма, который вполне можно было бы использовать для регулирования внешнеполитической пропаганды, как с точки зрения ее содержания, так и методов, с тем чтобы ограничить возможности пропаганды, угрожающей интересам мира, мирному сосуществованию, нормализации международной обстановки. Такова позиция стран социализма, уверенных в силе своих идеологических позиций, готовых на открытую идейную борьбу. Но империалистические круги придерживаются иной позиции, что связано с их стремлением компенсировать свою идейную слабость широким использованием методов «психологической войны», ставших орудием политики агрессии и вмешательства во внутренние дела других народов.

* *

*

Подход социалистических стран, коммунистов к мирному сосуществованию органически включает в себя задачу непримиримой борьбы против буржуазной идео-

¹ «World Rule of Law Booklet Series», p. 620.

логии, и, какое бы развитие ни получили международные отношения, защита своих идей, сохранение их в чистоте и их творческое развитие будет оставаться делом коммунистов.

Между буржуазным и пролетарским мировоззрениями нет и не может быть компромиссов. Частная собственность или общественная, буржуазная демократия или социалистическая, буржуазный индивидуализм или социалистический коллективизм — по этим и другим важным вопросам можно стать только по ту или иную сторону баррикад; среднего не дано. Коммунисты, выдвигая принцип мирного сосуществования, не требуют от буржуазии, чтобы она изменила себе по какому бы то ни было идеологическому вопросу. Но они решительно отвергают всякие попытки вынудить их к такой измене своим идеям и принципам.

Идеологическая бескомпромиссность коммунистов — отнюдь не препятствие в борьбе за мир и дружбу между народами. Наоборот, последовательная, принципиальная и решительная идеологическая борьба — это одно из условий успешной защиты мира. Ибо ее важной и неотъемлемой частью было и остается разоблачение врагов мира, сплочение миллионных масс на борьбу против угрозы новой войны, защита идей мира и дружбы между народами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном мире развернулась невиданная в истории битва за умы людей. Она происходит не только в отдельно взятых странах, но и пронизывает все международные отношения, являясь важной частью борьбы двух общественных систем. Это — одна из характерных особенностей эпохи перехода человечества от капитализма к социализму. Победа социализма, как и всякая смена общественно-экономических формаций, обусловлена объективными законами исторического развития. Но темпы этого процесса во многом зависят от хода идеологической борьбы. Именно в этой борьбе социализм завоевывает на свою сторону миллионные массы трудящихся, делает их сознательными борцами за победу нового общественного строя.

Главное направление современной идеологической борьбы определяется, таким образом, основным противоречием, основным социальным конфликтом современности. Это — столкновение социалистической идеологии и идеологии империалистической буржуазии. Позиции сторон, борющихся на этом осевом направлении идеологических схваток, определяются положением на исторической арене тех классов и общественных систем, которые стоят за обеими идеологиями.

Общий кризис капитализма находит одно из своих выражений в кризисе буржуазной идеологии, потере ею притягательной силы для широких масс во всем мире. Свою идейную слабость монополистическая буржуазия стремится компенсировать совершенствованием методов и организации пропаганды, в частности и в особенности пропаганды внешнеполитической. От этих усилий все в большей степени зависят позиции империализма

в борьбе за умы людей, развернувшейся во всем мире.

Сила идей рабочего класса, социализма в том, что они выражают научное понимание мира и в то же время чаяния и устремления широчайших масс трудящихся. При этом важнейшим идеологическим фактором становится сама практика строительства нового общества — социализма, а затем коммунизма. Чем успешнее оно идет, тем большую притягательную силу приобретают коммунистические идеи. С другой стороны, неудачи и ошибки в деле строительства социализма затрудняют идейное влияние рабочего класса и мирового социализма на трудящиеся массы. В идеологической борьбе, которую ведет социализм, участвуют не только работники идеологического фронта. Решающий вклад вносят в него все трудящиеся Советского Союза, те десятки миллионов рабочих, колхозников, представителей интеллигенции, которые строят новое общество, своим самоотверженным трудом закладывают основы коммунизма. Ибо именно превосходство нового строя во всех областях жизни, превосходство, доказанное на практике, решит в конечном счете исход великой борьбы за умы людей.

Торжество идей марксизма-ленинизма — их осуществление на практике. Социалистический идеал, идеи коммунизма прошли в своем развитии большой исторический путь. У истоков коммунизма стояла мечта — мечта трудящихся о счастливой жизни, о совершенном общественном строе, мечта, уже в далеком прошлом часто принимавшая черты коммунистического идеала: ликвидации имущественных различий, установления общей собственности на средства производства и общего труда. Именно таким на протяжении тысяч лет жил коммунизм в народных сказаниях, легендах, а затем утопиях, сочиненных передовыми мыслителями своего времени и выражавших сокровенные чаяния миллионов трудящихся.

Сто с лишним лет назад коммунизм из мечты превратился в науку — достоверное знание закономерностей жизни и развития общества, ведущих к осуществлению этого идеала, путей борьбы за претворение его в жизнь. Это был научный подвиг Маркса и Энгельса, подвиг, не имеющий себе равных во всей истории человеческой мысли.

На долю наших современников выпало жить в эпоху, когда коммунизм становится реальной действительностью. Советские люди уже сегодня своими делами участвуют в этом историческом повороте. Рука об руку с ними строят новое общество народы других социалистических стран.

Претворение коммунистических идеалов, теории научного коммунизма в жизнь и представляет собой подлинное торжество марксизма-ленинизма, решающую победу в идеологической борьбе с империалистической буржуазией, победу поистине международного значения.

Выше уже говорилось о том, какое значение В. И. Ленин придавал силе примера социализма, видя в ней главную форму помощи социалистических стран революционной борьбе трудящихся в странах капитала.

Такая функция побед социализма в экономическом соревновании с капитализмом, успехов народов социалистических государств в развитии хозяйства, культуры, демократии стала неотъемлемой чертой современного революционного процесса.

Революция всегда обладала способностью стимулировать классовую борьбу в других странах. Это доказывают уже примеры буржуазно-демократических революций — французской революции XVIII века или революции 1848 г. Значительный международный отклик имела революция 1905 г. в России¹. Тем более возрастает стимулирующее воздействие революций на другие страны в нашу эпоху, когда происходит неви-

¹ В. И. Ленин писал: «Если в 1905 году 17-го октября великая первая всенародная стачка была подавлена самодержавием, то она вызвала в Австрии, в Вене и Праге ряд событий, демонстрации рабочих, и вот тогда австрийцы завоевали свое всеобщее избирательное право. Русская революция в 1905 году была подавлена царизмом, но она сделала то, что западноевропейские рабочие верят в великие будущие реформы, т. е. в то, что сейчас происходит» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 302). Международное значение революции 1905 г., впрочем, получает сейчас признание и в буржуазной историографии. Американский историк профессор Мэй, например, пишет, что эта революция оказала глубокое влияние на рабочее и прогрессивное движение в США, где дело даже приняло характер своеобразного «культы России» (Н. Мау. *The End of American Innocence*. N. Y., 1959, p. 243).

данная интернационализация жизни всего человечества. Причем реалистический взгляд на вещи заставляет отнести к силе примера стран социализма не просто как к какому-то дополнительному, добавочному революционному стимулу, а как к специфическому новому элементу классовой борьбы и современного революционного процесса, к такому его фактору, который не может заменить ни «революционная война», ни какие бы то ни было другие средства, предлагаемые «левыми» критиками ленинской генеральной линии коммунистического движения.

Речь идет прежде всего о том, что сила примера стран социализма стала в современную эпоху необходимым средством *внесения в рабочее движение социалистического сознания, его распространения среди широких масс*. А это, как доказал исторический опыт,— важнейшая сторона дела, особенно когда с точки зрения объективных условий переход от капитализма к социализму полностью подготовлен.

В. И. Ленин, как известно, учил, что стихийное рабочее движение может родить лишь идеологию тред-юнионизма, т. е. идеологию, которая в понимании положения рабочих, их целей и путей борьбы не может выйти за рамки защиты непосредственных (прежде всего, экономических) интересов пролетариата. Оставаясь на таком уровне классового сознания, рабочий класс может в лучшем случае добиваться несколько более выгодных условий продажи своей рабочей силы, но никак не ликвидации самой системы наемного рабства и перехода к социализму.

Это справедливо даже для стран, где рабочий класс составляет подавляющее большинство населения и обладает отличной профессиональной организацией,— пример тому Англия, Швеция и ряд других развитых капиталистических стран, в которых тред-юнионистская по своему существу идеология до сих пор господствует в головах большинства рабочих. Это справедливо и для стран, где классовая ненависть пролетариата против угнетателей достигла самого высокого накала. История дает множество примеров, когда недовольство широких масс тяжелыми условиями жизни не находило себе правильного выхода, а то и намеренно использовалось в своих целях реакционерами. Достаточно

вспомнить о «луддитах», искавших выхода в разрушении машин, о русских рабочих, приведенных в 1905 г. к Зимнему дворцу Гапоном, о массах германских трудящихся, обманутых изоцрненной социальной демагогией Гитлера, и т. д.

Такие примеры подтверждают, что из одного недовольства капитализмом, из одной классовой ненависти к угнетателям, порожденной самим капитализмом, борьба за социализм не рождается. Необходимо еще понимание истинных причин бедствий, выпавших на долю трудящихся, положения пролетариата в обществе, его интересов, конечных целей борьбы и путей, которые ведут к этим целям. Другими словами, необходимо социалистическое сознание, которое, как доказал Ленин, должно быть внесено в стихийное движение рабочего класса его сознательным авангардом, его партией.

Это — не одноразовая задача, которая была раз и навсегда решена с созданием марксизма-ленинизма и революционных партий пролетариата. Решать ее приходится постоянно, как в том смысле, что в социалистическом сознании нуждается каждое новое поколение рабочего класса и всех трудящихся, так и в том, что само пролетарское мировоззрение непрерывно развивается в соответствии с развитием общества, науки, действительности.

Было время, когда, решая задачу внесения социалистического сознания в рабочее движение, его авангард — марксистская партия располагала только таким оружием, как социалистический идеал и научная теория, обосновывавшая пути борьбы трудящихся за их конечные цели. С 1917 г., с победой Великой Октябрьской социалистической революции, и в этом отношении началась новая эпоха, когда о социализме трудящиеся капиталистических стран уже судят не только и даже не столько по книгам, по аргументам теории, но и по аргументам практики, по самой действительности стран социализма.

Значение этой перемены трудно переоценить.

Дело здесь не просто в том, что к прежним аргументам в пользу социализма добавились новые. Если бы все сводилось к этому, такими аргументами можно было бы, если обстановка благоприятна и успехи социа-

лизма велики, пользоваться, а если нет, если социалистические страны почему-то переживают трудности — просто оставить их в стороне и, как прежде, полагаться на аргументы теории, апеллировать к социалистическому идеалу.

Но в жизни такой путь оказался закрытым, — независимо от чьих-либо пожеланий, социализм как действительность стало невозможным отрывать от социализма как теории или социального идеала. Само развитие идеологии и теории социализма начало происходить уже под глубоким влиянием того, что происходило в странах, где он начал осуществляться на практике.

В целом это было огромной победой социализма, ибо аргументы практики, особенно когда речь идет о необходимости убедить самые широкие массы, — это наиболее доходчивые, понятные и неопровержимые аргументы. Ленин сразу же после революции увидел, какие широкие новые перспективы открываются в этой связи перед революционным движением во всех странах¹. Отсюда и тот упор, который он делал на всемерное разветвление силы примера социализма.

Но возможность воздействия практикой социалистического строительства в странах, где победил рабочий класс, на классовую борьбу трудящихся в капиталистических государствах, естественно, зависит и от конкретных исторических условий, правильности политики партии и ряда других обстоятельств.

Можно сказать, что в целом условия, в которых началось строительство социализма, не были благоприятными. Это относится, в частности, к России, которая была до революции относительно отсталой в экономическом и культурном отношении страной, к тому же потерпевшей страшные разрушения и жертвы в ходе первой мировой и гражданской войн. При этом международный империализм делал все, чтобы затруднить строительство нового общества в Советской республике — развязал интервенцию, организовал подрывную деятельность внутри страны, окружил ее кольцом экономической блокады. Империалистические державы,

¹ «Если в прежнее время мы пропагандировали общими истинами, — писал В. И. Ленин, — то теперь мы пропагандируем работой. Это — тоже проповедь, но это проповедь действием...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 198).

писал в те дни В. И. Ленин, не дали новому строю, созданному революцией, «возможности сделать сейчас же такой шаг вперед, который бы оправдал предсказания социалистов, который бы дал им возможность с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм, доказать всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития»¹.

Все это не могло не отразиться и на силе примера социализма и долгое время не давало развернуть ее в полной мере. Однако важно подчеркнуть, что, даже несмотря на неблагоприятные объективные условия, воздействие успехов социализма на умы трудящихся во всем мире с самого начала стало важнейшим революционизирующим фактором. Подчас именно из-за того, что условия были столь трудными, такие успехи оказывали особенно разительное влияние на массы. Яркий пример в этом отношении дает история нашей страны, где революция уже с первых дней предоставила трудящимся такие политические и социальные права, о которых только еще мечтали трудящиеся самых богатых и развитых капиталистических стран.

Ликвидация эксплуатации, глубокие социальные преобразования, покончившие с безработицей и кризисами, открывшие трудящимся путь к образованию и культуре, создание новой экономической системы, основанной на планировании и предусматривающей развитие хозяйства в интересах людей труда, а не горстки капиталистов,— все это не только показало, что можно жить без капиталистов, но и указало на несомненные преимущества такого пути.

И тем не менее неблагоприятные условия, в которых началось строительство социализма в Советском Союзе, а после второй мировой войны и во многих других странах социализма, в большинстве своем унаследовавших слаборазвитую экономику, понесших тяжелые жертвы в ходе войны, на протяжении долгого времени все же сковывали влияние силы примера социализма, не давали возможности развернуть ее полностью.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 402.

Нет сомнений, что, хотя рабочий класс, трудящиеся капиталистических государств в своей значительной части и раньше с глубоким сочувствием относились к Советскому Союзу и другим странам социализма, поддерживали их в трудные минуты, далеко не все могли увидеть в реально существовавшей социалистической действительности прообраз того счастливого будущего, перед лицом которого каждый человек труда сказал бы: «Да, за социализм стоит бороться. Я тоже должен участвовать в этой борьбе, ибо построение социализма отвечает моим кровным интересам».

К такому выводу, особенно в условиях, когда буржуазная пропаганда постоянно спекулировала на трудностях социалистического строительства, отравляла сознание масс ложью и клеветой, могли прийти лишь наиболее сознательные представители трудящихся, способные понять явления действительности в их исторической перспективе. Это одна из причин, по которым значительная часть рабочих, стихийно стремившихся к социализму, в странах капитала шла не за коммунистами, а за правыми социалистами.

Не вызывает сомнений тот факт, что сейчас социалистический мир достиг таких рубежей, с которых открываются несравненно более благоприятные возможности наращивания силы примера нового строя, усиления ее воздействия на процесс социально-политической борьбы, идущей в мире.

Решающее значение при этом имеет фронт хозяйственного строительства. Успехи на этом фронте в конечном счете определяют все: экономическое и оборонное могущество социализма, рост благосостояния трудящихся, темпы коммунистических социальных преобразований. Именно поэтому мировое коммунистическое движение придает такое большое значение экономическим победам социализма.

В Документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий, принятом 17 июня 1969 г., подчеркивается: «Вклад мировой системы социализма в общее дело антиимпериалистических сил определяется прежде всего ее растущей экономической мощью. Быстрое развитие народного хозяйства стран социалистической системы, опережающее по своим темпам экономический рост капиталистических государств, выход

социализма на передовые позиции по ряду направлений научно-технического прогресса, открытие Советским Союзом пути в космос — все эти реальные итоги созидательного труда народов социалистических стран в решающей степени содействуют перевесу сил мира, демократии и социализма над империализмом»¹.

Коммунистическая партия Советского Союза, советский народ добились в экономическом соревновании с капитализмом больших успехов. Производство промышленной продукции в Советском Союзе за восемь с половиной лет, с 1960 г. по середину 1969 г., выросло в два с лишним раза, производство сельскохозяйственной продукции поднялось почти на треть, а реальные доходы трудящихся возросли на 43 процента. В результате серьезно сократилась дистанция в области экономики между США и СССР. Если в 1960 г. объем советского промышленного производства составлял 55 процентов от американского, то в 1968 г. эта цифра достигла 70 процентов.

Приведя эти данные на московском Совещании 1969 г., тов. Л. И. Брежнев сказал: «Хотелось бы подчеркнуть, товарищи, что за несомненными успехами, которых добилась страна за последние годы, мы не упускаем из вида и тех недостатков, которые имеются в нашей работе, и стоящих перед нами серьезных проблем»².

Одним из главных участков исторического соревнования между капитализмом и социализмом является широкое развертывание научно-технической революции. В этом отношении Советский Союз добился ряда замечательных успехов — в нашей стране впервые поставили ядерную энергию на службу мирным целям, советский человек первым вышел в космос.

«Но, говоря об этих успехах, — подчеркнул в своем выступлении тов. Л. И. Брежнев, — мы не хотим преуменьшать силы тех, с кем приходится соревноваться на научно-техническом поприще. Борьба здесь предстоит длительная и трудная. И мы исполнены решимости вести ее всерьез, чтобы доказать превосходство со-

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы, стр. 302.

² Там же, стр. 83.

циализма и в этой области. Это отвечает не только интересам строительства коммунизма в нашей стране, но и интересам мирового социализма, интересам всего революционного и освободительного движения»¹.

Империалистические политики и идеологи, надо сказать, хорошо понимают, какое значение для борьбы двух систем имеют экономические успехи социалистических государств.

Уже в начале 60-х годов они начали говорить об этом с нескрываемой тревогой. В качестве примера можно привести свидетельства, содержащиеся в книге «Экономическое отставание в холодной войне — растущая угроза американскому превосходству», написанной группой американских авторов во главе с профессором Колумбийского университета Дж. Хардтом. В ней читатель найдет немало заявлений насчет того, что «советский рост захватил воображение мира», что «СССР сталкивает США с пьедестала превосходства»² и т. д. Но, пожалуй, особенно красноречивы слова, которыми заканчивается книга. Ее авторы пишут: «Мы могли бы перенять старую русскую традицию, восходящую к демократическим институтам Новгорода. Когда этот знаменитый торговый город оказывался в опасности, один из его жителей звонил в колокол... Тогда все население города собиралось на площади и решало, что делать. Сейчас звонит наш колокол, предупреждающий об угрозе. Как же мы ответим на эту угрозу?»³

Нельзя, конечно, сказать, что империализм не ищет такого ответа. Страх, вызванный перспективой поражения в экономическом соревновании с социализмом, понимание социально-экономических и идеологических последствий этого поражения лежат в основе многих мероприятий современной буржуазии. Речь идет прежде всего о том внимании, которое правящие круги США и других капиталистических стран уделяют ускорению научно-технического прогресса, совершенствованию систем управления и организации производства, попыткам планирования и программирования. Речь идет так-

¹ «Международное Совецание коммунистических и рабочих партий», стр. 84.

² J. Hardt. The Cold War Economic Gap; The Increasing Threat to American Supremacy. N. Y., 1961, p. 48.

³ J. Hardt. Op. cit., p. 82.

же об известных уступках рабочему движению, попытках как-то «реформировать» капитализм.

Одновременно империализм старается доступными ему средствами помешать дальнейшим успехам социалистических стран в экономическом соревновании с капитализмом. Однако средства эти становятся все менее эффективными, все чаще приносят больше вреда капиталистическим странам, чем лагерю социализма. Это относится, в частности, к старинному оружию экономической блокады, ограничений в хозяйственных связях и торговле. Социалистический мир сейчас достиг такого уровня экономического развития, при котором подобные ограничения уже не могут нанести ему большого ущерба. А в капиталистической экономике они вызывают дополнительные осложнения.

Гораздо больше трудностей причиняет делу строительства нового общества навязанная капитализмом социалистическим странам гонка вооружений. Вынужденные политикой империалистов расходы на оборону, отвлекая средства, силы и ресурсы, несомненно, замедляют поступательное развитие социалистических стран. Однако сегодня экономическое могущество социализма стало настолько большим, что он, несмотря на расходы на оборону, может быстро двигаться вперед и в мирном строительстве. С другой стороны, в ее нынешних масштабах гонка вооружений становится все более трудно выносимой для хозяйства империалистических стран, порождая одновременно немалые политические трудности для капитализма.

Изменившиеся исторические условия открывают огромные возможности ускорения экономического и научно-технического прогресса социалистических стран. Использование этих возможностей требует, однако, решения многих сложных задач, смелых творческих поисков, высокой ответственности. Из этого и исходят в своей практической деятельности КПСС и другие братские партии, мобилизуя трудящихся на новые свершения, организуя их усилия в борьбе за успешное хозяйственное развитие.

Наряду с экономическими и научно-техническими успехами большое значение в соревновании двух систем, в укреплении силы примера социализма имеют достижения социалистических стран в развитии демо-

кратии и культуры, обеспечении условий для всестороннего развития личности. Этим сторонам развития нового общества коммунистические партии также уделяют растущее внимание.

О тех задачах, которые ставит перед собой советский народ в соревновании двух социальных систем, красноречиво говорит Программа КПСС. В ней изложен широкий план экономического роста, выполнение которого позволит Советскому Союзу выйти на первое место в мире по объему производства, производительности труда и национальному доходу и на этой основе достигнуть уровня жизни более высокого, чем в любой стране капитализма. Параллельно с прогрессом в экономической области Программа КПСС формулирует такие цели, как развитие социалистической демократии, рост образованности и культуры населения и осуществление социальных преобразований, которые ознаменуют собой построение бесклассового коммунистического общества.

Эти достижения будут иметь огромное значение не только для советского народа. В ходе строительства коммунизма в Советском Союзе будет возрастать притягательная сила коммунистических идей. «Когда советский народ будет пользоваться благами коммунизма,— говорится в Программе КПСС,— новые сотни миллионов людей на земле скажут: «Мы за коммунизм!» Не путем войны с другими странами, а примером более совершенной организации общества, расцветом производительных сил, созданием всех условий для счастья и благополучия человека идеи коммунизма завоевывают умы и сердца народных масс»¹.

Серьезный вклад в дальнейшее развертывание революционной силы примера социализма наряду с Советским Союзом вносит и будет вносить каждая социалистическая страна, на какой бы ступени развития нового общества она ни находилась. Это очень важно, поскольку тем самым социализм доказывает, что он несет прогресс всем странам, от самых развитых в экономическом отношении и до тех, которые еще не достигли капиталистической стадии. Нельзя забывать, что страны

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 141.

несоциалистического мира весьма различны по уровню экономического развития, социальному облику и т. д. И для каждой из них наиболее красноречивым и показательным будет, понятно, пример той или тех из социалистических стран, которые начинали строительство нового общества в сходных с нею условиях.

Выход социализма за рамки одной страны, превращение его в мировую систему открывает новые возможности прогресса в экономике и других областях, а значит, и наращивания силы примера также благодаря преимуществам, которые открывают взаимопомощь и сотрудничество, международное разделение труда, кооперация и специализация. Развитие мировой системы социализма дает вместе с тем возможность доказать преимущества нового строя еще в одной решающей области — области межгосударственных отношений, показав пример отношений, основанных на братстве, интернационализме и бескорыстном сотрудничестве.

В нашу эпоху открываются, таким образом, новые благоприятные возможности идеологического воздействия силы примера стран социализма. Их, разумеется, нельзя представлять себе упрощенно, ожидать, что в один прекрасный день, узнав о том, что социализм победил в мирном соревновании с капитализмом, трудящиеся всех стран проголосуют за коммунистов либо выйдут на баррикады, чтобы установить у себя социализм.

Значение успехов социалистических стран в строительстве нового общества сказывается иначе — более сложными, но в конечном счете не менее эффективными путями. Прежде всего, эти успехи, чем дальше, тем больше изолируют антикоммунизм — идеологию и пропаганду, ставшую самым главным духовным оружием монополистического капитала. Они, далее, неуклонно укрепляют позиции авангарда рабочего класса и всех трудящихся — коммунистических партий, расширяют его влияние среди широких масс, увеличивают численность сторонников социализма. И наконец, пример социализма подсказывает трудящимся новые требования и лозунги, создает новые критерии оценки своего положения и в конечном счете оценки социального строя, в условиях которого они живут.

Последнее сказывается повседневно, уже в ходе

борьбы масс за свои непосредственные интересы. Лишь пример социализма показал массам, что безработица и экономические кризисы — это отнюдь не нормальное и неизбежное явление, с которым приходится примириться, а порок капиталистического строя. Такое же влияние имеют и достижения социализма во всех других областях. Отсюда и непрерывно возрастающий объем требований масс, их усиливающийся нажим на капитал. Этот нажим становится настолько большим, что заставляет монополии все чаще идти на уступки.

В этой связи уместно привести слова В. И. Ленина, который, вспоминая лето 1917 г., рассказывая об уступках, на которые после июльских дней вынуждено было пойти Временное правительство, так сформулировал мысли и чувства рядового рабочего: «Мы «их» нажали, «они» не смеют охальничать, как прежде»¹.

Это же произошло, только уже в мировом масштабе, после того, как появилась и начала набирать силу социалистическая система. Буржуазии под угрозой самых серьезных потрясений приходится лавировать, идти на уступки, в том числе на такие, которые два-три десятилетия назад показались бы невероятными. Раздвигаются сами рамки возможных при капитализме реформ, трудящимся многих капиталистических стран удается добиваться существенных социальных и политических завоеваний.

И только сектанты могут думать, будто это подрывает возможности революции. На деле никакие уступки капитала не могут внести «гармонию» в разладившийся социальный организм капитализма. Рост сознательности трудящихся, их боевой опыт, приобретаемый как раз в таких повседневных схватках за частичные требования, все больше затрудняют попытки капитала предотвратить усиление классовой борьбы при помощи таких уступок и отдельных подачек.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к современным программам борьбы рабочего движения капиталистических стран за непосредственные интересы трудящихся. Сегодня в них фигурируют широкие антимонополистические, общедемократические требования: национализации, отвечающей интересам трудя-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 323.

щихся, а не монополий, ограничения всевластия монополий, антикризисных мероприятий, участия рабочих в управлении предприятиями, разностороннего развития отсталых или терпящих бедствие районов страны и т. п. Невиданный объем приобрели (в значительной мере также под влиянием примера социализма) и требования трудящихся в сфере социального обеспечения, развития культуры и — что особенно важно — в политике.

В таких условиях каждая новая уступка монополий рождает новые требования трудящихся, все глубже вовлекает их в борьбу, обучает их и в конечном счете подводит массы вплотную к социалистической революции.

Таким образом, сила примера социализма во многом способствует тому, что складываются новые формы борьбы и открываются ее новые пути. Они особенно важны в связи с тем, что в будущем революционные кризисы отнюдь не обязательно будут складываться в связи с такими тяжелыми, поистине катастрофическими потрясениями капитализма, как мировые войны, — в нашу эпоху открылась возможность предотвратить новую мировую войну, и рабочее движение делает все, чтобы превратить эту возможность в действительность. Ясно, что новые условия революции требуют и новых путей подвода к ней масс, новых форм революционных действий. Их рождение, несомненно, во многом связано именно с возрастающим воздействием социализма на массы трудящихся своими хозяйственными успехами, силой своего примера.

Разумеется, благоприятные возможности революционной борьбы, создаваемые победами социализма в соревновании с капитализмом, — это еще не все. Как они будут использованы, зависит уже от борьбы трудящихся, рабочего класса каждой страны, от усилий и политики компартий. И не только в будущем, но и от их деятельности сейчас, ибо социализм уже сегодня обладает огромной силой примера. Коммунисты хорошо понимают, что для использования этой силы нужна умелая и упорная идеологическая работа, доносящая до масс правду о социализме. Компартии исходят также из того, что без умелой организационной работы сегодня партия не сможет использовать тех возможностей (пусть самых блестящих), которые откроются завтра.

Наконец, каждый коммунист знает, что между успехами социализма и классовой борьбой трудящихся капиталистических стран существует и обратная связь. Чем упорнее эта борьба, чем крепче она связывает империалистов, создавая надежные гарантии мира, тем благоприятнее условия для созидательного труда народов социалистических стран, тем быстрее они претворяют в жизнь свои замечательные планы и программы.

Дух иждивенчества был всегда органически чужд коммунистам. Интернационализм пролетариев строится на той основе, что каждый национальный отряд рабочего класса, каждая коммунистическая партия беззаветно борется за общее дело, вносит в него максимально возможный вклад, не торгуясь, не подсчитывая, что она сможет получить взамен. Ответственность за победу социализма, за торжество коммунистических идей во всем мире лежит не на какой-то одной, избранной партии или избранном народе, а на всем международном рабочем и коммунистическом движении.

Чувством такой глубокой ответственности перед своим народом и одновременно перед международным коммунистическим и рабочим движением, перед историей проникнута вся деятельность КПСС. Такая ответственность стала отличительной чертой деятельности всех марксистско-ленинских партий.

В свете крепнущей тяги к единству, к объединению усилий в борьбе против империализма, за мир, демократию, национальную независимость и социализм особенно неблагоприятную роль играет линия руководства КПК, его раскольническая политика.

Тем более, что речь здесь идет не только об ослаблении единства стран социализма, хотя и это — вопрос огромной важности. Политика пекинских лидеров, по сути дела, открывает широкий простор для спекуляций империалистической пропаганды, нацеленной на подрыв воздействия стран социализма на ход мирового развития. Это исключительно важный, но далеко не единственный вопрос, по которому они допускают отход от ленинизма.

Мао и его приспешники, выдвинув целью систему неверных установок в строительстве социализма, по сути, пошли на извращение самого социалистического и коммунистического идеала. Из их высказываний и их

политической практики вырисовывается совершенно определенный тип общества, который они считают социализмом, но который на деле идет вразрез с важнейшими положениями марксистско-ленинской теории, со всеми теми объективными процессами общественного развития, которые придают победоносный характер научному социализму.

Отстаивая подобный «социализм» в теории и насаждая его на практике, китайские руководители наносят ущерб революционной борьбе трудящихся, объективно помогают империалистам, льют воду на мельницу их пропаганды.

Именно поэтому принципиальный отпор неверным установкам группы Мао Цзэ-дуна рассматривается марксистско-ленинскими партиями как важное условие борьбы за чистоту своей теории, за дело революции, за победу над империализмом. Защита принципиальных позиций по всем вопросам революционной борьбы и социалистического строительства была и остается важной составной частью общей борьбы коммунистических партий за победу их идеалов, против духовного влияния империалистов на массы, т. е. борьбы за создание идейных предпосылок дальнейшего развертывания мирового революционного процесса.

* *
*

В. И. Ленин еще в первые дни Советской власти говорил: «Наша социалистическая республика Советов будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами. Там — драка, война, кровопролитие, жертвы миллионов людей, эксплуатация капитала, здесь — настоящая политика мира и социалистическая республика Советов»¹.

Весь последующий ход событий показал, насколько прав был В. И. Ленин, насколько действенным может быть влияние силы примера социализма. Это одна из важнейших форм помощи социалистическим странам делу революции в других государствах, тем закономерным внутренним процессам, которые ведут к пролетарской революции, к социализму.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 279.

Именно тем, что в своей идеологической борьбе коммунистические партии, социалистические страны делают ставку на объективные социально-экономические процессы, на историческое превосходство нового общественного строя, и объясняется их уверенность в торжестве идей социализма. Идеологическая борьба в международных отношениях, по сути дела, превращается в своего рода «надстройку» над соревнованием двух систем, исход которого может быть лишь один — победа социализма и поражение капитализма.

Такой подход, разумеется, не имеет ничего общего с фатализмом, верой в автоматическую победу идей коммунизма. Коммунистические партии, социалистические страны считают, что идеологическая борьба на международной арене, точно так же как и внутри общества, представляет собой важную самостоятельную форму классовой борьбы, требующую от них и специальных усилий.

Это относится не только к пропаганде успехов социализма, разоблачению антикоммунистической клеветы, с помощью которой империализм пытается подорвать воздействие силы примера нового общества. Речь идет о постоянной, фронтальной борьбе с империалистической идеологией по всем направлениям. Такая борьба стала важной составной частью отношений двух систем на международной арене. И ее не только не исключает, но, напротив, предполагает, отстаиваемая коммунистами концепция мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социальным системам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I.</i> Главные факторы возрастания роли идеологической борьбы в международных отношениях	24
1. Раскол мира на две системы и его идеологические последствия	32
2. Народные массы и внешняя политика	49
3. Рост роли народных масс и современная буржуазия	96
<i>Глава II.</i> Кризис буржуазной идеологии	113
1. Идеиная бедность современной буржуазии	114
2. Антикommунизм — оружие обреченных	140
<i>Глава III.</i> Внешнеполитическая пропаганда современного империализма	167
1. Доктрина и методы внешнеполитической пропаганды империализма	—
2. Аппарат внешнеполитической пропаганды империализма	220
3. Стратегия и тактика империалистической политики и пропаганды	247
<i>Глава IV.</i> Мирное сосуществование и идеологическая борьба	284
Заключение	333

Г. А. Арбатов

**ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА В СОВРЕМЕННЫХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

Редактор О. В. Вадеев

Художник Е. П. Суматохин

Художественный редактор В. И. Терещенко

Технический редактор О. М. Семенова

Сдано в набор 23 июня 1970 г. Подписано в печать
14 августа 1970 г. Формат $84 \times 108\frac{1}{32}$. Бумага типо-
графская № 1. Условн. печ. л. 18,48. Учетно-изд.
л. 18,19. Тираж 30 тыс. экз. А08820. Заказ № 3601.
Цена 1 р. 33 к.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

№ 3372

**ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА В СОВРЕМЕННЫХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

Г.А. АРЕАТОВ